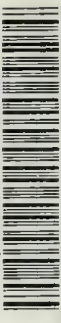
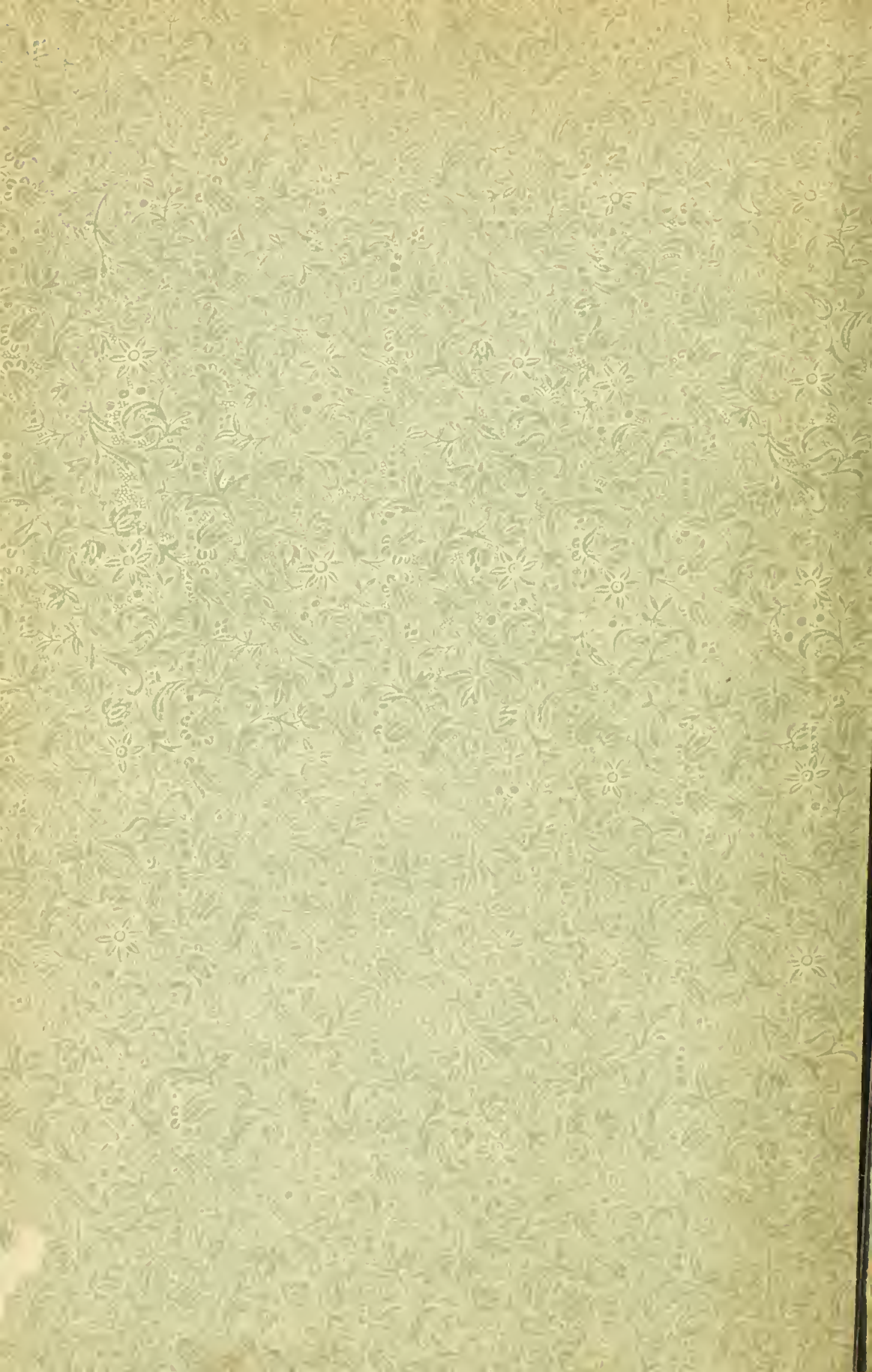
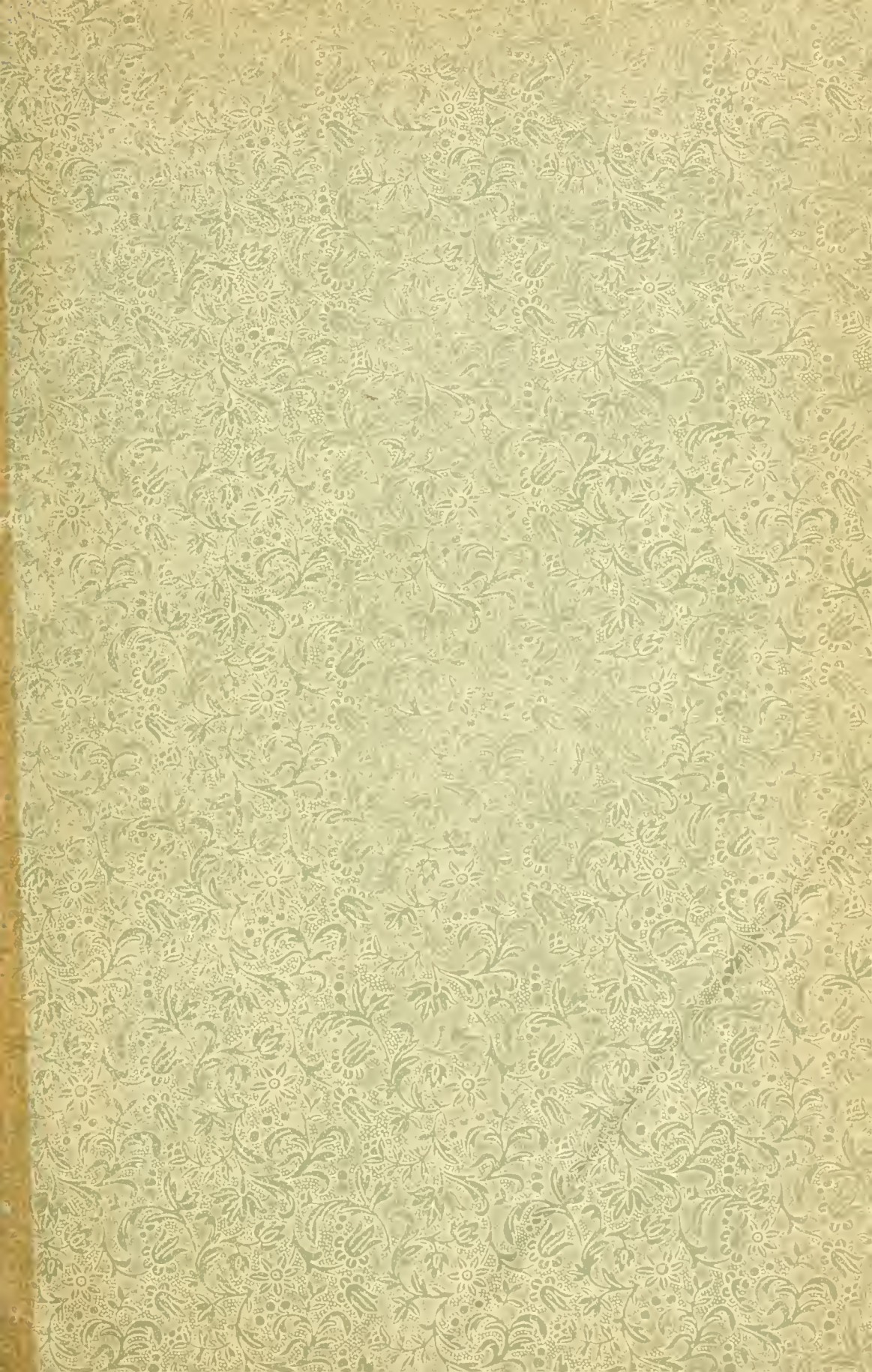

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 0118360 5

23 $\frac{\pi}{7}$

ВЕЛИКОРУССКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

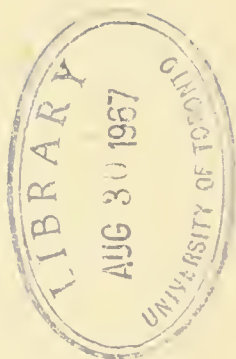
Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1895.

Р-
3113
563
t.1

Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ, принимая къ сердцу нужды русской этнографіи, изволилъ обратить Свое просвѣщенное вниманіе на отсутствіе у насъ большаго и общедоступнаго сборника великорусскихъ народныхъ пѣсень, могущаго удовлетворять требованіямъ науки, и изъявилъ желаніе даровать средства на изданіе подобнаго труда, когда таковой будетъ составленъ мною.

Въ виду этого, выпуская первый томъ „Великорусскихъ народныхъ пѣсень“, я считаю своимъ священнымъ долгомъ, принести Его Императорскому Высочеству глубочайшую благодарность за оказанную мнѣ честь и за довѣріе къ моимъ скромнымъ силамъ.

Профессоръ А. Соболевскій.

Благодаря щедрости Его Императорскаго Высочества, въ виду существованія у насъ большихъ сборниковъ былины, историческихъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ, я рѣшился составить сборникъ тѣхъ великорусскихъ пѣсенъ, которымъ не можетъ быть дано ни одно изъ только что приведенныхъ названій, и которыя также не принадлежатъ къ числу обрядовыхъ (какъ напримѣръ, свадебныя): иначе говоря, я ограничился пѣснями—но обычной терминологіи—низшими эпическими, семейными, любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими, юмористическими и сатирическими.

Печатный пѣсенный матеріалъ, находящійся въ старыхъ «пѣсенникахъ», въ разнаго рода сборникахъ, или уже давно вышедшихъ изъ продажи, или никогда не поступавшихъ въ продажу, въ разнаго рода ученыхъ филологическихъ и музыкальныхъ трудахъ, назначенныхъ лишь для малочисленныхъ специалистовъ, въ разнаго наименованія провинціальныхъ изданійхъ, мало кому извѣстныхъ и еще менѣе доступныхъ, оказался такъ обиленъ и разнообразенъ, а вмѣстѣ такъ мало знакомъ даже людямъ посвятившимъ себя изученію русской народной поэзіи, что мнѣ пришлось отказаться отъ мысли воспользоуаться рукописными матеріалами (кроме впрочемъ нѣсколькихъ рукописныхъ сборниковъ XVIII столѣтія). Такимъ образомъ настоящій сборникъ представляетъ сводъ печатнаго пѣсеннаго матеріала.

сводъ—должно оговориться—неполный, такъ какъ я не призналъ ни полезнымъ, ни удобнымъ перепечатывать матеріалъ изъ изданій новѣйшихъ, пока еще общедоступныхъ (за ничтожными исключеніями) и такъ какъ мнѣ, безъ сомнѣнія, не удалось, при недостаточности существующихъ библиографическихъ пособій, воспользоваться въ подлежащей полнотѣ «губернскими» и вообще провинціальными вѣдомостями. Сверхъ того, я счелъ излишнимъ перепечатывать матеріалъ изъ сборниковъ П. В. Шейпа (кромѣ впрочемъ настоящаго перваго тома), въ виду сообщеннаго мнѣ почтеннымъ собирателемъ намѣренія заняться новымъ изданіемъ своего труда.

При перепечаткѣ пѣсеннаго матеріала я заботился сохранить все варіанты, даже сильно искаженные, даже обрывки, если они представляютъ свои хотя бы мелочныя подробности или по крайней мѣрѣ даютъ указанія на территоріальное распространеніе пѣсни. Затѣмъ я старался удерживать раздѣленіе пѣсенъ на стихи, находящееся въ моихъ источникахъ, такъ какъ оно часто болѣе ясно при пѣніи пѣсенъ, чѣмъ при чтеніи, впрочемъ съ исключеніями, въ виду небрежности или неопытности нѣкоторыхъ собирателей. Но въ томъ, что касается обычныхъ діалектическихъ особенностей, я позволилъ себѣ отступитъ отъ источниковъ. Пѣсенъ, записанныхъ вполнѣ фонетически, въ источникахъ оказалось крайне мало; пѣсенъ, записанныхъ съ кое-какими діалектическими особенностями, проведенными однако безъ послѣдовательности,—больше, но вообще сравнительно немногихъ; огромное большинство пѣсенъ было издано съ обыкновенной нашей орфографіей. Въ виду этого я нашелся вынужденнымъ, сохранивъ вполнѣ словарныя и синтаксическія особенности языка пѣсенъ, а также тѣ діалектическія особенности, которыя важны для правильнаго чтенія пѣсенъ (*у* вмѣсто *в* и на оборотъ, формы творительнаго падежа множественнаго числа на

мъ и т. п.), ввести въ настоящемъ сборникѣ однообразную ореографію.

Подъ каждою пѣснею читатель найдетъ, кромѣ обозначенія источника, изъ котораго взята мною пѣсня, также указанія на изданія, гдѣ эта пѣсня была перепечатана, но я не заботился объ особенной полнотѣ этихъ послѣднихъ.

Первый томъ настоящаго сборника содержитъ въ себѣ низшія эпическія пѣсни; слѣдующіе будутъ заключать въ себѣ пѣсни семейныя: за ними послѣдуютъ томы съ пѣснями любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими; наконецъ, послѣдній томъ составятъ пѣсни юморстическія и сатирическія.

Трудъ по корректированію предлагаемаго тома раздѣлилъ со мною магистрантъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Н. П. Шефферъ.

3 Юля 1895 года.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ №	Стр.
1. Жилъ-былъ молодець единешенекъ	1
2. Жилъ-былъ у батюшки единый сынь	5
3. Ай сидить, сидиць кручиненъ добрый молодець	10
4. Ходилъ молодець изъ орды въ орду	13
5. Женналь мени батюшка неволею	16
6. Какъ бы на солопья не зима бы студеная	22
7. Ходилъ молодець изъ орды въ орду	26
8. Ъздилъ молодець изъ земли въ землю	28
9. Ай дюрди-дюрди да дюрди гетманы	31
10. Женналь мени молодца	32
11. Гулялъ молодець по Украинѣ	34
12. Что гулялъ молодець по Украинѣ	36
13. Молодець у короля на вѣстяхъ служилъ	37
14. Какъ король-еть молодца любилъ-жаловалъ	38
15. Ужь ты, крапива-ли, крапивушка жигучая	39
16. Ой, служилъ же я тремъ, тремъ царямъ	40
17. Вотъ ходилъ ли я, молодчикъ, по чистомъ я полю	40
18. Крапива-крапивушка, крапива стрекучая	41
19. Передрогъ-перезябъ добрый молодець	43
20. Ты, крапива ли, крапива зла-стрекучая	44
21. Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую	45
22. Изшелъ я псею землю спято-русскую	45
23. Не бѣлые-то свѣжочки забѣзалися	47
24. Ой, невола, невола—боярскій дворъ	48
25. Далеко было, далече—въ белокаменной Москвѣ	49
26. По Устрѣтвской большой улицѣ	51
27. И какъ по славномъ было въ городѣ, было въ каменной Москвѣ	53
28. Въ Москвѣ было у князя Волхонскаго	55
29. У славнаго князя у Волхонскаго	57
30. Какъ по городѣ было въ каменной Москвѣ	58
31. Какъ на горкѣ, на горушкѣ	60
32. Какъ у славнаго князя было у Волхонскаго	62
33. Въ Москвѣ было во городѣ, на Свиной было площади	63

№ №	Стр.
34. Что на садовой было улицѣ на Дмитровкѣ	65
35. Какъ на островѣ было на Дмитревскомъ	66
36. Во городѣ было во Питерѣ	67
37. Живеть-поживаетъ	68
38. Какъ поссорился Ванюша	71
39. Далече, подалече было въ каменной Москвѣ	73
40. Ужь на горкѣ возлѣ рѣчки	74
41. Ахъ, былъ я, братцы, во святой Руси	77
42. Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ	79
43. Какъ по-далече, далече,—въ каменной Москвѣ	80
44. Тутъ жилъ-поживалъ господинъ Волховскій князь	81
45. У князя, у князя, у князя Волховскаго	82
46. Ягодка лѣспалъ подъ закрышею цѣбла	83
47. Ты, батюшка нашъ, батюшка	83
48. Во селѣ-то, во селѣ было Измайловѣ	84
49. Время проходить, время летить	85
50. Любила княгиня камеръ-лакея	86
51. Ахъ, нилѣшня зима непогожая была	87
52. Ужь ты, зимушка, зима	88
53. Ужь ты, зимушка, зима	89
54. Несчастная наша доля! никто насъ не любить	91
55. Изъ за барскаго двора	92
56. Изъ холонскихъ воротъ	93
57. Какъ задуга, задела	94
58. Спрошу Ваня у тебя	95
59. Полянка, полянка, дѣвочка моя	97
60. Сбирался князь Михайло	97
61. Вотъ поѣхалъ князь Михайло	99
62. Какъ сбирался князь Михайло	103
63. Какъ сряжался князь Михайло	105
64. Поѣзжаетъ князь Михайло	107
65. Поѣхалъ князь Михайло жениться	109
66. Сбирался князь Михайло	113
67. Какъ поѣхалъ князь Михайло	114
68. Какъ женился князь Михайло	116
69. Какъ поѣхалъ же князь Михайло	117
70. Летѣла пава черезъ улицу	119
71. Одинъ былъ сынъ у отца - матери	120
72. Былъ у батюшки, у матушки одинъ сынъ	121
73. Летѣла пава черезъ три двора	122
74. Что ни злое коренье, то красивое	123
75. Какъ ходилъ-гулялъ добрый молодець ровно три года	124
76. И женился князь во двѣдцать лѣтъ	125
77. Пошелъ же разудалый въ путь-дороженьку	127
78. У князя Володимира	127
79. Злое зелье красивое	129

№ №	Стр.
80. Какъ у насъ было въ воскресенье-день	130
81. Исходила я, молодецъ, день до вечера	131
82. Было у вдовы тридцать три сына	132
83. Во славномъ городѣ во Кіевѣ	134
84. Было у вдовицы тридцать дочерей	135
85. По-край моря, моря синяго	136
86. У вдовицы было у шапцы	138
87. Было у вдовы тридцать три дочери	139
88. Жило-то было девять дочерей	140
89. А князь Романъ жену терялъ	141
90. Какъ князь Романъ жену терялъ	144
91. Ужь какъ князь Романъ тутъ жену терялъ	146
92. Какъ князь Романъ, онъ жену терялъ	148
93. Жилъ князь Романъ, жену терялъ	150
94. Князь Демьянъ жену терялъ	151
95. Жилъ князь Романъ	153
96. Я гляжу, спужу подь окошечкомъ	154
97. Какъ у Душошки, у голубушки	156
98. На степи-то, степи на Саратовской	157
99. Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго	159
100. У колодца у студеного	160
101. Какъ и мужъ-то жену	161
102. Охъ ты, матушка разникая степь Саратовска	162
103. На степи-степи на Саратовской	163
104. Далекохонько степь протянулась	164
105. У колодезя у глубокаго	165
106. Изъ подь камушка изъ подь бѣлаго	166
107. Изъ подь камушка, камня бѣлаго	167
108. У колодчика было у ключеваго	168
109. Какъ у ключика у студеного	169
110. Какъ донской казакъ велъ коня поить	170
111. Какъ донской-то казакъ, казакъ велъ коня поить	171
112. Изъ подь березку изъ подь крутаго	171
113. Изъ подь камушка, камня бѣлаго	172
114. Охъ ты, матушка степь Саратовска	172
115. Какъ на зоренькѣ было	173
116. На зарѣ-то было, на зорюшкѣ	174
117. На зарѣ было, на зорюшкѣ	176
118. Удалой ямщикъ коня поилъ	177
119. У столба-столба попоточенаго	178
120. Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ	179
121. Какъ на морѣ было, морѣ синеемъ	180
122. Скажи, Душошка, скажи, Любушка	180
123. Ходилъ, гулялъ добрый молодецъ	181
124. Одна была пѣсня	182
125. У поротъ Любовь стояла	184

№ №	Стр:
126. У насъ было во новомъ городѣ	185
127. Какъ во городѣ было во Саратовѣ	187
128. На зарѣ было, на зоришкѣ	188
129. Какъ во ельничкѣ, во березничкѣ	189
130. Во лѣсу было въ орѣшникѣ	190
131. Зимунка, зима	190
132. Случилось мнѣ, доброму молодцу	191
133. Старикъ-то мой стародавнѣе	192
134. Стругалъ стружки добрый молодець	192
135. Охъ, да не стружки стружилъ удаць добрый молодець	193
136. Подъ грушею, подъ зеленою	194
137. А ходила я во сыромъ бору	195
138. Вылетала галочка изъ зеленого садика	195
139. Разнегодная дѣвчонка	196
140. Кабы по горамя, горамя, по высокимя горамя	197
141. Какъ по крутому по красному по бережку	198
142. Мила по саду ходила	199
143. Я ходила и гуляла	200
144. Дрань дѣвочка по лужечку гуляла	201
145. Я не къ батюшкѣ нишу и не къ матушкѣ	202
146. Вечоръ по дугу гуляла	204
147. Какъ злодѣюшка, ты, лютаа змѣя	205
148. Снѣтла звѣзда, она передъ мѣсяцемъ	206
149. Гдѣ ты, мой другъ, убираешься	207
150. Я пойду, молодець, съ горя на конюшенъ дворъ	209
151. Мать сыну говорила	209
152. Ужъ ты, горе мое, горе, горе казаково	210
153. Да взойди, взойди, не ясное солище	211
154. Перелелка пташечка	211
155. Ужъ и чей это дѣтишунка	213
156. Вечоръ меня милый цѣлопаль-миловаль	216
157. Что не ястребъ совылался съ перелелушкою	217
158. Какъ у пташки у перелелки	218
159. Канарейка пташечка	220
160. Я жилавъ, бывала въ Казани, выросъ въ Астрахани	221
161. Не сиди, дѣвка, долго вечеромъ	222
162. Я изъ рукъ, изъ ногъ коровать смоцу	223
163. Черезъ рѣчку, черезъ быстру	223
164. У меня ль, у красной дѣвушки	225
165. У лѣсика, у лѣсика у дремучаго	226
166. Какъ пошла наша Параня съ горы на гору гулять	227
167. Пошла наша Параня по студеную водицу	228
168. Какъ пошла наша Параша	229
169. Ходила Параша съ горы на гору гулять	230
170. Жили дѣя жилица	232
171. Какъ спатался-су воръ Яныка	233

№ №	Стр.
172. Бѣднѣхъ Митрій Василевичъ	236
173. Какъ идетъ-то Димитрій князь ко заутренѣ	238
174. Что не стучь-то стучить идолъ по улицѣ	241
175. Какъ спатался Двмитрій князь	243
176. Пеньче Купалы, завтра Иваны	249
177. Во городъ во Бѣградъ случилася бѣда	249
178. Во градъ было Кіевъ	250
179. Жила-была молода вдова	251
180. Какъ у вдовушкы было у вѣшны	254
181. Жила-была тугъ вretchedна вдова	256
182. Уже за моремъ было за свиномъ	258
183. А жила-была да молода вдова	260
184. По-край моря, моря святаго	261
185. Какъ у вдовушки было у вѣшны	263
186. Было у Четочки девять сыновей	264
187. Какъ у вдовушки было девять сыновей	266
188. По-край моря, моря спяга	267
189. Какъ во славномъ было великомъ Повугородъ	268
190. Во городъ во Кіевъ	270
191. Какъ во городъ во Саратовъ	271
192. Какъ у вдовушки было девять сыновъ	273
193. Въ городу-то было во Кіевъ	274
194. На Подоль жила вдова	275
195. Во тихомъ Дону, во тихомъ Дону	276
196. Гостила у насъ гостя дальняя, чужестранная	278
197. Сбирался разбойничекъ во вечеру на разбой	279
198. Пѣз за лѣсу, лѣсу темнаго	279
199. Пѣз за лѣсу, лѣсу темнаго	281
200. Ужъ не я зв, дѣвка, знала	282
201. Не хотѣлося мнѣ, дѣвчонкѣ, за разбойничка замужъ идти	283
202. Приневолзли дѣвчонку	284
203. Захотѣлось красной дѣвкѣ за разбойничка замужъ	285
204. Разбесчастная дѣвчоночка	286
205. Пѣз-подъ лѣсу, лѣсу темнаго	287
206. На Дунаѣ дѣвка мылася	288
207. Государь ты, милый батюшка	288
208. Я по батюшкову дворву хожу	289
209. Не быть мнѣ, молоденькой, за княземъ, за бояриномъ	290
210. Сбирался воръ Ванька разбойничекъ	291
211. Какъ носила меня моя матушка	292
212. Полоса моя, полосонька	292
213. Подъ горою шла	293
214. Ой ты, нашъ батюшка тихій Донъ	295
215. Охъ, Донъ, ты, мой Донушка, тихенькій Денокъ	296
216. На горъ, горъ, полугоръ	296
217. На горъ, горъ	297

№ №	Стр.
218. На горѣ, горѣ было на крутой	299
219. На горѣ, горѣ	300
220. Говорять про Персею	302
221. Во лѣсахъ-то, по лѣсахъ во дремучихъ	303
222. Ты, корчма, корчма	304
223. На горѣ, горѣ, на крутой горѣ	305
224. На горѣ, горѣ стояла корчма	306
225. Ой ты, корчма польская, королевская	306
226. Соловей кукушку подговаривалъ	307
227. Соловей кукушку подговариваетъ	308
228. Соловей кукушку обманывалъ	309
229. Соловей кукушку подговариваетъ	310
230. У колодичка было у холоднаго	310
231. Красна дѣвушка воду черпала	312
232. У колодеца было да у студенаго	313
233. А въ теремѣ, а въ высококъ	314
234. Шли солдатухи слободой	315
235. Шли матросы	316
236. По Питерской дорожкѣ ѣхали обозы	317
237. Шли-прошли обозы	317
238. Какъ по Московской было по дорожкѣ	318
239. Какъ по Питерской было по дорожкѣ	319
240. По дороженькѣ по Московской	319
241. Ой, подъ сосною, подъ кудрявою	320
242. Подъ горою вѣтеръ вѣетъ	320
243. Березкомъ идутъ казанцы	321
244. Передъ нашими вороты	321
245. Во славномъ было городѣ Кронштадѣ	322
246. Не вечерня заря, братцы, пріутухла	324
247. Какъ подъ ливой, подъ липой	325
248. Подъ грушой	327
249. Подъ яблонью зеленою	328
250. Какъ подъ яблоней такой	331
251. Подъ грушицей подъ такой	332
252. У тятеньки, у маменьки	333
253. Во Симбирскомъ городѣ случилася бѣда	335
254. Отецъ на сына прогнѣвался	335
255. Отпущало, отпущало сердце матушкино	336
256. Вы, морозы, морозы, вы, крещенскіе	337
257. Народился въ отца сынъ	337
258. Родимый ты мой брателко	338
259. У отца, у матери	339
260. Когда у насъ была русская воля	341
261. Ай, собиралися матросушки на зеленый лугъ	341
262. Князь Данила ходить	343
263. Поѣхалъ нашъ королевичъ на прогулянице	344

№ №	Стр.
264. Поѣхалъ нашъ королюшка на гулянье	345
265. Какъ поѣхалъ королевичъ на воеваньце	346
266. Поѣхалъ королевичъ на воеваньце	347
267. Поѣхалъ нашъ королевичъ на разгуляньце	348
268. Собирается королюшка на гуляньце	349
269. Король молодой сбирался, королюшка во ину землю	350
270. Поѣхалъ нашъ королевичъ на воеваньце	351
271. Отѣзжаетъ королевичъ на разгуляньце	352
272. Отѣзжаетъ казаченька на разгуляньце	353
273. Военный казаченька по службу пошелъ	353
274. У воротъ сосна раскачалася	354
275. У воротъ сосна раскачалася	355
276. Раскачалася въ бору грушница	356
277. У пороть, у воротичекъ	356
278. Генеральскій сынъ по саду гулялъ	357
279. Созывалъ король во танокъ дѣлокъ	358
280. А Богъ молодца-то не мизуетъ	358
281. Что у насъ въ каменной Москвѣ приупыли	361
282. Что у насъ было на святой Руси	363
283. Когда было молодцу	366
284. Куда тошно мнѣ, куда грустно мнѣ	370
285. Чесалъ милый кудри	371
286. Охъ, матушка, тошно мнѣ	372
287. Чесалъ милый кудерьки	373
288. Любила я сотничка	374
289. Чесалъ казакъ кудерьки, чесалъ казакъ русыл	375
290. Заболитъ голонушка	376
291. Среди-то поля чистаго	378
292. Какъ на горкѣ, ва горѣ	379
293. На горѣ, горѣ	380
294. Пашенька съ маменькой споръ спорили	381
295. Кудрявому деревцу Богъ листу не далъ	382
296. Три года дѣвушка строй строила	383
297. Да три года дѣвушка церковь строила	384
298. Конопля, конопля зеленая моя	385
299. Батюшка съ матушкой споръ сучинилъ	386
300. Чья это келейка новенькая	387
301. Чья это келейка новенькая	387
302. Возлѣ рѣченьки я хожу, молода	387
303. Я по бережку хожу, хожу	389
304. Возлѣ рѣченьки хожу, млада	390
305. Постригись, моя жена немилая	391
306. Постригись, моя немилая	391
307. Возлѣ рѣченьки стою, млада	392
308. Передъ нашими широкими воротами	393
309. На синемъ было на морѣ	394

№ №	Стр.
310. А въ насъ во Псколѣ во приходѣ	395
311. Не извинаясь, мой голубчикъ	396
312. Вечоръ ко мнѣ, дѣвчнкѣ	397
313. Гулай, гулай, дѣвица, у батюшки да ты во саду	398
314. Не летай, не летай	399
315. Не летай-летай, голубчикъ	400
316. Просиася Лизонька	402
317. Поѣхалъ добрый молодецъ	403
318. Душечка молодчикъ	404
319. Первымъ волею мальчикъ шель	405
320. Ахъ ты, мать ли моя, мать	406
321. Не летай-ка ты, да не летай-ка ты	408
322. Не летай же ты, соколь	409
323. На рѣчкѣ на лужечкѣ	410
324. Вдоль во травкѣ, вдоль по муравкѣ	410
325. По крутому по красному по бережку	411
326. Подъ славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангельскомъ	413
327. Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ, печаль мѣсто доброе	414
328. Еще неѣ-то добрые люди пьютъ, гуляютъ	415
329. На рождественской недѣлѣ	416
330. Вы, солдатунки - уланы	416
331. Уланы, вы гдѣ были-побывали	418
332. Вы солдатунки-уланы	419
333. Черезъ рѣчку проходили	421
334. Ужъ какъ шлв, прошал солдаты	422
335. Мимо Москвы проѣзжаемъ	424
336. Ужъ вы молодцы уланы	425
337. Солдатунка-уланы	426
338. Какъ во селѣ, селѣ Покровскомъ	427
339. Закатилось красно солнце	428
340. Закатилось красно солнышко	429
341. Заходился я, добрый молодецъ, загулялся	430
342. Соловей мой, соловей	431
343. Ой, не бѣлая береза зашаталася	431
344. Зашатался я, добрый молодецъ	432
345. Ужъ ты, степь ли моя, степь Моздокская	433
346. Ужъ ты, степь моя, степь, степь Моздокская	434
347. Ужъ ты степь ли ты моя, степь Моздокская	435
348. Ужъ ты, степь наша, степь Саратовска	436
349. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	437
350. Ахъ, палъ туманъ на сине море	437
351. Тамъ за рѣкою, рѣкою разгорается	438
352. Вы, кони мои, коночки, кони мои новые	439
353. Погуляй-ка, добрый молодецъ	440
354. На зарѣ, на зорюшкѣ	441
355. На зарѣ-то было, на зорюшкѣ	442

№ №	Стр.
356. Ахъ вы, горы, горы кругля	443
357. Голопа ль ты моя, головушка	443
358. Какъ доселѣна у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ	444
359. Ахъ ты, поле мое, поле чистое	445
360. Ахъ ты, поле мое, поле чистое	446
361. Ужъ ты, поле мое, поле чистое	447
362. Ахъ вы, горы, горы Воробьевскія	447
363. Ужъ вы, горы мои, горы, горы Ваддаевскія	448
364. Ужъ вы, горы-ли, горы, горы Закубанскія	449
365. Ужъ вы, горы, горы высокія, горы Воробьевскія	450
366. Ой, вы грязи мои, грязи черныя, разосепія	451
367. Ужъ вы, горы мои, горы высокія	452
368. Сидятъ воронъ, сидятъ черныя	453
369. Не туманъ-то съ моря подымается	454
370. А что-то у полѣ да здучить-грючить	455
371. Выйду, выйду я на круту гору	456
372. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	457
373. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	458
374. Былъ я полѣ Дарьей-рѣкой	458
375. Да не стукъ-то стучить, да не громъ греметь	459
376. Не стукъ стучить, не громъ греметь	459
377. Какъ по Питерской по широкой по дорожкѣ	460
378. Край дорожки, край широкаго было Московскою	461
379. Край дорожки, край широкаго было Московскою	462
380. Сяду я, младешенька, подъ окнечко	463
381. Ужъ какъ полѣ туманъ на спие море, на спие море	464
382. Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ волѣ	465
383. Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ	467
384. Заюемте-ка, ребятушки, да мы пѣсно новую	468
385. Ты, поле мое, поле чистое	469
386. Ужъ ты, поле мое, поле чистое	470
387. Ахъ ты, поле мое, поле чистое	470
388. Ужъ ты, поле мое, поле чистое	471
389. Пашп-то поля всѣ украшенныя	472
390. Въ чистомъ волѣ, во полѣ широкомъ	473
391. Ужъ ты, поле мое, поле чистое	473
392. Ужъ вы, горы ли, горушки высокія	474
393. Какъ за рѣчущею за Кубанушкою	475
394. Какъ за рѣчущею за Кубанушкою	475
395. За Кубанью за рѣкою	476
396. За Ураломъ за рѣкой, да тамъ уланичекъ гулялъ	477
397. За Дунаемъ за рѣкой, тамъ казакъ-отъ гулялъ	477
398. За Дунаемъ за рѣкой тамъ казакъ-отъ гулялъ	478
399. Какъ во полѣ могилушка стоять	479
400. Во полѣ, полѣ чистомъ могилушка стоять	480
401. Какъ за рѣченькой за Кубанушкою	482

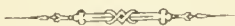
№ №	Стр.
402. За Кубанью за рѣкой	483
403. Печаль-тоска въ ретивомъ сердцѣ	484
404. Шѣту, шѣту у молодца	485
405. Охъ ты, поле мое, поле чистое	486
406. Какъ не пѣ полѣ-то было, было на широкой долинушкѣ	487
407. Тамъ далече въ чистомъ полѣ	487
408. Во чистомъ полѣ	488
409. Подъ окошечкомъ спроточка сидитъ	490
410. Во горахъ было, во горахъ, во горахъ высочихъ	490
411. Во горахъ-то было, горахъ	491
412. Вы, туманы мои, туманушки, разосеніе вы туманы мои	492
413. Ой, да вы, туманы, вы, мои туманушки, туманы мои большіе	493
414. Туманы вы мои, туманушки, туманы вы мои разосеніе	493
415. Туманы, вы туманички	494
416. Подымался туманишки да во глухую полночь	496
417. Что не бѣлая зорюшка	496
418. Какъ и нынѣ доброму молодцу малыжь то мало спалось	497
419. Миѣ малешенько, младу, спалось	498
420. Стоитъ кусть березы	499
421. Что во полѣ было, полѣ	500
422. Что подѣ бѣлою березой гусарь-отъ убитъ	501
423. Какъ на горѣ жито	502
424. Стлала, стлала дѣвчоночка	503
425. Стлала, стлала дѣвчоночка мягкую постелю	504
426. Стлала, стлала дѣвчоночка	505
427. Ждала, ждала красавица	506
428. Улица широка ва низъ подадась	507
429. Шли казаченьки походомъ	508
430. Что пошли наши казаки	509
431. Ужъ мы сядемте, ребятушки, по единый кругъ	510
432. При край было синяго моря	511
433. Какъ за рѣченькою было за быстрою за Утвою	511
434. Какъ за савною за рѣчкой за Утвою	512
435. Какъ за рѣчкою-то было за Утвою	512
436. Ой, промежду Куры-Малку пораспаханное	513
437. Шѣ чернымъ-то черно поле зачерѣлось	514
438. Жиль-быль у батюшки, у матушки единыи сынъ	514
439. У батюшки, у матушки жиль молодець	521
440. И какъ отъ батюшка было отъ умнаго	529
441. Отъ чего ты, горе, зародилось	531
442. Въ воскресеньице матушка замужь отдала	532
443. Онъ ты, горе мое, горе, горе сѣрое	533
444. Куда чѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать	534
445. Охъ, дѣвка, ты, дѣвка красная	535
446. А и горе, горе, гореванье	535
447. Охти горе, тоска-печаль	536

№ №	Стр.
448. Зоренька лсная привечерия	537
449. Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая	537
450. Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая	539
451. Какъ на рѣчкѣ, рѣчкѣ лежала дощечка	539
452. Дѣвка платѣ мыла	541
453. Па рѣкѣ, на рѣчкѣ	542
454. Посажу я кашпунушку на крутъ беребочекъ	543
455. Лелимъ мой, лелимъ	544
456. Лелимъ мой, лелимъ	545
457. Какъ на морѣ, морѣ	546
458. Па морекѣ, морѣ, на морѣ-Овѣянѣ	548
459. Те Богъ на помочѣ, красна дѣвица	549
460. Какъ кувеческа дѣвушка платѣ мыла	551
461. По улицѣ во широкой	552
462. По улицѣ по широкой	552
463. Загадать ли тебѣ, дѣвица, вѣтъ загадокъ	553
464. Какъ во дугу, во лужочку	554
465. Какъ во теремѣ дѣвица дары шила	555
466. Вы, дуга моя, вы, зеленые	555
467. Какъ у моего милого	556
468. Что-то свѣтитъ во всю почку	558
469. По тому-то было морю, морю сипему	558
470. Ой, и дочь къ отцу собралася	559
471. Вы не горкайте, два сизыхъ голуба	560
472. Черезъ рѣченку жердицушка лежала	561
473. Черезъ рѣченку жестяночка лежала	561
474. Черезъ рѣченку жердочка лежала	562
475. Какъ-бы я была голубчикъ	563
476. Съ-нодь ели рѣка прошла	564
477. Тай-тай-аюй, ладо	565
478. Я вечеръ лишь, млада, по торгу ли я была	566
479. Горка ты, горка	566
480. Какъ не ниль-то во чистомъ полѣ заныллалася	567
481. Пе галлчяя сталъ подымалася	568
482. Изъ далеча, далеча изъ чиста поля	569
483. Какъ изъ далеча, далеча изъ чиста поля	569
484. Мы вечеръ, братцы, были пьяны	570
485. Какъ леталъ-то, леталъ сизой орелъ по крутымъ горамъ	572
486. Па батюшкѣ было на Овѣянѣ-морѣ	573
487. Какъ во полѣ загоралася бѣлая ковыла	574
488. Охъ, да отчего-то ли эта бѣлая ковыль, травка	575
489. Загоралася въ чистомъ полѣ копыль-трава	576
490. Пе отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка	577
491. Ты, дубропушка, ты, зеленая	578
492. Какъ изъ далеча, изъ-нодь далеча во чистомъ полѣ	578
493. Пе во дали было, во чистомъ полѣ	580

№ №	Стр.
494. Сколько я, добрый молодец, ибши ни хаживалъ	581
495. Оя ты, поле мое, раздольце	582
496. Протекало теплое море	583
497. Ай, отчего-те зима да зачалася	585
498. И отчего, братцы, зима становилась	590
499. Отчего это, братцы, зима становилась	594
500. Ди-ди-ди-ди, отчего же зима становилась	597
501. Какъ во городъ было во Казани	599
502. Не хмбляюшка по полю гуляеть	600
503. Хмбляюшка по выходамъ гуляеть	601
Сокращенія въ названіяхъ источниковъ	603
Алфавитный списокъ пѣсень	607
Указатель пѣсенныхъ сюжетовъ	619
Указатель собственныхъ именъ въ текстѣ пѣсень	621
Словарь мѣстныхъ словъ	625

ВЕЛИКОРУССКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Жиль-быль молодець единешенекъ;
Охвочь-то былъ молодець
Гулять-загуливать,
Долгіе вечера прохаживать,
Темныя ноченьки проѣзживать
И по зеленымъ по затрестьямъ погуливать;
Стрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Стрѣлялъ онъ сѣроплавныхъ утушекъ.
Женилъ добра молодца батюшка неволею,
Неволею женилъ, неохотою:
Приданого много, человекъ худой!
Приданое большое на градкѣ висить;
Худая жена на кроваткѣ лежитъ;
Куды поплешь, все жену не дождешься;
И отвѣтъ-то подасть—
Въ стѣну головоі отдасть,
И по мосту покатишься,
За порогъ-то руками захватишься.
Дунай, Дунай, Дунай!—на столъ собирай,
И любимая пѣсня: «ѣсть хочется».
И вечеръ я, добренькій молодець, не ужиналъ,
И утромъ всталъ, не позавтракалъ,
Схватился обѣдать,—хлѣба нѣтъ.

И пошелъ молодець пзъ земли въ землю,
И попалъ молодець къ королю въ Литву;
Напялся молодець къ королю на двѣнадцать лѣтъ.
И первый годъ жилъ во конохахъ;
И вина-то горькаго молодець не пивалъ.
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король литовскій много жаловалъ.
И другої годъ жилъ во поварахъ;
И вина-то горькаго молодець не пивалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король литовскій много жаловалъ.
И третій годъ жилъ во ключникахъ;
И вина-то горькаго молодець не пивалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король литовскій много жаловалъ.
Девять лѣтъ жилъ со дочерью,
Со дочерью жилъ королевскою,
Спалъ-то у ней на правой рукѣ,
На правой рукѣ, у бѣлой груди.
И проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Стосковалоя Василью Буслаевичу
По той ему по худой женѣ;
И пошелъ онъ, молодець, отъ дочери королевскія,
Отъ этого короля литовскаго,
И зашелъ-то добрый молодець
Василій Буслаевичъ на царевъ кабакъ,
И выишь-то добрый молодець
Василій Буслаевичъ чару (зелена вина)
И другую выишь чару похмѣльную,
И похвасталъ ей, красною дѣвушкої.
Услыхали то слуги вѣрные,
Связали-то ему ручки бѣлыя,

Сковали-то ему ножки рѣзвья,
Завѣсилл ему очп ясныя,
Повели-то добра молодца на поле на чистое,
На тую на плаху бѣлодубову,
Отрубить ему буйна голова
И придать-то ему смерть напрасная,
Вынуть ему сердце со печеню.
Испроговоритъ добрый молодець,
Добрый молодець Василий Буслаевичъ:
«Ай же вы, королевскіе слуги вѣрные!
Вы ведите меня мимо королевнинь домъ,
Послѣдне мнѣ-ка съ ней проститися,
Послѣдне мнѣ-ка съ ней разставатися!»
Повели удала молодца мимо королевнинь домъ,
Становилл протпву оконъ косявчатыхъ.
Говорилъ Василій таковы слова:
«Ты прощай-ка, дочь королевская!
Меня, добра молодца Василья Буслаевича,
Повели слуги вѣрные на поле на чистое,
На тую на плаху бѣлодубову,
Отрубить мнѣ-ка буйна голова
И придать мнѣ-ка смерть напрасная,
Вынимать-то сердце со печеню!»
Говорила дочь королевская:
«Ай же вы, королевскіе слуги вѣрные!
Вы возьмите съ меня денежекъ пятьсотъ рублей,
Отпустите удала добра молодца
На волю на вольную,
Откройте ему очп ясныя,
Развяжите ему ручки бѣлыя
И раскуйте ему ножки рѣзвья!»
Она взяла, дочь королевская,
Этого удала добра молодца
Во этие покон бѣлодубовы;
На словахъ ему выговаривала:

*

«Ты удаленькій добрый молодець!
Не заїди-тка ты больше на царевъ кабагъ,
Не выпей-ка ты больше чары зелена вина,
Не выней-ка другой похмѣльныя
И не похвастані мної, красной дѣвушкой!»

И пошелъ молодець отъ короля съ Литвы,
И шелъ-то путемъ широкою дороженькой;
И пришло тутъ три розстанн,
Три розстанн пришло любимыхъ:
Первая розстань—къ отцу-матери,
Другая розстань—къ роду-племени,
Третья розстань—къ молодой худой женѣ.
И раздумался удалый-добрый молодець:
«А пойти Василью Буслаевичу къ отцу-матери,—
Отца-матери живыхъ не застать;
Пойти добру молодцу къ роду-племени,—
Роду-племени меня не спознать!»
> Пойду-ка я къ молодой худой женѣ!»
И шелъ добрый молодець Василій Буслаевичъ
Широкимъ путемъ-дороженькой,
Изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
И пришелъ молодець въ свою сторону.

И на улицѣ два вьюнчика свиваются;
И стоитъ-то палата богатырская.
И спросилъ Василій Буслаевичъ:
«Вы чьи два вьюнчика малые,
Чьего вы роду-племени,
Гдѣ у васъ родный батюшка?»
Отвѣчали два вьюнчика малые:
«Ай же ты, нашъ родный дянюшка!
Нѣтъ у насъ роднаго батюшки;
Есть у насъ одна родна маменька;
Ушелъ-то нашъ батюшка къ королю въ Литву.»

Отвѣчалъ же Василій Буслаевичъ:
«Ай же вы, два вьюнчика малые!
Подите, скажите-тка родной матушкѣ:
Пришеть-то вашъ рѣднѣй батюшка!»
Она вышла, молода худà жена,
Увидала добра молодца Василья Буслаевича:
Стоитъ-то на широкой на улицѣ;
Опустлася по ступенямъ по крутымъ,
Захватила удала добра молодца
За этия за рученьки за бѣлыя,
За этия за перстни за злаченые,
Цѣловала въ уста во сахарнїя;
Сама говорила таковы слова:
«Находился, нагулялся удалый добрый молодецъ!»
Туть они стали жить да быть,
Жить да быть, долго здравствовать.

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, ч. II, стр. 239.

2.

Жплъ-быль у батюшки еднѣй сынъ;
Во друкушкѣ былъ у матушки
И во любви былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкою поженить его;
Поженили его отецъ съ матушкою
Не въ простомъ мѣстѣ, а въ богатосмѣ.
«Приданого много,—человѣкъ худой!
А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
Думу думать, долгіе вѣки коротати.
Золотой монисточкѣ лежать во кованомъ ларцу,
А цвѣтну платицу на грядочкѣ и на гвоздикѣ,
А худой женѣ на моеи рукѣ!»

Отдалился, загулялся добрый молодецъ
Въ хоробру Литву къ королевскому величеству,

Задался королевскому величеству на двѣнадцать
лѣтъ;

Зачаль жить-быть, вѣкушку коротати.

Стосковался, сгоревался, шель на царевъ кабакъ

И пилъ впица кабацкаго;

И ударила хмѣлина кабацкая.

Туть-то добрый молодець порасхвастался:

«Король тотъ меня жалуетъ,

Королевна душка красна дѣвушка Аннушка

Во любви меня держитъ у сердечушка.»

> И пригодилися слуги королевскіе,

И доносили такія рѣчи похвальныя,

Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ,

Королевскому величеству.

И воспылался королевское величество

На удалаго дородня добра молодца:

«Слуги вы королевскіе,

Палачи вы немплостливые!

Подите, свяжите ему ручки бѣлыя,

Скуйте ему ножки рѣзвыя,

Закройте очи ясныя черной тафтой,

Сведите его на чисто поле,

На тую на казнь на смертную.»

Шли туть слуги королевскіе,

Связали ему ручки бѣлыя,

Сковали ему ножки рѣзвыя,

Завязали очи ясныя черной тафтой,

И повели его, удалаго дородня добра молодца,

Во чисто поле, на казнь смертную.

Проговорить удалый добрый молодець:

«Ай же вы, слуги королевскіе,

Палачи вы немплѣстливые!

Возьмите у меня денегъ пять рублей,

Ведите мимо палату королевскую,

И мимо тое оконечко косявчато,

Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
Съ душкой красною дѣвушкой
Аннушкой королевичной!»
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо палату королевскую,
И мимо тое окошечко косявчатое.
Кричитъ дородній добрый молодець
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости, душка красна дѣвушка Аннушка!
Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка,
Кинулась въ окошечко по поясу,
Кричала зычнымъ голосомъ:
«Ай же вы, слуги королевскіе,
Палачи вы немилостливые!
Ведите вы его, удала дородня добра молодца,
Въ палату королевскую, въ покои особливые!
Стану добра молодца допрашивать!»
Приводили удалаго дородня добра молодца
Въ палату королевскую, въ покои особливые;
Стала душка красна дѣвушка Аннушка
Его, удалаго дородня добра молодца, допрашивать:
«Скажи, скажи, удаленькій дородній добрый моло-
дець!
Жилъ ты у моего батюшки двѣнадцать лѣтъ—
Вѣрой жилъ, правдой жилъ, не измѣной жилъ;
За что мой батюшка на тебя теперича прогнѣ-
вался?»
Говорилъ удалый дородній добрый молодець:
«Жилъ-былъ у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ—
Вѣрой жилъ, правдой жилъ, не измѣной жилъ.
Стоквался, сгоревался добрый молодець,
Шелъ на царевъ кабакъ
И пилъ вина кабацкаго,
И ударила хмѣлина кабацкая;

Туть-то добрый молодець порасхвастался:
Король меня тотъ жалуетъ;
Королева душка красна дѣвушка Аннушка
Во любви держитъ меня у сердечушка.
И пригодился слуги королевскіе
И доносили такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ,
Королевскому величеству.
И воспылался королевское величество
На удалаго дородня добра молодца;
Приказаль слугамъ своимъ королевскимъ,
Палачамъ немилостливымъ,
Связать его ручки бѣлыя,
Сковать ему ножки рѣзвыя,
Закрѣчь очи ясныя черной тафтой
И свести его на чисто поле,
На тую на казень на смертную.»
Скажетъ душка красная дѣвушка Аннушка:
«Ай же, слуги королевскіе,
Палачи немилостливые!
Возьмите у меня денегъ пятьдесятъ рублей,
Раскуйте ему ножки рѣзвыя,
Развяжите ручки бѣлыя,
Откройте ему очи ясныя,
И спустите его на свою волю,
На свою родину на сторонушку,
Ко свосму къ отцу, ко матери,
> Ко своей женѣ неудачливой!»
И взяли у ней денегъ пятьдесятъ рублей,
Расковали ему ножки рѣзвыя,
Развязали ручки бѣлыя,
Открыли ему очи ясныя
И спустили его на свою волю.
Дала душка красна дѣвушка Аннушка
Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.

И пошелъ дородній добрый молодецъ
На свою родиму на сторонушку.
Во тую пути во дороженькѣ
Проходило три дороженьки:
Первая дорожка къ отцу, къ матери,
И другая дорожка къ роду-племени,
И третья дорожка къ молодой женѣ.
И тутъ-то добрый молодецъ пораздумался:
«Въ котору мнѣ дорожку пойти будѣтъ?
Какъ пойти къ отцу, къ матери,
Отца-матери, можетъ, живаго нѣтъ;
А пойти какъ къ роду-племени,
Не познаетъ родъ-племя любимое.»
Пошелъ дородній добрый молодецъ
Къ молодой женѣ неудачливой.
Въ этой пути во дороженькѣ
Приходила палата бѣлокаменная:
Столбикъ точеные, повыше рукъ золоченые,
Обиты окошечки лисицами, куницами
И дорогими соболями заморекими.
Играетъ на улицѣ два юноша малынхъ.
«Ай же вы, юноши малые!
Есть ли у васъ родима матушка,
Есть ли у васъ родный батюшка?»
Проговорятъ юноши малые:
«Ай же ты, нашъ дядюшка!
Есть у насъ родима матушка,
Осталась отъ батюшки беременна
И принесла насъ двухъ юношей малынхъ.
А нашъ батюшка въ гульбу ушелъ;
Двѣнадцать лѣтъ и слыху нѣтъ.»—
Захватилъ ихъ ручками бѣлыми,
Цѣловалъ въ уста во сахарнія:
«Ай же вы, юноши малые!
Я вамъ не дядюшка,—родный батюшка!

Подите, скажите своей родимой матушкѣ:
Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришелъ!»
Скорешенько бѣжали два юноши молодые:
«Ай же ты, родимая матушка!
Нашъ батюшка съ гульбы пришелъ.»
Бѣжитъ молода жена:
«Ай же ты, милая моя ладушка,
Зрѣвкая сдержавушка!
Поди въ палату бѣлокаменну!
Полно по чужой сторонущкѣ шататся!»

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, ч. I, стр. 436. —
Гильфердингъ, № 97.

3.

Ай сидитъ, сидитъ кручинень добрый молодець,
Да и сидитъ печалень добрый молодець;
Онъ повѣсилъ себю буйную головушку
Да и пониже плечъ своихъ могучихъ.
«Ты чего сидишь печалень, добрый молодець?
Ты чего сидишь кручинень, добрый молодець?»—
—«Еще какъ-то молодцу мнѣ не кручиниться?
Еще какъ-то молодцу мнѣ не печалиться?
Какъ вечеръ-то легъ я, не поужиналъ,
Я утрось-то всталъ да не позавтракалъ,
Пообѣдати схватился,—тамъ и хлѣба нѣтъ.
Поневолили-то мблодца жениться,
Пожешили-то въ деревнѣ у сосѣдушка,
У сосѣда они брали у богатаго,
Да и придашаго-то много,—человѣкъ худой!
Ай приданое виситъ на грядочкѣ,
Да и худая жонка,—та на ручкѣ спитъ.
То мнѣ не съ кѣмъ добру молодцу поглядиться,
Да и не съ кѣмъ добру молодцу полиститься.»
И отъ того-то молодець да во гульбу пошелъ,

Во гульбу пошелъ да во гуляньце.

Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,

Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.

Да пошелъ-то молодець а изъ земли въ землю,

Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,

> И зашелъ-то къ королю къ литовскому,

Да й задался во служеніе къ литовской королевичнѣ;

Да й служилъ у ней двѣнадцать годъ,

А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой-правдою,

Вѣрой-правдой онъ служилъ да не измѣною;

> На кроваткѣ спалъ онъ на тисовую,

Ай на той онъ на перинкѣ на пуховую,

У самой ли-то у ней да на бѣлой груди.

Стосковалось тутъ дородню добру молодцу

По своей-то по родимой по сторонущкѣ;

Онъ доклáдалъ королю литовскому:

«Ай ты, батюшка король литовскій!

Стосковалось по родимой мнѣ сторонущкѣ,

Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на
помѣстьице,

Тамъ не выросло-ль зеленое краппвушко?»

Приказалъ король ему коня сѣдлатъ;

Королевична литовская

Насыпáла-то безчетну золоту казну,

Во шелкóвъ конвертъ да запечатала,

Положила она молодцу въ глубокъ карманъ.

Ай поѣхалъ тутъ дородній добрый молодець.

А еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,

То й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.

Ай то ѣхалъ молодець да изъ орды въ орду,

Да й проѣхалъ молодець онъ изъ земли въ землю;

Приѣзжалъ онъ на отцовско на помѣстьице,

На отцовскомъ да й на помѣстьицѣ,

> То стоитъ худая мала хизинка;

Да ѿ у той ли малої худої хизинки
Ходить малыцхъ два глупыцхъ два выюнышка.
Говорить-то имъ дородній добрый молодець:
«Ай же малые вы глупы выюнышки!
Вы котораго-то дому да коеї семьи?
Еще есть ли то у васъ да отець-матушка?»
Отвѣчалъ ему малы глупы выюнышки:
«Ай ты, дядюшка да и незнаемый!
Столько есть у насъ одна родитель-матушка,
А ѿ то иѣтъ у насъ да родна батюшки.»
Говорилъ-то имъ дородній добрый молодець:
«Ай же малые вы глупы выюнышки!
Ай куды у васъ ушла да родна матушка?»
Говорилъ ему глупы малы выюнышки:
«Ай ушла-то наша родна матушка
На крестьянскую да на работушку,
А и тѣмъ она да насъ воспитываетъ.»
И онъ стоялъ-то вѣдь до поздняго до вечера.
> Тутъ худая-то жена, да жена умная,
Жена умная, многоразумная,
То плеть она съ крестьянской со работушки,
Во правій рукѣ несетъ-то косу вострую,
Во лѣвой рукѣ несетъ-то грабли частыя,
На плечахъ бѣдна горюшица дрова несетъ;
Приходила-то къ худою къ малої хизинкѣ.
Говорить-то ей дородній добрый молодець:
«Ай честная ль ты вдова, аль жена мужняя?»
Отвѣчала-то ему да жена умная,
Жена умная, многоразумная:
«Не вдова-то есть, жена не мужняя,
Сирота я есть да горе-горькая.»
Говорилъ-то ей дородній добрый молодець:
«Не вдова ты есть, да жена мужняя!»—
—«Почему ты меня знаешь, жену мужнюю?»—
—«Потому я знаю жену мужною,

Что съ тобою мы росли да близко-пб-близку,
Да играли мы съ тобою въ шашки въ шахматы
Да во славны во велен во нѣмецкія;
Ай тогда съ тебя я часто ѣзды бралъ...
Подойди-тка ты ко мнѣ да жена умная,
Жена умная, многоразумная,
Положи-тка ты ко мнѣ свои ручки во глубокъ кар-
манъ,
Вынимаі-ка изъ кармана ты шелковъ конвертъ,
Вынимаі конвертъ да распечатываі!»
То худая-то жена, да жена умная,
Жена умная, многоразумная,
Подошла она къ дородно добру мблодцу,
Положила свои ручушки во глубокъ карманъ,
Вынимала-то оттуль она шелковъ конвертъ,
Вынимала-то конвертъ да распечатала,
Находила во конвертѣ свой злаченъ перстень;
А когда они вѣнчались во матушкѣ,
Да и во матушкѣ вѣнчались во Божьей церкви,
> Тогда этимъ они перстнемъ обручались.
И она брала-то за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Цѣловала во уста его сахарнія,
Называла-то себѣ мужемъ любимышмъ.

Олонедкая губернія. Гильфердингъ, № 89.

4.

Ходилъ молодець изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да изъ земли въ землю;
Загулялъ молодець въ землю литовскую,
Къ тому королю литовскому.
Господь молодца помиловаль,
Король молодца пожаловаль,

Принялъ молодца служить конюхомъ.
Три года молодецъ служилъ конюхомъ,—
Пожаловалъ король его ключникомъ.
Три года молодецъ служилъ ключникомъ,—
Еще король его пожаловалъ
Постельникомъ служить у своей дочери,
У этой Елены королевичны.
Служилъ молодецъ тутъ постельникомъ,
Разстилалъ онъ перинушки пуховыя,
Расправлялъ одѣяла соболиныя,
> У Елены былъ да во большой любви,
По времени былъ и на бѣлой груди.
Говорить ему Елена королевична:
«Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Не ходи, молодецъ, въ бесѣду татарскую,
Не пей, молодецъ, зелена вина,
Не расхвастайся Еленой королевичной!»
Въ одну пору, во это времячко
Выходилъ молодецъ прогулятися;
Приходилъ молодецъ во царевъ кабакъ.
Увидали тутъ татаровья-улановья,
Приняли его съ честью, съ радостью,
Брали его за бѣлы руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Напоили молодца они дѣ-пьяна.
Тутъ молодецъ порасхвастался:
«Я три года служилъ во конюхахъ,
Три года служилъ я во ключникахъ,
А теперь служу во постельникахъ.
Постилаю перинушку пуховую,
Расправляю одѣяло соболиное,
А и по времени бываю у Елены на бѣлой груди.»
Тутъ скочили татаровья-улановья,
Брали молодца за желты кудри,
За желты кудри его, за бѣлы руки,

Приводили его къ королю литовскому.

«А вы сведите молодца во чисто поле,

«Отрубите ему да буѣну голову!»

Тутъ взмолился удалый добрый молодець:

«Вы послушайте, татаровья-улановья!

Вы возьмите-тка съ меня золотой казны,

Не ведите-ка меня во чисто поле,

Вы сведите-тка къ Еленѣ королевичнѣ!»

Повели его татаровья-улановья.

Закричалъ молодець да зычнымъ голосомъ:

«Ты прощай, прощай, мой бѣлый свѣтъ,

Прощай, милая Елена королевична!»

Ай услышала Елена королевична,

Бросилась она въ окошечко косивчато,

Въ одной тутъ рубашкѣ безъ пояса;

Сама говорила таково слово:

«Ай же вы, татаровья-улановья!

Вы ведите молодца ко мнѣ на широкъ дворъ,

Вы берите съ меня золотой казны,

Золотой казны сколько надобно!»

А сама стала молодца спрашивать:

«Ты скажи, молодець, не утаивай,

Не утаивай, меня не обманывай,

> Холостъ ли ходишь, плъ женать гуляешь?

Есть ли у тебя, молодець, отецъ и мать,

Есть ли у тебя молодая жена,

Есть ли, молодець, малы дѣточки?»

Испроговорить удалый добрый молодець:

«Есть у меня отецъ и мать,

Есть у молодца молода жена,

Есть у меня малы дѣточки!»—

—«Ты возьми, молодець, золотой казны,

> Да поди, молодець, въ твою сторону.

Ты корми, молодець, отца и мать,

Ты люби свою молодую жену,

А корми, молодецъ, малыхъ дѣточекъ,
Ай не хвастай ты Еленой королевичной!»

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 184.

5.

Женилъ меня батюшка неволюю,
А родна матушка неохотого,
Не у голаго женили,—у богатаго;
Хоть приданаго-то много,—человѣкъ худой!
Размыслилъ удалый своимъ разумомъ:
Приданому висѣть въ клѣтѣ на грядочкѣ,
А золоту монистру лежать въ кованомъ ларицѣ,
А худой-то молодой женѣ—на моей рукѣ,
На моей рукѣ лежать и меня цѣловать...
А тутъ удалу добру молодцу не хочется.
Отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду.
Загулялъ-то удалый къ королю въ Литву,
Сложилъ челобитную
И подаетъ королю литовскому:
«Ай же ты, батюшка король земли литовскія
И королевское величество!
Принимай-ка челобитную и просматривай:
Желаю я, удалый добрый молодецъ,
Служить вѣрою-правдою и безъизмѣнною.»
Взнимаетъ король добра молодца во служеньце,
Кладываетъ добра молодца во конюхи.
Три года служилъ молодецъ во конюхахъ.
Богъ-то молодца милуетъ,
А король молодца крѣпко жалуется:
Вынимаетъ добра молодца съ конюховъ,
А кладываетъ добра молодца во столыпки,
Въ столыпкахъ служилъ онъ три года.
Богъ-то молодца милуетъ,

А король молодца крѣпко жалуетъ:
Вынимасть добра молодца со стольшниковъ,
Кладываетъ удалаго въ чашинки.
Три года служилъ добрый молодецъ во чашникахъ.
Богъ молодца милуетъ,
Король молодца крѣпко жалуетъ.
И приходитъ Елена королевска дочь
Ко своему батюшкѣ во высокъ теремъ:
«Ай же ты, свѣтъ государь мой батюшка,
Король земли литовскія,
Королевское величество!
Нѣтъ у Елены ни чашника, ни стольшника,
И нѣтъ у Елены постельника:
Сама-то я, Елена, стольшничая и чашничая,
И сама-то я, Елена, постельничая.»
Говорить-то батюшка король земли литовскія,
Королевское величество:
«Возьми-ка ты, Елена королевская дочь,
Добра молодца во стольшники, во чашинки,
Во чашинки, хоть во постельники.»
Туть-то Елена королевская дочь
Взимала добра молодца за ручку за правую
И повела въ свои покои во особыя;
И сама-то Елена стала стольшничать,
И сама-то Елена стала чашничать,
И сама-то Елена стала постельничать;
Кормить-пойтъ добра молодца,
Кормить-пойтъ, низко кланяется,
И стелеть перину пуховую
На тую на кровать на тисовую,
И ложить-то удала добра молодца;
Сама-то Елена подлѣ его легла;
Взяли-ухватились будто мужъ съ женой.
Туть удалый добрый молодецъ
Живеть-то съ Еленой ровно три году.

Богъ его милуетъ,
И Елена крѣпко жалуется.
И говоритъ тутъ удалый добрый молодець:
—«Спусти-ка, Елена королевская дочь,
На широку улицу прогулятися!»—
Говоритъ тутъ королевска дочь:
«Ай же ты, удалый добрый молодець незнаемый!
Не ходи-ка ты на широку улицу прогулятися!
Какъ ты зайдешь, удалый, во царевъ кабаць,
Напьешься зелена вина,
Будешь ты, удалый, въ хмѣльномъ разумѣ,
Тутъ ты, удалый, раскуражишься и поразбракнешься
И мною, Еленой, порасхвастаешься:
Тутъ тебѣ, удалому, живу не бывать!»—
—«Ай же ты, Елена королевская дочь!
Не пойду я во царевъ кабаць,
Не стану пить зелена вина,
Запивать медами застоялыми!»
И пустила она добра молодца
На широкую на улицу прогулятися,
И дала удалому пятьдесятъ рублей съ полтишкою.
И пошоль добрый молодець на улицу
Мимо кружала государева;
Не глядитъ удалый на питейный домъ.
Тутъ-то выскакивали женки кабацкія,
Взяли-подхватили добра молодца за бѣлы руки,
Свели-то удалаго во питейный домъ,
И палили чару зелена вина,
И подняли меду сладкаго,
И подносятъ удалу добру молодцу,
Сами низко кланяются:
«Ай же ты, королевскій служитель есть!
Выпей-выкушай чару зелена вина!»
Тутъ-то удалый добрый молодець
Не можетъ отъ нихъ отелышаться.

Наливаютъ другой наконъ пива пьянаго
И подносятъ, низко кланяются;
Наливали въ третій наконъ чару меда сладкаго
И подносятъ, низко кланяются:
«Ты выпей-выкушай меду сладкаго!»
И выпивалъ тутъ онъ чару меду сладкаго;
Тутъ молодца забрала хмѣлпнушка кабацкая,
Тутъ-то добрый молодець раскуражился,
И поразбракался, и Еленой порасхвастался:
«Живу я съ Еленой, будто мужъ съ женой;
Богъ меня милуетъ,
А Елена молодца крѣпко жалуетъ!»
Тутъ услышали королевскіе служители,
Бѣжали, сказали королю литовскому:
«Ай же ты, батюшка король земли литовскія,
Королевское величество!
Твой-то служитель королевскій
Сидитъ въ кабакъ государевомъ,
Пьетъ зелено вино,
Запиваетъ медами застоялыми,
Хвастаетъ прекрасной Еленой королевичшой,
Твоимъ-то королевскимъ величествомъ:
Живу-то я съ Еленой королевичшой, будто мужъ съ
женой;
Богъ меня милуетъ,
А Елена меня крѣпко жалуетъ!»
А тѣи рѣчи королю не къ лицу пришли;
Говорить-то король таково слово:
«Ай же вы, слуги королевскіе!
Подъте скоро на царевъ кабакъ,
Свяжите удалому руки бѣлыя
Во тья пута шелковыя,
И закуйте удалому ноги рѣзвыя
Во тья во желѣза во нѣмецкія,
И сведите на болото на Кулпково,

*

На тую на плаху на липову,
Отрубите ему буйну голову!»
Тутъ-то скоро бѣжали слуги на царевъ кабакъ,
И связали молодцу руки бѣлыя
Во тыя пута шелковыя,
И сковали удалому ноги рѣзвыя
Во тыя желѣза во нѣмецкія,
И повели на болото на Куликово,
На тую на плаху на липову
Рубить молодцу буйну голову.
Тутъ-то удалый говоритъ таково слово:
«Ай же вы, королевскіе служители!
Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Не ведите позади дворца,
А ведите посередь дворца!»
Запѣлъ тутъ удалый нѣсню жалкую:
«Жилъ я у короля двѣнадцать лѣтъ,
Служилъ вѣрой-правдою и безъизмѣнною:
Теперь выжилъ у короля смерть-казнь скорую!»
Услышала прекрасная королевична,
И металась въ окошечко по поясъ,
И говоритъ она таково слово:
«Ай же вы, королевскіе служители!
Не ведите удалаго добра молодца
На болото на Куликово, на плаху на липову,
Не рубите буйной головы,
А ведите къ королевичной на новы сѣни!»—
Тутъ-то королевскіе служители
Отъ ней не отслышались,
Ввели къ королевичной на новы сѣни.
И говоритъ имъ Елена королевична:
«Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Развяжите ему ручки бѣлыя,
Раскуйте удалому ножки рѣзвыя,
Спустите удалаго на свою волю!»—

Туть-то королевскіе служители
Взяли пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Спустили добра молодца на свою волю.
Говоритъ Елена королевская дочь:
«Ай же ты, удалый добрый молодець незнаемый!
Я тебѣ, доброму молодцу, говаривала:
Не ходи на царевъ кабаць,
Не пей зелена вина!
Ты какъ зашелъ на царевъ кабаць,
Напился зелена вина,
Запывалъ медами застоялыми,
Туть-то добрый молодець раскуражился,
И поразбракался и мною, Еленой, порасхвастался,
А вотъ тебѣ же, добру молодцу, живому не бывать!»
И говоритъ Елена королевска дочь:
«Вотъ тебѣ пятьсотъ рублей съ полтинкою!
А поди-тка въ свою сторону,
Ищи отца-матери, роду-племени
И тую худую молодую жену!»
Туть-то удалый добрый молодець
Обиралъ деньги, пятьсотъ рублей съ полтинкою,
И простился съ Еленой королевичной,
И пошелъ-то въ свою сторону,
Искать отца-матери, роду-племени
И тую худу молодую жену.
Придетъ-то удалый къ тремъ дороженькамъ;
Туть-то удалый пораздумался:
«Къ отцу къ матери идти—живыхъ не застать,
Къ роду-племени идти—не спознають-то.
А пойду я къ худой молодой ищѣ,
Можетъ быть, не спознаеть-ли?»
Придетъ-то удалый во деревеньку,
А во деревнѣ теремъ высокъ сведень,
Верхи съ верхами совиваются;
Стоитъ удалый, самъ дивуется:

«Чей это теремъ высоко сведень?»
А бѣгаетъ по улицѣ два мальчихъ выюноша,
Играють щильцомъ-мячомъ;
И говоритъ удалый добрый молодець:
«Ай же вы, ребятка малые выюнухи!
Чей это теремъ высокъ сведень,
Верхи съ верхами совиваются?»—
—«Ай же ты, дядюшка пезнаемый!
Этого-то теремъ нашей матушки;
А у нашей матушки нѣту батюшки:
Двѣнадцать лѣтъ какъ въ гульбу унесель,
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
Ни низкаго челобитыца...»
А онъ говоритъ таково слово:
«Я вамъ—батюшка, съ гульбы пришелъ!»
Туть-то ребята малые выюнухи
Бѣжали во высокъ теремъ,
И сказали своей матушкѣ:
«Свѣтъ ты, наша государыня матушка!
Нашъ-то батюшка съ гульбы пришелъ,
Стоитъ онъ у крылечка перенаго,
Не смѣетъ зайти во высокъ теремъ!»
Выскакивать худая молода жена
Со того со терема високаго,
И опознала своего мужа любезнаго,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Свела его во высокъ теремъ.
Туть-то удалый сталъ жить съ худой молодой женой,
Туть удалому и славу поюгъ.

Олонецкая губернія, Пудожскій уѣздъ. Рыбниковъ, часть III,
стр. 289.

6.

Какъ бы на солонья не зима бы студеная,
Не морозы кренценокіе,

Не леталь бы я, соловей,
По мхамъ, по болотичкамъ,
По частымъ наволокицамъ.
Какъ бы на молодца не служба государева
И не наборы солдатскіе,
Не ходилъ бы я, молодець,
По чужой дальней сторонѣ,
По Свирской украинѣ.

Проходилъ молодець изъ орды въ орду;
Зашелъ молодець къ королю въ Лптву:
«Ты, батюшка король политовскій!
Прими-ка меня въ слуги-рабы, хоть въ конюхи!»
Я во конюхахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ, жаловалъ.
Не идетъ молодець во царевъ кабакъ,
Не пьетъ молодець меду сладкаго,
Не пьетъ молодець шва пьянаго,
Не закусываетъ молодець бѣлымъ сахаромъ.
Пожаловалъ онъ молодца во стольники.
Я во стольникахъ жилъ три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во ключники.
Я во ключникахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ.
Не шелъ молодець во царевъ кабакъ,

Не шилъ молодець меду сладкаго,
Не шилъ молодець пива пьянаго,
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ.

У того короля политовскаго
Была дочь его Настасья Красивая.
Говорила королю политовскому:
«Ты ей, государь родной батюшка!
Ты дай-ка мнѣ молодаго ключника.»
Говорилъ король политовскій:
«Ай же дочь моя Настасья Красивая!
Выбирай себѣ молодаго ключника,
Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
А хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
А хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ.»—
Говорила Настасья королевична:
«Мнѣ не надо ко кровати кроватничка,
Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
Не изъ русскихъ могучихъ богатырей,
Не изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ;
А ты дай ко кровати кроватничка,
Своего дай молодаго ключника.»
Онъ далъ ей молодаго ключника,
Стоять у кровати тесовья,
Постлать-то перна пуховая,
Ей складать круто-складно сголовнице
И натянуть одѣяло соболіное.

Тутъ служилъ молодець цѣло три года.
Тутъ зашелъ молодець во царевъ кабакъ,
И выпилъ молодець меду сладкаго,
И нашлся молодець пива пьянаго;
И зашелъ во кружало королевское,
И тамъ молодець порасхвастался:
«Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
Перво три года служилъ я во конюхахъ,
Друго три года служилъ я во стольникахъ,

Третье три года служилъ я во ключникахъ,
Это три года служилъ я во кроватничкахъ.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ.
Это три года служилъ я у кроватички:
Не сплалъ перинки пуховья,
И не складалъ круто-складное сголовьще,
И не натягалъ соболина одъялышка,
А и спалъ на кровати тесовья
Съ молодой со Настасьей королевичной.»

Тутъ схватили меня, добра молодца,
Донесли королю политовскому;
Приказалъ же король политовскій
Посадить въ тюрьму богадѣльную.
Черезъ три дни-то молодцу рѣшеніе:
Отрубить-то ему буйну голову.
Тые сторожа политовскіе
Повели какъ меня, добра молодца,
Изъ той изъ тюрьмы богадѣльня,
Говорилъ я, удалый добрый молодець:
«Ай вы сї, сторожа политовскіе!
Берите съ меня золотой казны,
Вы столько берите, сколько надобно;
А ведите меня, добра молодца,
Помимо окошко королевично.»
Закричалъ какъ удалый добрый молодець:
«Прости-ка, Настасья королевична!
Ведутъ какъ меня добра молодца
Изъ той тюрьмы богадѣльня
На тую плашку на липову,
Срубить-то мнѣ буйну голову.»
Закричала Настасья королевична:
«Спустите-ка этого молодца,
Возьмите поганого татарина,
Хоть мертвого его, мерзлаго,

Отрубите ему буйну голову,
А донесите королю политовскому,
Что отрублена буйна голова
За его воступки неумильные.
Ай ты ей, удалый добрый молодецъ!
Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
Есть ли у тебя молода жена,
Есть ли у тебя малыя дѣтушки?»
Говорилъ-то удалый добрый молодецъ:
«Что есть у меня въ домѣ отецъ и мать,
И есть у меня молода жена,
И есть у меня малы дѣтушки.»—
—«Ай ты ей же, удалый доброй молодецъ!
Ты бери-ка мои золоты ключи,
Отмыкай-ка мои кованы ларцы,
Бери-ка себѣ золотой казны,
Столько бери, сколько надобно,
Чтобы было твоимъ малымъ дѣтушкамъ.»
Онъ набралъ себѣ золотой казны,
Столько онъ взялъ, сколько надобно.

Тутъ вѣкъ про Настасью старшину поють,
Спешему морю на тишинну,
Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

Озонецкая губернія. Рыбниковъ, часть I, стр. 452. Очень сходная
нѣсен: Рыбниковъ, часть III, стр. 283; Гильфердингъ,
XX 155, 162.

7.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды онъ въ орду, къ королю въ Литву;
Служилъ онъ королю ровно тридцать лѣтъ.
Король молодца любилъ-жаловалъ,
Королевна любила паче короля.
Да онъ сталъ, молодецъ, по пирамъ ходить,

По пирамъ-то ходить сталъ, упиватися,
Королевскимъ-то домою похвалятися,
Королевскимъ-то домою, его дочерью.
А злы палачи, бурзы-гетманы,
Донесли королю они шведскому:
«А батюшка ты ли нашъ, шведской королю!
А есть у тебя съ Руси молодець,
По пирамъ онъ вѣдь ходитъ, упивается,
Королевскимъ твоимъ домою похваляется,
Королевскимъ-то домою, твоей дочерью!»
Король-то на молодца прогнѣвался:
«А вы, злы палачи, бурзы-гетманы!
Отведите молодца во чисто поле,
Да на то ли поле кровавое,
Да на ту ли на плашку на липову,
Отрубите молодцу буйну голову!»
А злы палачи, бурзы-гетманы,
Повели молодца позади дворца.
Да рече молодець таково слово:
«А вы, злы палачи, бурзы-гетманы!
Не водите молодца позади дворца,
А ведите молодца попередъ дворца,
Мимо тотъ-ли-то садъ, мимо зеленый!»
Палачи молодца вѣдь послушали,
Повели молодца попередъ дворца,
Мимо тотъ-ли-то садъ мимо зеленый.
Запѣлъ молодець съ горя иѣсенку:
«А садъ ты мой, садъ ты мой зеленый,
А яблонь ты, яблонь кудреватая!
Приушито вѣдь было, приуѣдено,
Съ королевной-то было пригуляно!
А теперь вѣдь приходитъ смеретка скорая»...
Да услышала прекрасна королевична,
Она по поясъ въ окошко бросалася:
«А вы, злы палачи, бурзы-гетманы!

Не ведите молодца во чисто поле,
По локоть берите золотой казны!»
Палачи королевны не послушали,
Повели молодца во чисто поле,
Да на то-ли-то на поле кровавое,
Да на ту-ли-то на плашку на липову,
Отрубили молодцу буйну голову.
Да скорёшенько королевна сряжалася,
Пришла королевна во чисто поле,
Ко той-ли ко плашкѣ ко липовой;
Брала королевна вострь булатній пожь,
Поставила тупымъ концомъ во сыру землю,
А вострымъ концомъ въ ретиво сердце;
Да погнуло втапоръ двѣ головушки.

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 311.

8.

Вздпль молодець изъ земли въ землю,
Гулялъ удалой изъ орды въ орду.
Загулялъ молодець къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву-де ко прусскому.
Да того молодца-де король во любви держаль;
Да тутъ молодець съ королемъ за однѣмъ столомъ
сидѣль,
Да вѣдь ниль онъ, вѣль съ одной ложечки,
Со одного-де стакацца да водочку кушали.
Того было времени прошло три года,
Да слобился молодець съ королевскою дочерью;
Да ничего-то про это король не вѣдаеть.
Да донесли королю вѣсти нехоронія:
«Ай ты, король земли прусскіе!
Да ты котора молодца во любви держишь,

Да ты съ котрымъ молодцемъ сидишь за однимъ сто-
ломъ,

Да ты пьешь, ѣси да съ одной ложечки,
А съ одного стаканца вино кушаешь, —
Тотъ живетъ молодецъ съ твоей дочерью,
Онъ творитъ любовь вѣдь третій годъ!»
Эти королю были рѣчи не поправились;
Приказалъ вести молодца во чисто поле,
Да на то ли болото Куликово,
Да на то ли мѣсто на лобное,
Да на ту вѣдь на плаху на липову,
Да отрубитъ молодцу буѣину голову.
Повели молодца палачи во чисто поле,
Мимо тѣ вѣдь ведутъ палаты королевскія.
Тутъ взмолился молодецъ палачамъ немилостливымъ:
«Ай, вы братцы, палачи немилостливы!
Не водите молодца вы по задворкамъ,
Да мимо ту ли палату королевскую;
Да вы водите меня молодца по подѣконью,
Да мимо эту спальню-ту теплую,
Гдѣ-ка мы спали съ дѣвицей королевичной!»
Повели молодца по подѣконью,
Да мимо тѣ ли палаты королевскія,
Да мимо эту спальню теплую,
Гдѣ-ка спалъ молодецъ съ дѣвицей королевичной.
Да онъ запѣлъ пѣсню новую,
Да онъ новую пѣсню, хорошную:
«Да хорошо у меня, молодца, было пожито,
Да хорошо было цвѣтное платье изношено,
Да приушито было у молодца, приуѣдено,
Да и въ красиѣ, въ хорошиѣ приухожено,
Да и въ зеленѣ-то саду приугуляно,
Да подъ яблонью на кроваточкѣ было приуспано,
Да и у королевскою дочери
На бѣлой груди было у дѣвицы улѣжано!»

Какъ услыхала дѣвица королевича,
Что повелъ молодца палачи во чисто поле,
Да во то ли болото Куликово,
Да на ту вѣдь на плаху на липову,
Да хотять отрубить ему буйную голову,—
Сама отворяла красно окошко косевчато,
Брала въ руки булатніе вострыя ножичекъ,
Ставила она тупымъ концомъ да во окошечко,
А вострымъ себѣ да въ бѣлу грудь;
Говорила она таково слово:
«Да куда полетѣлъ младъ ясѣнь соколъ,
Да туда полетай-ка, лебѣдушка бѣлая,
Да ты преже летн ясна сокола!»
Тутъ-то она сама себя и зарѣзала...
Да отрубили палачи молодцу буйну голову,
Да донесли королю-де прусскому,
Да дошли ему вѣдь вѣсти нехорошія,
Что его-то любимая дочь сама себя зарѣзала,
Да еще преже дородня добра молодца.
Тутъ говорить-де король таково слово:
«Кабы зналъ я это, вѣдалъ вѣдь,
Что моя любима дочь вѣдь зарѣжется,
Да я бы не приказалъ вести молодца во чисто
поле,
Да на то на болото Куликово,
Да на ту ли на плаху на липову,
Да рубить бы ему буйну голову!
Пусть бы жилъ лучше молодецъ съ моею дочерью,
Да пусть бы жилъ-де вѣкъ да и по вѣку!
Теперь я весь потерялъ бѣлый свѣтъ изъ ясныхъ
очей—
Я лишился милой дочери любимые!»

9.

Ай дюрди-дюрди да дюрди гетманы!
Заиграль молодець изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да къ королю въ Литву.
Ай полонилъ молодца да тутъ шведской король,
Ай король, король да король батюшка.
Привели молодца да на конюшеньку,
А на ту ли на конюшню на дубовую;
А запѣлъ молодець да пѣсни царскія,
Пѣсни царскія, пѣсни умильнія.
А услышала королевна пѣсни царскія,
А пришла къ нему да на конюшеньку,
А на ту ли на конюшню на дубовую;
Она стала съ молодцомъ да въ шахматы играть.
Онъ игралъ, сыгралъ да ее обыгралъ,
Онъ другой игралъ да ее обыгралъ,
Онъ третей игралъ да ее обыгралъ,
Онъ третей игралъ да и на верхъ полѣзь.
Увидѣли палачи да бурзы гетманы,
Донесли королю да вѣдь таковы рѣчи.
У его разгорѣлось ретиво сердце,
У его раскипѣлась кровь горячая:
«Ай вы, палачи, палачи да бурзы-гетманы!
Вы возьмите молодца да за желты кудри,
Поведите молодца да во чисто поле,
А во то ли во поле во Куликово,
А на ту ли плашку вы на липову,
Отрубите молодцу вы буйну голову!»
Повели молодца да во чисто поле,
Повели молодца да поперекъ дворца;
А запѣлъ молодець да пѣсню новую,
Пѣсню новую запѣлъ да все умильною:
«Ай съ королевной было приупито, приуѣдено,

Ай съ королевной было приулежано!»
Ахъ, услышала королевна пѣсню новую,
А бросалася да вѣдь по-плечъ въ окно:
«Ай вы, ай вы, палачи да бурзы-гетманы!
Не ведите молодца да во чпсто поле,
Не рубите молодцу да буйной головы,
Ай берите вы казны да сколько надобно!»
А повели молодца да во чпсто поле,
Отрубили молодцу да буйну голову.
А какъ тутъ она да воскинѣлася,
Ея сердце разгорѣлося,
Обвернулася она да лебедью бѣлою,
А брала съ собою ножички булатніе,
Прилетѣла она въ поле Куликово,
А ко той ко плаинкѣ ко липовой;
Она ставила ножички булатніе
А тупымъ концомъ да во сыру землю
Вылетала сама да высокошенько,
Говорила рѣчь да помалешенько:
«А гдѣ палъ какъ вѣдь сѣрый гусь,
А нади тутъ лебедь бѣлая!»

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 314

10.

Женили меня, молодца,
Не у голаго женили, у богатаго;
А приданого-то много,—человѣкъ худой!
Цвѣтное портишечко на грядочкѣ внести,
А худая женишка на ручкѣ лежить!

Пошелъ, пошелъ удалый добрый молодець
Отъ худой жены да неудачливой
Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву.

Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
Самъ королю да во служеніе дается.
Первыхъ три года да онъ жилъ во конюхахъ,
А друго три года онъ жилъ да вѣдь во ключникахъ,
А третье три года онъ жилъ да во постельникахъ,
А четвертыхъ три года онъ жилъ да вѣдь во спальни-
кахъ.

Жиль-то онъ съ королевичною
Быдто братъ съ сестрой да быдто мужъ съ женой.
Черезъ двѣнадцать лѣтъ ему да захотѣлося
Съ отцемъ да съ матушкой да повидатися,
Со худой женой да неудачливой.
Онъ пошелъ, пошелъ да добрый молодецъ,
Онъ зашелъ да во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмку, выпилъ двѣ,
Самъ онъ порасплакался,
Порасплакался да порасхвастался:
«Ужъ какъ жилъ я у короля въ Литвѣ,
У короля въ Литвѣ да съ королевичной;
Первыхъ три года я жилъ да вѣдь во конюхахъ,
Другихъ три года я жилъ да вѣдь во ключникахъ,
Третьи три года я жилъ да вѣдь въ постельникахъ,
Четверто три года я жилъ да вѣдь во спальникахъ;
Жиль-то я со королевичной
Быдто братъ съ сестрой да быдто мужъ съ женой.»
Тутъ случилсъ палачи да немилостливы,
Тутъ схватили добра молодца скорешенько;
Рѣзвы поженьки сковали,
Бѣлы рученьки связали,
Буйну голову тряпкой завязали,
Повели его да къ королю въ Литву,
За его рѣчи за неумныя,
За басни перазумныя.
И ведутъ-то его мимо королевскій дворъ.
Онъ смолнлся палачамъ да немилостливымъ:

«Вы не ведите-тка меня къ королю на дворъ,
А вы ведите-тка меня да къ королевичнѣ.»
Увидала тутъ королевична:
Идутъ-то палачи да немилостливы;
Она бросилась во окно да вѣдь по поясу,
Она кричала жалкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, палачи да палачи вы немилостливы!
Вы не водите-тка да моего слугу,
Моего слугу на королевскій дворъ,
А вы лучше-то возьмите какого ни пьянюшечку;
Ужъ я дамъ вамъ много злата, много серебра!»
Палачи тутъ смилосердились,
Слугу къ ней отпускають,
А пьянюшку-то къ себѣ имають,
Бѣлы ручепьки связали,
Рѣзвы ноженьки сковали,
И всѣ тѣ хвасты королю-то рассказали;
Отѣкли ему буйную голову.
А королева своего слугу вѣрнаго
Накормила, напоила и въ отлично платье снарядила,
Въ путь-дорожку отпустила,
Отъ смерти свободила.

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 117.

II.

Уляль молодець по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Загуляль молодець къ королю въ Литву.
Король молодца любилъ-жаловалъ;
Королева не могла наглядѣться
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ молодець ушватися,
Буйными словесами похвалятися:

«Ужъ попито, братцы, поѣдено,
Въ краснѣ, въ хорошѣ поожено,
Съ одного плеча платья поношено,
Королеву за ручку повожено,
Съ королевной на перинуикѣ полежано!»
Ужъ какъ злы-лихи на молодца своя братья;
Доносили на молодца самому королю:
«Ты гои еси, нашъ батюшка грозный король!
Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:

➤ Живеть королевна съ добрымъ молодцемъ.»

Король на молодца вдругъ прогнѣвался;
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:

«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные?

Вы возьмите удалаго добра молодца,

Посадите его въ темну темницу,

А сами подите во чисто поле,

Вы роите двѣ ямы глубокия,

И вы ставьте два столбичка высокіе,

Перекладинку положите кленовую,

Вы петельку повѣсьте шелковую,

Поведите удалаго добра молодца!

Не водите вы его вдоль по улицѣ,

Поведите вы его позади дворца,

Не увидѣла бы королевична.»

На первую ступень ступилъ молодець:

«Прости, прости, мой отецъ и мать!»

На другу ступень ступилъ молодець:

«Прости, прости, весь родъ-племя!»

На третью ступень ступилъ молодець:

«Прости, мой свѣтъ королевична!»

Далеко королевна голосъ слышала,

Бѣжала во свой во высокъ теремъ,

Брала она свои золоты ключи,

Отшпирала шкатулку серебряну,

Вынимала два ножичка буматные,

Порола свои груди бѣлыя,
Молодецъ въ чистомъ полѣ качается,
Королевична на поженькахъ кончается.
Пришелъ къ ней скоро родной батюшка;
Не успѣлъ король лише возрети, —
Увидѣлъ убиту королевичну;
И онъ билъ свои руки о дубовый столъ:
«Ахъ, свѣтъ ты моя дочь любезная,
Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
Что жила во любви съ добрымъ молодецмъ?
Ужъ я бы добраго молодца пожаловалъ,
Отъ смерти бѣ добра молодца помиловалъ!»
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ есть ли у меня слуги вѣрные?
Пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
Рубили бы головы допосщкамъ,
Кто доносилъ на королевичну!»

Иѣсенникъ 1780 года, ч. III, стр. 60; Иѣсенникъ 1810 года,
стр. 261 («темничная»); Кирѣевскій, вын. V, стр. 175.

12.

Что гулялъ молодецъ по Украинѣ,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.
Онъ служилъ королю вѣрой-правдою,
Онъ въ-очью, за-очью неизмѣнною.
Что король молодца любилъ, жаловалъ;
Королева любила паче короля,
Пилъ, ѣли съ королевой съ одного блюда,
Цвѣтно платице носили одные нарчи.
Загулялъ молодецъ во трактирный домъ.
Еще пьетъ молодецъ зелено вино,
Запиваетъ молодецъ пивомъ пьянымъ,
Заѣдаетъ молодецъ бѣлымъ сахаремъ.
Во хмѣлю онъ, добрый молодецъ, похналяется:

«Я живу съ королевной красной дѣвнцей;
Пили, ѣли съ королевной съ одного блюда,
Цвѣтное платьеице носили одные парчи!»
Еще лихи на молодца друзья-братья;
Они скоро донесли самому королю.
Что король на добра молодца проигѣвался,
Посадилъ добра молодца во темницу,
Еще призывалъ два плотничныхъ мастера:
«Вы подите во далече чисто поле,
Вы поставьте два столбичка дубовые,
Перекладнику кладите вы кленовую,
Вы вяжите двѣ петельки шелковыя,
Вы ведите добра молодца во чисто поле!»
Добрый молодецъ во петелькѣ качается,
Королевна скорой смертію кончается.

Рукописный сборникъ XVIII вѣка (Публ. Библ. О. XIV,
№ 11), № 91 (каждый стихъ повторяется); Курѣвскій,
вып. V, стр. 174.

13.

Молодецъ у короля на вѣстяхъ служилъ;
Что король-то его любилъ-жаловалъ,
Королевна его при себѣ держала.
Еще сталъ молодецъ униватися,
При хмѣлю удалой похвалятися:
«Много было хожено, погуляно,
И въ краснѣ въ хорошѣ похожено,
Много красныхъ дѣвушекъ цѣловано!
Поцѣлована дочь прекрасная,
Дочь прекрасная королевская!»
За досаду королю показалось,
За досадушку такую за великую;
Закричалъ тутъ король на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные,

Слуги вѣрные и непзмѣнные!
Вы подите далече въ чисто поле,
Ужъ вы ройте ямы глубокия,
Становите столбы дубовые,
Перекладнику кладите кленовую,
Вы повѣсьте петли шелковыя,
Вы повѣсьте добра молодца!»
Молодецъ палачамъ по рублю сулить:
«Не ведите меня позадь горницы,
Поведите меня вдоль по улицѣ,
Чтобъ увидѣла дочь прекрасная,
Дочь прекрасная королевична!»
Попросилася дочь у батюшки:
«Ты пусти, пусти, родный батюшка,
Молодецкой смерти поглядѣти!»
Молодецъ на петляхъ качается;
Королевна подъ релью кончается.

Новгородъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 164.

14.

Какъ король-еть молодца любилъ-жаловаль,
Съ одного плеча платьице нашиваль.
Ужъ и сталъ молодецъ пьянъ упиватися,
Во хмѣлю сталъ молодецъ похвалятися:
«Ужъ и то-то попито, братцы, погуляно,
Въ хорошствѣ-то, въ краснѣ много хожепо,
Что на мягкихъ перинахъ много лежано,
Королевну за ручку много держано!»
Допесли-то на молодца своя братья.
Какъ король-еть на молодца прогнѣвался,
Закричалъ король громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги, вы, слуги мои вѣрные!
Вы подите далече во чисто поле,

Ужъ вы выройте двѣ ямушки глыбокія,
Становите вы релюшки высокія,
Поведите молодца казнить-вѣшати!
Не водите молодца впереди моего дворца,
Поведите молодца позади моего дворца.»
Молодецъ солдатъ по рублю дарилъ:
—«Поведите молодца, впереди меня дворца!»
Какъ увидѣла молодца королева изъ окна,
Закричала королева громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты, батюшка сударь мой, пусти меня гулять,
Да двѣ ямушки глыбокія посмотри!»
Какъ пошла королева въ чисто поле гулять,
Да двѣ ямушки глыбокія посмотри;
Молодецъ-отъ на релюшкахъ качается;
Королева подъ релями скончалася.

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 163.

15.

Ужъ ты, крапива ли, крапивушка жигучая!
У тебя сѣмечка, крапивушка, стрекучія!
Жилъ я, былъ я, молодецъ, у короля въ Литвѣ,
Загулялъ я, молодецъ, къ королю во дворецъ.
Королева дочь со молодцомъ во любви жила.
И сталъ добрый молодецъ упиватся,
Во хмѣлю-то сталъ удалый похвалятися:
«Что вечеръ-то я, братцы, на сѣняхъ былъ,
Цѣловаль я, миловаль королеву дочь!»
Тутъ лиха была на молодца своя братья;
> Доносили эти рѣчи королю въ уши.
Что на эти-то рѣчи онъ прогнѣвался.
Закричалъ же нашъ король громкимъ голосомъ:
«Вы слуги ли мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы конайте-ка двѣ ямы, двѣ глыбокія,

Ставьте-ка вы два столба, два высокие,
Перекладнику кладите вы дубовую,
Повесьте-ка вы петельку шелковую,
Потребите вы Ваюшу прелестника!»

Вологодскій уѣздъ. Пиваицкіѣ, стр. 320.

16.

Ои служилъ же я тремъ, тремъ царямъ,
Да служилъ же по семи годовъ;
Какъ четвертому королю прусскому
Да служилъ же я ровно девять лѣтъ.
Какъ составилось моеѣ службицы,
Да всеѣ было ровно тридцать лѣтъ.
Какъ за то меня король прусскій,
За то меня любилъ-жаловалъ.
Какъ и вышла на меня, добра молодца,
Вышла на меня напраслина:
Какъ и будто я, добрый молодецъ,
Полубилъ и я королевскую дочь.
Какъ за то меня, добра молодца,
Король со двора прогналъ...

Терская область. Сборникъ для описанія Кавказа,
вып. III, стр. 86.

17.

Вотъ ходилъ ли я, молодецъ, по чистомъ я полю,
Я билъ, я побивалъ, я гусей-лебедей,
Застрѣлилъ ли я, удалый, сизаго голубя...
Опоздалъ ли я, молодецъ, идтить-ѣхати:
Весму городу воротички были заперты,
Караульнички молоденьки, они крѣпко снятъ.
Что одна ли не спала ли красная дѣвушка,

Она такая Перекраса королевична.
Вынимала изъ комода золоты ключи,
Успущала добра молодца, все наказывала:
«Ты дворомъ иди, молодчикъ, не закашляйся,
Къ новымъ сѣнямъ подходи, не застукайся!
Не услышалъ бы родимый сударь батюшка,
Не сказалъ бы онъ родимой моеи матушкѣ!
Ты на утрѣ жъ ли, молодчикъ, не упейся пьянъ,
Во хмѣлю-то, разудалый, не похвастайся!»
Какъ на утрѣ-то молодецъ напивался пьянъ,
Во хмѣлю-то разудалый похваляться сталъ:
Какъ вечеръ ли я, молодчикъ, у гостяхъ гостилъ,
Я въ такой ли Перекрасы королевичны!»
Что по утру про удалаго дозналися.
Призывалъ король молодчика во палатушки:
«Ты скажи, скажи, молодчикъ, гдѣ въ гостяхъ
гостилъ?»

Я за то тебя, удалаго, пожалую,
Я пожалую молодчика все палатушками,
Вотъ такими ли палатами—на двухъ столбахъ,
Я построю тебѣ релюшки точенья,
Я повѣшу тебѣ петельку шелковую!»
Ужъ какъ добрый молодецъ сталъ качатися;
Перекраса во саду стала кончатися.

Кирѣевскій, выш. V, стр. 169.

13.

Крапива-крапивушка, крапива стрекучая,
Одолѣла крапивушка поле чистое!
Охочъ былъ молодецъ по полямъ ѣздить,
Онъ охочъ былъ стрѣлять гусей, лебедей;
Опоздалъ же молодецъ домой ѣхати.
Въ чистомъ въ полѣ было три дороженьки:

Первая дорога—къ отцу къ матери,
Вторая дорога—къ роду къ племени,
Третья—къ своему городу.
Въ городѣ ворота были заперты,
У воротъ караульщики крѣпко снятъ да не проб-
нута...

Выходила королева на ново крыльцо,
Отпирала королева городскія воротички,
Она впускала удалаго добраго молодца:
«Ты пди со мной полегонечку,
Говори со мной потихонечку!»
Королева на утро стала спрашивать:
«Ужъ ты, дочь моя, дочь любимая!
Ужъ съ кѣмъ же ты нынче почью разговаривала?»
—«Ужъ ты, милая моя мать родимая!
Нынче почью мало мнѣ спалось,
Мало мнѣ спалось, во снѣ много видѣлось:
Будто ты, моя мать, во гробу лежишь,
Предъ тобою стоятъ попы, дьяконы.
Они поютъ память вѣчную.»
У стола, стола государева
Служилъ добрый молодець.
Добрый молодець хмѣлень напивается,
Во хмѣлю королевской дочерию похваляется:
«Ужъ я спалъ-почивалъ съ королевской дочерию
На одной кровати!»
Были люди донощики
Доносили самому королю.
Какъ вскричить король громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы подите, приведите добраго молодца!»
Сталъ король у него спрашивать:
«Сколько же ты жилъ съ моею дочерию?»
—«Я не мало, не много, ровно три года.»
Какъ вскричалъ король громкимъ голосомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы подите въ чисто поле,
Копайте двѣ ямы глубокиа,
Становите два столба еловые,
Кладите перекладны дубовыя,
Вѣшайте петельку шелковую,
Вы возьмите-приведите добраго молодца!
Не ведите молодца переди дворца,
Вы ведите молодца позади дворца!»
Молодецъ въ петелькѣ качается;
Королевская дочь въ терему кончается.

Кириѣвскій, вып. V, стр. 170.

19.

Средрогъ-перезябъ добрый молодець,
За стѣною стоячи бѣлокаменной,
Красну дѣвицу дожидаячи,
Что прекрасную Елену, дочь королевскую.
Что со сна-то пробуждалася красная дѣвица,
Что прекрасная Елепа, дочь королевская;
Она брала со столику золотые ключи,
Она пошла къ широкимъ воротамъ желѣзнымъ,
Отпирала ворота желѣзныя,
Принимала молодца за бѣлыя руки,
Вела его во высокъ теремъ,
Вела да приказывала:
«Ты иди, мой миленькій, потихонечку,
Говори, миль-сердечный другъ, полегонечку,
Чтобы не слышали наши солдаты
И все наши караульщики,
Не пробуди со сна мою матушку!»
Какъ со сна-то ея матушка просыпалася:
«Ты дитѣ ль мое, дитятко,

Ты дитё ль мое, чадо милое,
Ты прекрасная Елена, дочь королевская!
Ты кого называешь милымъ,
Ты кого величаешь: миль-сердечный другъ?»
— «Ахъ, государыня моя матушка!
Не хоронитъ-то мнѣ сонъ видѣлся:
Будто ты, моя матушка, переставилася,
Надъ тобою горять свѣчи воску яраго,
Надъ тобою поютъ все поны, дьяконы;
Я тебя называла милымъ,
Я тебя величала: миль-сердечный другъ!»

Симбирская губернія, Сызрацкій уѣздъ. Кирѣевскій, выш. V,
стр. 173.

20.

Ты, крапива ли, крапива зла-стрекучая,
Одолѣла ты, крапива, поле чистое,
Что ни кошому, ни пѣшему пройтити нельзя,
Что ни мнѣ ли, доброму молодцу, проѣхать!
Проходилъ тутъ, проѣзжалъ удалъ добрый молодець,
Что во тѣ ли во снѣга-снѣга глубокиѣ,
Это въ тѣ ли во морозы въ крещенскіе.
Загуляю я, молодѣць, къ королю въ гости.
Что король-то меня, молодца, любить-жаловаль,
Королевская дочка во любви жила.
Что у города были ворота крѣпко заперты,
Караульные вокругъ города все крѣпко снятъ;
Не снала только Елена, дочь королевская;
Отпирала у города воротички,
Что брала добраго молодца за руки,
Повела добраго молодца въ новую горницу,
Посадила добраго молодца въ новую снаменку...

Гудерскій уѣздъ. Кирѣевскій, выш. V, стр. 172.

21.

Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую,
Я не годъ ее любилъ и не два года,
Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.
На десятомъ году самъ король довѣдался;
Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать
рельюшки:

«Вы слуги ли мои, слуги вѣрные!
Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельи высокія,
На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку!»
Въ первую петельку повѣсили, —петелька оборвалася;
Въ другу петельку повѣсили, —и эта оборвалася;
Во третьей петлѣ удушился Ванюшка.
Узнавала его родимая матушка;
Она плакала, какъ рѣка лилась,
Слезы катятся, какъ ручьи текутъ,
Возрыдалася, что погоды бьютъ.

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 52.

22.

Узшелъ я все землю свято-русскую,
Я сине море исплавалъ изъ края въ край, —
Изъ самаго изъ устья до вершиночки,
Я зашелъ-загулялъ къ самому королю,
Къ самому королю ко латинскому.
А за то меня король любилъ-жаловалъ,
Посадилъ меня король во вѣрны ключники;
Я сидѣлъ у него ровно тридцать лѣтъ,
Служилъ королю вѣрой-правдою.
Никто про то не знаетъ и не вѣдаетъ,

Только знаетъ одинъ маленькій дѣтинушка,
Одинъ маленькій дѣтинушка поваренный;
Онъ дошелъ-донесъ, собака, самому королю:
«Ой ты гои еси, нашъ батюшка литонской король!
Ничего, сударь, не знаешь и не вѣдаешь:
Твой-то ключничекъ до-пьяна напивается,
Во хмѣлю ключникъ негоже похваляется,
Похваляется мизриный твоей дочерью.»
За досаду королю показалось;
Выходилъ тутъ король на красенъ крылець,
Воскликнулъ онъ, возглаголють громкимъ голосомъ:
«Еще есть ли у меня таки мастера,
А по нашему, по русскому—грозець палачъ!
Онъ бы вѣхалъ далече во чисто поле,
Дѣлалъ бы релюшки высокія,
Становилъ бы онъ столбики дубовые,
Перекладники клалъ бы кленовыя,
А петельки вязалъ бы шелковыя,
Онъ бы вель моего ключника къ повѣшеныю!
Не водилъ бы онъ Кремлемъ-городомъ,
Провелъ бы онъ позадь города!»
Молодецъ молодцу крѣпко кланялся:
«Ой ты гои еси, нашъ батюшка грозець палачъ!
Дай ты миѣ, молодцу, звончаты гусли,
Передъ смертию молодцу напгратися!
Не води ты меня, добрый молодець, позадь города,
Проведи ты меня Кремлемъ-городомъ,
Мимо тѣхъ ли палатъ королевниныхъ!»
Онъ повелъ молодца Кремлемъ-городомъ,
Мимо свѣтленькой свѣтлицы королевниной.
Онъ и сталъ тутъ наигрышки наигрывать:
«Бывало, меня король любилъ-жаловалъ,
А нынче на меня скоро прогнѣвался,
Ведеть-то молодца ко повѣшеныю!»
Услыхала его мила дочь мизиная,

Выходила она на красенъ крылець,
Воскричала она своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой ты гой еси, нашъ батюшка литонской король!
Ты за что на ключничка прогнѣвался?
Я сама-то, красна дѣвица, пойду ко повѣшенью!»
Услыхалъ то ея батюшка литонской король:
«Еще Богъ его прощаетъ, сударь жалуетъ!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. V, стр. 166. Очень сходная пѣсня, неполная: Кирѣевскій, вып. V, стр. 168.

23.

Не бѣлые-то снѣжочки забѣлѣлися,
Не алые-то цвѣточки заалѣлися.
Жилъ я, былъ я, добрый молодець, у семи пановъ,
У семи-то я пановъ, жилъ я по семи годовъ;
У прутекаго королечка жилъ двѣнадцать лѣтъ;
Съ королевою свыкался ровню три года.
На четвертомъ годочкѣ самъ король спозналъ,
Самъ королюшка спозналъ, самъ довѣдался.
Выходили же король прутскій на красенъ крылець,
Закричалъ же король прутскій по звѣрному,
Зашипѣлъ же воръ-собака по змѣиному:
«Еще что у насъ во царствѣ за несчастнице?
Молодая королева за гульбой пошла,
За гульбой она пошла, за охотою!
Не отъ того ли сине море всколыхнулося?
Не отъ того ли бѣла рыба встрепенулася?
Не отъ того ли еъ горъ желты пески посыпалися?»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 56 («проголосная»). Последніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются.

24.

Ой неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярскомъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойтить—много надобно;
Поиду я, молодець, королю служить!
Король молодца любилъ-жаловалъ;
Съ одного блюда онъ ниваль-ѣдаль,
Съ одного плеча платъе паншваль.
А сказали про молодца небывальщину,
Ой, и складъ приложили—съ королевою.
Король на молодца да прогнѣвался;
Закричалъ король громкимъ голосомъ:
«Поплите мнѣ млада ключничка!»
Идетъ ключникъ на новы сѣни,—
Зеленъ кафтанъ на плечахъ надѣтъ,
Черну шляпу во рукахъ несетъ,
Сафьяны-сапожки натянуты,
Его русыя кудри по плечамъ лежать,
Его ясныя очи огнемъ горять.
Идетъ ключникъ со новыхъ сѣней,—
Зеленъ кафтанъ у рукахъ несетъ,
Сафьяны-сапожки опущены,
Его русыя кудри растрепаны,
Его ясныя очи заплаканы.
Закричалъ король грознымъ голосомъ:
«Ой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Идите жъ въ чисто поле,
Ой, и ройте вы двѣ ямы глубокія,
Поставьте вы два столба высокіе,
Перекладину положите кленовую,
Ой, и петельку придѣньте шелковую,
Повѣсьте вы млада ключничка,
Королевна полюбовничка!»

Ой, и ключникъ во полѣ качается;
Королева во теремѣ кончается.

Харьковская губернія. Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе,
стр. 39.

25.

Далеко было, далече—въ бѣлокаменной Москвѣ,
Во второй было во улицѣ, въ славной Митревской,
Что у князя было у Волконскаго,
Солучилася пирь-бесѣдушка,
Тиха и смиренна, зѣло радошна.
Совзжались къ нему князья, бояре,
Пили, ѣли, прохлаждалися,
Разговорами они занималися;
Богатый хвалится богачествомъ,
Бѣдный хвалится своею бѣдностью,
Сильный хвалится своею силою,
Волконскій князь—своею княгинею:
«У меня княгиня умная,
Она умная, разумная,
Она тихая, смиренная;
До рабовъ она милостлива,
Передо мною она очестлива.»
У дверей стоитъ слуга вѣрная,
Слуга вѣрная, дѣвушка сѣнная.
Какъ возговорить сѣнна дѣвушка:
«Ужъ ты, батюшка нашъ Волконскій князь!
Не приказывай меня казнить, вѣнцати,
Прикажи ты мнѣ слово молвити!»—
—«Говори ты мнѣ, слуга вѣрная!
Ты скажи мнѣ правду-истину!»—
—«Похвалился ты своей княгинею;
Твоя ли княгинюшка не честная,
Твоя ли княгинюшка не вѣрная!

Что живеть она съ младымъ ключникомъ,
Со твоимъ ли со ларчишкомъ,
Со моимъ ли братцемъ роднымъ;
Что живеть она не тепереча,
А не много, не мало, ровно девять лѣтъ.»
На десятомъ-то году князь довѣдался;
Посылаетъ онъ за ключникомъ
Своего ли слугу вѣрнаго:
«Ты скажи: батюшка князь требуетъ,
Ты скажи: хочеть тебя дарить, жаловать.»
Какъ встаетъ ключникъ съ постелюшки,
Собирается онъ, снаряжается;
Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
Надѣваетъ онъ лисью шубу до долу;
Шуба лисья словно лѣсъ шумить,
И золотъ перстень ровно жаръ горить;
На немъ напочка рытаго бархата;
Во правой рукѣ тонка тросточка,
А во тросточкѣ—ала лепточка;
Идетъ ключникъ—что соколъ летить.
Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
Отдаетъ князю низкой поклонъ:
«Ужъ ты здравствуй, нашъ батюшка князь!
Ты по что меня скоро требовалъ?
Ужъ чѣмъ хочешь меня дарить, жаловать?»—
—«Подарю я тебя хоромамъ высокими,
Не мощинымъ, не сверщеннымъ!
Ты скажи мнѣ только правду-истину:
Ты который годъ живешь со княгинею?»—
—«Ужъ ты, батюшка нашъ Волконскій князь!
Я живу съ нею ровно девять лѣтъ;
Много было пошито, поѣдено,
На пуховыхъ перинахъ полежано!»
Какъ Волконскій князь прогнѣвался,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:

«Ой вы гои есте, моп слуги вѣрныя!
Вы берите лопатки желѣзныя,
Ужь вы роите-ка двѣ ямы глубокія,
Вы постройте рельюшки высокія,
Вы столбы-то дѣлайте точеныя,
Перекладыны положите вы кленовыя,
Вы колечки вверните позлащенные,
А петельки повѣсьте шелковыя!
Вы возьмите моего млада ключника,
Вы повѣсьте на рельы высокія!
Да пускай же онъ, воръ, покачается,
Молодая-то княгиня на него покажется!»
Подхватили ключника за бѣлы руки,
Повели его на рельюшки высокія,
Повѣсили на петельки шелковыя.
На петелькахъ виситъ ключикъ, мотается,
А впереди лежить княгинюшка, кончается.
Какъ ударится батюшка Волконскій князь объ дубо-
вый столб:

«Ужь ты гои еси, дѣвушка сѣрная,
Ты моя ли слуга вѣрная!
Погубила ты младаго ключника,
Умертвила ты молодую мою княгинюшку!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 50.
Киреевскій, вып. V, стр. 179.

26.

Но Устрѣтенской большой улицѣ
Строились палаты бѣлокаменны.
Что во этихъ во палатахъ жилъ Волконскій князь
У того ли было у князя собраныце не малое,
Собиралися къ нему князья, бояре все,
Ужь какъ сильные могучіе богатыри.
Еще кто изъ нихъ хвалится своей сплюю,

Еще кто хвастаетъ золотой казной.
А какъ нашему князю нечѣмъ похвалиться;
Похвалился панъ Волконскій молодой женой,
Молодой своей женой, душой княгинею.
Выходила тутъ, выступала млада ключница;
Ключница на ключника съ докладомъ шла:
«Охъ, ты сгой еси, панъ батюшка Волконскій князь!
Пьешь ты, ѣшь, забавляешься,
Ничего же ты не знаешь, не вѣдаешь!
Какъ живетъ твоя княгиня съ младымъ ключникомъ,
Не годъ она живетъ, не два живетъ,
Какъ живетъ твоя княгиня ровно три годы!»
Выходилъ панъ Волконскій на широкій дворъ,
Засвистѣлъ онъ, закричалъ своимъ привычнымъ голо-
сомъ:

«Охъ, вы сгой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите, приведите ко мнѣ млада ключника!»
Ужъ какъ ключница къ ключнику съ докладомъ шла:
«Охъ, ты сгой еси, ключникъ, тебя князь требовалъ,
Онъ министромъ тебя хочетъ жаловать,
Не министромъ, думнымъ сенаторомъ.»
Выходилъ панъ ключникъ на широкій дворъ,
Засвистѣлъ, закричалъ своимъ вѣчнымъ голосомъ:
«Охъ, вы сгой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите, приведите мнѣ добра коня,
Добра коня виноходаго,
Засѣдлайте мнѣ его сѣдломъ черкасскимъ!»
Бралъ себѣ ключничекъ плетъ шелковую;
Выходилъ панъ ключникъ на широкій дворъ;
Какъ садился ключникъ на добра коня.
Его добрый конь стоитъ да не тряхнется,
Что у ключника кудри не ворохнутся.
Отправлялся ключникъ на широкій дворъ:
«Вы прощайте, мои слуги вѣрные,
Слуги вѣрные мои, неизмѣнные!»

Привзакаль ли ключникъ на широкій дворъ;
Никому-то коня взять не приказываль,
Ни къ столбу-то его не привязываль,
Ни къ кольцу-то, ни къ злаченому.
Заходилъ-то ключникъ во палатушки:
«Охъ, ты стой еси, батюшка Волконскій князь,
Ты на что меня къ себѣ требоваль?»—
—«Ты послушай-ка, младъ ключникъ, хочу тебя
жаловать,

Министеромъ тебя, думчимъ сенаторомъ,
Промежу двумя столбами дубовыми,
Перекладнойю тебя кленовою!»
Повели млада ключничка на вѣслицу:
Княгиня во палатахъ бѣсится.
Ключникъ во петелькѣ качается;
Во палатушкахъ княгиня кончается.

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI,
стр. 95.—Шейнъ (Тетия), стр. 26.

27.

Какъ во славномъ было въ городѣ, было въ камен-
ной Москвѣ,
Какъ на славной было улицѣ, на Большой Дмит-
ровкѣ;
Тамъ стояли-то палаты, стоять бѣлы каменны;
Какъ во этихъ во палатахъ живетъ самъ Волконскій
князь;
Не одинъ Волконскій князь живетъ,—со младай со
княгинейю.
Какъ много у него было, много слуговъ вѣрныхъ,
Какъ не было вѣрнѣе Вашюшеньки ключничка.
Какъ свозжался Ваня ключничекъ со младай княги-
нейю;

Поругался Ваня ключничекъ съ дѣвчоночкой съ гор-
ничной;

Поругамши, эта дѣвушка сама къ князю въ верхъ
пошла:

«Ужъ ты, батюшка Волхонскій князь, ничего не
знаешь, не вѣдаешь!

Я хочу тебѣ сказать всю, всю-то правду-истину!»

Говорилъ-то Волхонскій князь дѣвчоночкѣ горничной:

«Если ты мнѣ правду скажешь, я тебя пожалываю;

Если ты мнѣ ложно скажешь, я тебя разказню!»—

—«Ужъ ты, батюшка Волхонскій князь, скажу всю
правду-истину:

Что живетъ Ванюша ключничекъ со твоей кня-
гинею;

Не одинъ годъ Ваня съ нею живетъ, живетъ ровно
десять лѣтъ!»

Выходилъ-то Волхонскій князь на крыльцо парад-
ное;

Закричалъ тотъ Волхонскій князь своимъ громкимъ
голосомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

Вы берите-ка лопаты, лопаты желѣзныя,

Ужъ вы ройте, мои слуги, вы ямы глубокія,

Ужъ вы ставьте въ эти ямы все столбы дубовые,

Ужъ вы вѣшайте на эти столбы канаты здоровые!

Вы пойдите, приведите Ванюшеньку ключничка.

Молодой моей княгини вѣрнаго любовничка!»

Какъ ведутъ Ванюшу ключничка ко князю Волхон-
скому;

Какъ и сталъ Ванюшу ключничка, сталъ Ваню
выспрашивать:

«Ты скажи, Ванюша ключничекъ, всю правду мнѣ,
истину:

Сколько жилъ, Ванюша ключничекъ, со моею княги-
нею?»

—«Ужъ ты, батюшка Волхонскіи князь, не знаю я,
не вѣдаю».
Приказаль Волхонскіи князь-то отвесьть Ваню на ви-
сѣльцу.
Какъ ведутъ Ванюшу ключничка, ведутъ подь бѣлы
руки;
На Ванюшенькѣ сапожки, сапожки козловые,
На Ванюшенькѣ рубашечка бѣла коленкорова,
На Ванюшенькѣ русы кудри, на немъ раздуваются..
Какъ виситъ Ваня на висѣльцѣ, онъ виситъ, ка-
чается;
Молодая его княгиня, она жить кончается.

Калужская губернія. Мельгуновъ, вып. II, № 8 («протяжная»)
Конечные пять слоговъ каждого стиха повторяются.

28.

Въ Москвѣ было у князя у Волхонскаго,
Тутъ живетъ-то, поживаетъ Ваня ключничекъ,
Молодыя-то княгини любовничекъ.
Ваня годъ живетъ, другой живетъ—князь не вѣдаетъ;
На третій-то годочекъ князь довѣдался
Черезъ ту ли черезъ дѣвушку черезъ сѣную,
Черезъ сѣную да черезъ самую послѣднюю.
Закричалъ же князь Волхонскіи зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги ль мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы сходите, приведите Ваню ключника!»
И сталь-же князь Ванюшу да выспрашивать:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю:
Ты который годъ съ княгиней во любви живешь?»
На первой-еть разъ Ванюша не покался.
Онъ выспрашивалъ Ванюшу ровно три часа;
Что п тутъ-то нашъ Ванюша не покался.
Закричалъ же князь Волхонскіи громкимъ голосомъ:
«Вы, слуги ли мои, слуги есть-ли вѣрные?»

Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный дворь!»
Повели же вѣдь Ванюшу широкимъ дворомъ.
На Иванушки вѣбирочка пошумливаетъ,
Александрійская рубашка ровно жаръ горить,
Козловы повы сапожки поскрипываютъ,
У Иванушки кудеречки разсыпаются;
А идетъ-то самъ Ванюша, усмѣхается.
Привели же вѣдь Ванюшу на конюшный дворъ,
Тамъ и начали Ванюшеньку наказывать.
Александрійская рубашка съ тѣломъ смѣшана,
Казимирова сабирочка вся изорвана,
Русья кудеречки прирастрепаны,
Козловы повы сапожки крови полные.
Закричалъ же нашъ Ванюша громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты, баринъ ли, нашъ баринъ, ты, Волхонскій
князь!

Поставлено зелено вино, —кто не пьетъ его?
Приготовлены закусочки, —кто не кушаетъ?
Какъ у насъ-то съ княгиней было пошито,
Виноградныхъ винъ съ княгиней было пошито,
Приготовленныхъ закусокъ покушано!»
Закричалъ-же князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Вы, слуги ли мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,
Становите-ка вы два етолба, два высокие,
Перекладину кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую,
И повѣсьте тутъ Иванушку измѣтника,
Молодыя-то княгини полюбовника!»
Иванушка во петелькѣ качается,
А княгиня-то во теремѣ кончается.

29.

У славнаго князя у Волхонскаго,
Тутъ живеть да поживаеть Ваня ключничекъ,
Молодой его княгини полюбовничекъ.
Ваня годъ живеть, онъ другої живеть,—князь не
вѣдаеть.

На третіи годочекъ князь навѣдался
Черезъ малую дѣвчонку, черезъ черную,
Черезъ самую служку послѣднюю.
Видитъ князь: ведеть дѣвка Ваню изъ палатушки,
Изъ палатушки, со кроватушки.
Тутъ сзычаль-скричаль князь громкимъ голосомъ:
«Вы берите, слуги, Ваню ключника!»
За бѣлы руки взяли Ваню, подхватили,
Повели Ваню ко князю во палатушки.
Идетъ Ваня широкимъ дворомъ,
На всѣ стороны Ванюша поклоняется,
На головкѣ желты кудри рассыпаются,
На немъ синенькій кафтанчикъ раздувается,
На немъ красенька рубашка словно жаръ горить.
Привели Ванюшу во палатушки;
Сталь тутъ князь Ванюшу допытывати.
Ваня часъ стоялъ,—не спокаялся,
Онъ другої стоялъ,—не спокаялся,
На третіи часочекъ спокаялся:
«Я живу со твоеї княгиней третіи годъ,
Третіи годъ живу, каждый часъ хожу.»
Показалось князю за досадушку;
Онъ ударилъ Ваню по бѣлу лицу.
У Вани съ бѣла лица руда пробрызнула.
Изъ ясныхъ очей слезы покатилися.
Говорить князь Волхонскій слугамъ своимъ:
«Слуги, берите у Вани золоты ключи,

Берите золоты ключи, отпрайте окованцы ларцы,
Подьте-ка, слуги, на Дунай-рѣку,
Постройте столбъ на Дунай-рѣкѣ!
Постронли столбы на Дунай-рѣкѣ,
Поставили вереюшки дубовыя,
Заложили грядочки таловыя,
Повѣсили петельки шелковыя,
Повели Ванюшеньку на висѣльницу.
Идетъ Ванюшенька на висѣльницу.
Ступилъ Ванюшенька на первую ступень,
Таково слово Ванюша проговорилъ:
«Вы позвольте, братцы, нову пѣсню снѣтъ
Про славнаго про князя про Волхонскаго!
Какъ доселева я жилъ со княгинею,
Какъ я жилъ съ ею, три годочка жилъ!»
Въ эту пору ходила молода княгиня по новымъ сѣ-

нямъ;

Она съ горя, со кручины упала со новыхъ сѣней
И сломила себѣ буйину голову.
Въ эту пору, въ это времячко
Ванюшу повѣсили на шелковыя петли.
Тутъ дался князь Волхонскій во тоску, во круч-

ицушку.

Архангельская губернія, Шенкурскій уѣздъ, Кириевскій, выв. У,
стр. 139.

30.

Какъ во городѣ было въ каменной Москвѣ,
Какъ во улочкѣ было во Дмитровскоіи.
Жилъ тутъ, поживаль тутъ батюшка Волхонскій князь
Со своей ли то вѣрно со княгинею.
Жилъ тутъ, поживаль тутъ Ванюшка ключничекъ.
Онъ не годъ живеть со княгинею,
Онъ не годъ живеть, — ровно два года.
Какъ на третій на годочекъ князь-то все довѣдался

Через сѣнную дѣвчонку, через сѣнную послѣднюю.
Какъ вышелъ-то князь на крыльцо на паратное,
Онъ вскричалъ-то громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои вѣрные!
Вы подите, приведите Ваню ключничка,
Вы поскуйте ему скорыя ноженьки,
Вы свяжите назадъ бѣлыя ручушки!»
Посковали Ванюшкѣ скорыя ноженьки,
Какъ связали ему назадъ-то бѣлыя ручушки.
Какъ ведутъ ли-то Ванюшку подъ бѣлы-то руки, —
На Ванюшкѣ коленикова рубашка вся изорвана,
Какъ буйная-то головушка въ трехъ мѣстахъ пролом-
лепа,
Какъ у Ванюшки скорыя-то ноженьки поскованы,
Какъ сафьянные сапожки кровью понаполнены...
Вотъ стоитъ ли-то князь на крыльцѣ-то паратномъ;
Увидѣлъ же-то Ванюшка князя-то Волхонскаго:
«Ахъ ты, батюшка, князь ты Волхонскій!
Ты прости меня большой-то виной,
Я не буду, я не стану никакихъ я дѣлъ-то дѣлать!»
Какъ вскричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ
голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!
Вы подите, вы возьмите заступы желѣзные,
Вы ройте-тка, копайте двѣ ямы глубокия,
Вы поставьте два столба высокіе,
Положите переводы-то дубовые,
Вы повѣсьте-тка двѣ петли шелковыя,
Вы сдѣлайте крючья-то золоченые,
Три ступени тесовыя,
Вы постройте-тка ступени чернымъ сукномъ,
Вы ведите-тка Ванюшу на крутой-то крылецъ,
На крутой крылецъ на тесовый!»
Идетъ ли Ванюшенька, поклоняется,
Со вѣмъ добрымъ людямъ прощается:

«Прости, батюшка, прости, матушка,
Прости ты меня, мать сыра земля!»
Какъ вошелъ да-то Ванюшка на крутой крылецъ на
тесовый,
Онъ вскричалъ ли тутъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты, батюшка Волхонскій князь!
Ты позволь-ка-ся мнѣ надъ послѣднимъ краишкомъ
Или пѣсенку спѣть, или на рожкѣ сыграть!»—
—«Вѣшайте вы Ванюшеньку!
Пускай Ванюшка качается,
Моя молодая-то княгиня пуцай не печалится!
Какъ дознается моя-то вѣрная княгиня,
То-то она попечалится!»
Со печали-то, тоски на третій денекъ,
Какъ на третій на денечекъ вѣрная княгиня померла..

Новгородская губернія, Валдайскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V,
стр. 117.

31.

Какъ на горкѣ, на горушкѣ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ;
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ, бояринъ-князь;
Не одинъ-то онъ живетъ, князь-бояринъ,—
Съ молодой съ княгинею.
Какъ у этого ли князи
Жиль-былъ Ванька ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбвищекъ.
Молодая его душа княгиня
Полюбила Ванюшку;
Она его не годъ любила,
Ой, да и не два года.
Какъ на третій годъ князь-бояринъ,

Онъ только довѣдался,
Онъ дознался, только догадался
Черезъ красную дѣвушку.
Какъ и выходилъ князь-бояринъ
На свое красно крыльцо;
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные,
Вы подите, ко мнѣ приведите,
Охъ, да ворона коня,
Охъ, приведите ко мнѣ вороного
Съ черкасскими повыми сѣдлами;
Да подите, ко мнѣ приведите
Ивана ключничка!
Ужъ я его подарю ли,
Охъ, да вороннымъ конемъ,
Вороннымъ его конемъ ли
Съ черкасскими сѣдлами».
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня умѣхается;
Молодая его душа княгиня
Слезьми обливается.
Какъ и сталъ онъ, князь-бояринъ,
Ванюшку допрашивать:
«Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
Съ какихъ поръ съ княгинею живешь?»
— «Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
Охъ, да не два года.»
Какъ и вышелъ князь-бояринъ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные,
Вы подите, мои слуги,
Во кузницу новую,
Вы возьмите, мои слуги,
Лопатки острия,

Вы поройте, мои слуги,
Двѣ ямы глубокія,
А во ямы-то поставьте
Столбики точеные,
На столбахъ на тѣхъ положьте
Матицу кленовую;
На матицу повѣсьте
Мотки шелковые,
А на этихъ на моткахъ повѣсьте
Иванушку ключничка!»
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваця спотыкается.
Молодая его княгиня
Слезьми обливается.
Охъ, висеть, висеть Ванюша,
Ванюша качается.

Якушкинъ, стр. 339.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 138

32.

Какъ у славнаго князя было у Волконскаго,
Жиль-поживаетъ воръ Ванюша ключничекъ,
Молодой моей княгини полюбовничекъ.
Ужъ какъ онъ годъ живетъ, другой живетъ;
Что на третье лѣто князь довѣдался,
На того Ванюшу самъ разсѣрдился
Черезъ бестію дѣвчончку черную.
Тутъ вскричалъ князь своимъ громкимъ голосомъ:
«Уже слуги мои, служнички вѣрные!
Вы подите, приведите вора Ваньку ключника,
Молодой моей княгини полюбовника!»
Что ведутъ-то, ведутъ Ванюшку скована;
Буйна голова у Ваи распротомана,
Кашемировымъ платочкомъ перевязана;

Миткалинова рубашечка въ крови смочена.
Станетъ князь Волконскій выпрашивать:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю!»
— «Ничего-то, сударь, я не вѣдаю.»
Вскричалъ, вскричалъ на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
«Ай вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы подите, берите лопаточку желѣзную,
Вы копайте-ка двѣ ямы глубокиа,
Становите-ка два столбика дубовыихъ,
Ужь вы бейте, забивайте два брюка желѣзныхихъ,
Кладите-ка жердочку кленовую,
Кладывайте двѣ петельки шелковыя!»
Поведуть-то Ванюшеньку скована;
Очи ясныя тафтой завѣшены;
Ведуть мимо княгинина окошечка.
Испроговорить воръ Ванюша ключничекъ:
«Ты позволь-ка миѣ, Волконскій князь,
Позволь-ка запѣть съ горя пѣсенку!
Какъ было-то у Ванюшки погуляно,
Было попито, было поѣдено,
Во сахарнїя уста поцѣловано,
Молодой твоей княгини на бѣлыхъ грудяхъ поле-
жано!»

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, ч. I, стр. 109.

33.

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣиной было пло-
щади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
Что и того ли-то и князя, князя-боярина.
Что и жилъ-то тамъ князь со своею княгинею,
Что и жилъ-то тамъ Ванюша-Ваня, князю ключни-
чекъ,

Молодой его княгини вѣрній полюбвищекъ.

Что и годъ живетъ Ванюша съ княгиней, другой
живетъ,

Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ князь да довѣ-
дался,

Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной, горнич-
ной.

Вотъ выходитъ князь-бояринъ на свои красенъ кры-
лецъ;

Какъ возгаркнетъ князь, воскликнетъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:

«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

Вы идите, приведите вора Ваньку ключника!»

Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ княжій дворъ,

Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается,

Какъ у Ванюшки кудерцы-кудри завиваются...

Какъ возговоритъ князь, воскликнетъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:

«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ... слышь,

Ты съ которой поры-время живешь со княгиней?»—

—«Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.»

Какъ и сталь-то князь Ванюшу пытать, крѣпко спра-
шивать;

Не добился князь-бояринъ твоей правды-истины.

Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:

«Ужь вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные!

Вы берите-тка, берите заступы желѣзные,

Ужь вы ройте-тка, копайте двѣ ямы глубокия,

Ужь вы ставьте-тка, ставьте два столба точные,

Перекладину кладите, слуги, вы кленовую,

Вы идите, приведите вора Ваньку ключника!»

Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу - Ваню черезъ княжій
дворъ;

Какъ у Ванюшки-Ванюши руки, ноги скованы,

Руки, ноги въ Ванѣ скованы, да все переломаны...
Вотъ идетъ, идетъ Ванюша-Ванюшка, шатается;
А и князь-то стоить, ухмыляется;
Молодая-то княгиня въ теремѣ слезами залпвается.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ гром-

кимъ голосомъ:

«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду-
истину!»

—«Ужъ позволь ты, князь-бояринъ, позволь Ванѣ
пѣсню спѣть,

Что и пѣсню Ванѣ, пѣсню, пѣсенку послѣднюю!

Что и было, князь-бояринъ, попито, поѣдено,
Во краснѣ было, бояринъ, въ хорошѣ похожено,
На кроватушкѣ тесовой въ насъ было полежано,
Да за бѣлыя-то за груди въ насъ было похватано,
Во уста-то во сахарны было поцѣловано,
Съ одного плеча было въ насъ поношено!»...

Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:

«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!
Ужъ вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку ключника!»
Вотъ повѣсили Ванюшу, Ванюшка качается...
Молодая-то княгиня въ теремѣ кончается...

Орловская губернія. Якушкинъ, стр. 537.—Киртевскій,
вып. V, стр. 152.—Вильбоа, стр. 150.

34.

Что на славной было улицѣ на Дмитровкѣ,
Что у славнаго ли у князя у боярина,
Побранилася кухарка съ младымъ ключникомъ.
«Ты не лайся, не бранися, молодой ключничекъ,
Я пойду ли, донесу князю-боярину...
Ужъ ты, батюшка ты нашъ, ты бояринъ-князь,
Ничего же ты не знаешь да не вѣдаешь,

Томъ I.

3

Что живеть-то твоя княгиня съ младымъ ключникомъ!»

Что возговорить нашъ батюшка бояринъ-князь:
«Ужь какъ есть ли у меня да слуги вѣрные?
Вы подите, приведите млада ключничка,
Вы поставьте млада ключника въ среди двора,
Что подь то ли подь косяцато окошечко,
Ужь я стану младаго ключника доспрашивать.
Ты скажи, скажи, младый ключничекъ, не утай
грѣха!

Коли да правду ты мнѣ скажешь, я помилую,
А неправду ты мнѣ скажешь, я подь кнутъ, да подь
кнутъ отдамъ!

Что живеть ли моя княгиня съ твоей милостью?»
—«Что живеть ли твоя княгиня со мною да три, ахъ,
да три года.»

Что возговорить нашъ батюшка, да бояринъ, ахъ,
да бояринъ-князь:

«Ужь какъ есть ли у меня скорые конюхи?
Ужь вы роите мнѣ ямочки глубокія,
Вы поставьте два столба, вы да два высокіе,
Перекладинку вы поставьте, вы кленовую,
Ужь вы петельку повѣсьте, вы шелковую!»
Молодой ключникъ на петелькѣ качается,
Молодой-то ли княгини жизнь кончается.

Москва (цыгане). Якушкинъ, стр. 338.—Кирѣевскій, вып. V,
стр. 137.

35.

Какъ на островѣ было на Дмитревекомъ,
Тамъ жилъ, прожилъ батюшка Волконскій князь.
У князя былъ Ваня-Ванюша воръ ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ.
Онъ и годъ любилъ, Ванюша, онъ и другой любилъ;

А на третій годокъ про Ваню князь довѣдался
Черезъ сѣнную дѣвчонку, черезъ подлюю.
И вскрикнулъ батюшка Волконскій князь:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Вы ройте, копайте двѣ ямы глубокія,
Вы ставьте, поставьте, два столба дубовые,
Вы кладите-ка, положите переводы кленовые,
Вы вѣсьте, повѣсьте петельку шелковую;
Вы ведите сюда Ваню вора ключничка!»
Какъ ведутъ, ведутъ Ваню ключничка;
Въ Ванюшки головушка разломлена,
Вся миткалевая рубашечка кровью смочена...
«Вы вѣсьте, повѣсьте вора Ваню ключничка
Въ эту шелковую петельку!
И пусть Ваня-Ванюшка покачается,
Моя молодая княгиня пусть стоя попечалится!»
А молодая княгиня гляючи сжахнулася;
Въ эвтомъ случаѣ она переставилася.

Исковскій уѣздъ. Семевскій (Торопецъ), № 176.—Очень сходная пѣсня, неполная: Филипповъ, № 9.

36.

> Во городѣ было во Питерѣ,
Во главной улицѣ Митревской,
Живетъ тутъ, поживаетъ Волконскій князь
Со своєю молодою княгинею.
Влюбился въ княгиню Иванушка ключничекъ,
Молодой моеї княгини, шельма, полюбовничекъ.
Ужъ онъ годъ живетъ, Ванюша, и другой живетъ,
А на третій годъ князь довѣдался,
Что на шельму на Ваню, на Ваню прогнѣвался,
Черезъ тое черезъ дѣвку, дѣвчонку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, подлячку послѣднюю.

*

Закричалъ князь Волконскій своимъ громкимъ голо-
сомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные,
Ужъ вы, други мои, други неизмѣнные!
Вы подите, приведите ко мнѣ Ваню ключничка,
Молодой моей княгини полюбвишчка!»
—«Ты поди, поди, Ванюша, тебя князь зоветъ;
Ужъ онъ хочетъ тебя жаловать
Селами, деревнями, третьими—кнутами ремешными!»
—«Слуги мои, слуги,
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ ямки глубокія,
Ставьте столбочки все точеные,
Вбивайте-ка колечки, кольца золоченныя,
Вѣшайте моточки, моточки шелковые,
Ужъ вы вѣшайте Ванюшку - Иванюшу ключнич-
ка!»—
—«Вы послушайте, братцы, дайте нову пѣсню спѣть!
Что во городѣ во Питерѣ,
На главной на улицѣ на Митревской,
У того ли князя, у князя Волконскаго,
Было пошито, было и погуляно,
На пуховыхъ перинахъ было полежано,
За бѣлыя груди было подержано!»
Какъ Иванушку повѣсили,
А молодая княгиня въ хоромахъ зарѣзалась;
А Иванушка качается,
А молодая княгиня во хоромахъ кончается.

Болховъ. Кирѣевскій, выш. V, стр. 162.

37.

Живеть-поживаетъ
Батюшка Волконскій князь.
Какъ у этого у князя

Жилъ Ванюша ключничекъ,
Размолоденькой княгини
Вѣрный полюбовничекъ.
Ванюшка годъ жветъ съ княгиней,
Ванюшка другой жветъ;
Какъ на третій-то годочекъ
Волхонскій довѣдался
Черезъ этакую дѣвчонку,
Дѣвчоночку сѣнную,
Ею сѣнную, каналью,
Самую послѣднюю.

Выходилъ тутъ князь Волхонскій
На свой на высокъ балконъ,
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги,
Служаночки вѣрные!
Вы подите-тка, возьмите
Лопаты зелѣзныя!
Ужъ вы ройте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокия!
Ужъ вы ставьте-ка, поставьте
Два столба дубовые!
Перекладинки положьте
Новыя кленовыя!
Ужъ вы вѣсьте-тка, повѣсьте
Двѣ петли шелковыя!
Вы сходите, приведите
Вора Ваню ключничка!»
Какъ ведутъ, ведутъ Ванюшу,
Ведутъ Ваню подъ руки.
Какъ у Ванюшки головушка
Вся проломлена,
Коленкорова рубашка
Вся въ кровь призамарана,

Левантинновымъ платочкомъ
Головушка связана.
Приводили Ваню-Ванюшку
Ко князю Волхонскому.
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги,
Слуги вѣрные!
Вы сведите и повѣсьте
Вора Ваньку ключничка!»
Закричалъ Ванюша ключничекъ
Громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты, батюшка Волхонскій князь!
Ты позволъ-ка-съ мнѣ, батюшка,
Позволь мнѣ спѣть пѣсенку!
Ванюшку ведутъ на вѣшалцу,
А твоя молодая княгиня
Ужъ давно въ петлѣ висеть!»

Жилъ тутъ, поживалъ
Батюшка Волхонскій князь.
Какъ у этого у князя
Жилъ Ванюша ключничекъ.
Ваня годъ живетъ съ княгинею,
И другой живетъ;
На третій на годочекъ
Волхонскій довѣдался
Черезъ этаку дѣвчонку,
Дѣвчоночку сѣнцую,
Сѣннюю, каналью,
Самую послѣднюю.

38.

Какъ поспорился Ванюша
Со сѣиною дѣвушкой,
Что съ такою шельмою сѣиной,
Съ самою послѣднею.
Начала эта дѣвчонка
Угрозы угроживать:
«Ты добро, добро, ты, Ванюша,
Добро, шельма ключничекъ!
Что дойдутся эти рѣчи,
Рѣчи самому князю!
Охъ ты, князь, князь нашъ Волхонскій,
Все ты пьешь, гуляешь,
Ничего ты въ своемъ домѣ
Не знаешь, не вѣдаешь!
Что молода твоя княгиня
Живетъ съ Ванькою ключничкомъ!»
Закричалъ же князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы подите, приведите
Ко мнѣ Ваньку ключничка,
Молодой моей вотъ княгини
Вѣрна полюбовничка!»
— «Ты поди-ка, Ванюша,
Поди, тебя баринъ зоветъ;
Какъ и хочеть тебя баринъ,
Хочеть тебя жаловать,
Какъ своимъ ли, своимъ, Ванюша,
Своимъ воронимъ конемъ!»
Что идетъ, идетъ ли Ванюша,
Идетъ широкимъ дворомъ;

Какъ на Ванюшкѣ-то рубашка
Съ кровью перемѣшана...
Закричалъ же князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, слуги мои, слуги!
Вы подите же, берите
Лопаты широкія,
Вы копайте, вы копайте,
Вы ямы глубокия,
Становите вы столбочки,
Столбочки точеныя,
Вы кладите перекладъ,
Перекладъ кленовый,
Вы цѣпляйте, вы петельку,
Петельку шелковую!»
Закричалъ-то Ваня ключникъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты, князь нашъ, князь Волхонскій!
Прикажи мнѣ пѣсно снѣтъ!
Что съ твоей молодой вотъ княгиней
Понито, погуляно,
Въ сахарныя вишь усточки
Было поцѣловано!»
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите же Ванюшку,
Цѣпляйте за голову!»
Какъ и Ванюшка въ петелькѣ,
Въ петелькѣ качается;
Молодая его вотъ княгиня
Въ терему кончается,
А какъ самъ-то князь Волхонскій
Стоитъ, улыбается.

Выходила сѣнная дѣвка
Самая послѣдняя:
«Охъ, ты, князь, князь нашъ Волхонскій!
Загубилъ ты три души:
Эхъ, какъ двѣ души воть виновныя,
Третья не виновная!»

Воронежская губернія, Бобровскій уездъ. Шейнъ (Чтенія), стр. 31.
Въ пѣніи каждое двустопише повторяется два раза.

39.

Далече, подалече было—въ каменной Москвѣ,
Во второй улицѣ во Дмитровкѣ;
Жиль-проживалъ Волхонскій князь.
У этого князя жилъ Ванюшка ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ.
Онъ не годъ живетъ Ванюша-Ванюшка, и другой
жветъ,
Ну на третій на годочекъ самъ князь довѣдался
Отъ такой ли отъ дѣвчонки, дѣвчоночки отъ сѣнной,
Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ
слугъ:
«Слуги ли вы мои, слуги, служаночки вѣрныя!
Подите-ка возьмите лопаточки желѣзныя,
И роите, копайте двѣ ямы глубокия,
Вы ставьте, поставьте два столба точеные,
Вы кладите перекладину новую яснуюю,
Вы беите, вколотите два кольца желѣзныя,
И вѣшайте, повѣшайте двѣ петли шелковыя!»
Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ
слугъ:
«Охъ вы, слуги мои, слуги вѣрные мои!
Вы ведите, приведите вора Ваню ключничка,
Молодой моей княгини вѣрнаго полюбовничка!»

Ведуть Ваню по большой по улицѣ,
По славной по Митровской.
У Ванюши головка поизломана,
Кашемировымъ платкомъ головушка связана,
Коленкорова рубашечка кровью вся пзмочена.
Самъ стоптъ князь Волхонскій, надемѣхается,
Надъ его буйною головушкой надругается;
А Ваня князю возмоляется:
«Позволь, князь Волхонскій, нову пѣню спѣть!
Дальше, подальше—въ каменной Москвѣ
Жиль-проживаль Ванюшка ключничекъ.
У этого князя былъ зеленый садъ,
Въ этомъ садикѣ горенка новая,
Въ этой горенкѣ кровать тесовая,
На кровати перинушка пуховая;
Въ этомъ во садикѣ Ваней погуляно,
На этой на перинѣ много полежано,
Въ этой во горенкѣ съ молодой княгиней погуляно,
Съ молодой княгиней полежано,
Молоду княгиню за груди подержано,
По черному по соболу Ваней подрано.»
Надъ Ванюшной головушкой князь надругается:
«Пусть Ванюшина головушка покачается!
Пусть молода княгиня въ терему кончается!»

Исковская губернія. Шейпъ (Чтенія), стр. 36

40.

Ужъ на горкѣ возлѣ рѣчки
Стоялъ новъ высокъ теремъ;
Ужъ и въ этомъ теремочкѣ
Жилъ да былъ Волхонскій князь.
Какъ у этого ль у князя
Были слуги вѣрные;

А ужъ всѣхъ-то ихъ вѣрнѣ
Быль Ванюшка ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбвничекъ.
Ужъ и годъ любилъ Ванюша,
Онъ другой любилъ;
А на третій годъ про эвто
Самъ ли князь довѣдался,
Черезъ сѣвную ли дѣвчонку
Самую паскудную.
Ужъ и вышелъ князь Волхонскій,
Онъ на свой красень крылецъ;
Ужъ и крикнулъ князь Волхонскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой, вы гои еси, мои холопья,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите-ка, возьмите
Заступы желѣзные,
Вы копайте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія,
Вы поставьте тутъ, поставьте
Два столба точеные,
Вы кладите между ними
Тонку перекладину,
Вы повѣсьте, вы повѣсьте
Петельку шелковую;
Вы подите, приведите
Вора Ваньку ключника!»
Ой, ведутъ Ванюшу;
Руки, ноги скованы,
Шелкова его рубашечка
Издрана,
Его буйная головка
До мозгу проломлена,
А сафьяны-сапожки

Кровью залиты.
Ой, ведутъ, ведутъ Ванюшу...
Самъ князь усмѣхается:
«Ты скажи, скажи, Ванюша,
Ты скажи мнѣ, варваръ мой!
Ты съ какой поры, со времени
Со княгиней свѣдался?»
—«Ничего, сударь, не знаю,
Ничего не вѣдаю,
Ужъ и гдѣ же мнѣ, холопу,
Со княгиней знатися?...»
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы, слуги мои, слуги мои вѣрныя!
Вы повѣсьте-ка, повѣсьте
Вора Ваньку ключника!»
—«Нѣтъ, постоитъ-ка, постоитъ
Вы, мои товарищи!
Ужъ вы дайте мнѣ потѣшить
Нашего боярина!
Ужъ и третій годъ я, сударь,
Со княгиней знаюся...
Что въ этомъ теремчикѣ
Много было гуляно,
На пуховой ли першѣ
Много было лежано,
За бѣлья ли за груди
Много было хватано,
Про твою ли, сударь, милость,
Часто было ругано!»—
—«Ну, повѣсьте же, повѣсьте
Вора Ваньку ключника,
Молодой моей княгини
Вѣрна полюбовничка!
Ужъ пукай же воръ Ванюшка,

Пускай покачается!
Молода моя княгиня
Пускай попечалится!»

Москва. Шейль (Чтевія), стр. 28.

41.

Ахъ, былъ я, братцы, во святой Руси,
Во святой было Руси, въ каменной Москвѣ.
Тамъ построены палаты повы каменныя;
Какъ во этихъ во палатахъ жилъ Волхонскій князь;
Не одинъ-то онъ жилъ, княжичекъ,—съ молодой
своей княгиней.

У этого у князя былъ душа Ванюша, вѣрный ключничекъ.

И жилъ душа Ванюша со молодой со княгиней со
его,

Нисколько не мало, ровнехонько три года.

На четвертымъ на годочку самъ князь довѣдался,

Самъ князь довѣдался, Волхонскій дослынался,

Отъ молоденькой дѣвчоночки отъ сѣнной,

Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.

Выходилъ князь Волхонскій на крашенъ на новъ
крылецъ,

Закричалъ князь Волхонскій громкимъ голосомъ сво-
имъ:

«Ужъ ты, душенька Ванюша, вѣрный ключничекъ
ты мой!

Ты поди сюда, Ванюша, на крашенъ на новъ кры-
лецъ!»

Какъ и взялъ его князь Волхонскій за правую руку,

Какъ повелъ князь Волхонскій въ особую комнату
его,

Какъ и зачалъ князь Волхонскій крѣпко Ванюшу
спрашивать:

«Ты скажи, душа Ванюша, все правду мнѣ,
Все правду мнѣ, правду истинную!
Ты съ какого со время съ моей княгиней началъ
жить?»

—«Знать-то я не знаю, князь Волхонскій, и не
вѣдаю.»

И ударилъ князь Волхонскій по бѣлу Ваши лицу,
И по бѣлому по лпчику, по щекѣ румяной.
Изъ бѣла лица кровь-руда брызнула,
Изъ очей его ясныхъ слезы покатились, словно градъ.
Выбѣгаль князь Волхонскій на крашенъ бѣлъ кры-
лецъ,
Закричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ голо-
сомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Ужъ вы стройте-ка, ребята, крашенныя рельницы,
И вейте поскорѣ шелковыя петельки,
И повѣсьте вы, ребята, вѣрнаго моего ключника,
Вѣрнаго моего ключника, душу Ванюшку!»
Подвели душу Ванюшку къ крашенымъ ко рель-
цамъ,

И сталъ душа Ванюша крѣпко умалпвати:
«Ужъ вы, братцы мои, ребята, прежніе товарищи мои!
Вы подайте мнѣ гитару, я сыграю на нее!»
Онъ сталъ играть, играть, да приговаривать,
И всю правду зачалъ рассказывать:
«То-то, ребята, сколько было пошито, поѣдено,
Съ молодой княгиней сколько погуляно,
И цвѣтное платье сколько поношено.»
И повѣсили Ванюшеньку за правое ребрышко,
И онъ на рельцахъ качается;
Молода княгиня о немъ печалится.
И на третій день княгиня сама скончалася,
Подъ этими рельцами вострымъ ножникомъ зарѣ-
залася.

Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашень на повъ
крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій: хлѣбъ-соль не кунати!

Саратовская губерніи, Хвалынскій уѣздъ. Шейпъ (Чтепія), стр. 24.

42.

Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ,
Во улицѣ во Дмитровской,
Какъ тутъ живеть-то, поживаетъ
Батюшка Волхонскій князь;
Какъ у этого у князя
Живеть Ванька ключничкомъ.
Какъ и вышелъ батюшка Волхонскій князь
На крылечко на новое;
Закричалъ-то батюшка Волхонскій князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Вы подите, приведите ко мнѣ Ваню ключничка!»
Какъ ведутъ Ваню ключничка:
Бѣлыя куделюшки расчесаны,
Бархатный кафтанчикъ раздувается...
Привели-то Ванюшу ко князю Волхонскому.
«Ахъ ты, Ванька, сынъ!
Ты скажи, сколько лѣтъ со моей княгиней живъ?»—
—«Отъ кого вы узнали, батюшка Волхонскій князь?»
—«Я узналъ отъ дѣвочки сѣнной,
Отъ самой послѣдней!»—
—«Скажу вамъ, батюшка Волхонскій князь:
Ровно только девять лѣтъ.»
Закричалъ-то князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ, слуги мои, служеныки, слуги вѣрные!
Какъ вы сдѣлайте хоромы, хоромы не мшеные,

Совсѣмъ не свершеные,
Вы сдѣлайте въ хоромахъ релюшки точеныя,
Релюшки точеныя, петельки шелковыя,
Вы подите, приведите сюда Ваню ключничка!»
Стали Ваню жаловать релюшками точеными,
Релюшкамп точеными, петельками шелковыми...
«Ахъ ты, батюшка Волхонскій князь!
Прикажи мнѣ слово молвить...»
Какъ и Ванюшка-то на реляхъ качается;
Молодая княгиня во теремѣ кончается.

Саратовская губернія, Сердобскій уездъ. Кирѣевскій, вып. V,
стр. 159.

43.

Какъ во-далече, далече, — въ каменной Москвѣ,
Въ той было уличкѣ Успенской,
Тутъ живетъ, проживаетъ батюшка Волхонскій
князь,
У него да проживаетъ молодой деньщикъ,
Молодой деньщикъ да Ванька ключничекъ,
Молодой его княгини полюбовничекъ.
Онъ не годъ живетъ, Ванюшка, не два года;
Онъ живетъ у него да три годочка.
На четвертый годочекъ князь довѣдался,
Самъ на него прогнѣвался.
Выходитъ князь на высокъ балконъ
И кличетъ онъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли при мнѣ слуги, слуги вѣрные мои?
Вы пойдите, приведите Ваньку ключничка!»
Ведутъ-го, ведутъ Ванюшеньку не пьянаго,
А ведутъ его избитаго.
Его буйная головушка изломана,
Коленкорова рубашка вся изорвана,
Матерева жилетка кровью призабрызгана...

Приводят Ванюшку ко князю каяться;
Началь его князь грозно спрашивать:
«Ты давно ли, Ванюшка, съ княгиней знаешься?»
Отвѣчаетъ князю Ванюшка ключничекъ:
«Я сударь, не знаю, не вѣдаю...»
—«Я за то тебя, Ванюша, подарить хочу
Двумя селами со деревнями...»
—«Я самъ знаю про то, вѣдаю:
Хочешь ты дарить двумя столбами съ перекладной,
Четвертой-то шелковой нетелькой,
За мою вину да за проступочку,
За веселую мою да за гуляночку.
Не веди ты па насъ гиѣвъ да свою пенюшку,
Веди ты гиѣвъ да на свою жену,
На свою супругу благовѣрную!
За охотниками она была охочая...»
Не домолвилъ Ванюша ключничекъ,
И ужъ качается въ шелковой нетелькѣ,
Между двумя столбами съ перекладиной.

Пермская губерія, Камышловскій уѣздъ. Шейнъ (Чтенія), стр. 27.

44.

Что жилъ-ноживалъ господниъ Волконскій князь;
У этого у князя жилъ Ванюша ключничекъ.
Ваня годъ живётъ, другой живётъ;
На третій годъ князь довѣдался.
Закричалъ князь Волконскій своимъ громкимъ голо-
сомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
Вы подите, приведите вора Ваньку ключничка!»
Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,

Сафьянные саночки кровью принаполнены.
Закричалъ-то господинъ Волхонскій князь громкимъ
голосомъ:
«Вы подите-ка, вы выройте двѣ ямы глубокѣхъ,
Вы поставьте-ка два столбика дубовыихъ,
Положите перекладаецъ сосновыйи,
Повѣсьте двѣ петли шелковыя!
Пускай Валя покачается,
Молодая-то княгиня понечалится!»

Исковская губернія. Кирѣевскій, вып. V, стр. 137. Записано
А. С. Пушкинымъ.

45.

У князя, у князя, у князя Волхонскаго
Быль Ванюша вѣрный ключничекъ,
Молодой княгини вѣрныи полюбвиичекъ.
И все князь дознался, все-то онъ довѣдался
Черезъ сѣнную, сѣнную дѣвчонку;
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Роите ямочки, ямочки глубокия,
Становьте, становьте столбы высокіе,
Вейте петли, петли шелковыя!
Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Приведите ко мнѣ Ваню ключничка!»
Идетъ Валя, идетъ, спотыкается;
Молода княгиня плачетъ и печалится.
Виситъ Валя, виситъ, качается;
Молода княгиня въ спальнѣ кончается.

Рязанская губернія. Сапожковскій уездъ. Прокунинъ, № 6
(«протяжная»). Второе подустиниѣ повторяется.

46.

А годка лѣсная подь закрышею цвѣла;
Молода княгиня съ княземъ въ теремѣ жила.
Былъ Ванюша-Вапя, ключникъ молодой;
Злой разлучникъ чужу сторону позналъ;
Сталь похаживать къ княгинѣ молодой,
Подарилъ княгинѣ злато кольцо.
А княгиня молодая увивалась въ сорочкѣ на плечѣ (?),
Просила-голосила на князеву кровать,
На шелковую перину, на пуховую подушку...
Сталь домѣчать князь до княгини до своей...
«Слуги, слуги, слуги вѣрные мои,
Вы подите, приведите Ваньку ключника ко мнѣ!
Какъ ведутъ, ведутъ Ванюшу на шелковомъ поясѣ...
Какъ повѣсили Ванюшу на шелковомъ поясѣ:
«Ты висп, висп, Ванюша, за князеву жену!»
Какъ повѣсили княгиню на ремennomъ на кнутѣ:
«Ты висп, висп, княгиня, по несчастью своему!»

Смоленская губернія. Смоленскій вѣстникъ, 1888 года. № 32.

47.

Ты, батюшка нань, батюшка,
Воевода князь Волконскій!
Ты пьешь, гуляешь, ничего не вѣдаешь!
Какъ живетъ твоя молодая княгиня
Со младымъ ключникомъ,
Твоимъ разлучникомъ!»
Тутъ Волконскій князь призадумался...
Какъ и сталь-то князь Волконскій
Молодаго ключника допрашивать:
«Ты живешь ли, молодой ключничекъ,
Со молодой княгинею?»

Молодой ключничекъ повинился:
«Во зеленомъ саду много гуляю,
За бѣлы руки много державо.»
Осерчалъ-то, закричалъ князь Волкопскій:
«Эй, поставьте два столба точеные,
На нихъ жердочку крашеную,
Да повѣсьте петельку шелковую!»
Виситъ молодой ключничекъ, качается;
Лежитъ молодая княгинишка, кончается.

Терская область. Терскія Вѣдомости 1868 года, № 52.

48.

Во селѣ-то, во селѣ было Измайловѣ,
У князя было у Волхонскаго,
Изъ терема было изъ высокаго,
Изъ окошечка было изъ косяцаго,
Изъ стекольца изъ хрустальнаго,
Вылеталъ тутъ, вылеталъ младъ ясенъ соколь,
Младъ ясенъ соколь, игашка вольная.
За соколомъ бѣжитъ слуга вѣрная,
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты ой сеп, младъ ясенъ соколь!
За тебя ли меня, сокола, казнить хотятъ,
Казнить-то хотятъ, хотятъ вѣнчать!»
Онъ кричитъ-то ему, кричитъ громкимъ голосомъ:
«Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!
Я теперь соколь на своей волѣ!
Вечоръ-то вы падо мною надругались:
Кормили вы меня, сокола, мертвою воропою,
Понли сокола водою болотною!»

Симбирская губернія, Буинскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V,
стр. 161.

49.

Время проходить, время летить,
Время проводить, ничто не льститъ.
Любила княгиня камеръ-лакея,
Любила она четыре года;
На пятомъ году князь догадался,
На княгиню прогнѣвился:
«Слуги мои, слуги вы вѣрные, щлицемѣрные!
Вы поймайте камеръ-лакея,
Вы поймайте молодого,
Руки вы, ноги свяжите.
И вы бросьте въ тое рѣку,
Въ тое рѣку во Смородинку!»
Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась;
Разболѣла, захотѣла свѣжей рыбы,
Свѣжей рыбы, бѣлужины:
«Слуги мои вѣрные,
Слуги мои щлицемѣрные!
Возьмите вы шелковій цеводъ,
Поймайте миѣ свѣжей рыбы,
Свѣжей рыбы, бѣлужины!»
Сколько ловили, не изловили;
Только поймали бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло камеръ-лакея,
Камеръ-лакея молодого.
«Не кладите вы на землицу,
Вы положите на скамьцу,
Вы несите во свѣтлицу,
Отворьте-откройте двери, окошки!
Подымитесь вы, буйные вѣтры,
Вывѣйте пзъ князя душу,
Вы вложите въ камеръ-лакея,

Вы вложите въ молодого!»
Ея вѣтры не послушались,
Изъ князя душу не выѣвали
И въ камеръ-лакея не дували.
«Охъ вы, мои рѣзвыя ноги,
Знать-то вы ко мнѣ не находились!
Охъ вы, мои бѣлыя руки,
Знать-то вы меня не наобнимались!
Охъ вы, мои очи ясныя,
Знать-то вы на меня не наглядѣлись!
Охъ вы, мои уста сахарныя,
Знать-то меня не нацѣловались!
Охъ вы, мои цвѣтныя платья,
Знать-то мнѣ васъ не носили!
Охъ вы, мои черныя платья,
Знать-то мнѣ васъ надѣвали!
Знать-то мнѣ цвѣтное платье скидывали,
Надѣвать-то мнѣ платье черное!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. V, стр. 180. Каждый стихъ повторяется.

50.

Любила княгиня камеръ-лакея,
Любила ровно четыре года.
Увѣдалъ князь про княгиню,
Что любитъ камеръ-лакея.
«Есть ли у меня вѣрныя слуги,
Вѣрныя слуги, камеръ-лакеи?
Берите вы, слуги, тутіе луки,
Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло, въ камеръ-лакея;
Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку!»
Увѣдала княгиня про камеръ-лакея.
«Есть ли у меня вѣрныя слуги,

Вѣрные слуги, камеръ-лакеи?
Вяжите, вяжите шелковы неводы,
Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
Ловите, ловите бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло, камеръ-лакея,
➤ Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
Несите вы тѣло въ свѣтлу свѣтлицу!
Вздуйте вы, вздуйте, буііные вѣтры,
Выньте вы, выньте душу изъ князя,
Душу изъ князя, изъ моего мука,
Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло, въ камеръ-лакея,
Камеръ-лакея, моего милаго!
Кого я любила, того бѣ оживила,
Кого не любила, того бѣ погубила!»

Иссеникъ 1780 года, ч. III, стр. 168. — Россійская Эрата,
ч. III, № 110. — Кирѣевскій, вып. V, стр. 182. — Шейвъ
(Чтенія), стр. 33.

51.

Ахъ, нынѣшняя зима непогожая была,
Непогожая была—все метелица мела,
Завьяла, замела, веѣ дорожки занесла!
Ахъ, нѣту миѣ пути, куда къ миленькой идти!
Я по старымъ по примѣтамъ по задгуменью пройду
И я улицею—сѣброй утицею,
Черезъ червую грязь—перепелицею,
Подъ воротенку поиду—бѣлой ласточкою,
На широкиі дворъ взойду—горностаюпкою,
На крылечушко взлечу—яснымъ соколомъ,
Во высокъ теремъ взойду—добрымъ молодцомъ.

Какъ увидѣла боярыня холопа изъ окна:
«Ахъ, негодница холопъ, гдѣ ты спалъ, ночевалъ?»
—«Боярыня, сударыня, у тебя въ терему,

У тебя въ терему, въ ниномъ браномъ пологу,
Въ ниномъ браномъ пологу, на перицахъ, на пуху!»
— «Ахъ, негодница холопъ, на что сказываешь?»—
— «Боярыня, сударыня, на что спрашиваешь?»
Кабы ты да не спросила, я бы вѣкъ не сказалъ!»—
— «Ахъ, негодница холопъ, я съ двора тебя со-
шлю!»—
— «Боярыня, сударыня, я и самъ сойду,
Я и самъ сойду, три бѣды снаряжу:
Ахъ, первую бѣду, воронá коня сведу,
А другую-ту бѣду, твою дочь уведу,
А третью бѣду, самое тебя убью!»—
— «Ахъ, душечка холопъ, животы мои холопъ,
Покажи ты у меня, поработай на меня,
На меня на вдову и на дочь на мою!»
— «Боярыня, сударыня, я и радъ работать,
На тебя на вдову и на дочь на твою!»

Ильсенникъ 1780 года, часть III, стр. 137.

52.

Ужъ ты, зимушка, зима,
Зима выюжлива была,
Все кутила, все мела,
Примораживала,
Калинушку съ малинушкой
Заламивала!

Какъ изъ барскихъ воротъ
Молодой идетъ холопъ;
А на встрѣчу холопу
Сама барыня идетъ
И приукраживаетъ:
«Ахъ ты, с . . . слышь холопъ,

Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Гдѣ поченку почевалъ?»
— «Сударыня боярыня,
Во твоємъ терему,
Въ шитомъ браномъ пологу,
На перинѣ, на пуху,
> Съ твоей дочерью,
Душой Машенькою!» —
— «Ахъ, ты, с . . . сынъ холопъ,
Почто сказываешь?» —
— «Сударыня боярыня,
Почто спрашиваешь?» —
— «А я тебя, каналья,
Со двора своего согною!» —
— «Сударыня боярыня,
Не согнавши, самъ пойду,
Душу Машу уведу!» —
— «Ты, раздушечка холопъ,
Поживи со мной годокъ,
Поработай на себя,
Отдамъ Машу за тебя!»

Тверская губернія, Осташковскій уѣздъ. Шейпъ, стр. 173
(«хороводная игровая»).

53.

Ужъ ты, зимушка, зима,
Зима выюжливая;
Зима выюжливая,
Заметелпстая,
Закуделпстая!

Изъ тѣхъ новыхъ воротъ
Идетъ съ барыней холопъ.
Какъ и барыня холопа

Стала спрашивать:
«Ты, раздушенька холопъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Темну почку почевалъ?»—
—«Сударыня боярыня,
У тебя въ терему,
Съ твоей дочерью!»—
—«Ты, раздушенька холопъ,
Зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня боярыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?»—
—«Ты, раздушенька холопъ,
Поди вонъ изъ хоромъ!»—
—«Сударыня боярыня,
Безъ посылу вонъ поиду,
Три-то бѣды расскажу:
Я на первую бѣду—
Воротнички растворю,
На вторую-то бѣду—
Пару коней уведу,
А на третью бѣду—
Твою дочь увезу,
Во карету посажу!»—
—«Ты, раздушенька холопъ,
Поживи со мной годокъ,
Поработай на меня,
На меня и на себя,
И на дочь на мою!»

Тверская губернія. Шейнъ, стр. 177 («хороводная игра»). После
каждыхъ двухъ стиховъ призывъ: Дунай мой, Дунай, сынъ Ива-
новичъ Дунай.

54.

Несчастливая наша доля! никто насъ не любить!
Полюбила молодчика дворянская дочка,
Взяла его за рученьку, повела во спальню,
Посадила на кровать, стала его цѣловать;
Цѣловала, миловала, къ сердечушку прижимала:
«Сердечушко-радость мой, ты, молодчикъ молодой!
Посиди, душа, со мной, сотворю любовь съ тобой!
Научи меня по-русски, еще по нѣмецки!»—
—« Шилды, балды, закоулды, это по-нѣмецки;
Разбестія, подай банмакъ, то есть по-россійски!»

Вдоль по лугу, лугу, лугу зеленому,
Шель молодчикъ молодой, не женатый, холостой.
Увидѣла барыня молодчика изъ окна:
«Ахъ ты, душечка лакей, ты, молодчикъ молодой!
Гдѣ ты былъ, побывалъ, темну ночь ночевалъ?»—
—«Сударыня барыня, я у васъ въ терему,
Я у васъ въ терему, въ шптомъ браномъ пологу,
На кроватушкѣ спалъ, твою дочку цѣловалъ!»—
—«Ахъ ты, бестія лакей, зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня боярыня, на что спрашиваешь?»—
—«Я жъ за эту за вину со двора тебя сгоню!»
—«Сударыня барыня, я и самъ сойду,
Я и самъ сойду, три бѣдыстрясу!
Ужъ какъ первую бѣду,—кладовую подломлю,
А другую-то бѣду,—пару коней уведу,
Еще третю бѣду,—твою дочку увезу!»

55.

Узъ за барскаго двора
Выѣзжаетъ самъ холуї.
На встрѣчу холую
Сама барыня идетъ,
За собою дочку ведетъ,
Сама спрашиваетъ:
«Ты, разе. . . сынъ холуї,
Ужъ ты гдѣ побывалъ,
Да ты гдѣ почевалъ?»
—«Сударыня барыня,
Я у васъ на дворѣ,
Во высокомъ терему,
Во горницѣ во новой,
На кровати тесовой,
Съ ваншею дочерью родной!»—
—«Ты, разе. . . сынъ холуї,
Зачѣмъ сказывасшь?»—
—«Сударыня барыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?»—
—«Ты разе. . . сынъ холуї,
Со двора я вонъ сгоню!»—
—«Сударыня барыня,
Самъ съ охотою пойду,
Вашу дочку уведу!
Сударыня барыня,
Я вамъ дровецъ наколю,
Въ спальнѣ печку нетоплю!»—
—«Разе. . . сынъ холуї,
Я блиновъ те псеку!»

Архангельская губернія, Мезенскій уездъ. Ефименко, стр. 78
[«вечериночная»). Послѣ каждыя двухъ стиховъ прибѣвъ:
Дунай мой, Дунай, веселый Дунай.

56.

Изъ холопскихъ воротъ
Молодой холуїи пдетъ;
Изъ боярскихъ воротъ
Сама барыня пдетъ,
Сама барыня пдетъ,
За собой дочку ведетъ.
«Ты, разс. . . сынъ холуїи,
Гдѣ ты, былъ побываль?»—
—«Сударыня, на дворѣ,
Во високомъ теремѣ,
На кроваткѣ тессовой,
На перинѣ пуховой,
На подушкѣ шелковой,
Съ твоѣй дочерью родной!»
—«Ты, разс. . . сынъ холуїи,
На что сказываешь?»
—«Сударыня боярыня,
На что спрашиваешь?
Кабы ты не спросила,
Я бѣ тебѣ по вѣкъ не сказалъ!»
—«Ты, разс. . . сынъ холуїи,
Со двора долой сгоню!»—
—«Сударыня боярыня,
Самъ охотою пойду,
Три бѣды я сдѣлаю:
Какъ я первую бѣду—
Тройку сѣрыхъ уведу,
А другую бѣду—
Я коляску увезу,
А третью бѣду—
Твою дочку увезу!»—

— «Ты разе сынъ холуй,
Со дороги ворочу!»

Тульскій уездъ. Шейнъ, стр. 179. Послеъ каждыѣ двѣ стиховѣ
привѣтъ: Дунай мой, Дунай, съ повтореніемъ втораго стиха.

57.

Какъ задула, завела
Скорь-погода и выюга;
Какъ задула, занесла
Всѣ дорожки и пути,
Всѣ дорожки и пути,—
Негдѣ къ лапушкѣ пройти!

Пробирался воръ Ванюша
Позагуменьемъ, позасельницемъ;
Становился воръ Ванюша
У широкинъхъ воротъ.
А милая увидала
Пзъ краснаго пзъ окна;
Катюшенька выходила,
Его за руку взяла:
«Ужъ ты, с сынъ Ванюша,
Гдѣ ты былъ, побываль?»—
— «Сударыня боярыня,
Я у васъ въ терему,
Я у васъ въ терему,
Я давно здѣсь стою.»
— «Ужъ я за эту вину,
Я во дворъ къ себѣ приму!»
— «Сударыня боярыня,
Я съ охогою пду!
Ужъ я за эту вину
Три бѣдушки едѣлаю:
Ужъ я первую бѣду—

Я ворота растворю;
Я другую-то бѣду—
Пару коней уведу!»

Владимірская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, № 19. После
каждаго двуступня припѣвъ: Чернобровка, чернобровка, чернобровая
лов.

58.

Спрошу Ваня у тебя:
Не болитъ ли голова?
Что не болитъ ли головунка,
Не ноетъ ли животъ?—
— Хоша ноетъ животъ,
Въ отдалѣ милой живетъ;
Что во далѣ, во далѣ—
На чужой сторонѣ,
На чужой дальней сторонкѣ,
За канавой, за рѣкой,—
Перевозъ дорогой,
Перевозчикъ молодой.
Что не бѣлая береза
Къ землѣ клонится;
Не сырая, кужлевая
Разстиляется;
Передъ молодцемъ дѣвица,
Призадумавшись, стоптъ,
Во туманѣ говорятъ:
Таки братъ, таки братъ,
Таки братъ сестру нашель,
Къ сестрѣ въ гости пошелъ,
Три подарочка понесъ:
Подарочки—прянички,
Орѣшечки, яблочки;
Таки ситчику на юбочку,

Тафты на рукавцы,
Плису-бархатцу на шейку,
Галунокъ на платокъ.

«Ужъ ты, с . . . сынъ лакей,
Ты, каналья лакей,
Гдѣ ты спалъ, ночевалъ?»—
—«Сударыня барыня,
Я у тя въ терему,
Въ шитомъ браномъ пологу,
На перинѣ, на пуху,
Съ твоей дочерью!»—
—«Ужъ ты, с . . . сынъ лакей,
Ты, каналья лакей,
Я въ солдаты отдамъ!»—
—«Сударыня барыня,
Я и самъ пойду,
Три бѣды уведу:
Я первую-то бѣду—
Пару коней уведу;
А другую-то бѣду—
Я карету увезу;
А третью-то бѣду—
Твою дочь посажу!»—
—«Ужъ ты, с . . . сынъ лакей,
Зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня барыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?
Кабы ты бы не спросила,
Я бы вѣкъ бы не сказалъ,
Всѣмъ сосѣдямъ заказалъ!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 132 («семейная
протяжная»).

59.

Полянка, полянка, дѣвчонка моя,
Да и гдѣ же ты, поляночка, погуливала?
Не видать, не слышать, да не чуть про нее!
Взговорила, взволновалась поляночка во селѣ,
Заразъ очутилась у дѣвушки на дворѣ.
Всѣ дѣвушки глядятъ, всѣ молодунки смотрятъ.
«Не дивуйтесь-ка, сестрицы, на мое веселье;
Не одна я пришла,—со милымъ дружкой,
Со миленькимъ дружочкомъ, все забавничкомъ!
Вы запойте-ка, сестрицы, вы запойте казачка,
Того казачка, все забавничка!»

Казакъ, казачекъ, казакъ, миленькій дружекъ,
Ему скачутъ, ему пляшутъ и его веселятъ.
«Прощай, милая коханка, прощай, лапушка моя!

> Буду въ дальніе края, покидаю я тебя!
Прощай, мой свѣтъ, мнѣ милѣе тебя нѣтъ!..»

«Раздушечка казакъ, покиви у меня,
У меня въ терему съ моей дочерью!...
Разс. . . сынъ казакъ, со двора тебя стопо!»—
—«Я и самъ сойду, три бѣды сведу:

Какъ первую бѣду—пару коней уведу;
А вторую бѣду—твою дочь увезу;

> А третью бѣду—самое те увезу!»

Уральская область. Мякушино, стр. 119 («удалая»).

60.

Собирался князь Михаило
Въ государеву во службу;
Онъ приказывалъ своей матушкѣ,
Онъ приказывалъ своей государынѣ:
Томъ I.

«Ужъ ты, матушка моя родная,
Береги ты мою княгиню,
Береги мою молодую;
Ужъ ты пои, корми княгиню,
Ужъ ты пои, корми молодую
Все сытою медовою,
Все крупничатыми калачами!»
Это матушкѣ за досаду.
Со двора князя проводила;
Его матушка говорила:
«Ужъ вы, няньки, вы, мамки!
Истопните баню жарко,
Накалите вы горючь камень!
Ты поидемъ-ка со мной, невѣстка,
Мы поидемъ съ тобою въ баню!»
Въ трон рученьки своху держали,
Въ четвертыя грудь поролн,
Горючь камень опускали.
Она въ первый разъ возмолилась—
У князя Михайла шляпа спала,
На сажень прочь отлетѣла;
Она въ другой разъ возмолилась—
У князя Михайла конь спотынулся.
«Ахти, братцы государи!
У меня въ домѣ нездорово:
Либо матушки не стало,
Либо молодой княгини!»
Съ половины съ дорожки воротился.
Его матушка встрѣчаетъ
И со няньками, со мамкамъ,
А безъ молодой княгини.
«Ужъ ты, мать моя родная,
Ужъ какъ гдѣ же моя княгиня,
Ужъ какъ гдѣ моя молодая?»
—«Что твоя ли княгиня,

Что твоя ли молодая,
Всю поченьку не сыпала,
Все съ друзьями просидѣла;
Она теперь почиваетъ
Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во дубовой во гробницѣ!
— «Ужъ вы, няньки, ужъ вы, мамки.
Вы подайте мнѣ саблю острую!»
Онъ срубилъ себѣ буйну голову.
Его матушка закричала:
«Ахти, я, сука, согрѣшила—
Ровно три души погубила:
Ужъ я сына со невѣсткой,
Я младенца во утробѣ!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 169 («семейная яротья-
ная»).—Отечественныя Записки 1841 года, т. XVI, библио-
графія, стр. 57.—Кирѣевскій, выв. V, стр. 73.—Каждый стихъ
повторяется.

61.

Вотъ поѣхалъ князь Михайло
Что на царскую-то службу,
На грозную государеву;
Оставлятъ онъ свою молодую княгиню,
Что княгиню Катерину,
И наказатъ своей матушкѣ родною:
«Ажъ ты, матушка родная!
Еще поѣ, корми княгиню
Все крупчатми калачами!»
Его матушка родная
Опосля его не вдолгѣ
Вѣду мыленку тонила,
Сѣрь-горючъ камень нажигала
И княгиню посылала

Что во бѣлую-то мыльню.
Тутъ княгиню изводила;
Распорола бѣлы груди,
Досмотрѣла во утробѣ:
Во утробѣ-то младенецъ...
Ахти, смертно перепалась...
Скорыхъ пѣсловъ посылала
И по нянекъ, и по манекъ,
И по вѣрныхъ служанокъ.
«Ажъ вы, няньки, ажъ вы, маньки,
И все вѣрныя служанки!
Вы берите, няньки-маньки,
Все три бѣлыя-то мыла
И четверто умыванье!
Вы умойте-ка княгиню,
Что княгиню Катерину,
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье!»
Вотъ мыли-то княгиню
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье;
Вотъ клали ту княгиню
Въ бѣлодубову гробницу;
Покрывали-то княгиню
Бѣлохрущатой камочкой;
Повезли-же-то княгиню
Ко соборною ко церкви,
Что ко матери Софьи;
Отпѣвали-то княгиню
И съ попами, и съ дьяками,
И со вѣрными слугами;
Вотъ клали-то княгиню,
Что княгиню Катерину
Въ сыру матерую землю.
Какъ прѣехалъ князь Михайло

На княгинину могилу, —
Его добрый конь споткнулся,
Съ главы шапочка свалилась;
Опъ и туго догадался:
«Ахти, дома нездорово!
Либо матушка померла,
Либо молода княгиня,
Что княгиня Катерина!»
Вотъ прѣхаль князь Михайло
Что ко матушкѣ на улку.
Его матушка стрѣчаетъ;
Онъ у матушки спрашиваетъ:
«Что ты, матушка, стрѣчаешь?
Ужъ-то гдѣ моя княгиня,
Что княгиня Катерина?»
Его матушка родная
За бѣлы руки примааетъ
И отвѣтъ ему содержитъ:
«Что ушла твоя княгиня
И ко нянькамъ, и ко мацькамъ
Побѣлится, румянится»...
Вотъ поѣхаль князь Михайло
И ко нянькамъ, и ко мацькамъ.
«Ажъ вы, няньки, ажъ вы, мацьки,
И все вѣрныя служанки!
Вы скажите сущу правду,
Вы скажите, не утайте:
Ужъ-то гдѣ моя княгиня,
Что княгиня Катерина?»
—«Ты, великій князь Михайло!
Твоя матушка родная
Опосля тебя не долгѣ
Бѣлу мыленку топчила,
Сѣрь-горючъ камень пажигала
И княгиню посылала

Что во бѣлую-то мыльню;
Тутъ княгиню пзводила;
Распорола бѣлы груди,
Досмотрѣла во утробѣ:
Во утробѣ-то младенецъ...
Ахти, смертно перепалась...
Скорыхъ пословъ посылала
И по нянекъ, и по манекъ,
И по вѣрныхъ служанокъ.
Вотъ обмыли мы княгиню,
Что княгиню Катерину
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье;
Положили-то княгиню
Въ бѣлудобову гробницу,
И покрыли-то княгиню
Бѣлохрущатой камочкой;
Увезли-же-то княгиню
Ко соборною ко церкви,
Что ко матери Софѣи,
И отиѣли-то княгиню
Все съ попами, все съ дяками,
Все со вѣрыми слугами;
Положили-то княгиню,
Что княгиню Катерину
Въ сыру матерую землю.»
Какъ поѣхалъ князь Михайло
И отъ нянекъ, и отъ манекъ,
И отъ вѣрныхъ служанокъ
На княгинину могилу.
У княгининоіи могилы
Со добра копя свалился,
О горючь камень зашибся.
Его матушка княгиня
Возлѣ рѣчущки ходила,

Зычнымъ голосомъ кричала:
«Ахтп, тяжко согрѣшила—
Три души я погубила:
И что первую-то душу
Эво—князя Михаила,
А другую-то вѣдь душу—
Его молоду княгиню;
А третью-то вѣдь душу—
Во утробѣ-то младѣна!»
А со той тоски-кручины
> И сама въ рѣчку бросалась...

Вологодская губернія. Москвитянинъ 1842 года, часть IV,
стр. 275.

62.

Какъ собрался князь Михайло
На грозную службу царскую;
Онъ называетъ родной матушкѣ:
«Охъ ты, матушка родимая!
Береги мою молоду княгиню,
Клади ее спать во соборную вечерню,
Подымай ее во соборную обѣдню;
Ты корми ее крупичатыми калачами,
Ты пой ее медовой сытой!»
Онъ садился на добра коня,
Сѣзжаетъ со широкаго двора.
Не усилъ князь со двора съѣхать,
Его матушка родимая
Приказала жарко мыленку топить.
Горючь камень разжигала,
На бѣлыя груди княгини клала.
Выѣзжаетъ онъ на чисто поле,—
Подъ княземъ конь спотыкнулся,
Подъ правой рукой

Ясный соколъ вострепнулся,
Съ князя шапочка свалилась.
Какъ возговоритъ Михайлъ князь:
«Ахти, дома все здоровы ль?
Вѣрно, матушки не стало
Или молодой моей княгини!»
Какъ воротился князь Михайло,
Онъ вѣзжаетъ на широкій дворъ;
Его матушка встрѣчаетъ.
«Ахъ ты, матушка моя родная!
Гдѣ моя молодая княгиня?»
— «Пошла твоя княгиня во высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ бѣлиться-румяниться.»—
Пошелъ князь Михайло во высокъ теремъ:
Бѣлочки все не тронуты,
Румяночки не ворохнуты,
Все дѣвочки въ черномъ платьѣ наряжены,
Русы косы расплетены.
«Гдѣ моя молодая княгиня?»
— «Ахъ ты, батюшка нашъ Михайлъ князь!
Мы не смѣемъ вамъ сказать....
Наша молодая княгиня переставилась,
Она стоитъ во соборной церкви!»
Какъ бросился князь Михайло во соборную церковь,
Увидалъ свою молодую княгиню...
Какъ возговоритъ князь Михайло:
«Ахти ты, матушка родная!
По родству-то ты мнѣ мать родная,
По разлукѣ же змѣя лютая!»
Вынимаетъ ишагу острую,
Онъ пронзасть свое ретиво сердце.
Его матушка раскаялась,
Со слезами слово молвила:
«Передъ Богомъ согрѣшила я,
Три души я погубила вдругъ:

Первую душеньку—сыповною,
Другую душу—певѣткнну,
А третью—младенца во утробѣ!»

Шенбургскъ (Архангельской губерціи). Кирѣевскій, выш. V, стр. 72.

63.

Какъ сряжался князь Михайло
Во путь дальнюю дорожку;
Наказывалъ князь Михайло
Своей матушкѣ родимой:
«Береги мою княгиню
И обрученну жену Катерину;
Ты вспой мою жену молодую,
Ты сытою вспой медовою,
Ты буди мою жену молодую,
Ты къ обѣднѣ, ко всенощны!»
Какъ поѣхалъ князь Михайло
Во путь дальнюю дорожку.
Ея матушка ея не влюбила;
По три день байну топтала,
Жарки каменья калила,
На бѣлую грудь сажала,
Бѣлы груди выжигала.
Посередь пути-дорожки
У Михайлы конь споткнулся,
И на рукѣ соколь стрелехнулся;
«Вѣрно въ домѣ нездорово!
Жива-ль-то матушка родная
И молодая княгиня?»
И посередь пути онъ дорожки ворочался;
Онъ къ домичку подъѣзжаетъ,
Родна матушка встрѣчаетъ.
— «Жива-ль ты, матушка родная,

И жива-ль молодая княгиня?»—

—«Какъ пошла твоя молодая,

Пошла въ садикъ погуляти,

Шелковой травушки помяти,

Зрѣлыхъ яблочковъ порвати!»

Пошелъ онъ во садикъ посмотрѣти—

Шелкова травушка стоитъ не мята,

И зрѣлы яблочки стоятъ не рваны.

Къ родной матушкѣ приходятъ:

—«Ужъ ты, матушка родная,

Ты въ первомъ случаѣ меня обманила!

Гдѣ жъ моя молодая княгиня

И обрученна жена Катерина?»—

—«Какъ пошла твоя жена молодая,

Пошла къ нянькамъ, пошла къ мамкамъ,

И ко сѣннымъ пошла краснымъ дѣвкамъ!»

И какъ пошелъ-то князь Михайло,

Пошелъ къ нянькамъ, пошелъ къ мамкамъ,

И ко сѣннымъ пошелъ краснымъ дѣвкамъ.

—«Ужъ вы, няньки, ужъ вы, мамки!

Не видали ль моеи княгини

И обрученной жены Катерины?»

—«Мы видать ей не видали,

А слыхомъ-то мы слыхали!

Твоя матушка родная

По три день байну томила,

И жарки каменья калила,

И на бѣлую грудь сажала,

Вѣлы груди ей выкигала!»

Онъ приходитъ къ родной матушкѣ:

—«Ужъ ты, матушка родная,

Во второмъ случаѣ меня обманила!»

—«А какъ пошла твоя молодая

Во соборну Божью церкву,

И пошла она Богу молиться

И за Михайлу Богу поклониться!»
Какъ пошелъ-то князь Михайло
Во соборну Божью церкву;
И стоитъ двѣ гробницы,
Все онѣ гробницы стоятъ золотыя,
И все покрыты стоятъ пеленою,
И пеленою покрыты золотою.
И вынимаетъ онъ два ножичка булатныхъ,
И во утробѣ онъ себѣ торнулъ...
И сдѣлалось три гробницы,
И всѣ гробницы стоятъ золотыя,
И покрыты онѣ пеленами,
И пеленами покрыты золотыми.
Сзади матушка стояла
И горючи слезы роняла:
— «Ужъ я курва, ужъ я б....а,
Ужъ я чистая супостатка!
Три души я всѣ сгубила:
Ужъ я сына и невѣтку
И во утробѣ я младенца!»

Новгородская губернія, Валдайскій уѣздъ. Новгородскій
Сборникъ, вып. II, стр. 170.

64.

Объѣзжаетъ князь Михайло
На войну ли воевати,
Царску службу службовати;
Оставляетъ князь Михайло,
Онъ молодую княгиню,
Онъ поручну Катерину;
Онъ наказывать матушкѣ родной:
«Сбереги мою княгиню,
Мою поручну Катерину!
Корми ея ветвицамъ сахарнымъ,

А пой-ка пугыцамъ медвянымъ!»
На то матушка ослушалась;
Парку байну затопляла,
Горячъ камень нажигала,
По насередкѣ клала.
—«Ты, родная моя мать,
Позволь три слова сказать—
Съ отцомъ, съ матерью проститься
И со княземъ со Михайломъ!»
Она выпла на крылечекъ,
Закричала громкимъ гласомъ:
—«Вы завѣйте, вѣтры буѣны,
Зашумите, лѣса темны,
Сколыбайся, синє море,
Сдогадаѣся, князь Михайло!»
—«Ахти, миѣ, братцы, тошнєнько,
Ретиву сердцу больнєнько:
Либо дома нездорово,
Либо матушки не стало,
Не то молодєвкой княгини,
Моей поручной Катерины!»
Князь Михайло побросался
Въ легку лодку;
Легка лодка—въ синє море;
Съ синя моря—въ чисто поле;
Въ чистомъ полѣ на добра коня садился;
Добрый конь нодъ пмъ бодрился.
Ко крылечку подѣзжаєть,
Никто его не встрѣчаєть,—
Его матушка родная,
Двѣ молодыя сестрицы.
—«Гдѣ молодая княгиня,
Моя поручна Катериша?»—
—«Она сидитъ во коморкѣ,
Коверъ вышиваєть,

Къ себѣ въ гости князь-Михайла дожидаетъ.»

Князь Михайло срадовался,

Во коморку побросался;

Во коморкѣ ея вѣту.

Князь Михайло къ нянькамъ, къ мамкамъ,

Онѣ ко вѣрнымъ служанкамъ:

—«Мамки, вы, няньки, вѣрныя служанки!

Гдѣ жъ молодая княгиня,

Моя поручна Катерина?»

Отвѣчаютъ ему мамки,

Его вѣрныя служанки:

—«Въ Божьей церкви подъ престоломъ!»

Князь Михайло испугался,

Въ Божью церковь побросался.

Онѣ гробницу открываетъ,

Востру саблю вынимаетъ,

Тычетъ тупымъ концомъ въ сыру землю,

Вострымъ концомъ въ бѣлы груди.

Его матушка родная

По оградушкѣ бѣжала,

Громкимъ голосомъ кричала:

—«Ахти мнѣ, я согрѣшила,

Три души я погубила:

Се я сына, се невѣтку,

Се во черевѣ младенца!»

С. Петербургская губернія, Новолодожскій уѣздъ, Новгородскій
Сборникъ, вып. II, стр. 171.

65.

Объхалъ князь Михайло жениться;

Женился—у матушки родимой не спросился,

Обвѣнчался онѣ—ей не сказался.

Его матушка родима

Была гнѣвна и сердита.

Онъ побѣждалъ, Михайло, воевати,
Своей онъ матушкѣ молился:
«Ай же ты, матушка родима!
Береги мою княгиню!
Ты корми мою княгиню
Бѣтвушкой сахарной,
Ужь ты пой мою княгиню
Питвицею медвянымъ,
Ты води мою княгиню
Въ соборъ Богу молиться,
Ты ложки мною княгиню
Въ маленькую спальню,
А сама ложись съ княгиней
На тисовую кроватку!»
Его матушка родима
Скоро съ дому спроводила,
Парну баенку тонила,
Парну байну, не угарну;
Созвала мать княгиню
Въ парну баенку помыться;
Нажигала она горючь камень до калпы,
Положила горючь камень
Мать княгини на утробу.
Княгиня въ первый разъ вскричала,—
Все браждана услыхали;
Во второй-еть разъ вскричала,—
Все палата задрожала;
А и въ третій разъ вскричала,—
Земля-мать задрожала.
Выжигала у княгини
Мать младеня изъ утробы;
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку;
Положила мать княгиню со младенемъ
Въ бѣлодубову колоду;

Набивала на колоду
Три обруча желѣзныхъ;
Оцуетила мать колоду
Въ сине море Вольинско.
У него, князя Михайлы,
Вороной конь его споткнулся,
Востра сабелька сломилась,
Изъ глазъ слезы покатились.
Испроговорить князь Михайло:
«Вы постоите-ка, ребята,
Молодые офицеры!
Развѣ дома у меня нездорово:
Родна матушка неможесть,
Молода жена хворасть.»
Пріѣзжалъ тутъ Михайло
Ко своей бѣлокаменной палатѣ.
Его матушка встрѣчала,
Со пріѣздомъ проздравляла,
Со пріѣздомъ проздравляла,
Со добра коня снимала.
Испроговорить князь Михайло:
«Ахъ ты, матушка родима!
Не тебѣ бѣ меня встрѣчати,
Со пріѣздомъ проздравляти,
Со добра коня снимати,
А молодой моей княгини!
Ахъ ты, матушка родима!
Гдѣ моя княгиня?»
— «Твоя-то, князь, княгиня
Горда и спесива,
Все въ горенкѣ просидѣла,
Въ окошко просмотрѣла,
На кровати пролежала,
На кроваткѣ на тесовой,
На перинкѣ на пуховой;

Не пила и не ѣла,
Никуда не выходила.»
Его слуги вѣрные встрѣчали,
Со приѣздомъ проздравляли.
«Слуги вѣрные любимы!
Гдѣ моя княгиня?»
Слуги вѣрны говорили:
«Твоя-то, князь, княгиня
Въ синемъ морѣ Волынскомъ,
Въ бѣлодубовой колодѣ!
Тебя мать родима
Скоро съ дому спроводила, —
Парну баенку топила,
Парну байну не угарну;
Нажигала мать горючъ камень до калшны;
Созвала мати княгиню
Въ парну баенку помыться;
Положила горючъ камень
Мать княгинѣ на утробу;
Выжигала у княгини
Мать младеня изъ утробы;
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку;
Положила княгиню со младенемъ
Въ бѣлодубову колоду!
Поди-тка къ рыболовамъ, князь Михайло!
Пускай они закинуть шелковъ неводъ!»
Онъ пошелъ, князь Михайло, къ рыболовамъ;
Велѣлъ онъ рыболовамъ
Закинуть шелковъ неводъ.
Шелковъ неводъ закидали,
Колоду вытягали;
Тутъ колоду разбивали.
Увидалъ тутъ князь Михайло
Княгиню со младенемъ.

На колоду ушибался,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощался,
Со своею душой разстался.
Его маменька родима
Вдоль по бережку ходила,
Но бережку ходила,
Причеты говорила:
«Тяжко, тяжело согрѣшила—
Три души я погубила:
Перву душу безымянну,
Другу душу безотвѣтну,
Третью душеньку сердечну!»

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, ч. II, стр. 251

66.

Собирался князь Михайло,
Онъ во царскую во службу,
Онъ приказывалъ свою молодую княгиню
Своей матушкѣ родимой:
«Не покинь мою молодую княгиню
Да при нуждомъ при времѣ!»
Какъ съѣхалъ князь Михайло
Со широкаго подворья,
Велѣла она банюшку топить,
Горючъ камень разжигати.
Молодой княгинѣ
На бѣлыя груди клала.
Она первый разъ закричала,
А въ другой-то застонала,
А въ третій замолчала.
Воротился князь Михайло
Со пути ли со дорожки
Ко широкому подворью.

Томъ I.

Его матушка встрѣчала,
Во сахарныя уста цѣловала.
«Охъ ты, мать ты мнѣ родная!
Да гдѣ жъ моя молода княгиня?»—
—«Твоя молода княгиня
Съ пяньками-мамками играетъ.»
Какъ кинулся князь Михайло
Свою молоду княгиню искать:
«Охъ ты, матушка мнѣ родная!
Ты скажи, не утой,
Гдѣ жъ моя молода княгиня?»
Какъ взговорять князю
Красны дѣвушки:
«Мы бъ сказали тебѣ,
Гдѣ твоя молода княгиня;
Да мы боимся
Твоей матушки родимой!»—
—«Охъ вы, дѣвушки голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Гдѣ жъ моя молода княгиня?»—
—«Твоя молода княгиня
Въ грановитой во палатѣ;
Тамъ твоя молода княгиня.»
Какъ кинулся князь Михайло....
«Ужъ не мать ты мнѣ,—злодѣйка!
Три души ты загубила:
И ты сына со невѣсткой,
И младенца во утробѣ!»

Тулская губернія. Алексинскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 70

67.

Какъ поѣхалъ князь Михайло
Во царскую во службу,
Во царскую во службу,

На великую шужду;
Поглядалъ свою княгиню,
Молодую Катерину;
Онъ приказывалъ княгинѣ,
Своей матушкѣ родной:
«Охъ ты, матушка родна,
Береги молодую княгиню,
Береги ты мою княгиню,
Молодую Катерину;
Ты корми мою княгиню
Крупничатыми калачами,
Ты пои мою княгиню
Сытою медовою.»
Не успѣлъ князь со двора съѣхать,
Его добрый конь споткнулся,
Съ него бархатная шапочка свалилась;
Ужъ какъ тутъ-то князь Михайло, онъ вспомнилъ,
Какъ вспомнилъ ли, горько князь восплакнулъ:
«Ахти, дома у меня нездорово,
Моей матушки родной не стало,
Либо моей молодой княгини,
Молодой княгини Катерины.»
Его матушка родная
Жарку башошку топила,
Горючь камень разжигала,
Молодую княгиню погубила:
Бѣлы груди ей разрѣзала,
Молоденца вынимала,
На горючій камень клала.
Какъ пріѣхалъ князь Михайло,
Его матушка встрѣчаетъ,
Его матушка встрѣчаетъ,
За бѣлы руки примааетъ,
За дубовый столъ сажаетъ.
«Ахъ ты, матушка моя родна,

Гдѣ моя молодая княгиня?»
—«Молодая твоя княгиня
Пошла Богу молиться»....

Якушкинъ, стр. 372.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 19.

68.

Какъ женился князь Михайло
Опѣ на душенькѣ на княгинѣ,
На молодой душѣ Катеринѣ.
Князь у службу собирался;
Его матушка провожала.
«Ужъ ты, матушка родная!
Ты корми мою княгиню,
Молоду душу Катерину!»
Во пути во дороженькѣ несчастье случилось—
Подъ нимъ вороной конь споткнулся,
Пухова шляпа упала.
«Вы постойте жъ, мои братцы!
Знать, что дома не здорово:
Жива ли моя княгиня,
Молода душа Екатерина?...»
«Ужъ ты, матушка родная!
Гдѣ жъ моя княгиня?»
—«Ужъ твоя, сударь, княгиня
Во бѣлыхъ палатахъ—
Во тесовой во гробницѣ!»
Вынимаетъ князь саблю острую,
Съ себя голову снимаетъ.
—«Ахти, Боже, согрѣшила,
Я три души погубила:
Я сына и невѣстку,
А третьяго младенца!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Кирѣевскій,
вып. V, стр. 74.

Михайло

69.

Какъ поѣхалъ же князь Михайло
Въ чисто полечко погуляти
Со своими князьями-боярами,
Со советничками потайными,
Со причетничками удалыми.
Его добрый-есть конь споткнулся.
«Что ты, добрый мой конь, спотыкаешься?
Али слышишь ты невзгодушку?
Али чувствуешь кручинушку?
Али дома у насъ нездоровится?...
Молода моя княгиня нездорова:
Ума-разума лишилася,
Во синее море бросилася.»
Туть-то плыли, выплывали
Двѣ лодочки дубовыя,
Рыболовнички молодые;
Они кидали и бросали
Бѣлосиенькіе пеходочки,
Бѣлодубовыя наплавочки;
Пеловили да свѣжу рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою.
Того рыболовы испугался,
Все по кустичкамъ разбѣжался:
«Ай, поймали мы бѣлую рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою!»
Князь Михайло во чистомъ полѣ;
Задумалъ онъ крѣпку думушку
Про великую кручинушку.

Его ретивое сердце зашумѣло,
Ретивое ему не сказало
Про великую его досадушку.
Возговорить князь-еть Михайло тутъ
Слова ласковыя, знакомыя:
«Ай бо вы, князя мои, бояра,
Вы, совѣтнички потайные!
Разскажете-ка кручинушку:
Мой-то добрый конь споткнулся здѣсь,
Повѣсилъ онъ буйную голову;
Знать печаль-то миѣ, кручинушка....
Миѣ великая невзгодушка.
Молода жена съ ума сошла;
Она бросилась во синѣ море,
Во Кивачь-рѣку быструю!
А Прытнѣ-рѣка поперекъ бѣжитъ.
Воротитесь-ка, князя-бояра,
Вы, причетнички богатые!»
Воротился князь Михайло тутъ,
Онъ къ себѣ-то во высокъ теремъ.
Какъ встрѣчали его домашніе,
Онъ бросились на широкій дворъ,
На широкомъ двору крѣпко плакали,
Все кричали громкимъ голосомъ:
«Обо еси, великій князь!
Ужъ мы скажемъ те, проговоримъ,
Какъ случилась невзгодушка:
Княгиня-то, наша матушка,
Ума-разума лишилася;
Она бросилась во синѣ море,
Во синѣ море, къ желтымъ пескамъ!»

70.

Летѣла пава черезъ улицу,
Ронила пава павино перо;
Мнѣ не жаль пера, жаль мнѣ павушки.
Ой, мнѣ жаль молодца,—одинъ сынъ въ отца,
Одинъ сынъ въ отца, добрый молодець,
Онъ на службу идетъ государеву.
Онъ и годъ служилъ, и другой служилъ;
А на третій годъ ко двору идетъ.
Его мать встрѣла среди поля,
А сестра встрѣла среди села,
А жена встрѣла среди двора.
Ой, и мать сыну поразжалилась:
«А твоя жена увесь домъ снесла—
Что коней твоихъ пораспродала,
Соколовъ твоихъ пораспустила,
А меды твои поразвышила.»
Вынулъ молодець саблю вострую,
Онъ и снесъ женѣ буйну голову.
Голова жены покатилася
Ворону коню подъ праву ногу.
Пошелъ молодець во конюшеньку:
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ;
Пошелъ молодець во соколенку:
Соколы сидятъ, почищаются;
И меды стоятъ не почищены;
Пошелъ молодець на новы сѣни:
На новыхъ сѣняхъ колыбель виситъ,
Колыбель виситъ, тамъ дитя кричитъ.
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
У тебя, дитя, нѣту матушки,
У меня, молодца, молодой жены!»

Пошелъ молодецъ на высокъ теремъ,—
Какъ ударится онъ о дубовый столъ:
«Что не мать ты мнѣ и не матушка,
А змѣя же ты подколотная!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 113; — Воронежская
Беседа на 1861 годъ, стр. 392.—Кирьевскій, вып. V, при-
бавленіе, стр. 35.

71.

Одинъ былъ сынъ у отца-матери,
Да и тотъ идетъ въ службу царскую.
Вотъ годъ нѣту и другой нѣту;
На третій годъ онъ домой идетъ.
Отецъ стрѣль его середь улицы,
Мать сустрѣла среди двора,
А жена стрѣла середь горенки.
Какъ мать сыну поразкалцалась:
«Охъ, сынъ мой, сынъ, сынъ, ясенъ соколы!
Твоя-то жена—распутница,
Твоя жена—лиходѣйница:
Коней твоихъ пораспродала,
Собагъ твоихъ поморила всѣхъ,
Вина, меда всѣ повылила,
Золоту казну поразсыпала,
Зелены сады засушила всѣ,
Соловьевъ-пташекъ распуетила всѣхъ,
Дня твоего загубила она!»
Не услыть молодецъ слова вымолишь,
Узялъ въ руки саблю вострую,
Онъ спесь съ жены буйцу голову...
Покатилась голова во коношеньку...
Пошелъ молодецъ во коношеньку—
Кони стоятъ, овесъ-сѣно ѣдятъ;
Собаки уѣ съ цѣпей рвутся!

Пошелъ молодецъ въ погребъ съ выходомъ,—
Вина, меды позакуорены;
Золота казна запечатывана!
Пошелъ молодецъ во зеленый садъ,—
Зеленый садъ весь въ цвѣту стоитъ,
Соловья-пташечки очпицаются!
Пошелъ молодецъ во высокъ теремъ,—
Во горенкѣ—коровать,
Надъ короваткою колыбель виситъ,
Въ колыбелочкѣ—дитя лежитъ!
Онъ взялъ дитя на ручушки:
«Баю, люлю, мое дитятко!
Баю, люлю, мое милое!
Въ тебя нѣту родной матушки,
Въ меня молодца—молодой жены!»
Пошелъ молодецъ къ родной матушкѣ:
«Не мать ты мнѣ—змѣя лютая!
? Сбыла солица, сбуди и мѣсяца!»

Курская губернія, Щигровский уѣздъ. Халавскій, № 27 («прогижная»).

72.

Былъ у батюшки, у матушки одинъ сынъ;
Записали его въ службу дальнюю.
Онъ и годъ служилъ, онъ и два служилъ,
А на третій годъ онъ домой пришелъ.
Отецъ его встрѣтилъ среди пути,
Его мать встрѣтила за воротами,
Молода его жена—на повомъ крыльцѣ.
Какъ и мать сыну стала жалиться:
«Твоя жена загулялася,
Меды, вина все повысила,
Вороньихъ коней всехъ попродала,
Соколовъ ясныхъ всехъ повыпустила.»

Ужъ и мужъ женѣ срубилъ голову,
А потомъ пошелъ во свои выхода,—
Меды, вина все наполнены;
Потомъ пошелъ во конюшеники,—
Ворона кони очищаются;
Потомъ пошелъ во зеленый садъ,—
Соколы яены обираются;
Потомъ пошелъ къ женѣ въ спаленку,—
Во спаленкѣ колыбель виситъ,
Въ колыбели лежитъ дитя малое,
Дитя малое, все заплаканное.
«Не плачь, дитя мое милое,
Я тебѣ не причина слезъ:
Причиною твоя бабушка, моя матушка!»

Донская область. Воронежскій Телеграфъ 1875 года, № 31.

73.

Метѣла пава черезъ три двора,
Уронила перо на подворьнице.
Мнѣ не жаль пера, а жаль молодца,
Мнѣ и жаль молодца—однигъ сынъ въ отца,
Однигъ сынъ въ отца, и тотъ въ службу идетъ...
Онъ и годъ служить, и другой служить;
На третій годъ сынъ домой пришелъ.
Сустрѣла его мать среди поля,
Сестра встрѣла среди двора,
Жена встрѣла—сѣнцы отперла.
Повела его мать къ себѣ въ горинцу;
Ну и стала ему мать все разсказывать:
«Твоя жена—б ... раснутная,
Твоя жена—шельма-шьяница:
Меды, вина все распрошила,
Коней твоихъ все распродала,

Соловей твоихъ всѣхъ распустила.»
Взяль-то сынъ саблю вострую,
Срубиль женѣ, женѣ голову.
Голова ль моя съ плечъ свалилася,
Къ коноу въ ноги покатилася...
Пошель-то сынъ у холодный погребъ,—
Меды, вина всѣ цѣлы стоять;
Пошель-то сынъ во конюшенку,—
Кони стоять, сѣно-овесъ ѣдятъ;
Пошель-то сынъ во зеленый садъ,—
Соловьи сидятъ, вычищаются,
Женой его выхваляются;
Пошель-то сынъ къ сыну въ горницу:
«Молчи, баю, моё дитятко!
Теперь у тебя матери нѣтутъ,
У меня молодца—молодой жены!
Только есть у тебя одна бабушка,
Да и та—змѣя, змѣя лютая!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ,
стр. 563.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 31.

74.

Что ни лютое коренье, то крапивное;
Что ни лютое сердечко, то свекровино.
Написала она вѣсточку въ дальнюю сторонушку
Что ни къ сыну своему, а къ мужу моему:
«Какъ твоя, сынокъ, жена за гульбою пошла;
За такою за гульбою сына родила!»
Какъ садился мой мужъ скорымъ махомъ на коня...
Выходила жена съ высокаго терема.
Какъ пустилъ мужъ коня во зеленомъ саду;
Какъ вынималъ же мужъ саблю вострую;
Сиссъ же мужъ съ плечъ головушку долой.

И входилъ же мужъ во высокъ теремъ,
Какъ на правой рукѣ колыбель висить,
А на лѣвой рукѣ его мать сидить.
«По роду-то ты мѣ—мать родная,
По разлукѣ же—змѣя лютая!
Разлучила ты меня съ молодой женой,
Оспротивила ты, змѣя, чадо мое!»

Торопецъ, Семевскій (Торопецъ), № 139.

75.

Какъ ходилъ-гулялъ добрый молодецъ ровно три
года;

На четвертый добрый молодецъ домой пошелъ.

Что зашелъ-то добрый молодецъ на высокъ курганъ;

Какъ на встрѣчу добру молодцу змѣя лютая,

Что лютая змѣя, красивная.

Вынимаетъ добрый молодецъ саблю острую;

* Онъ хотѣлъ срубить змѣѣ голову.

Что возговорить змѣя добру молодцу:

«Не сѣки, не руби меня, добрый молодецъ!

Я скажу тебѣ великое сподивовище:

Какъ твоя-то жена—горька пьяница,

Пронила она твоихъ добрыхъ коней,

Промотала твоихъ ясныхъ соколовъ,

Расточила она всю золоту казну!»

Какъ пошелъ-то добрый молодецъ на широкій дворъ;

А на встрѣчу ему молодая жена.

Вынималъ молодецъ саблю острую

И отѣкъ онъ женѣ буйну голову;

Покатилась голова по широку двору,

Покатилась конямъ подъ ноги,—

Что его-то кони овесь ѣдятъ;

Что пошелъ молодецъ въ новы горинцы,—

Что ясны его соколы пишено клюютъ;
Какъ пошелъ молодець къ кладовымъ своимъ,—
Золотая казна замкомъ заперта,
Замкомъ заперта, запечатана...
Тутъ взбѣлся-то добрый молодець, погубился;
Погубилъ онъ свою буйную головушку.

Сибирь. Гуляевъ, стр. 103 («проголоспая»).

76.

Женился князь во двѣнадцать лѣтъ;
Онъ ли бралъ княгиню девяти годовъ;
Онъ ли жилъ со княгиней ровно три годы;
На четвертый годъ онъ гулять пошелъ.
Онъ гулять, гулялъ да ровно три года;
На четвертый годъ онъ домой пошелъ.
И идетъ онъ по полю по чистому...
Встрѣтилось ему двѣ старицы,
И двѣ старицы, двѣ черноризицы;
И спрашивать князь у тѣхъ старпцей:
«Вы давно ли, давно ли съ моего двора,
Съ моего двора съ княженецкаго?»—
—«Мы теперь, теперь да теперешенько
Съ твоего двора съ княженецкаго!»—
—«А здорово ли стоитъ мой высокъ терѣмъ,
И здорово ли живутъ добры конюшки,
И здорово ли живутъ чайны чашечки,
И здорово ли пьяны питьца,
И здорово ли живутъ и цвѣтны платьца,
И здорово ли живетъ молода жена?»
На отвѣтъ-то держать и тѣ старицы:
—«Твой высокъ терѣмъ покося стоитъ,
Добры кони да все заѣжены,
И чайны чашечки да все испробнты,

И пьяны штыца да всё неприпиты,
Цвѣтны платыца да всё изношены,
Молода жена во терему сидить,
Во терему сидить колубень качать...»
И не синее-то море всколыбалоса,—
У князя сердце разгорѣлося.
И приходитъ князь къ своему двору,
Къ своему двору да княженецкому.
Тоннеть ворота правой ноженькой,—
Улетѣли тѣ ворота среди двора,
Среди двора да княженецкаго...
Вышла княгиня на круто крыльцо,
Въ одной тоненькой рубанкѣ безъ нитничка,
Въ однихъ бѣленькихъ чулочкахъ безъ чеботовъ...
Вынималъ тутъ князь востру сабельку,
А срубилъ у княгини буйну голову.
А во теремъ-отъ заходитъ,—колубеня нѣтъ,
Колубеня нѣтъ, все няла лежать;
Сколько шито было, вдвое сплакано,
Все князя домочекъ дожпдано...
Ужъ какъ тутъ ли князь да закручинился.
И сходилъ во конюшеньку стоялую,—
Добры кони не ѣзжены,
Лучше стараго да лучше прежняго;
Чайшы чашечки да не прибитыя,
Пьяны штыца да не припиты,
Цвѣтны платыца да не изношены...
И не синее море всколыбалоса,
А у князя сердце разгорѣлося,
И заставалъ онъ, князь, и во чистомъ полѣ
Этихъ старицей да черпорищицей.
Вынимаетъ князь и востру сабельку;
Онъ срубилъ у старицы буйну голову.

77.

Пошелъ же разудальи въ путь-дороженьку,

А на встрѣчу ему два товарища;

Во глаза ему да насмѣялся:

«Молодая твоя жена да за гульбой пошла,
Вороньихъ-то коней да всѣхъ забросила,
Молодыхъ-то людей всѣхъ оставила,
Своего милаго дитя качать бросила»....

Воротился разудальи съ путь-дороженьки;

Подъѣзжаетъ разудальи къ широку двору.

Встрѣчаетъ разудалаго молода жена

Въ своей бѣлой сорочкѣ и безъ кофточки,

Въ своихъ вязаныхъ чулочкахъ и безъ тюфелекъ.

Вынимаетъ разудальи саблю вострую,

Срубаетъ разудальи женѣ голову.

Покатилась голова конямъ подъ ноги.

Пошелъ же разудальи широкимъ дворомъ:

Воронье-то кони стоятъ всѣ обряжены,

Молодые-то люди спятъ всѣ успокоены.

Пошелъ же разудальи въ нову спаленку:

Его милое дитя лежитъ укачено.

Ярославская губернія, Пошехонскій уездъ. Жилія Старина
1893 года, выпускъ IV, стр. 312.

78.

У князя Володимира,

У солнышка у чела-время,

Было пированьице честное,

Честное и радощно,

И радощно, и порядощно;

Пили, ѣли, прохлажался,

Молодецъ

Промежъ себя похвалялися;
Сильный хвалится силою,
А богатый хвалится богатствомъ,
Молодецъ похвалялся конемъ добрымъ:
«У меня, братцы, конь добра лошадь;
Еще, братцы, молода жена,
И умная, и разумная:
Спусти мужа, пиво варила,
Пиво варила, вино курила,
Звала гостей полюбимыхъ,
Князей-боярь—безъ боярыней,
Поповъ, дяковъ—все безъ дякошницъ!»
Во глаза тутъ молодцу наемъ явился:
«У тебя да молода жена
Умная и разумная:
Спусти мужа, пиво варила,
Пиво варила, вино курила,
Звала гостей полюбившихъ:
Князей-боярь—безъ боярыней,
Поповъ, дяковъ—все безъ дякошницъ!»
За досаду молодцу показалось;
Садился онъ на добра коня,
Во стремячю не ступаючи,
За сѣдельну луку не хватаючи;
Поѣхалъ онъ со ширю домой.
Подъѣзжаетъ къ своему широку двору,
Пнулъ столбы своимъ чеботомъ—
Столбики пошатилися,
Воротички растворилися.
Встрѣчаетъ его молода жена
Среди своего широка двора.
Внимаетъ молодъ свою востру саблю,
Онъ снесъ съ нее буйцу голову;
Самъ пошелъ, молодецъ, по выходамъ,
По выходамъ и по погребамъ.

Всѣ выходы были заперты,
Погребницы запечатаны.
Пошелъ молодецъ во свою горницу,
Свою горницу, во высокъ теремъ:
Въ терему висить колыбелушка,
Въ колыбелушкѣ родно дитятко,
Родно дитятко, чадо милое.
Онъ сталъ качать-прибаюкивать:
«Баю, баю, родно дитятко,
Баю, баю, чадо милое!
Ушибъ-то я твою матушку,
Себѣ возьму молодую жену,
Тебѣ возьму лиху мачиху!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 52.

79.

Злое зелье крапивное,
Еще злѣе да люта свекра!
Люта свекра—молодой снохѣ:
«Ты поди, моя невѣстка, во чисто поле;
Ты стань, моя невѣстка, межъ трехъ дорогъ,
Четырехъ сторонъ,
Ты рябную кудрявою,
Кудрявою, кучерявою!»
Туда жъ ѣхалъ добрый молодецъ:
Онъ сталъ подъ рябнунушку,
Кудрявою, кучерявою;
Безъ вѣтру рябнина зашаталася,
Безъ дождю рябнина мокра стала,
Безъ вихрю рябина къ землѣ клонптея,
За черныя кудри ловитея.
Пріѣхалъ сынъ къ матерн:
«Сударыня, моя матушка!

Томъ I.

Идѣ жъ моя молода жена?»
— «Твоя жена съ двора сошла,
Съ двора сошла, дѣтей свела!»
— «Сударыня, моя матушка!
Сколько въ службѣ не ѣзживаль,
Такого дѣла не впываль...
Какъ въ полѣ, промежъ трехъ дорогъ,
Межъ трехъ дорогъ, четырехъ сторонъ,
Какъ сталъ я подъ рябинушку,
Кудрявую, кучерявую,
Безъ вѣтру рябина запаталася,
Безъ дождю рябина мокра стала,
Безъ вихрю рябина къ землѣ клонится,
За черныя кудри ловится!»
— «Возьми, сынь, ты остру саблю,
Сѣки рябину подь корень!»
Опъ разъ вдарилъ, она охнула,
Другой вдарилъ, она молвила:
«Не рябинушку сѣкешь,
Сѣкешь свою молоду жену!
(А что вѣточки—то наши дѣточки!)»
Пришелъ сынь да и къ матери:
«Не мать ты мнѣ, не сударыня,
Змѣя ты мнѣ подколотная!
Свела жъ ты мою молоду жену,
Сведи теперь меня!»

Бурская губернія, Щигровский уездъ. Халапеевъ, М 28.

30.

Какъ у насъ было въ воскресенье-день,
Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
Сноху послала во чисто поле:
«Ты стань, сноха, тамъ рябиною,

Тамъ рябиною, да кудрявою,
Отростками—малы дѣтушки!»
На ту пору мужъ отъ службы шелъ;
Пришелъ домой, сталъ онъ сказывать:
«Ужъ и сколько я ни хаживаль,
Такой дивушки не нахаживаль!
Ужъ и что это за рябинушка,
За рябинушка, за кудрявая!
Что безъ вѣтру она да качается,
Ко сырой землѣ преклоняется!»—
—«Ахъ ты, сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!
Ты возьми свою саблю острую,
Срубь эту ты рябинушку!»
Онъ разъ сѣкнулъ—она вздрогнула;
Онъ другой тюкнулъ—кровь ли брызнула;
Онъ третій тюкнулъ—слово молвила:
«Не рябину сѣчешь ты—молоду жену,
Не кудрявую—съ малыми дѣтками!»
Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:
«А гдѣ моя молода жена?»—
—«Твоя жена, она гулять пошла.»—
—«А гдѣ мои малы дѣтушки?»
—«Малыхъ дѣтушекъ съ собою взяла.»—
—«Не мать ты мнѣ, не родная,
Змѣя ты мнѣ, змѣя лютая,
Ты мышь лп, мышь подкопснная!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уездъ. Якушкинъ,
стр. 570.—Бирѣевскій, вып. VП, стр. 26.

81.

Исходилъ я, молодець, день до вечера,
Никакой я охоты не нахаживаль,
Что нашелъ я, набрелъ на рябинушку;
Что безъ вѣтру рябинушка мается,

Но безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
Я пришель домой, сѣлъ на лавочку,
Ужъ я сталъ своей матери разсказывать:
Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
«Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую!»
Ужъ я разъ сѣкнулъ—руда пошла,
Другой сѣкнулъ—она охнула;
Ужъ я третій сѣкнулъ—слово молвила:
«Не рябинушку рубишь ты—свою жену.»
Я пришель-то домой, сѣлъ на лавочку:
«Охъ, ты сѣбла меня, мать, погубила меня, мать:
Не рябинушку рубилъ я—жену свою!»

Якушкинъ, стр. 569.

82.

Было у вдовы тридцать три сына,
Единая была дочь Софья не милая.
Все они пошли по Божьимъ церквамъ,
Все они сказали: Господе да Боже;
Одна у нихъ Софьюшка промолвилась,
Хотѣла сказать: Господе да Боже,
А въ тѣ-поры сказала: «Васильюшка братецъ, под-
винься-ка сюда!»
Нихая маменька прослышала,
Сходила во въ Кіевъ городокъ;
На гривешку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютатаго.
Василью подносила зелено вино,
А Софья подносила зелье лютое:
«Васильюшка, пей, Софья не давай!
Софьюшка, пей, да Василью не давай!»

Василій пилъ, Софьюшкѣ подносилъ;
Софьюшка пила, Василью поднесла.
Василій говоритъ: «головушка болитъ»;
А Софья говоритъ: «речное сердце щемитъ».
Къ утру-разсвѣту представилсь со свѣту...
Василья выносили на бѣлыхъ рукахъ,
А Софью выносили на буйныхъ головахъ;
Василья положили по правую по руку,
А Софью положили по лѣвую по руку;
На Васильѣ выростала золотая верба,
А на Софьѣ выростало кипарисное деревцо.
Глядя на нихъ, маленькій идетъ—натѣшится,
А молодой идетъ—надвуется,
А старый идетъ—наплачется.
Ихняя маменька прослышала,
Сходила она на бѣвку,
Золотую вербу всю повыдернула,
Кипарисно деревцо все повырѣзала.
Стала Господу Богу сама каяться:
«Господи, прости душа грѣшная моя!
Золотую-ту вербу всю повыдернула,
Кипарисное-то деревцо повырѣзала!
Господи, прости душа грѣшная моя!
Своихъ милыхъ дѣтушекъ опанвала!
Я чужихъ коровушекъ тайно подаивала!
Господи, прости душа грѣшная моя!
Изъ кашеночки тѣстице украдывала,
Изъ-подъ курицы яичко уворавывала!
Господи, прости душа грѣшная моя!»

83.

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
Жила-то была честная вдова.
Было у вдовушки тридцать дочерей,
И все они во спасенье пошли,
Все разъѣхались по пустымъ пустынямъ
И по всемъ монастырямъ,
Все становились по крылосамъ
И все поютъ: «Господи Боже!»
Одна Софеюшка промолвилась,
Хотѣла сказать: «Господи Боже!»
А въ ты-поры сказала: «Васильюшка, подвинься
сюды!»

Услышала Васильева матушка;
Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ;
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго.
Василью наливала зелена вина,
А Софеѣ наливала зелья лютаго.
Говорить она таково слово:
«Ты, Васильюшка, пей да Софеѣ не давай!
А Софеюшка, пей, Василью не давай!»
А Васильюшка пилъ и Софеѣ подносилъ,
А Софеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говоритъ, что головунка болитъ,
А Софея говоритъ: «ретиво сердце щемить».
Они оба вдругъ переставились
И оба вдругъ переславились.
Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
А Софею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ.
Василья хоронили по правую руку,
А Софею хоронили по лѣвую руку.
На Васильѣ выросло кинарично дерево,

А Софеѣ выростала золотá верба;
Они вмѣсто вершечками свивалися,
И вмѣсто листочками слипалися.
Тутъ старыйй и деть-то,—наплачется,
А младыйй и деть,—надивуется,
А малыйй и деть-то,—натѣшится...
Тутъ провѣдала Васильева матушка:
Кипарично дерево новырубила,
А золоту вербу повысушила...

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 131.

84.

Было у вдовушки тридцать дочерей;
Всеѣ они были грамотницы,
Всеѣ они ходили по Божіимъ церквамъ,
Всеѣ они стояли по крылосамъ,
Всеѣ они пѣли: «Господи Боже»!
Одна изъ нихъ, Софія, промолвилась,
Ладила сказать: «Господи Боже»,
Той-поры сказала: «Васильюшка дружокъ, подвинься
сюда»!

Василій-то догадливъ былъ—
Бралъ онъ Софію за праву руку,
Повель онъ Софію ко Кіеву,
Ко славному князю Владимиру.
Провѣдала Васильева матушка,
Скорешенько бѣжала въ царевъ кабакъ;
На гривенку купила зеленого вина,
На другую купила зелья лютаго;
Во правой рукѣ зелено вино несетъ,
Во лѣвой зелье лотое;
Изъ правой руки Василью подала,
Изъ лѣвой руки Софій отдала:

«Ней-ка, Василій, Софін не давай!
Ней-ка, Софія, Василью не давай!»
Василій шль, Софін подносить;
Софіюшка пла, Василью поднесла.
Малу по малу Василіі говоритъ: «буйна голова бо-
лѣтъ;»

Софія говоритъ: «ретиво сердце щемитъ.»
Всю ночку трудилсь, безпокоилсь,
Ко утру-свѣту преставилсь.
Васильюшка гробъ изновызолотил,
Софіюшкинъ гробъ изновыкрасил;
Васильюшку несутъ князи-бояра,
Софіюшку несутъ красны дѣвушки;
Васильюшка несли по правую руку,
Софіюшку положили по лѣвую руку;
На Васильевой могилкѣ выростала золота верба,
На Софіюшкѣ — кипарисно дерево;
Корешокъ съ корешкомъ соросталися,
Пруть съ прутомъ совпадаетъ,
Листокъ со листкомъ солищается.
Старый идетъ — Богу молится да плачется,
Пожилой-то идетъ — подивуется,
Малый идетъ — патѣшится, цаграется.
Провѣдала Васильева матушка:
Золотую вербу новыломала,
Кипарисъ-древо новысушила,
Все она коренья новывела.

Олонекская губернія. Безсоповъ, Калки переходас, стр. 699.

85.

Уо-краіи моря, моря синяго,
Жила-была молода вдова,
Молода вдова, горе-панница.

У вдовушки было у нащцы
Было девять дочерей.
Все они были да спасенныя,
Все они были да ученныя, богомольныя.
Все они пошли да по спасенью,
Все они пошли по Божьимъ церквамъ;
Меньшая сестра—на бесѣдушку.
Она сѣла-посѣла на дверну лавочку,
Надумала сказать, что «Господи прости»,
И попала сказать, что «Васпльюшко дружокъ,
Потронься, подвинься ко лавочкѣ сюда!»
Тутъ провѣдала Васпльева матушка;
Она скоро-то шла во царевъ кабакъ,
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго;
Васплью подносила зелена вина,
Софїю подносила зелья лютаго:
«Ты, Васпльюшка, пей да Софїю не давай!»
Васпльюшка пила да Софїю подносила,
Софїюшка пила, Васплью поднесла.
Вдругъ-то они да переставлялися.
Провѣдала Васпльева матушка...
Тутъ Васпльюшка несли на буйныхъ головахъ,
Софїюшку несли на бѣлыхъ на рукахъ;
Васплью хоронили по праву руку церкви,
Софїю хоронили по лѣвую по руку;
На Васпльѣ выростала золота верба,
На Софїи выростало кипарисъ-древо;
Пруточки съ пруточками свивалися,
Листочки съ листочками сплпалнся,
Ко сырой землѣ приклонялися.
Малый тутъ идетъ,—такъ натѣшится;
Молодые идутъ,—налюбуются,
Старые идутъ—да наплачутся.
Зла была Васпльева матушка:

Она скоро-то шла да въ нову кузницу,
Сковала топоры булатіе,
Съ Васильюника срубилa золоту вербу,
Съ Софіюшки срубилa кипарисъ-древо,
Чтобы людишки шли не дивовалися,
Старые бы шли да не сръкались бы.

Олопецкая губернія. Олопецкія Губернскія Вѣдомости
1867 г., № 14.

36.

У вдовушки было у паншцы,
Было девять дочерей;
Всѣ пошли оны по спасицамъ,
Всѣ пошли по Божіимъ церквамъ.
Меньшая сестра Софіюшка,
Она пошла ко сусѣду на бесѣдушку;
Она сѣла-посѣла на дверну лавочку,
Думала сказать: «Ты, Господи, прости!»
Попала сказать: «Васильюшка дружокъ,
Попотрошься, подвинься на лавочкѣ сюды!»
Провѣдала Васильева матушка;
Она скоро-то шла широкимъ дворомъ,
Поскорѣ того по новымъ сѣнямъ;
Отпирала дверь она дубовую,
Отбранила сына своего одпороднаго:
«Еще что у васъ такое за совѣтъ большой?»
И ушли Софіюшка съ Василіемъ вдвоемъ,
Дни коротать, грѣхи отмолять...
Тутъ они да переставилися.
Такъ ужъ несли Василья на буйныхъ головахъ,
А Софіюшку несли на бѣлыхъ рукахъ;
Аи Василья отиѣвали въ Божьей церкви,
А Софію отиѣвали что на паперти;
Василья хоронили по праву руку церкви,

А Софію хоронили по лѣву руку церкви;
На Васильѣ выростала золота верба,
На Софін выростало кипарисъ-древо;
И чрезъ Божью церковь пресвященную
Пруточки съ пруточками свѣвались,
Листочки съ листочками слипалися....
Люди пдутъ да дивуются,
Малки пдутъ да натѣшутся,
Старцы пдутъ да наплачутся...
Провѣдала Васильева матушка,
Она скоро шла въ нову кузницу;
Топоры сковала булатные,
На Васильюшкѣ срубила золоту вербу,
На Софіюшкѣ срубила кипарисъ-древо...
Тутъ сама она вдругъ переставилась.

Славянская, часть III, стр. 110.

87.

Было у вдовы тридцать три дочери,
Да все они во грамотѣ повыучены.
Все они пошли по Божьимъ церквамъ,
Все они сказали: «Боже мой,
Боже мой, да помилуй насъ!»
А одна бѣдна Софіюшка промолвила:
«Князь молодой, ты, Васильюшка!
Ты, Васильюшка, подвинься сюда!»
Бралъ онъ Софію за бѣлы руки,
Поводилъ онъ Софію въ Божью церковь;
Накладали имъ да золоты вѣнцы.
Да провѣдала Васильюшкова матушка,
Да садилась она на ворона коня,
Поѣзжала во Китай-городъ.
А на гривенку взяла зеленого вина,

А на другую взяла люта зелья,
Да Василью паливала люта зелья,
А Софін паливала зелéнаго виша.
«А Васплій, испивай, ты Софін не давай!»
А Васплій испиваль, онъ Софін подаваль.
А къ утру-свѣту преставилися.
А Васильюшкѣ тешуть изъ кленова деревá,
А Софіюшкѣ тешуть изъ елушки молодой;
А Васильюнику несутъ на буйныхъ головахъ,
А Софіюшку несутъ на бѣлыхъ на рукахъ;
А Васильюнику хоронятъ по правую по руку,
А Софіюнику хоронятъ по лѣвую по руку...
На Софін выросло кшарисное древо,
На Васплѣ выростала золота верба...
А старый-еть идеть,—такъ наплачется,
А посередь вѣку идеть,—падивуется,
А маленьки ребятаки,—тѣ натѣшатся...

Оловецкая губернія. Гильфердингъ, № 283.

88.

Жило то было девять дочерей.
Всѣ онѣ ходили во Божью церкву,
Всѣ онѣ молились по лѣговочкѣ,
Всѣ онѣ сказали, что «Господи свѣтъ»....
Васильюшка скажетъ Салфеюнкѣ: «подвинься
сюда!»

Взялъ онъ Салфею за бѣлы руки,
Повелъ Салфею во Божью церковь,
Принялъ съ Салфеей золоты вѣнцы.
А Васильева матушка по городу идеть,
Во правой рукѣ зеленá вишá несетъ,
А во лѣвой зелено яровѣ.
А со правой руки Василью поднесла,

Съ лѣвой руки да Салфеѣ поднесла:
«Васильюшка, пей да Салфеѣ не давай!
Салфеюшка, пей да Василью не давай!»
Васильюшка пилъ да Салфеюшкѣ поднесъ,
Салфеюшка пила, Василью поднесла...
Васильюшка скажетъ: «головушка болить»;
Салфеюшка скажетъ: «сердечушко щемить».
Они къ утру ко свѣту преставилися.
Васильюшку крутили въ голевую во парчу,
Салфеюшку крутили въ толстую простпну;
Васильюшку несли на бѣлыхъ на рукахъ,
Салфеюшку несли на буйныхъ на головахъ;
Васильюшку ложили по праву сторону,
Салфеюшку ложили на лѣву сторону...
На Васильюшкѣ повыросъ часть ракитовъ кустъ,
На Салфеюшкѣ повыросло кипарисно дерево.
Уже во-мѣсто дрѣва совивалися,
А цвѣточки съ цвѣточками соплеталися.
Малые идутъ—набалуются,
Молодые идутъ—надивуются,
А старые идутъ—они наплачутся...

Олонеккая губернія. Гильфердингъ, № 31.

89.

А князь Романъ жону терялъ,
Жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
Тѣло терзаль, во рѣку бросаль,
Во ту ли рѣку во Смородину.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубравныя;
Откуль взялся младъ спзой орель,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Схватилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
«Ты гої еси, сударь мой батюшка,
А князь Романъ Васильевичъ!
Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?»
Отвѣтъ держитъ ей князь Романъ,
А князь Романъ Васильевичъ:
«Ты гої еси, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мыться,
А мыться и бѣлится,
А въ цвѣтно платьѣ наряжатся.»
Кудалась молода княжна,
Молода душа Анна Романовна:
«Вы гої еси, мои нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красны дѣвушки!
Пойдемъ-те со мной на высокіе теремы,
Смотрѣть мою сударыню матушку,
Каково она моется, бѣлится.
А въ цвѣтно платьѣ наряжается.»
Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки, мамками;
Ходила она по всемъ высокімъ теремамъ,
Не могла-то найти своей матушки;
Опять приступила къ батюшкѣ:
«Ты гої еси, сударь мой батюшка,
А князь Романъ Васильевичъ!
А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?
Не могли мы сыскать въ высокіхъ теремахъ.»
Проговоритъ ей князь Романъ,
А князь Романъ Васильевичъ:
«А и гої еси ты, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна,
Со своими няньками, мамками,
Со сѣнными красными дѣвцами!

Ушла твоя матушка родимая,
Ушла гулять во зеленый садъ,
Во вишенье, въ орѣшепье.»
Пошла вѣдь тутъ молода княжна
Со няньками, мамками во зеленый садъ;
Весь повыгуляли, никого не нанли въ зеленомъ саду;
Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
Увидѣли новую диковинку:
Неотколь взялся младъ сизой орель,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
» А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ; «
Уронилъ онъ, орель, бѣлу руку,
Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Во тотъ ли зеленый садъ.
А въ та-поры нянюшки, мамушки
Подхватили они рученьку бѣлую,
Подавали они молодой княжнѣ,
Молодой душѣ Аннѣ Романовнѣ.
А въ та-поры Анна Романовна,
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ золотъ перстень
Ея родимыя матушки;
» Ударилась о сыру землю;
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула;
Закричала тутъ молода княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки!
Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
На быстру рѣку Смородицу!
А что тамо птицы слетаются,
Дубравныя звѣри сбѣгаются?»
Бросался нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки
По край рѣки Смородины:
Дубравныя звѣри кости дѣлятъ,

Сороки, вороны книжки тащатъ.
А ходитъ тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
А поситъ она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.
А только вѣдь няшюшки
Нашли они пугу голову,
Сбирали они съ пустою головою
А вѣ тутъ кости и ребрушки,
Хорошили они и пугу голову
Со тѣми костями, со ребрушки,
И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

Кирша Даниловъ, № 48.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 108.

90.

Какъ князь Ромашъ жену терять,
Терять, терзаль, въ рѣку бросаль,
Во ту рѣку во Смородицу...
Прѣхаль къ своему широку двору;
Встрѣчаетъ его дочь любимая,
Принимаетъ изъ кареты за бѣлы руки.
Стала у батюшки выпрашивать:
«Государь мой, родной батюшка,
Куда ты дѣваль мою матушку?»—
—«Не плачь, не плачь, дочь любезная!
Пошла твоя матушка во высокъ теремъ
Вѣлитися и румянитися,
Во цвѣтное платье паряжатися!»
Пошла княжна во высокъ теремъ
Искать своей матушки родимья:
Вѣльнички стоять не бѣлены,
Румянички и не тронуты,
Цвѣтно платье—на грибочкѣ.

Идет княжна, как рѣка льется...
«Государь ты мой, родной батюшка,
Куда дѣваль мою матушку?»—
— «Не плачь, не плачь, дочь любимая!
Поѣхала матушка въ чисто поле,
Цвѣточки рвать, вѣночки вить!»
Выходила княжна на крылечушко,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги вѣрные,
Запрягайте скорѣе колясочку,
Повезите меня къ матушкѣ родимой,
Ахъ, далече, далече, во чисто поле,
Цвѣточки рвать, вѣночки вить!»
Пріѣхала далече во чисто поле:
Цвѣточки стоятъ не сорваны,
А вѣночки и не свиваны.
«Ахъ, нѣтъ моеи матушки родимыя!»
Какъ билася княжна объ сыру землю,
Она плакала громкимъ голосомъ...
Надъ ней леталъ младъ орель-птица,
Орель-птица, птица царская;
Спускался къ ней на бѣлы руки...
Въ когтяхъ держалъ руку бѣлую,
Руку бѣлую, руку правую,
Со перстнями со алмазными.

* Что возговорить орель-птица: *

«Не плачь, молода княжна,
Не нищи ты своей родной матери!
Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ, терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во ту рѣку во Смородину!
Вотъ твоеи матушки права рука,
Со перстнями со алмазными!»
Пріѣхала княжна къ шпрокому двору,
Восходила она во высокъ теремъ,

Она била руки о дубовый столъ,
Услышала ея батюшка родимый,—
Бѣжить къ княжнѣ во высокъ теремъ:
«Ты о чемъ плачешь, дочь любимая?»—
—«Государь ты мой, родной батюшка!
За что погубилъ мою матушку?»
—«Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
Не я терялъ, не мои руки,
Потеряло ее слово противное!
Приведу я тебѣ матушку любезную!»
Что возговоритъ молода княжна:
«Не желаю матушки любезныя,
Желала бъ свою матушку родимую!»

Итсееникъ 1780 года, часть II, стр. 143.—Итсееникъ 1788 года,
часть II, стр. 166.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 106.

91.

Ужъ какъ князь Романъ тутъ жену терялъ,
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзаль,
Онъ терзаль-терзаль, во рѣку бросаль,
Во тое ль рѣку во Смороднику.
Что летѣла туто птица грозная,
Птица грозная, младъ сизою орель;
Онъ схватилъ туто что праву руку
Въ золотыхъ перетняхъ, въ золотыхъ перстняхъ.
Что пошла Марья дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка!
Да и гдѣ же, гдѣ жъ моя родна матушка?»
—«Что твоя матушка во високомъ терему,
Она бѣлится и румяшится,
Она въ гости сшарякается
Ко своему отцу, къ твоему дѣдуникѣ.»
Какъ пошла Марья дочь Романовна

Во высокъ теремъ,
Она смотрѣть-глядѣть свою матушку;
Ужъ и пѣть, и пѣть ея матушки...
Какъ пошла Марья дочь Ромаповна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты, родимый мой, родной батюшка!
Да ужъ гдѣ жъ моя родна матушка?»
— «Твоя матушка поѣхала къ батюшкѣ,
Къ своему отцу, къ твоему дѣдушкѣ.»
Какъ пошла Марья дочь Романовна
На паратно крыльцо смотрѣть-глядѣть матушку;
Ужъ и пѣть ея матушки.

Что летить-летить птица грозная,
Птица грозная, младъ сизою орель,
Во когтяхъ держитъ онъ праву руку,
Что праву руку въ золотыхъ перетняхъ.
Увидѣла Марья дочь Романовна,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Ой же ты, птица грозная,
Птица грозная, младъ сизою орель!
И ты гдѣ же взять, ты праву руку,
Ты правую руку въ золотыхъ перетняхъ?»
— «Ой же ты, Марья дочь Романовна!

Ужъ какъ князь Романъ тутъ жену теряль,
Онъ теряль-теряль и тѣло терзаль,
Онъ терзаль-терзаль, во рѣку бросаль,
Во тое ль во рѣку во Смородинку.»
Залилася Марья горючми слезьми,
И пошла дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты, родимый мой, родной батюшка,
Потеряль-погубилъ мою матушку!»
— «Ты не плачь, Марья дочь Романовна!
Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я складу тебѣ нечь муравлеую,

Я солью тебѣ золотъ перетешь,
Я сошью тебѣ кунью шубу,
Приведу я къ тебѣ молодую мать,
Молодую мать, злую мачиху!»
—«Ты сгори, сгори новъ высокъ теремъ,
Провалися ты, печь муравленая,
Растопси, мой золотъ перетешь,
Ты сотлѣй, моя шуба кунья,
Ты умри, моя молодая мать,
Молодая мать, злая мачиха,
И ты встань-проснись, родная матушка!»

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 100.

92.

Какъ князь Романъ, онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Во смородину бросалъ, во калинникъ.
Какъ встревожится и вслачется
Любезная дочка Анпушка:
«Родимый мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»
—«Твоя матушка во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.»—
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Анпушка...
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»
—«Твоя матушка во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.»
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Анпушка:
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»

Цвѣточки растутъ не рватые,
Вѣночки лежатъ не витые!»
— «Твоя матушка во высокомъ теремѣ,
Бѣлится-румянится, въ цвѣтно платьѣ одѣвается.»
Вскидается-взбросается любезная Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣваль мою матушку?
Бѣлила стоять не бѣленья,
Румяна стоять не румянья!»
Какъ летитъ тутъ орель-птица,
Онъ несетъ въ когтяхъ праву руку,
Онъ кричитъ звонкимъ голосомъ:
«Какъ князь Романъ, онъ жену теряль,
Онъ жену теряль, онъ тѣло терзаль,
Во смородину бросаль, во калпичикъ.»
Какъ вскидается любезная дочка Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣваль мою матушку?»
— «Не плачь, не тужи, дочка Аннушка!
Сострою тебѣ высокій теремъ,
Складу тебѣ хрущатую печь,
Солью тебѣ золотую цѣпь,
Приведу тебѣ молодую мать.»—
— «Сгори, сгори, мой высокій теремъ,
Упади, упади, хрущатая печь,
Растопись, растопись, золотая цѣпь,
Ты умри, умри, молодая мать,
А ты веташь-просишь, моя матушка!»

93.

Жилъ князь Романъ, жену терялъ,
Терялъ, терзаль, во Двину бросаль.
У него дочка была Марьюшка;
Она слезно заплакала:
«Ты, сударь, ты, мой батюшка!
Ты куда дѣваль мою матушку?»
— «Ты не плачь-ка, дочка Марьюшка!
Я куплю тебѣ золотъ перстень,
Золотъ перстень со алмазам!» —
— «Мнѣ не надо золота перстня,
Золота перстня со алмазам:
Ты куда дѣваль мою матушку?»
«Твоя мать въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Во цвѣтно платьѣ наряживается.»
Пошла дочь въ нову горницу;
Въ новой горницѣ нѣту матушки:
Бѣльнички стоятъ на оконечкѣ,
Румянички стоятъ на столкѣ,
Цвѣтно платьѣ въ золотой казѣ.
«Ты, сударь, ты, мой батюшка!
Въ новой горницѣ нѣту матушка!
Ты куды дѣваль мою матушку?»
— «Ты не плачь, дочь Марюшка!
Я куплю тебѣ село крестьян!» —
— «Мнѣ не надо села крестьян!
«Ты куды дѣваль мою матушку?»
— «Твоя мать въ зеленомъ саду,
Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.»
Пошла дочь во зеленый садъ;
Въ зеленомъ саду нѣту матушки:
Всѣ цвѣточки на стебелечкахъ.

Э, пошла дочь къ своему батюшкѣ:
«Э, ты, сударь, ты, мой батюшка!
Ты куда дѣваль мою матушку?
Въ зеленомъ саду нѣту матушки.»
«Ты не плачь, доча Марьюшка!
Твоя мати во темнымъ лѣсу,
Подъ зеленой сосною, гдѣ волки спядятъ,
Гдѣ волки спядятъ, гдѣ львы ревутъ.»
Пошла дочь во темный лѣсъ;
На встрѣчу ей волки сѣрые,
Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ.
«Вы постоитъ же, волки сѣрые!
Ужъ вы гдѣ взяли руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ?»
— «Быль князь Романъ, жену теряль,
Теряль, терзаль, во Двину бросаль...»
— «Вы подайте жъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ!»
Пришла дочка къ своему батюшкѣ:
«Ты, сударь, ты, мой батюшка!
Въ темнымъ лѣсу поды зеленой сосною,
Поды зеленой сосною нѣту матушки!»
— «Охъ ты, дочка моя Марьюшка!
Твоя мати во быстрой рѣкѣ,
Во матушкѣ во Двинѣ рѣкѣ!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 104.

94.

Князь Демьянъ жену теряль;
Отрубиль у нея руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ;

Кидаль-бросаль во Неву-рѣку,
Во Неву-рѣку самородную.
Гдѣ ни взялся младъ сизой орель,—
Унесъ, украль руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ...
Хватилася молода княжна:
«А папонька, гдѣ же мамонька?»//
—«Твоя мамонька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ убирается,
Во цвѣтно платьице наряжается.»
Пошла княжна въ нову горницу:
Цвѣтно платье въ шкану висеть...
Пошла княжна, заплакала:
«Папонька, нѣту мамоньки!»
—«Не плачь, не плачь, молода княжна!
Твоя мамонька въ Божьей церкви,
Въ Божьей церкви Богу молится.»
Пошла княжна въ Божью церковь:
Божья церковь пустымъ пуста...
Пошла княжна, заплакала:
«А папонька, нѣту мамоньки!»
—«Не плачь, не плачь, молода княжна!
Твоя мамонька во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, гулять пошла.»
—«Заложите мнѣ легки дрозочки,
Поѣду я во чисто поле,
Погляжу-посмотрю свою мамоньку!»
Гдѣ ни взялся младъ сизой орель,
Подасть княжнѣ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
«А папонька, все обманываль!»
—«Не плачь, не плачь, молода княжна!
Я сострою тебѣ повъ высокъ теремъ,
Я со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами;

Я возьму тебѣ молодую мать!»

— «Возстань, возстань, моя мамонька!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 63.
Кирѣевскій, выш. V, стр. III.

95.

Жилъ князь Романъ,

Жену терзалъ,

Звѣрямъ бросалъ...

«Ты убей-ка, убей со полночи,

Когда дѣтушки спать улягутся,

Когда малыя угомонятся!»

Какъ прослулась дочка Сапенька:

«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же маменька?»—

— «Ваша маменька въ свѣтлой горницѣ,

Она бѣлится и румянится,

Во цвѣтное платьѣ наряжается!»

Пошла Саша въ нову горницу:

Бѣлилицы на окошечкѣ, а румяницы на стульчикѣ;

Цвѣтно платьице на гвоздикѣ вѣсить...

Пошла Саша, заплакала:

«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же маменька?»—

— «Ваша маменька во чистомъ полѣ,

Цвѣточки рветъ, вѣночки вьсть!»

Пошла Саша во чисто поле,

А на встрѣчу ей волки сѣрые:

«Ужъ вы, волки мои, волки сѣрые,

Отчего жъ у васъ рыла въ крови?»—

— «Жилъ князь Романъ,

Жену терзалъ,

Звѣрямъ бросалъ...»

Пошла Саша, заплакала:

«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же маменька?»—

—«Ты не плачь, не плачь, дочка Сашенька!
Я сострою тебѣ келью новую,
Приведу къ тебѣ молодую мать!»—
—«Ты стори, стори, келья новая!
Ты умри, умри, молодая мать!
Ты возстань, возстань, родная маменька!»

Муромъ. Владимирскія Губернскія Вѣдомости 1872 года,
№ 5.

96.

Я гляжу, сижу подь окошечкомъ,
Я гляжу, гляжу на Дунай-рѣку.
Но Дунай-рѣкѣ бѣжать два волка,
Оба сѣрые, хвосты бѣлые.
«Вы куда, волки, призадумали,
Куда, сѣрые, призамыслили?»—
—«Мы бѣжимъ, волки, ко Дунай-рѣкѣ,
Ко мосточку ко калинову,
Ко кусточку ко ракитову;
Тамъ лежитъ убитая твоя матушка,
Баска, хороша, свѣтъ-Михайловна,
Рѣзвыми ножками ко Дунай-рѣкѣ,
Буйной головой во ракитовъ кустъ. »
Пометалась княжая дочь
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
«Ты скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда дѣваль мою матушку,
Баску, хорошу, свѣтъ-Михайловну?»—
—«А ушла, ушла твоя матушка
Что-ль во погреба глубокіе
Да за двери за тяжелыя
Разводитъ квасы медовые
И поить гостей не кормленыхъ.»

Пометалась княжая дочь
Что-ль во погреба глубокие
Да за дверь за тяжелыя:
Тамъ стоять квасы не развожцы,
Гости тамъ сидятъ не поены.
Пометалась княжая дочь
Ко батюшку въ новъ теремъ:
«Ты скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку,
Баску, хорошу, свѣтъ-Михайловну?»—
— «А ушла, ушла твоя матушка
Что-ль во горшцу во новую;
Тамъ румянечки по скляпочкамъ,
Цвѣтно платъице по грядочкамъ.»
Пометалась княжая дочь
Что-ль во горшцу во новую:
Тамъ румянечки по скляпочкамъ.
Цвѣтно платъице по грядочкамъ.
Пометалась княжая дочь
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
«Ты, скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку
Баску, хорошу, свѣтъ-Михайловну?»
— «Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я куплю тебѣ золотую цѣпь,
Я возьму тебѣ нову матушку!»—
— «Ты сгори, сгори, новъ высокъ теремъ!
Ты растай, растай, золотая цѣпь!
Ты умри, умри, нова матушка!
Ты возстань, возстань, стара матушка,
Баска, хороша, свѣтъ-Михайловна!»

97.

Какъ у Дуношки, у голубушки,
Лицо бѣлое, набѣленное,
Щеки алыя разгораются,
Глаза черные, развеселые,
Брови черныя, наведенныя,
Ея буйная головка гладко чесана,
Ея русая коса мелко плетена,
Во русой-то-ли косѣ лента алѣя,
Лента алал, Дуня дѣвка правая!
Кто бы Дуню полюбилъ, тотъ счастливый былъ,
А отъ Дуношки отсталъ, разбезсчастный сталъ!

Среди поля, поля чистаго,
У колодчика было у глубокаго,
Что у каменка было у горячаго,
Не донской-еть-ли казакъ воду чернасть,
Воду чернасть, онъ коня поить;
> Не коня казакъ поить—мужъ жену губить...
Ему женушка возмолилася,
Въ праву ноженьку поклонилася:
«Ужъ ты, мужъ ли мой, мужъ, ладо милое!
Не губи-ка ты меня рано съ вечера;
Погуби-ка ты меня со полуночи,
Когда милья дѣти спать улягутся,
Милы дѣтушки спать улягутся,
Спать улягутся, успокоятся;
Но утру рано встають, пораслачутся,
Пораслачутся—матки хватятся!»
«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же папа маменька?»—
—«Ваша маменька во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягоды!»—
—«Наша маменька беретъ ягоды!

Мы пойдѣмъ, братцы, покличѣмте.....
Ужъ ты тятенька, гдѣ же наша маменька?»
—«Ваша маменька въ новой горницѣ,
Баско рядится, въ гости ладится!»—
—«Мы пойдѣмъ, братцы, мы посмотримте!...
Ужъ ты, тятенька, гдѣ же наша маменька?»
—«Вы не плачьте-ка, милы дѣточки!
Приведу я вамъ молодую мать,
Я сострою вамъ нову горницу!»—
—«Ты сгорп, сгорп, нова горенка!
Ты помри, помри, молодая мать!
Ты возстань, возстань, родимая мать!»

Лаговскій, стр. 17. Каждый стихъ (кроме первого и послѣдняго) повторяется. — Очень сходная пѣсня (Новгородская губернія): Студитскій, № 33 («бесѣдная»).

98.

На степи-то, степи на Саратовской,
На другой-то степи на Камышинской,
У лѣсика было у дремучаго,
У ключа-то было у текучаго,
У колодезя у студенаго,
Младъ донской казакъ коня пошлѣ
Коня чернаго, возбоченаго;
Не коня-то онъ пошлѣ, онъ жену журилѣ,
Онъ жену журилѣ, погубить хотѣлѣ...
Какъ жена-то мужу возмолнлася,
Во рѣзвы ноженьки поклонлася:
«Ужъ ты, мужъ мой, младъ донской казакъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
Шабры ближніе пришкокояся!»....
Просыналися малы дѣтушки,

Хватилися они родной матушки:
«Ты скажи, скажи, родной батюшка,
Гдѣ дѣвалась наша матушка?»
— «Ваша матушка въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Въ цвѣтно платьѣ наряжается,
Въ Божью церковь собирается!»
Попили дѣтушки во Божью церковь,
А и всѣхъ людей они видѣли:
Ихней матушки тамъ нѣтъ, какъ нѣтъ.
«Охъ ты, батюшка, ты, родимый нашъ,
Ты куда дѣвась нашу матушку?»
— «Ваша матушка во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягоды!»
Какъ попли малы дѣтушки во сырой боръ,
А и всѣхъ людей они видѣли:
Берутъ ягоды, берутъ красныя;
Ихней матушки все нѣтъ какъ нѣтъ!
Какъ расплакались малы дѣтушки,
Какъ ударились объ сыру землю,
Завопили громкимъ голосомъ:
«Не обманывай насъ, родной батюшка!
Наша матушка во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу подъ колодою,
Подъ колодою подъ дубовою!
Ужъ и Богъ тебѣ судья, родной батюшка,
Ты убилъ, убилъ нашу матушку!»—
— «Вы не плачьте, малыя дѣтушки!
Я сострою вамъ нову горницу,
Я складу вамъ муравлену печь,
Я собыю вамъ дубовую дверь,
Я собыю вамъ золотую цѣвь,
Я возьму вамъ молодую мать!»—
— «Загорись, загорись, нова горница!
Развались, развались, муравлена печь!

Расколпсь, расколпсь, дубовая дверь!
Растоппсь, растоппсь, золотая цѣпь!
Ты умри, умри, злая мачиха!
Ты возстань, возстань, родна матунка!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 61.

99.

Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго
Течеть рѣчушка, рѣчка быстрая.
На той рѣчункѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, набѣллася;
Набѣлившись, нарумянлася;
Парумяннвищи, на гору пошла,
На горѣ спать легла,
На горѣ легла, во снѣ снилося,
Какъ донской казакъ коней поилъ,
Коней вороныхъ поилъ, жену губилъ.
Задумалъ казакъ свою жену губить,
А жена его догадалася:
«Не губи меня, мужъ, съ вечера,
А загуби меня, мужъ, за полночь:
Наши дѣти малыя спать поляжуются,
Они проснутся и матунки спросятся!...»
«Родной батюшка, гдѣ наша матунка?»
— «Ваша матушка въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ умывается,
Шелковымъ платкомъ утирается.»
Стали дѣти по матери плакать;
Отець сталъ дѣтей унимать:
«Не плачьте вы, дѣтушки милыя!
Я вотъ срублю горешку новую,
Нагоню притолкни косны,
Собью дверь дубовую,

Солью цѣпь золотую,
Приведу вамъ мачиху младую!»—
—«Родной батюшка, родной батюшка!
Загорись, наша горечка новая,
И разскачнись, наши притолки косны,
Расколнись, наша дверь дубовая,
Расцѣпнись, наша цѣпь золотая,
Умри, наша мачиха младая,
Встань, наша матушка родная!»

Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 30.

100.

У колодца у студенаго
Молодой маіоръ коня поплъ,
Красная дѣвица воду чернала.
Добрый молодець у воротъ стоить,
У воротъ стоить, думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ жену убить.
А жена-то его уговариваетъ:
«Ты не губи меня, другъ, со вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
И ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ!»
Какъ заря-то занимается,
Малыя дѣтушки просыпаются:
«Ты родимый, родной батюшка!
Да и гдѣ же наша родна матушка?»
—«Вы не плачьте, малыя дѣтушки!
Я сострою вамъ новъ высокъ теремъ,
Я складу вамъ печь муравую,
Я солью вамъ цѣпь серебряную,
Приведу я къ вамъ молодую мать,
Молодую мать, злую мачиху!»—
—«Ты родимый нашъ батюшка!

Всё-то ты говоришь намъ неправдушку!
Ужъ сгорн, новъ высокъ теремъ,
Провался, печь муравая,
Растопись ты, цѣпь серебряная,
Ты умри, наша молодая мать,
Молодая мать, злая мачиха,
И ты встань-проснись, наша родимая матушка!
Ужъ мы безъ тебя холоднехоньки,
Холоднехоньки, голоднехоньки!»

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 127.

101.

Какъ и мужъ-то жену,
Онъ её журить, бранить,
Онъ её убить хотитъ.
Жена мужа уговаривала:
«Ужъ ты, другъ, ты, мой другъ,
Ты, законный мой мужъ!
Ты не бей меня рано съ вечера,
Ты убей меня во полночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
А сосѣдушки успокоятся!
По-утру рано дѣточки проснутся
И про матушку они хватятся!»
По утрамъ рано дѣтки проснулись
И про матушку свою хватились.
«Ужъ ты, батюшка нашъ,
Гдѣ наша матушка?»
— «Ваша матушка по воду пошла.»
— «Родимый нашъ батюшка,
Вотъ ведерочки и коромысельки.
Родной батюшка, скажи,
Гдѣ наша матушка!»

Томъ I.

—«Ваша матушка
Бѣлится, румянится,
Съ богатымъ купцомъ
Гулять убирается.»—

—«Наша матушка,
Она не гульвивая,
Съ богатымъ купцомъ
Гулять не поважена!
Родной батюшка, скажи,
Да гдѣ жъ наша матушка?»

—«Ваша матушка—
Во сырѣмъ бору,
Во дубовѣмъ гробу!»
Какъ и дѣточки восплакались,
Да они возрыдался.
«Вы не плачьте, дѣти малыя!
Я сострою вамъ комнаты новыя,
Приведу вамъ мать молодую
И сдѣлаю цѣпь золотую.»—

—«Золотая цѣпь твоя оторвися!
Молодая мать отъ насъ отвякися!
Родимая наша матушка
Назадъ воротися!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, выш. XV, стр. 191.

102.

Охъ ты, матушка раздкая степь Саратовска!
Далекохолько протянулася,
Дале города и Саратова!
У ключа было у гремячаго,
Донскоій казакъ коня поилъ;
Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терялъ.

Жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
«Мужъ мой батюшка, донской казакъ!
Не теряй меня рано съ вечера,
Потеряй меня во глуху полночь,
Какъ добры люди спать лягутся,
Наши дѣтушки утомонятся!»
Большая дочка Анпушка,
Дочка Анпушка догадалася:
«Ты, родимый нашъ батюшка!
Гдѣ родимая наша матушка?»
— «Ваша матушка въ свѣтлой свѣтлицѣ,
Она бѣлится и румянится,
Во цвѣтно платьѣ наряжается,
Ко заутренѣ собирается.»—
— «Охъ ты, батюшка, ты насъ обманываешь!
Отъ чего же ты невесель ходишь,
Невесель ходишь и нерадошень?»—
— «Чему же мнѣ веселится
И на что глядя радоваться?
Ваша матушка распутная:
Пошла гулять съ полюбовникомъ!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 113.

103.

Уа стени-степи на Саратовской,
У ключа было у греячаго,
Добрыи молодець тутъ коня поплъ,
Поплъ, кормилъ, выглаживаль,
Выглаживаль, охорачиваль:
«Охъ ты, батюшка конь добра лошады!
Увези ты меня отъ побѣдушки,
Отъ худой жены, отъ любовницы!»

Онъ не коня поплъ,
Тутъ поплъ мужъ,—жену терялъ.
Жена мужу возмоллася,
Во рѣзвы ноги ему поклонлася:
«Не губи ты меня, мужъ, на дикой степи:
Потеряй ты меня на большой дороженькѣ,
Близъ кустика ракитова,
Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»
Подъѣзжаетъ мужъ ко широкому двору,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки,
Малы дѣтушки голубятушки:
«Государь ты нашъ, родной батюшка!
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
—«Охъ вы, мои малыя дѣти!
Вана матушка ушла во чисто поле,
Во чисто поле, въ боръ по ягоды.»
Побѣжали же малы дѣтушки
Искать свою матушку:
«Государь ты нашъ, родной батюшка!
Не нашли мы свою матушку!»
—«Подите-ка вы во чисто поле:
Вана матушка лежитъ подъ кустикомъ,
Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»—
Побѣжали малыя дѣти:
Нашли они свою мать убитую...

Кирѣевскій, вып. V, стр. 123.

104.

Далекохонько степь протянулася,
Дале города дале Питеру,
Дале матушки каменпѣй Москвы...
У ключа-то было у гремучаго,
У колодезя было у студенаго,

Добрый молодец коня поилъ;
Онъ бьетъ по крутымъ бедрамъ.
«Охъ ты, конь мой, копь,
Ты, добра лошадь!
Что же ты, конь, спотыкаешься,
За ковыль-траву запинаешься?»
—«То-то я, конь, спотыкаюся:
Какъ со вечера мужъ жену терять,
Какъ жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
Охъ ты, мужъ мой, донской казакъ!
Не теряй меня, мужъ, со вечера,
Теряй меня, мужъ, близь полуночи,
Чтобы дѣти наши пріуснули,
А чужьи люди не слыхали бы!»
Потерялъ мужъ жену близь полуночи.
Поутру малы дѣти догадалися,
Пришли малыя дѣти къ своему батюшкѣ:
«Ты, сударь, ты, нашъ батюшка!
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
—«Охъ вы, дѣти мои малыя, глуныя!
Ваша матушка въ зеленомъ саду гуляетъ.»—
—«Ты, сударь, ты, нашъ батюшка!
Все неправда ваша:
Наша матушка во гробу лежитъ,
Во сырой землѣ....»

Кирѣевскій, выш. V, стр. 129.

105.

У колодезя у глыбокаго
Не донской казакъ коня поилъ,
Не коня поилъ, онъ жену губилъ.
Что жена мужу возмолилася,

Во скоры ноги поклонилася:
«Ахъ ты, мужъ, ты, мужъ мой донскоі казакъ!
Не губи меня съ вечера рано,
Погуби меня со полуночи:
Всѣ добры люди спать уляжутся,
Малы дѣтушки поразоспятся,
По утру проснутяся, матушки схватятяся...»
«Родный батюшка, гдѣ наша матушка?»
—«Ваша матушка во высокомъ новомъ теремѣ,
Она бѣлится и румянится,
Въ цвѣтно платьице надѣвается.»—
—«Охъ вы, нянюшки, охъ вы, мамушки!
Посмотрите вы, гдѣ наша матушка!»—
—«Вашей матушки нѣтъ въ новомъ теремѣ.»—
—«Родный батюшка, куда дѣваль матушку?»—
—«Ваша матушка во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягоды.»—
—«Охъ вы, нянюшки, охъ вы, мамушки!
Вы сходите, посмотрите, гдѣ наша матушка!»—
—«Вашей матушки нѣту въ темномъ лѣсу.»—
«Родный батюшка, куда дѣваль матушку?»—
—«Ваша матушка во сырой землѣ,
Во сырой землѣ, въ гробовой доскѣ,
Въ гробовой доскѣ, въ золотой парчѣ!»

Повгородъ. Кирѣевскій, выш. V, стр. 114.

106.

Изь подь камушка изь подь бѣлаго,
Изь подь кустика изь подь ракитова,
Тамъ текла-текла рѣчка,
Рѣчка быстрая, бережистая.
Какъ во той рѣчкѣ дѣвка мылася,

Вышла, набѣлилася,
Набѣливици, она нарумянилася,
Нарумяннвици, въ зеленѣ дугъ пошла,
Въ зеленомъ дугу, тамъ донской казакъ,
Тамъ донской казакъ коня поплъ,
Наповниши коня, сталь думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«Охъ, и какъ же мнѣ быть,
Молоду жену сгубить?
Загублю жену не рано,—съ вечера;
Схороню жену ближе ко полуночи!...»
Его большая дочь рано просыпалася,
Къ батюнкѣ у ножки кидалася:
«Государь ты нашъ, родной батюшка,
Родной батюшка, идѣ наша матушка?»
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Умывается ключевой водой,
Утирается бранымъ полотномъ.»—
—«Государь нашъ батюшка, неправда твоя!
Наша матушка во желтомъ песку,
Въ новой горницѣ она законана!»

Кирѣевскій, выш. VII, прибавленіе стр. 32.

107.

Изь подь камушка, камня бѣлаго,
Изь подь кустика, куста ракитова,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, вода холодная...
Какъ на той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, красная бѣлилася;
Что умывишесь она, набѣливишесь она,
На гору взонла, диво видѣла...
Какъ донской казакъ тамъ коня поплъ;

Не коня поплъ, — онъ жену губилъ.
Какъ жена мужу возмоллася:
«Ужь ты, мужъ ли мой, мужъ, донской казакъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Ты убей меня со полуночи:
Всѣ сосѣдушки поулягутся,
Малы дѣтушки крѣпкимъ сномъ заснутъ...
Они встанутъ ли по утру рано,
Они хватятся родной матушки!...»
«Государь ты панъ, родной батюшка,
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?» —
— «Ваша матушка въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится, гулять собирается!» —
— «Государь ты панъ, родной батюшка!
То не матушка, — твоя сударушка!
Пана матушка — во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, въ дубовомъ гробу!
Не отецъ ты панъ, ты — лютой намъ змѣй!
Ты убилъ, потерялъ нашу матушку,
Осиротилъ своихъ малыхъ дѣтушекъ!»

И въ септискъ 1827 года, часть II, стр. 76.

108.

У колодника было у ключеваго;
Не донской казакъ конюшка поплъ;
Онъ не конюшка поплъ, свою жену губилъ.
Ему женушка-жена возмоллася,
Въ праву поженьку поклонилася:
«Ахъ ты, мужъ ли мой, мужъ, ты, донской казакъ!
Не губи ты меня среди бѣла дня!
Погуби ты меня со полуночи,
Когда всѣ люди спать улягутся,

Малы дѣтушки поразоснятся,
Поразоснятся, мени хватятся!...»
—«Родный тятенька, гдѣ же наша маменька?»—
—«Ваша маменька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ, подь окошечкомъ!»
—«Не обманывай, родный тятенька!
Наша маменька—во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, за колодной!»

Вологодскій уѣздъ. Пиваницкій, стр. 327.

109.

Какъ у ключика у студенаго,
У плотика у дубоваго,
Дѣвка мылася да бѣлилася;
На гору взошла да вздвиглася:
Раздонской казакъ да коня пошлъ,
Не коня-то онъ пошлъ,—
Да мужъ жену журилъ;
Что жена мужу взмолилася,
Въ праву да поженьку поклонилася:
«Ты не бей меня да рано съ вечера,
Ты убей меня во глухую полночь:
Всѣ-то люди пріуснятся,
Малыя дѣтоньки раскатаются,
Поутру-то встануть, восохватятся!...»
«Ужъ ты, тятенька нашъ родимый,
Да гдѣ жъ наша мамонька?....
Наша мамонька да въ новой горенкѣ
Спитъ на лавочкѣ,—не пробудится,
Господу Богу не помолится!...»

Пермская губернія. Шишонино, стр. 201.

110.

Какъ донской казакъ вель коца поить,
Добрый молодець у воротъ стоять,
У воротъ стоять, думу думаетъ,
Думу думаетъ похорошую,
Думу думаетъ, какъ жену сгубить:
«Я убью ль жену да со вечера!»
Какъ жена мужу возмолилася,
Во скоры ноги ему поклонилася:
«Ужъ ты, батюшка, милъ сердечный другъ!
Ты не бей меня да со вечера,
Ты убей меня со полуночи,
Ужъ ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ,
Малымъ дѣтушкамъ, всемъ ближнимъ сосѣдуш-
камъ!»

Какъ зоря-то, зоря занималася,
Малы дѣтушки просыпался:
«Родимый нашъ батюшка, а гдѣ же наша мату-
шка?»—

—«Ваша матушка въ зеленомъ саду,
Въ зеленомъ саду, въ новомъ теремѣ;
Она бѣлится, румянится,
Что со мной она въ гости рядится.»—

—«Родимый нашъ батюшка, все твоя неправдушка:
Наша матушка—во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, въ дубовомъ гробу,
Въ дубовомъ гробу, лежитъ нодь сосною...»

III.

✓ Какъ донскоі-то казакъ, казакъ вель коня поить;
Добрый молодець, ужь онъ у воротъ стоитъ,
У воротъ стоитъ, самъ онъ думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ будетъ жену губить.
Какъ жена-то, жена мужу взмолилася,
Во скоры-то поги ему поклонилася:
«Ужъ ты, батюшка, ты ли, миль сердечный другъ!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера,
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моимъ малымъ дѣтушкамъ,
Малымъ дѣтушкамъ, всѣмъ ближнимъ сосѣдушкамъ!»

Вильбоа, № 11.

III.

✓ Изъ подъ березку изъ-подъ крутаго,
Изъ подъ камушка изъ подъ бѣлаго
Течеть рѣчка быстрая.
Во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Во цвѣтно платьѣ одѣвалася,
Она бѣлилася и румянилася,
Набѣлѣвши она, на румянивши, на гору взошла,
Диво видѣла, дивовалася:
Какъ донскоі казакъ коня поить,
Онъ коня поить, съ дѣвкой рѣчи говорить,
Съ дѣвкой рѣчи говорить, какъ жену погубить:
«Не губи жену рано съ вечера,
Погуби жену ко полуночи:
Малы дѣтушки спать поляжуются...!»
Малы дѣтушки расплачутся:

«Государь батюшка, гдѣ наша матушка?»
«Ваша матушка на Дунай пошла—утопилася.»

Тульская губернія, Черискій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 121.

113.

Жль подь камушка, камня бѣлаго,
Протекала тутъ рѣка быстрая;
Какъ по той ли по рѣченькѣ
Плыла легка лодочка;
За той ли за лодочкой
Плылъ тамъ корабличекъ;
Въ томъ ли корабличкѣ
Дуна красна дѣвица.
Она мылася и бѣлилася,
И бѣлилася, и румянилася,
Нарумянившись, на гору взонла.
Какъ увидѣла она добраго молодца
У колодези у студенаго:
Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ,
Не коня поилъ, онъ жену терялъ.
Какъ жена мужу возмолилася:
«Не губи ты меня со вечеру,
Потеряй меня ко бѣлу свѣту:
Ко бѣлу свѣту малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ прибаюкаю...»

Пѣсенникъ 1805 года.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 124.

114.

Охъ ты, матушка степь Саратовска!
Далеко ты, степь, протянулася,
Дале города дале Питера,

Дале матушки каменной Москвы!
Ничего въ степи не уродилося;
Уродился тутъ часть ракиповъ кустъ;
Изъ-подъ кустика тутъ колодець бьетъ.
У ключа, у ключа у гремачаго,
У колодезя у студенаго,
Добрый молодець тутъ коня поилъ,
Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ:
«Охъ, ты стой-постой, мой добрый конь!»
Во кусту, во кусту во ракиповомъ,
Тутъ донской казакъ жену терять.
Что жена мужу возмоллася,
Во рѣзвы ноги поклонилася:
«Охъ ты гой еси, мужъ, донской казакъ!
Не теряй меня поздо вечеромъ,
Охъ, ты дай уснуть дочкѣ Аннушкѣ!»
Дочка Аннушка догадалася,
На шеюшку она кидалася:
«Охъ ты гой еси, родной батюшка!
Не теряй-ка ты родиму матушку:
Возкують тебя во желѣзушки,
Отдадутъ тебя во солдатунки!»

Кир Бевектій, вып. V, стр. 119.

115.

Какъ на зоренькѣ было,
Вотъ было на утренней,
Случилось мнѣ
Мимо саду ѳхати,
Случилось мнѣ
И слѣзть да послушати.
Какъ и мужъ-то жену,

Бабочку журить-бранить,
Онь ее убить хотить.
Какъ жена-то мужа,
Она приговаривала:
«Да ты, мужъ, ты, мой мужъ,
Да ты, родный мужъ!
Ты не бей-то меня,
Младу, въ зеленомъ саду!»
Какъ на утрѣ было,
Дѣточки проснулись,
По кроватушкѣ они
Норазладились,
Родную матушку они
Повзыскались...
«Да ты, батюшка нашъ,
Да и гдѣ жъ наша
Родимая матушка?» —
— «Ваша матушка
Бѣлится, румянится,
Съ молодымъ-то купцомъ
Гулять собирается». —
— «Ой, да неправду ты
Нашъ говоришь!
Наша матушка
Въ зеленомъ саду
Лежитъ подъ колодою!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. III, стр. 77.

116.

На зарѣ-то было, на зорюнкѣ,
На восходѣ солнца яснаго,
Депечка прекраснаго....

Случилось-то молодцу
Мимо саду ѳхати,
Садику зеленого;
Случилось ему, молодцу,
Женекійі голосъ слышати,
Постоять, послушати...
Какъ и мужь-то жену
Журить-то, бранить,
Да убить ее хотить.
Какъ жена-то мужа
Уговариваетъ:
«Ужъ ты, мужь, ты, мой мужь,
Ты, законный мой другъ!
Ты не бей же меня
Рано съ вечера,
А убей же меня
Въ глухую полночь,
Когда сосѣдушки
Припокоятся,
А малы мои дѣточки
Крѣико спать будутъ!»
Малы дѣточки проснулись,
Про родимую маменьку стрѣнулись:
«Ты, родимый нашъ батюшка,
Гдѣ же наша родна матушка?»—
—«Ваша родна матушка
Бѣлится, румянится,
Съ молодымъ купцомъ
Гулять убирается».—
—«Да не правда же твои,
Родной нашъ батюшка!
Наша родная маменька
Гулять не охотница!
Она, наша маменька,
Теперь ужъ убитая,

Подъ зеленою грушею,
Родная, зарытая,
Дубовой доской накрытая,
Желтымъ пескомъ присыпана!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XV, стр. 71.

117.

На зорѣ было на зорюшкѣ,
На зорѣ было на утренней,
На восходѣ было солнца яснаго,
На восходѣ дашечка прекраснаго,
Случилось молодцу мимо саду ѣхати,
Мимо саднику зеленаго, мимо терему высокаго;
Да случилось молодцу въ саду голосъ слышати,
Какъ мужь-то жену журить-бранить и убить гро-
зиль,

Какъ жена-то мужа уговаривала:
«Ты, мужь мой, мужь, ты, законный другъ!
Ты не бей меня рано съ вечера,
Ты убей меня во глуху полночь:
Наши дѣточки будутъ крѣико спать,
Ничего-то они не будутъ знать!»
По утру рано дѣточки проснулись,
Про родную матушку встрѣнулись:
«Наша матушка есть убитая,
Гробою доскою есть закрытая!
Найдите же, тучи грозныя!
Гряньте же, громы громкіе!
Разбейте вы гробову доску!
Встань, проснись, родная матушка!»

Донская область. Савельевъ, стр. 152.—Кирѣевскій, вып. VII,
стр. 33.

118.

Удалой ямщикъ коня поилъ,
Коня поилъ, самъ думу думаетъ:
«Какъ убить мнѣ молоду жену?»
Жена мужу возмолилася,
Ему въ поженьки поклонилася:
«Ты не бей меня, мужъ, со вечера,
Ты убей меня со полуночи:
Малы дѣтушки спать улягутся,
Всѣ сосѣдушки поразоспятся;
Ты свеси меня на болотинку,
Положи меня подъ колодинку!»
Пробуждаются малы дѣтушки.
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»—
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ бѣло моется,
Бѣло моется, въ гости радится.»
Пошли дѣтушки въ нову горницу....
Расплачутся малы дѣтушки:
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»—
—«Ваша матушка въ Божьей церкви,
Въ Божьей церкви Богу молится,
Богу молится, низко кланяется.»
Пошли дѣтушки въ Божью церковь,
Не нашли своей родной матушки.
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»—
—«Ваша матушка на болотникѣ,
На болотникѣ, подъ колодинкой.»
Пошли дѣтушки на болотинку,
Нашли свою родную матушку:
Всѣ волосушки порастрепаны,
Бѣлая грудь пораздавлена.

Повишился тутъ удалой ямщикъ,
Бить кнутомъ былъ и въ Сибирь пошелъ.

Новгородская губернія. Новгородскія Губернскія
Вѣдомости 1876 года, № 37.

119.

У столба-столба повоточенаго,
У колодези у студенаго,
Молодой-сть казакъ, онъ коня поилъ,
Не коня-то поилъ, онъ жену губилъ.
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвья поги поклошилася:
«Не губи же ты меня, мужъ, со вечера,
Погуби со полуночи,
Когда дѣтушки спать улягутся!»
Просыпалися малы дѣтушки,
Взыскались своей матушки:
«Охъ вы, нянюшки, охъ вы, мамушки!
Ужъ и гдѣ же наша матушка?»
—«Ваша матушка въ новой горщицѣ,
Въ новой горщицѣ Богу молится...»
—«Ужъ и тамъ-то нѣту нашей матушки!»—
—«Ваша матушка въ высокомъ терему,
Она бѣлится, румянится.»—
—«Ужъ и нѣтъ тамъ нашей матушки!»—
—«Ваша матушка въ зеленомъ саду,
Рветъ алы вишенья.»—
—«Ужъ и тамъ нѣтъ нашей матушки!»—
—«Пошла ваша матушка на Дунай-рѣку,
Съ ведрами по воду.»
Какъ пошли-то наши дѣтушки на Дунай-рѣку,
Позъ-за горъ-горъ высокиихъ
Вылеталъ-то младъ сизой орелъ,

Въ когтяхъ-то несетъ правую рученьку.
Воскричали-то малыя дѣтушки:
«Охъ вы, нянюшки, наши мамушки!
Ужъ какъ несетъ-то орель рученьку,
Несетъ рученьку нашей матушки,
И со перетнемъ обрученнымъ!
Ужъ и Богъ же суди нашему батюшкѣ,
Что оставилъ насъ безъ родимой матушки!»

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 115.

120.

Полетѣлъ орель черезъ сырой боръ;
Во когтяхъ-то держитъ востру саблицу,
Подъ правымъ крыломъ слезну грамотку.
Въ этой грамоткѣ есть написано, нарисовано:
Родной матушкѣ—разнизкой поклонъ,
Родному батюшкѣ на заботнице,
На заботнице, на работнице,
Молодой женѣ на загульбище.....

Добрый молодецъ коня поилъ,
Напосмни коня, во луга пустялъ,
Во луга пустилъ, за ворота сталь,
За ворота сталь, думу думаетъ,
Думу думаетъ, думу крѣпкую:
Ужъ и какъ-то мнѣ жену убить?
Я убью жену не со вечера,
Я убью жену со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
Всеѣ народушки приугомонятся!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 62.

накѣ параллел.

121.

Какъ на морѣ было, морѣ синеемъ,
Лебедь съ орличкомъ все купался,
Не купался они,—совыкался;
Лебедь орличка все выспрашиваль,
Изъ ума-то онъ орла все вывѣдываль:
«Еще гдѣ ты, орель, былъ, гдѣ, сизою, гуляль?»—
—«Я гуляль-ли вотъ, леталь по дикой стени,
По дикой стени гуляль, по Саратовской!»—
—«Не видаль-ли ты, орель, молодую мою жену,
Молодую жену со дѣтятками?
Не тужать ли они, не горюють-ли?»—
—«Тужать, плачуть по тебѣ, сокрушаются,
Тебя, молодца, домой дожидаются!»

У ключа было, ключа у студенаго,
У колодечка было у глубокаго,
Не донской-отъ тутъ казакъ, онъ коней поилъ,
Не коней казакъ поилъ,—мужъ жену губилъ...
Жена-то вотъ мужу, охъ, возмолилася:
«Не губи-ка меня, мужъ, да рано съ вечера,
Погуби-ка ты меня со полуночи:
Малы дѣтушки спать улягутся,
Все-то добры люди призагунутся»....

Удѣльская губернія, Меззелинскій уѣздъ. Пальчииковъ, № 68
(последніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются).

122.

Скажи, Душошка, скажи, любушка,
Про мила дружка, про Иванушку,
Будто я, Иванъ, по почамъ гуляль,
По почамъ гуляль поздно вечеромъ;
Не одинъ гуляль,—съ красной дѣвушкой.

Изъ-подъ камушка, камня бѣлаго,
Изъ-подъ кустика да ракитова,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая да холодная;
Что на той рѣкѣ дѣвка мылася,
Она мылася и бѣлилася;
Набѣлясь она, взошла на гору,
Взошла на гору, диво видѣла:
Какъ у ключика у холоднаго,
Младъ донской казакъ тамъ кося поилъ.
Конь воды не пьетъ, самъ копытомъ бьетъ...

Кашинъ, вып. II, № 2 («полупротяжная»).

123.

Ходилъ, гулялъ добрый молодець,
Абрамъ вдоль по улицѣ;
Паряжалъ Абрамъ бабъ на барщину,
Мужиковъ-то Абрамъ—стога метать,
Стога метать барскіе.
На стогу-то стоитъ красна дѣвица,
Абрамова любовница.
Красно солнышко закатается;
Все люди домой собираются;
Оставался удалъ добрый молодець,
Абрамъ съ молодой женой...
Въ темный лѣсъ пошли;
Во лѣсочкѣ огонь горитъ калищовый,
Дымокъ валитъ малищовый,
Котлы кипятъ нѣмецкіе,
Пожги точатъ булатные...
Абрама жена упрашиватьъ:
«Ты пусти, Абрамъ, душу,
Не для меня—для милыхъ дѣтушекъ!»

Вотъ приходитъ Абрамъ домоіі,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки:
«Батюшка, гдѣ наша матушка?»
— «Ваша матушка въ сырѣ борѣ гулять ушла.»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ, Магницкіі, стр. 26
(«обыденная»).

124.

Одна была пѣсня,—
Поблюду се къ весиѣ!
Поѣду весной пахати,
Стану сѣять-засѣвати,
Эту пѣсню распѣвати!
При широкой, при большой дорожкѣ,
Жилъ-былъ мужикъ Марко,
У Марка сынъ Федоръ,
У Федора жена Марѳа.
Просплася Марѳа въ гости
Ко своей матери не надолго,
Не надолго—на три недѣльки;
Гостила Марѳа недѣлю, гостила другую,
На третьей Марѳа стосковалась:
«Охъ, матушка, тошно,
Миѣ, родимая, грустно!»—
— «Ты залѣзь, Марѳа, на печку,
Погляди съ печи въ окошко,
Не ѣдетъ ли Федоръ?»—
— «Ахти, матушка, ѣдетъ!»
Подъзикалъ Федоръ къ воротамъ,
Сталь стукать подъ окошко,
Сталь стукать подъ другое;
На дворъ Марѳу вызываетъ:
«Ты поѣдень, Марѳа, домоіі!

У часть въ дому нездорово:
Родной батюшка хвораетъ,
Родна матушка часуетъ,
У сестрицы три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоновска Тапошка.»
Проводила мати Марѳу,
Проводила черезъ поле,
Проводила чрезъ другое,
На третьемъ стала распрощаться.
Возговорить Федоръ:
«Проводи, теща, подале,
Не знай, увидишь, не знай, нѣтъ!»
Подѣзжаетъ къ воротамъ:
Лютой свекоръ дрова рубить,
Люта свекровь избу топить.
У золовки три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоповска Тапошка.
«Ты поди-ка, Марѳа, топн баню!»
— «Постой, Федоръ, разряжуся!»
— «Ты топн во всемъ нарядѣ!»
А куда тебѣ нарядъ дѣвати?
Развѣ дуба нарядати!»
Пошла Марѳа топить баню.
Нестошла Марѳа баню,
Приходитъ домой:
«Ступай, Федоръ, въ баню!»
— «Иди, иди сейчасъ за мною!»
— «Ступай, Федоръ, сейчасъ иду за тобою!»—
Подошла Марѳа къ банѣ,
Отворила Марѳа баню:
Сидитъ Федоръ, пожиткѣ точить.
Рѣзвы ноги подкосились,
Бѣлы руки опустились,

Головушка съ плечь скатилась.

Зарѣзаль Ѳедоръ Марѳу,
Схоронилъ се въ банѣ подь полочкомъ.
Приходитъ онъ изъ бани.
Дочь у нихъ была невеличка,
Невеличка, пяти годочковъ,
Расплакалась, разиѣжилась:
«Охъ ты, тятенька, тятенька!
Что нейдетъ долго матушка?»
— «Что это за мать,
Что за стара, нехороша!
Я тебѣ возьму мать молодую:
Либо вонъ Дарюшку, либо Марюшку.
Либо Безсоповску Танюшку!»
— «Ты умри-ка, Дарюшка и Марюшка,
И Безсоповска Танюшка!
Прииди, моя мамоцька,
Приди, родная, изъ жаркой бани!»—

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 57.

125.

У воротъ Любовь стояла,
Съ Ѳедей рѣчи Любовь говорила:
«Чѣмъ намъ Марѳу твою уморити?
Уморить намъ будетъ Марѳу въ банѣ!»
Пришелъ Ѳединька домою,
Посылаетъ Марѳу топить баню:
«Поди, Марѳа, топи баню,
Топи банюшку пожарче,
Вари щелоку помыльче!»
Марѳа банюшку топила,
Громкимъ голосомъ она завывла:
Пришла Марѳоцька изъ бани,—

Сидитъ Оедишка на лавкѣ,
Точитъ ножичекъ булатный.
Марѳа скоро она догадалась,
По золовушка свою бросалась.
«Ты, золовушка моя Аганя!
Не забудь меня ты, Марѳу, въ банѣ!»
Пошелъ Оеда съ Марѳой въ баню,
Началъ Марѳу онъ тиранить...
Оедю крови одолѣли,
Черезъ пороги крови лили...
Ведетъ Оедишка Марѳу изъ бани,—
У пей ножки подкосилсь,
Бѣлы ручки у ней опустились,
Съ плечъ головушка у ней склонилась...
Пришелъ Оедишка домою.
«Ты качу-баю, сынокъ Ванюша!
Твоя мати въ банѣ угорѣла,
Головушка у ней заболѣла!
Ты, сестра моя Аганя,
Позабыла Марѳу въ банѣ!»
—«Недосугъ миѣ, злодѣи, было!
И коровушку допла,
И малыхъ телятъ попла,
Во дубровушку телятъ гоняла!»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 47.

126.

У пасъ было во новомъ городѣ,
Во новомъ городѣ во Саратовѣ,
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
У купца ли, купца у богатаго
У богатаго, у Шахматова,

Песчашнице въ домѣ сдѣлалось,
Песчашнице не малое,
Какъ жена-то мужа потеряла,
Вострымъ пожичкомъ зарѣзала.
Въ холостой его погребъ бросила,
Дубовой доской захопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала;
Сама взошла въ нову горницу,
Во столовую свѣтлицу;
Она сѣла подь окошечко,
Подь хрустальное стеклышко;
Сама плачетъ, какъ рѣка льетя...
Прилетѣли къ ней два сокола,
Два сокола, два ясныхъ,
Деверья ея любезные..
«Здравствуй, сноха-невѣтушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Гдѣ же братецъ нашъ Иванушка?»—
— «Вашъ братецъ увелъ коня понть.»—
— «Ты, сноха наша, невѣтушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Его добрый конь въ копошенькѣ,
Шелкова узда на гвоздикѣ!
Ты, сноха ль наша, невѣтушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Да что у тебя въ избѣ за кровь?»—
— «Бѣлу рыбицу я пластала,
Бѣла рыбица больно билася!»—
— «Ты, сноха ль наша, невѣтушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Да гдѣ братецъ нашъ Иванушка?»—
— «Соколы вы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю пострую,
Вы срубите мнѣ буйну голову!

Вашего братца я потеряла,
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой погребѣ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала!...»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 51

127.

Какъ во городѣ было во Саратовѣ,
У купчика было у богатаго,
Какъ несчастнице въ домѣ сдѣлалось,
Въ домѣ сдѣлалось,
Какъ жена-то мужа потеряла,
Острымъ ножичкомъ зарѣзала,
Во холодный погребѣ бросила,
Дубовой доской задвинула,
Желтымъ пескомъ присыпала,
Правой ноженкой пригонила;
А потомъ пошла въ нову горницу,
Сѣла предъ окошечкомъ
И взяла въ руки бѣлый чулокъ.
Прилетали къ ней тутъ два голубя,
Два голубя, два спозкрылыхъ,
Какъ не два-то братца, два родимыхъ...
Ужъ и стали они ее выспрашивать:
«Ты слыхала ль, наша невѣстушка,
Какъ и гдѣ-то нашъ братецъ Иванушка?»
— «Онъ уѣхалъ въ поле охотывать!»—
— «Отчего же у тебя на порогѣ кровь?»—
— «Бѣлу рыбицу я рѣзала, рѣзала,
Во холодный погребѣ бросила,
Дубовой доской задвинула.»—
— «Ты слыхала ль, наша невѣстушка,

Ты открой-ка, открой дубову доску!
Не тамъ ли пань братецъ Иванушка?»

Астраханская губернія. Астраханскій Сирвочный Листокъ
1867 года, № 266.

128.

На зарѣ было, на зорюшкѣ,
На восходѣ было красна солнышка,
У насъ сдѣлалось, братцы, несчастъица,
Большая, братцы, безвременъица.
Какъ жена-то мука потеряла,
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской прихлопнула
И правой ногой притопнула;
А сама пошла во горенку,
Сѣла подъ красную подъ оконечку,
Подъ хрустальную подъ стеколицу.
Приходили къ сѣи два деверя:
«Ты, сноха ли наша, невѣстунка,
А и гдѣ же нашъ большой братъ?»
— «Вы, любезные деверечки мои!
Вашъ большой братъ на охотушкѣ,
За куньцами, за лисницами,
За бѣлыми за зайцами!»
— «Ты, любезная наша невѣстунка,
Ты скажи-ка намъ, не обманывай,
Съ чего же у тебя булатный ножъ въ крови?»
— «Вы, любезные деверечки мои!
Я снза голубя зарѣзала,
На ножъ-то сердце вынула...»
На ножу сердце стрепыхнулося,
А жена шельма ужахнулася...

Рязанская губернія, Данковскій уездъ. Живая Старина 1894 г.,
вып. II, стр. 287.

129.

Какъ во ельничкѣ, во березничкѣ,
Да во частомъ мелкомъ орѣшничкѣ,
Ходить и гуляетъ разворонный конь;
Шелковый поводъ въ грязь втопталъ,
Черкальское сѣдло на бокъ сблялъ.

Не въ Москвѣ то было, въ Питерѣ,
У куща то было у богатаго,
Во Стрѣлецкой было улицѣ,
Солучилоя несчастье,
Что жена мужа потеряла,
Не потеряла, зарѣзала.
На пожарѣ сердце вынула;
На востренькомъ встрепехнулося,—
Жена, шельма, улыбулася,
Улыбнувшись, усмѣхнулася,
Во холодный ледникъ спрятала,
Дубовой доской прихлопнула,
Правой поженкой притопнула,
Бѣлой рученькой прищелкнула;
Она прятала, не плакала,
Домой пришла, заплакала . . .
Умылася бѣлехонько,
Нарядилася наряднехонько....
Прилетали къ ней два сокола,
Не сокола, — два деверя.
«Ты, сноха наша, невѣстушка,
Еще гдѣ нашъ братъ Иванушка?»—
—«Вашъ Иванъ-то братъ
За стрѣльбой ушелъ,
Что за утками, за гусями!»

130.

Во лѣсу было въ орѣшникѣ;
Туть стояль, стояль вороній конь;
Трои сутки не кормленый былъ,
Недѣлюшку не поенъ стояль.
Черкасское сѣдло на бокъ сбиль,
Тесьмянную узду въ грязь втопталъ.
Не въ Москвѣ было, во Питерѣ,
Во Мѣщанской славной улицѣ;
Туть жена мужа потребила,
Вострымъ ножикомъ зарѣзала;
На ножѣ-то сердце выщала,
На булатномъ встрепенулося;
А жена-то усмѣхнулася,
Во холодный погребъ бросила,
Правой ноженкой притопнула.
Пришла домой, сѣла подь окошечко,
Правый локоть на окошечко,
Горючія слезы за окошечко!

Вологодскій уѣздъ. Иванецкій, стр. 327.

131.

Зимушка, зима,
Зима лютая моя!
И прошу тебя:
Не морозь меня,
Не морозь меня
При дороженькѣ,
Кошя ведучи,
Сбрую несучи!
Сбруя моя, сбруя,

Сбруя ясная!
Доля моя, доля
Разнесчастная!...

Какъ жена мужа.
Приутѣшила,
Въ зеленомъ саду
Зарѣзала....
Сладкихъ яблочекъ
Призакупался,
Мелкихъ иташечекъ
Призаслушался....

Тульская губернія, Енинскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 361 («голосовал или протяжная»).

132.

Случилось мнѣ, доброму молодцу,
Мимо зеленого саду ѣхати,
Случилось мнѣ диво видѣти.
Такого дива, братцы, не видано,
И такого, братцы, чуда не слыхано...
Какъ подъ яблонью подъ кудрявою,
Что подъ грушею подъ зеленою,
Что на травушкѣ, на муравушкѣ,
На цвѣтахъ, цвѣтахъ на лазоревыхъ,
Какъ жена мужа потерять хочетъ;
Вынимаетъ она булатный ножъ,
Что садится къ нему на бѣлы груди,
Распоролла ему бѣлую грудь,
Что закрыла его очи ясныя;
Она смотритъ въ его ретиво сердце;
Посмотрѣвъ, сама молвила:
«Ты каковъ былъ до меня, мой другъ,
Такова тебѣ и кончинушка!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть 1, стр. 175.—Пѣсенникъ 1810 г.,
стр. 139.

133.

Старикн-то мой стародавнїе!
Какъ и кто бы изъ васъ служилъ царю бѣлому,
Какъ и кто бы изъ васъ сказалъ про Суру рѣку?
Какъ Сура-то рѣка бѣжитъ изъ-подъ камушка...
Какъ на камуникѣ сидѣла сестра съ братомъ,
Какъ сестра-то брату словечко промолвила:
«Ляжь-ка ты, братецъ, ко мнѣ у колѣнушки,
Попну я у тебя у головушкѣ.»
Какъ и легъ-то братецъ къ сестрѣ у колѣнушки,
Приуснулъ-то онъ своимъ распрекрѣпкимъ сномъ...
Вынимаеъ сестра съ ножень саблю острую,
И снимаеъ она съ братца буйную головушку.
Положила она буйную головушку подъ тотъ бѣль
горючъ камень...

Донецкая область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года,
№ 92.

134.

Стругаль стружки добрый молодецъ;
Брала стружки красная дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй некла, зелье дѣлала;
Сестра брата извести хочеть...
Встрѣчала брата среди двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила ее брату милому.
«Ты пей, сестра, напередъ меня!»—
—«Пила, братецъ, наливаючи,
Тебя, братецъ, поздравляючи!»
Какъ канула капля коню на гриву,—

У добра коня грива загорается,
Молодец на конѣ разнемогается.
Сходилъ молодецъ съ добра коня,
Вынималъ изъ поженъ саблю острую,
Сымалъ съ сестры буйну голову.
«Не сестра ты мнѣ родимая,
Что змѣя ты подколодная!»
И онъ бралъ изъ костра дрова,
Опъ клалъ дрова среди двора,
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
Что до самага до пепелу;
Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю,
Заказалъ всеѣмъ тужить-плакати,
Что она надъ нимъ худо дѣлала;
Ей самой такъ рокъ послѣдовалъ,
Отъ ея злости ненавидныя.

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 133.—Пѣсенникъ 1810 года,
стр. 134.—Сахаровъ (безъ послѣднихъ трехъ стиховъ).

135.

Охъ, да не стружки стружилъ удалъ добрый моло-
децъ;

Эхъ, да брала стружки, охъ, да красна дѣвица,
Эхъ, да что брала стружки, охъ, да на огонь клала,
Эхъ, да на огонь клала, охъ, да все змѣю пекла,
Эхъ, да все змѣю пекла, охъ, да сердце вынула,
Эхъ, да сердце вынула, охъ, да зелье сдѣлала,
Эхъ, да не про батюшку зелье, не про матушку,
Эхъ, да не про друга я зелье, не про млага,
Эхъ, да про своего-то я брата, про родимаго....
Эхъ, да зазвала брата, охъ, да на широкій дворъ,
Охъ, да налила брату, охъ, да золоту чару,
Охъ, да золоту чару, охъ, да зелена вина.

Томъ I.

13

Охъ, да еще братъ-то сестрѣ сталъ отказывать:
«Охъ, да ты испей - ка, сестра, охъ, да напередъ
сама!»

Охъ, да еще канула капля коно на гриву;
Охъ, да у коня грива, охъ, да загоралася;
Охъ, да что сестра брата, брата испужалася...
«Охъ, да ты не бойся, сестра, ты родного брата,
Охъ, да ты и бойся, сестра, дубова костра!»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 50
(«проголосная»).

136.

Подъ грушею, подъ зеленою,
Подъ яблоней подъ кудрявою,
Стрыгаль стружки добрый молодець,
Брала стружки красна дѣвица,
Набравъ стружекъ, въ огонь клала,
Змѣю пекла, ужа жарила,
Ужа жарила, зелье дѣлала;
Что ждала въ гости братца роднаго...
«Пріѣзжай, братецъ, пріѣзжай, батюшка!»—
—«Я пріѣду, сестра, пріѣду, матушка!»
Ѣдетъ братецъ среди поля;
Встрѣчаетъ сестра среди двора,
Паливаетъ рюмку зелья лютаго;
«Ужъ вышей, братецъ, вышей, батюшка!»—
—«Ужъ ты пей, сестра, напередъ сама!»—
—«Я пила, братецъ, паливаячи,
А тебя въ гости поджидаючи!»
Братъ за рюмку принимается...
Уста кровью занекаются...
Ужъ и канула капля коно на гриву,—
У коня грива загорается,

Добрый молодец удивляется:
«По родству ты миѣ сестра родная,
По пріятству—миѣ змѣя лютая!»

Отечественныя Записки 1840 года, томъ VIII, смѣсь, стр. 27.

137.

А ходила я по сыромъ бору,
По сыромъ бору, по долинушкѣ;
Я рвала зелье, зелье лютое,
Я рвала зелье, все на огонь клала
А на огнѣ горитъ змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколотная;
Я изъ той золы попель сѣяла,
Попель сѣяла, зелье дѣлала,
Она ждала къ себѣ дорога гостя,
Дорога гостя, брата милаго;
Сустрѣла брата среди двора,
Налила чару зелена вина;
Зелье лютое всколыхалось;
Зелено вино проливалось,
У коня грива загоралась....
«Ты, сестра ль моя, сестра родная!
Не былъ я въ тебѣ ровно три года
И не буду я вѣкъ и до вѣку!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 117.

138.

Вылетала галочка изъ зеленого садика.
Красная дѣвница змѣю люту жарила,
Брату пиво дѣлала, —
Ожидала братика съ поля широкаго,

Изъ края далекаго;
Наливала братику большой подорожникчекъ.
«Выней, выней, братику!
Ты вѣдь изъ дороженьки!»—
—«Выней, выней, сеструшка,
Себѣ на похмѣльце!»
Но сестра не пьетъ,
А въ рукавъ все льетъ.
Пива братъ не пьетъ,
Коню въ гриву льетъ.
У вороного коника грива загорѣлася;
У родного братика слезы покатилися.
«Вѣдь я думалъ, сеструшка,
Что ты добродѣтельна,
А ты, моя родная,
Душепогубительна!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XVI, стр. 344.

139.

Разнегодная дѣвчонка
По лужечку гуляла,
Зло коренье копала.
Я копала зло коренье,
Глубко на-глубко его;
Ужъ я мыла зло коренье,
Бѣло на-бѣло его;
Ужъ сушила зло коренье,
Сухо на-сухо его;
И толкла я зло коренье,
Мелко на-мелко его;
Я варила зло коренье,
Я варила, поровила

Не милому дружку...
Какъ понало зло коренье
Братцу родному.
Какъ со вечера мой братецъ
Поразохался;
Ко полуночи мой братецъ,
Опъ попа спросилъ;
Ко бѣлу свѣту мой братецъ
Переставился...
«Схороши меня, сестрица,
Между трехъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Межь Тверскои-Ямскои!
Кто ни ѣдетъ, кто ни идетъ,—
Богу молится,
А тебя, мою сестрицу,
На проклетъ даетъ...»

Тверская губернія, Новоторжскій уездъ. Шойнь, стр. 329.
(«голосовая»).

140.

Кабы по горамъ, горамъ, по высокіимъ горамъ,
Кабы по доламъ, доламъ, по широкіимъ доламъ,
А и по-край было моря синяго,
И по тѣмъ по хорошиимъ зеленымъ лугамъ,
Туть ходила, гуляла душа красна дѣвица;
А конала она коренья, зелье лютое.
Она мыла тѣ коренья въ синемъ морѣ,
А сушила коренья въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья во серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ коренья меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ—
И хотѣла пзвести своего недруга;
Невзначаетъ пзвела своего друга милаго,

Она по роду братца роднаго,
И расплачется дѣвица надъ молодцемъ,
Она плачетъ, дѣвица, убиваючи,
Она жалобно, дѣвица, причитаючи:
«Занапрасно головушка погибнула.»

Кирша Даниловъ, № 31.

141.

Какъ по крутому по красному по бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Какъ ходила тутъ, гуляла красна дѣвица;
Она рыла себѣ кореньица / зелье лютое,
Натопила она кореньица въ меду, въ патоку.
Напоила добра молодца до-пьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна дѣвица наемѣлася:
«Ахъ, ты спишь, моя надежа, или такъ лежишь?»
— «Я не сплю, не сплю, душа моя, едва живъ лежу!»
Ты умѣла, красна дѣвица, отравить меня,
Ты умѣй, душа, и схоронить меня!
Не клади меня, красна дѣвица, у Божьей церкви,—
Положи меня, красна дѣвица, во чистомъ полѣ,
При широкой дальней при дороженькѣ;
Въ головахъ поставь, красна дѣвица, золотой крестъ,
На груди поставь, душа моя, калену стрѣлу,
Подлѣ бокъ клади звончаты гусли,
Во ногахъ поставь, красна дѣвица, моего коня!
Буде старъ человекъ поидеть,—помолится,
Моему ли тѣлу грѣшному поклонится;
Какъ охотники поѣдутъ, такъ настрѣляются;
Буде младъ человекъ поидеть,—въ гусли шаграется;
Какъ поѣдутъ мои друзья, братья и товарищи,—
На моемъ добромъ конѣ навздятся!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 162 — Пѣсенникъ
1788 года, часть II, стр. 187.

142.

Мыла по саду ходила,
Зло коренье копала;
Накопала зло коренье,
За Дунай рѣку пошла;
Она мыла зло коренье,
Бѣло на-бѣло его;
Что сушила зло коренье,
Сухо на-сухо его;
Натолкла зло коренье
Мелко на-мелко его;
Что варила зло коренье
Во меду, во сахарѣ его;
Разливала зло коренье
По графинамъ, по шкафамъ;
Становила зло коренье
По комодамъ, по шкафамъ....
Погода темного время,
Дружка въ гости созвала;
Стала потчивать его:
«Ужъ, ты пей, милъ дружочекъ,
Ты не думай ничего!»
Погода темнойко время,
Стала сирашивать его:
«Ты скажи, скажи, дружокъ,
Чего на сердцѣ твоемъ?»—
—«На моемъ-то на сердечкѣ
Словно камениекъ лежитъ,
На моей-то бѣлой груди
Разлюта змѣя шипитъ!
Ты умѣла меня ядомъ напоить,—
Ты умѣй-ка мое тѣло схоронить!»

Схорони-ка мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ—
Одной Питерской, другой Московскою,
И Петергофскою большою!...
Не забудь со мною положить
Остру саблю съ тесакомъ,
Не забудь еще положить
Черну шляпу со перомъ,
Третью трубочку со картузнымъ табакомъ!...»

Пермская губернія. Шишова, стр. 142.

143.

Я ходила и гуляла
По сырому по бору,
Ужъ я рыла и копада
Зло кореньице ему.
Накопавши зло коренье,
На Дунай рѣку пойду;
На дубовъ плотъ становлюся,
Зло коренье сполощу;
Сполощу я зло коренье,
Мелко на-мелко скрошу,
Сухо на-сухо сеушу;
Изеушивши зло коренье,
Мелко на-мелко сотру;
Ужъ возьму я зло коренье,
Въ полунтофчикъ настою;
(Позову я дружка въ гости,
(Стакапъ водки поднесу;
Поднесу я стакапъ водки,
Стану спрашивать его:
«Ты скажи, скажи, любезный,
Что на сердцѣ у тебя?»

— «На моемъ ли на сердечкѣ
Словно камешекъ шумить,
Ретиво сердце щемить...
Какъ умѣла, расканалья,
Какъ милаго погубить,
Такъ умѣй же, расканалья,
Мое тѣло схоронить!
Схорони ты мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерскою, Московскою,
Между третьею Тверскою!»

Олопецкая губернія, Вытегра. Олопецкія Губернскія
Вѣдомости 1868 года, № 30.

144.

Дрянъ дѣвочка по лужечку гуляла,
Зло коренье копала;
Накопавши зло коренье,
Во платочекъ связала;
А связавши зло коренье,
На Дунай-рѣку пошла...
Ужъ я мыла зло коренье,
Бѣло на-бѣло его;
Я вымывши зло коренье,
Сухо на-сухо сушу;
Посушивши зло коренье,
Мелко на-мелко етокла;
Истолчавши зло коренье,
Въ меду, въ сахару сварю;
Я сваривши зло коренье,
Дружка въ гости позову;
Я зазвавши разлюбезнаго,
На кроватку посажу;
Посажомши на кроватку,

Стаканъ меду поднесу;
Поднесомии стаканъ меду,
Я любезнаго спрошу:
«Ты скажи-ка, мой любезный,
Что на сердцѣ на твоємъ?»—
— «На моемъ на сердцѣ
Точно лютый змѣй шипитъ;
На моей на бѣлой груди
Тяжелъ камушекъ лежатъ...
Ты умѣла, расканалья,
Меня ядомъ папонтъ;
Ты умѣй-же, расканалья,
Мое тѣло схоронить!
Ты положь-ка мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Между Кіевской большой!
Ты поставь же, расканалья,
Животворящій крестъ!»

Рязанская губернія, Давковскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 327. («голосова»).

145.

Я не къ батюшкѣ иду и не къ матушкѣ,
Нашишу я нисѣмцо къ любушкѣ-сударушкѣ:
«Растоскуйся, моя любушка, разгорюйся!
Самъ я по тебѣ стосковался...
Послѣ батюшки манехонькій остался;
Не батюшка меня вскормилъ-вспонлъ,
И не матушка меня возлелѣяла...
Вскормилъ да вспонлъ меня Ярославль-городъ,
Возлелѣяла меня Волга матушка,
Раскачала меня легка лодочка...»
Не бѣла заря въ оконечко взонла,—

Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
Всѣ утѣхи и забавы принесла,
Въ окошечко праву руку подала:
«Чернобровый мальчикъ мой!
Погуляемъ, моя радость, мы съ тобой!
Поколь холость, не женать,—
Нѣтъ заботы никакой;
Только есть одна забота—
По утру рано вставать,
Расчесочку въ руку взять,
Русы кудри расчесать!»
Расчесавши я кудерки,
Вдоль по улицѣ пошелъ,
Къ душѣ къ Машѣ зашелъ...
Маша вышла, встрѣтила меня,
За бѣлы руки брала,
Въ высокъ теремъ повела,
За дубовый столъ сажала,
Стаканъ водки поднесла...

Маша по лугу гуляла,
Злы коренья копала;
Накопавши злы коренья,
На Дунай-рѣку пошла,
Злы коренья полоскала
Бѣлехонько до-бѣла;
А вымывши злы коренья,
Сухохонько изсушу;
Изсушивши злы коренья,
Мелкохонько истолку;
Частымъ ситомъ просѣвала,
Сладкой водкой настояла,
Дубовъ столнкъ убирала;
А убравши дубовъ столнкъ,
Коней пару закладала,

За милымъ дружкоймъ послала,
Я послами за милымъ,
Сладкой водкой угощу,
Угостими, распрощу:
«Скажи, скажи, мой миленькйи,
Что на сердцѣ у тебя?»
—«У меня ли на сердечкѣ
Бѣль горючъ камень лежитъ!
Ты, разбестя, мерзавка,
Уморла ты меня!
Ты умѣла уморить—
Умѣй меня схоронить!
Схорони ты мея, размерзавка,
Между трехъ большнхъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Третьей Кіевской больнои!
И поставь ты, размерзавка,
Кипарисный черный крестъ!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 39.

146.

Всечоръ по лугу гуляла,
Злы коренья я конала;
Наконавни злыхъ кореньевъ,
На Дунай-рѣку пошла;
Ихъ я мыла, вымывала
Чисто на-чисто въ рѣкѣ;
А какъ вымывни коренья,
Сухо на-сухо сушу;
Изушивни злы коренья,
Мелко на-мелко сотру;
Изотру я злы коренья,
Съ кофьемъ яду наварю;

Наваривши съ кофемъ яду,
Дружка въ гости позову,
Стаканъ яду поднесу...
А поднесши стаканъ яду,
Про любовь дружка спрошу.
«Ты умѣлъ ли, расканалья,
Мою душу осквернить...

.
.
.

«...Такъ умѣй же, ты, каналья,
Мое тѣло схоронить!
Схорони же мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Тульской, Петербургской,
Главной Кіевской большой!
Надъ моею надъ могиллой
Жалку пѣсенку запой!»

Отечественныя Записки 1840 года, томъ VIII, смѣсь, стр. 27.

147.

Какъ злодѣюшка, ты, лютая змѣя!
Какъ по водѣ ты плывешь, — извиваешься,
По травѣ ползешь, — листъ-траву сушишь,
Изъ норы ты глядишь, — укусить хотишь!
Перелестница, раздушаночка, красная дѣвица,
Перелестила она добраго молодца,
Перелестемши она, красная дѣвица, къ себѣ на
пиръ звала.
Какъ и мнѣ-то, доброму молодцу, идти-то не хотѣлося;
На пиръ-то пойти — мнѣ живому не быть,
А на пиръ не идти — красную дѣвицу разгнѣвать.
Убирается добрый молодецъ на веселый пиръ,

Скидаетъ съ себя платье цвѣтное,
Надѣваетъ на себя платье черное,
Идетъ-то добрый молодецъ на веселый ширь,
И беретъ-то онъ гусли звонкія,
И идетъ-то добрый молодецъ къ новому терему,
И восходитъ онъ, добрый молодецъ, на высокій
на крылецъ.

Выходитъ къ нему раздушаночка красная дѣвица,
Беретъ-то его, добраго молодца, за правую руку,
И ведетъ его во высокій теремъ,
Сажаетъ его за дубовый столъ,
Наливаетъ ему чару зелена вина.
У рюмочки по краюшкамъ огонь горитъ,
А на допущкѣ люта змѣя лежитъ....
Какъ ходила красна дѣвица во зеленый боръ,
Въ зеленомъ бору рыла злыя кореньца;
Какъ я мыла-то, мыла злыя кореньца во Суль-
рѣкѣ,
Сушила я, сушила, красная дѣвица, на крутой горѣ,
Толкла я злыя кореньца въ ступочкѣ,
Сѣяла я злыя кореньца на ситочкѣ,
Сыпала я злыя кореньца во зелено вино;
Зазывала я добраго молодца къ себѣ въ гости, —
Подносила я доброму молодцу зелена вина.
Какъ съ вечера у добраго молодца голова больно бо-
лнть;
Къ полуночи добрый молодецъ переставился...

Донецкая область. Савельевъ, стр. 136.

148.

Свѣтила звѣзда, она передъ мѣсяцемъ;
Валялась куница, она передъ соболемъ;
Стояла дѣвица, она передъ молодцемъ.

Во лѣвой-то рукѣ держитъ вина скляшцу,
Во правой-то рукѣ держитъ золотой поднось,
Со чарочками-то она съ позолочеными,
Со камушками драгоценными.
Наливала она зеленаго вина,
Подносила она удалому доброму молодцу:
«Ты прійми, прійми, прійми, душа, выкушай!»
— «Принять - то чару мнѣ, молодцу, — живому не
быть,

А не принять-то чару — прогнѣвить дѣвку!»
Принялъ-то душа добрый молодець
У дѣвушки зеленаго вина,
Выливалъ-то онъ вино во сырую землю.
Мать сырая-то земля, она загоралася,
А лютая-то змѣя, она возвивалася,
А красная-то дѣвица, она испугалася,
И доброму-то молодцу на шеюшку бросалася.

Терекская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. VII, стр. 83.

149.

Идѣ ты, мой другъ, убираешься,
Убierasься, снаряжасься?» —
— «Я поѣду гулять, молодець,
По зеленымъ лугамъ, по муравчатымъ»...
Захватили молодца жары жаркіе, все петровскіе,
Лютые морозы, все крещенскіе,
Глубокіе снѣжочки, все рождественскіе,
Захватили молодца-то во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, по-близъ города.
Какъ во городѣ все воротники позатворены,
Все нѣмецкими замками позамкнутыя,
А надъ ними-то караульные казачушки поразставле-
ны;

Караульные казачушки они крепко спать.
Какъ кричалъ молодець громкимъ голосомъ—не до-
клинался,
Соловьемъ свисталъ—даромъ свистъ пропалъ:
Часовые-то казачушки не пробудилися.
Услыхала его красная дѣвица, дочь отецкая, княже-
нецкая;
Надѣвала она сапожечки на босы ножечки,
Кунью шубочку на распашечку;
Брала въ руки красна дѣвица золоты ключи,
Отмыкала замочки нѣмецкіе,
Отворяла ворота желѣзныя,
Она брала молодца за бѣлы руки,
Повела его красна дѣвица во высокъ теремъ,
Посадила молодца за дубовый столъ, за скатерти за
шелковыя,
За яствица за сахарныя, за поѣлица разношныя.
Она брала золотой подносъ по праву руку,
Наливала она зелена вина, зелья лютаго,
Подносила красна дѣвица добру молодцу,
А подносила, все приказывала:
«Когда любишь меня, то ты всю выпьешь,
А какъ я тебя люблю, рассказать нельзя!»—
—«Я люблю тебя, красну дѣвушку раздушаночку,
Но боюсь тебя, какъ змѣю лютую!
Ты сведешь меня съ свѣта бѣлаго,
Какъ свела ты моего братца роднаго,
Что того ли было сына королевича...»

150.

Я поїду, молодець, съ горя на конюшень дворъ,
И возьму тамъ себѣ да я коня чалаго,
Коня чалаго возьму, не фзжалаго,
Осѣдлаю сѣдломъ я его не сѣдланымъ,
Я возьму-то себѣ да и плетку не махану,
Я поѣду съ горя да во чисто поле,
Изъ чиста-то поля да во зеленый садъ.
Какъ на встрѣчу ему пдетъ красна дѣвица,
Подъ полою-то несетъ вина скляницу,
Во правой-то рукѣ держитъ золоту чару.
Наливала она въ чару зелена вина,
Подносила она своему другу милому:
«Если любишь, дружокъ, да ты хоть прикушай!»
— «Я тебя-то люблю какъ свою душу,
А боюсь-то тебя да какъ люту змѣю!»
На то дѣвушка испугалася,
Изъ рукъ скляница у ней вырывалася,
Объ сыру-то землю она разбибалася,
Зелье лютое проливалось,
Мать-то сыра земля загоралася....

Астраханская губернія. Астраханскій Справочный Листокъ
1867 года, № 266.

151.

Мать сыну говорила:
«Не сѣдай коня долго вечера,
Не сѣзжай съ двора ко полуночи,
Не заѣзживай во царевъ кабакъ!»
Ой, сынъ матери не послушался:
Онъ сѣдлалъ коня долго вечера,

Томъ I.

И съ двора съѣзжалъ ко полуночи,
Заѣзживалъ во царевъ кабакъ.
Поднесли молодцу вина чару.
По берегамъ чары пѣна бьетъ,
Посередь чары—люта змѣя.
Не то чару пить, не то на земь лить...
Со страстей молодець уронилъ чару...
Сыра земля загоралася,
Люта змѣя возметалася,
На мои груди молодецкія воспидалася...

Якушкинъ, стр. 566.

152.

Ужъ ты, горе мое, горе, горе казаково!
Уродился казакъ-горе, что былинка въ полѣ!
Нѣту, нѣту коно моему сына, казаченькѣ нѣтъ квар-
теры!
Отвели ему квартиру во турецку землю...
Въ турецкой во земелькѣ доли, горы развысоки;
Черезъ эти горы, доли горыиъ-казагъ воду посить:
Дѣвушка панепочка по бережку гулять ходитъ,
Раздонскаго казаченьку къ себѣ въ гости просятъ,
Во такіе во гостечки—на црѣ-вечереньку,
На вечерь-вечереньку, на медь, на горѣлку,
На медь, на горѣлку, на рыбушку ливейку.
Со вечера донской казакъ, со вечера пьетъ, гуляетъ,
Ко полуночи донской казакъ умираеть..

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 81.

153.

«Да взойди, взойди, не ясное солнце!
Да приди, приди, завдалой молодчикъ, вечеръ до
меня!

Сядемъ мы съ тобою, завдалой молодчикъ, за дубо-
вый столъ,
Выпьемъ мы съ тобою, завдалой молодчикъ, по рюмкѣ
вина!»

Вотъ съ вечера завдалой молодчикъ
Вотъ и пилъ и гулялъ,
Ко полуночи нездоровъ сталъ,
Ко бѣлой зарѣ Богу душу отдалъ...
Въ воскресенье по утру раненько хоронитъ песуть...
Отецъ съ матерью вспобиваются;
У воротъ дѣвчонка усмѣхается:
«Не ходитъ бы тебѣ, завдалой молодчикъ, вечеръ до
меня!»

Курская губернія, Щигровский уѣздъ. Халанскій, № 15.

154.

Щерепелка пташечка
Примахала крылышки,
Плавальныя перышки...
Душа красна дѣвица
Примахала рученьки,
Притоптала ноженьки,
По горенкѣ ходючи,
По миломъ тужучи...
Молодецъ казанецъ,
Душа астраханецъ
Полюбилъ дѣвку,

Полюбилъ красну,
Полюбивши оцъ дѣвицу,
За себя не взялъ,
За себя не взялъ,
Насмѣхаться сталъ;
«Ты не шей, красна дѣвица,
Шитыхъ браныхъ пологовъ!
Ужъ мнѣ ли, молодцу,
Не сыпать въ пологу,
Не цѣловать дѣвицу
Во сахарныя уса!
Не трепать молодцу
По дѣвичьему тѣльцу!
Мнѣ трепать, молодцу,
Весломъ по водѣ!
Цѣловать, миловать
Матку Волгу-рѣку!»
Ужъ тутъ красна дѣвица
Призадумалась,
Призадумавшись, дѣвица
Слово молвила,
Слово молвила,
Рѣчь говорила;
«Ужъ есть у меня
Да два братца родныхъ;
Я велю тебя поймать,
Велю тебя потерять...
Я изъ мяса твоего
Проговъ напеку,
А изъ сала твоего
Я свѣчь налью,
Изъ буйной головы
Чашу выдѣлаю,
Изъ ясныхъ очей—
Да двѣ чарочки,

Изъ костей твоихъ
Я кровать снащу!
Созову я гостей,
Красныхъ дѣвицъ все душой;
Загадаю имъ загадку
Не хитру, не мудру,
Не хитру, не мудру—
Не отгадливу;
Ужъ что таково:
Я на миломъ сижу,
И я милымъ подношу,
Милымъ потчиваю,
Ахъ, миль передо мною
Свѣчкою горить?»
Тутъ одна красна дѣвица
Призадумалася,
Призадумавшись, дѣвица
Слово молвила,
Слово молвила,
Рѣчь говорила:
«Ужъ я тебѣ, братецъ,
Говаривала:
Не ходилъ бы ты, братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ!
Не любилъ бы ты, братецъ,
Красной дѣвицы души!»

Въ сѣвникъ 1829 года, стр. 96.

155.

Ужъ и чей это дѣтинушка,
Чей удалый молодецъ?
Ужъ не тотъ ли добрый молодецъ
Изъ Астрахани?

Полюбилъ дѣвку,
Полюбилъ красну;
Полюбимши красну дѣвку,
Насмѣхаться сталъ:
«Ты не шей, не шей, дѣвчонка,
Не шей новый положекъ!
Ужъ и мнѣ ли, молодцу,
Не сыпать въ пологу!
Какъ и спать мнѣ, молодцу,
На лодочкѣ на носу!
Мнѣ грести-то вселомъ
Волгу матушку!»
Приходила Сашенька
Свои рѣзвы ноженьки,
Вдоль улицы ходячи,
Ко милому ходячи.
«Не смѣяться, воръ-мальчинка,
Надъ несчастной надо мной!
Ты не думай, воръ-мальчинка,
Что я вовсе сирота!
Ужъ и я, красна дѣвушка,—
Не круглая сирота:
У меня ли, у дѣвчонки,
Есть отецъ, есть и мать,
Есть два брата соколы!
Я ведю тебя поймать,
Душу съ тѣломъ потерять,
Разбестію растерзать!
Какъ изъ рукъ твоихъ, изъ ногъ
Себѣ стульчикъ я собою,
Изъ широкихъ костей
Я кроватушку смошу,
Я изъ буйной головы
Ендовну сдѣлаю,
А изъ ясныхъ изъ очей

Пару рюмокъ выточу,
А изъ алой твоей крови
Брагу пьяную сварю,
Изъ желтаго твоего сала
Себѣ свѣчь я налью,
Изъ русыиныхъ изъ кудрей
Фитилевъ я насучу,
Изъ бѣлаго твоего тѣла
Пироговъ я напеку,
А изъ пальчиковъ-суставчиковъ
Похлебочку сварю!
Созову я, красна дѣвушка,
Всѣхъ подруженекъ;
Какъ и первую подруженьку—
Сестрицу твою!
Посажая я подруженекъ
На лавочку,
А любимую подружку
На скамеечку;
Сама сяду, молода,
На кроватушку!
Загадаю вамъ, подруженьки,
Я загадочку,
А загадочку, подружки,
Неотгадливую:
Я на миломъ спужу,
Я на миломъ гляжу,
Стоитъ милый предо мной
Бѣлою сальною свѣчей;
Милый въ свѣчкѣ горитъ,
Милый въ нечкѣ сидитъ;
Я изъ мила палываю,
Во миломъ я подшошу,—
Дружкомъ потчиваю!»
Какъ и всѣ мои подружки

Призадумался;
Какъ и первая подруженька
Догадлива была,
Догадалася она.
«Не загадочку, подруженька,
Ты загадываешь!
Погубила молодца,
Моего братца!»
Вотъ любимая подруга
Пріосердплаея.
Выскочила на крыльцо
Простудить свое лице...
«Ужъ и я ли, красна дѣвушка,
Говаривала:
Не ходилъ ты бы, мой братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ;
Не спосити тебѣ, братецъ,
Буйну голову свою!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцова, стр. 55.

156.

Вечоръ меня милый цѣловаль-миловаль,
Цѣловаль-миловаль, за себя не взялъ,
Только на смѣхъ поднялъ...
Добро жъ, молодець, я велю тебя поймать,
И велю поймать, середъ поля догнать,
Тѣло потребить, душу погубить...
Изъ тѣла твоего пироговъ папеку,
Изъ костей твоихъ теремокъ срублю,
Изъ маленькихъ—короватъ сгорожу,
Изъ кровей твоихъ пива наварю,
Изъ икуру твоего я свѣчей палю,
Изъ русыхъ волосъ фитилей наприду,

Изъ буйной головы чару вызолочу.
Поставлю свѣчу на печи въ угль:
Ты горн, свѣча, не угасаючи!
Ты плачь, его мать, не умолкаючи!
Зазову же я къ себѣ всѣхъ подруженекъ.
Загадала имъ я загадочку,
Загадочку неотгадливую:
А что таково:
Но милому хожу,
На милаго гляжу,
Милымъ подношу,
Милымъ потчиваю?
Всѣ дѣвушки призадумались;
Одна дѣвушка догадалася,
Изъ бесѣды вонъ подымалася.
«Ахъ, милый ты мой братецъ, я тебѣ говаривала:
Не ходи же ты поздно вечеромъ!
Потерялъ ты свою голову
Не на Волгѣ-рѣкѣ, не на царской службѣ—
Потерялъ ты свою головушку
У красной дѣвушки на кроватишкѣ.»

Воронежская губернія, Земляскій уездъ. Воронежская Бесѣда
на 1861 годъ, стр. 156.

157.

Что не ястребъ совыкался съ перенелушкою,
Солобился молодецъ съ красной съ дѣвушкою,
Проторилъ онъ путь-дорожку, пересталъ ходить,
Проложилъ онъ худу славу, пересталъ любить.
Насмѣялся жъ ты мною, отсмѣю и я тебѣ!
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота!
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ жога;

Я изъ рукъ твоихъ, ногъ короватку смощу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю,
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ тѣла твоего я свѣчей насучу,
А послѣй-то того я гостей назову,
Я гостей назову и сестричку твою;
Посажу же я гостей на кроватушку,
Загадаю что я имъ да загадочку,
Я загадочку неотгадливую;
Ну, да что жъ таково: я на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ миломъ говорю,
Изъ милого я пью, милымъ потчую,
А и миль предо мною свѣчею горитъ?
Вотъ тутъ стала сестричка отгадывати:
«А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовуть,
Куда поздно зовуть, да гдѣ пьяни живутъ.»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Як ушкинъ, стр. 539.

158.

Какъ у птички у перепелки
Подопрѣли крылушки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи...
Душа красна дѣвица
Примахала рученьки,
По терему ходючи,
По миломъ тужучи...
Молодець казанецъ,
Душа астраханецъ,
Полюбя красну дѣвицу,
Насмѣхаться сталь:
«Ты не смѣйся, молодець,

Ты не смѣйся удалой!
Ужъ какъ я ли, молода,
Не совѣмъ сирота:
У меня ли у младеньки
Есть два братца родныхъ!
Я вѣлю тебя поимать,
На дорогѣ перенять,
На дорогѣ перенять,
Руки, ноги поломать;
Что изъ рукъ и изъ ногъ
Я калачъ совью,
А изъ буйной головушки
Браженьку солью,
Что изъ крѣпкаго сала
Я свѣчь налью!
Созову ли я гостей,
Все подруженекъ своихъ,
Молодцову-то сестрицу
Впередъ посажу,
Загадаю ей загадку
Неотгадливую:
Подлѣ милаго сижу,
Я на милаго гляжу,
Я на милаго гляжу,
Милымъ потчиваю...»
Молодцова-то сестрица
Догадалася,
Изъ компаніи домой
Подымалася:
«Ахъ, злодѣюшка моя,
Погубила ты меня,
И себя, и меня,
Еще братца моего!»

159.

Ванарейка итаичка,
Вольная кукушечка,
Примахала крылышки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи...
Приходила Сашенька
Свои рѣзвы поженьки,
Вдоль улицы ходючи,
Милаго искаючи.
Она стала шить-кроить
Тонкѣи брашнѣи положскѣ...
«А не спать мнѣ, молодцу,
Въ шитомъ браномъ пологу!
А мнѣ спать ли, молодцу,
Въ легкой лодкѣ на носу!
Цѣловать мнѣ, миловать
Мѣдну пушечку!»—
—«Ужъ ты, мальчикъ молодой,
Сталь смѣяться надо мнѣ!
У меня ли у молодой
Есть и маменька,
Есть два братца родные,
Три двоюродныхъ...
Я велю тебя поймать,
Среди пути нагнать,
Руки, ноги обломать!
Изъ твоихъ изъ рукъ, изъ ногъ
Себѣ стульчикъ закажу;
Изъ твоего ли бѣла тѣла
Пироговъ напеку;
Изъ твоей я алой крови
Пива пьяза паварю;

Изъ твоихъ изъ глазъ-очей
Пару рюмочекъ солью.
Всѣхъ подружекъ созову,
А твою меньшу сноху
Противъ себя посажу....»
А твоя меньша сноха
Зла, досадлива была,—
Дверью хлопнула, ушла.

Самара. Варенцовъ, стр. 53.

160.

Я живаль-бываль въ Казани, выросъ въ Астрахани,
Я любилъ красну дѣвчонку, хотѣлъ замужъ ее
взять...

Я замужъ-еть не взять, пасмѣхаться надъ ней сталъ.
«Ты не смѣйся, молодець, не смѣйся, астраханецъ!
Ужъ какъ я, красна дѣвчонка, я не вовсе спрота!
У меня ль, у красной дѣвки, есть отецъ и мать,
Два брата молодца, да два булатные ножа.
Я велю тебя, каналью, среди поля догнать,
Среди поля догнать, руки, ноги поломать.
Я изъ рукъ твоихъ, изъ ногъ сама сошью себѣ кро-
вать,

Изъ буйною головы двѣ питныя енды,
Я изъ крови изъ твоей пиво пьяно наварю,
Я изъ сала твоего свѣчекъ алыхъ намочу,
Изъ мяса твоего напеку я пироговъ,
Соберу своихъ подружекъ и загадку загаду:
Я на мленькомъ сизку и на млаго гляжу,
На столъ милый стоить, въ свѣчѣ милый горить,
Во свѣчѣ милый горить, мильмъ потчиваю...»
Какъ изъ нихъ одна дѣвчонка сдогадлива была,
Какъ догадлива дѣвчонка, родна сестрица его...

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI,
стр. 91.

161.

«Не сиди, дѣвка, долго вечеромъ,
Ты не жги свѣчу воска яраго,
Ты не шей, дѣвка, шемахальскій шелкъ!
Шемахальскій шелкъ съ кораблями шельъ,
Дорогъ купится—долго поситея!»
—«Ты не смѣйся мнѣ, добрый молодець!
Я сама, дѣвка, не безродная:
У меня, дѣвки, есть отецъ и мать,
Есть два брата большихъ,
Двѣ сестры меньшихъ!
Я велю тебя поймать,
Въ чистомъ полѣ растерзать!
Я изъ рукъ, изъ ногъ скомью сдѣлаю,
Я изъ тѣла твоего пироговъ папеку,
Я изъ крови твоей пива наварю,
Я изъ мозга твоего вина накурю,
Я изъ головы твоей чару выточу...
Зазову я гостей— всю твою родню,
Посажу я ихъ на лавочку,
А сама сяду на скамеечку;
Загадаю я имъ три загадки:
На миломъ-то я ешжу,
Милымъ говорю и потчую...»
Какъ большая сестра догадалася:
«Я давно тебѣ, братецъ, говаривала:
Не ходи, братецъ, поздно вечеромъ,—
Потеряешь ты свою буѣну голову!»

Рязанская губернія, Данковскій уездъ. Живая Старина 1894 года,
вып. II, стр. 286.

162.

Изъ рукъ, изъ ногъ короватъ смощу,
Изъ буйной головы ендову екую,
Изъ глазъ его я чару солью,
Изъ мяса его пироговъ папеку,
А изъ сала его я свѣчей налью...
Созову я бесѣду—подружекъ своихъ,
Я подружекъ своихъ и сестрицу его;
Загадаю загадку неотгадливую:
Ой, и что таково:
На миломъ я снжу,
На милаго гляжу,
Я милымъ подпошу,
Милымъ потчпваю,
А и миль передъ мной
Что свѣчею горить?
Никто той загадки не отгадываетъ;
Отгадала загадку подружка одна,
Подружка одна, то сестрица его:
—«А я тебѣ, братецъ, говаривала:
Не ходи, братецъ, позднимъ-поздно,
Позднымъ-поздно, поздно вечера!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 99.

163.

Черезъ рѣчку, черезъ быстру,
Быль-то дорогъ перевозъ;
Я свою ли любезную
На рученькахъ перенесъ,

Перенесъ, перескочилъ,
Ничего не замочилъ,
Только съ правой ноженъки,
Башмачекъ въ воду скочилъ.
Мнѣ не жалко башмачка,—
Жаль шелковаго чулка:
Башмакъ батюшка кушилъ,
Чулокъ милый подарилъ;
Онъ для того дарилъ—
Ночевать ко мнѣ ходилъ...

Молодецъ казанецъ,
Душа астраханецъ,
Полюбилъ я дѣвицу
Полюбилъ хорошую;
Полюбивши красну дѣвицу
Объщалеся дѣвку взять,
Взять ли, не взять,—
Надемъхаться надъ ней стать.
Не советъ дѣвка бѣдна,
Не советъ спрота:
Ей отецъ есть и мать,
И два брата сокола,
Есть буланы и вороны,
Полдюжны лошадей;
Прикажу тебя, злодѣя,
Среди пути догнать,
Руки, ноженъки сковать,
Во солдатуники отдать!

equivalent to death

164.

У меня ль, у красной дѣвушки,
Нѣтъ ни батюшки, ни матушки,
Нѣтъ ни роду, ни племени;
Только одна злая мачиха,
Злая змѣя подколодная.
Посылаетъ меня матушка
На высокъ теремъ постелю стлать!
«Ты иди, красна дѣвушка,
На высокъ теремъ постелю стлать!
Ты стели, красна дѣвушка,
Двѣ постели пуховыя;
Ты клади, красна дѣвушка,
Узголовья высокія;
Одѣвай, красна дѣвушка,
Одѣялы собольими!»
Какъ пошла красна дѣвушка
На высокъ теремъ постелю стлать,
И взяла съ собою дѣвушка
Два пожа, два булатные,
Да веревочку пенѣчную.
На дворѣ-то смеркается, —
Красной дѣвушки нѣтъ съ терема;
На дворѣ-то и позднымъ-поздно, —
Красной дѣвушки нѣтъ съ терема;
На дворѣ и къ полуночи, —
Красной дѣвушки нѣтъ съ терема;
На дворѣ-то бѣлымъ-бѣло —
Красна дѣвушка идетъ съ терема;
Русые волосы растрепаны,
Ясные очи заплаканы,
Бѣлыя руки опущены.
«Государыня матушка,

Ты иди, прибирай гостей!
Одного я зарѣзала,
А другого повѣсла...»—
— «Ахъ, злодѣйка проклятая!
Да и что жъ ты надѣлала?
Ты холостаго зарѣзала,
А женатаго повѣсла!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 98.

165.

У лѣска, у лѣска у дремучаго,
У ключка, у ключка у текучаго,
Удалой донской казакъ свель коня поить,
Паносици, онъ добра коня сталь выглаживать,
Сталь выглаживать, охорашивать,
Своему добру коно сталь наказывать:
«Ужъ ты стой-ка, мой конь, стой до той поры,
Стой до той поры—до бѣлой зари,
До бѣлой зари, вплоть до солнышка!
Когда красно солнышко высоко взойдетъ,
Молодая шельма-вдовушка платье мять поидетъ,
Разлацунка красна дѣвушка за водою придетъ...»
Какъ дуна ли красна дѣвица за водою пошла;
Размахнула она ведерочками широкохонько,
Почернула голубенькими глубокохонько;
Почернумши, ведерочки прочь отставила,
Съ молодымъ добрымъ молодецъ рѣчи баяла.
Молодая шельма-вдовушка ей пригрозила:
«Не ходить тебѣ, дѣвушка, по бѣлу свѣту,
Не носить тебѣ, дѣвушка, платья цвѣтнаго,
Не любить тебѣ, дѣвушка, парня бравата!»
> Черезъ силунику дѣвушка ведра подняла... <<
Родимая ея матушка вышла, встрѣтила:

«Милое мое дитяtko, или гдѣ была,
Или гдѣ была, или что пила?»
— «Родимая моя матушка, нигдѣ не была,
Нигдѣ не была, ни чего не пила,
Съ молодой только вдовушкой порассорилась!»
Со вечера красна дѣвушка разгоралась,
Ко полуночи красна дѣвушка причастилася,
На бѣлой зарѣ красна дѣвушка переставилась;
За обѣденку красну дѣвушку хоропить несутъ.
Напередъ красной дѣвушки идетъ погъ со дякономъ,
Позади красной дѣвушки идетъ отецъ съ матерью,
По правую сторонушку подружки идутъ.
По лѣвую сторонушку добрый молодець...
Идетъ добрый молодець, спотыкается,
Горючими слезами обливается...
Молодая вдовушка у воротъ стоитъ:
«Согнала я дѣвушку со бѣла свѣта во сыру землю!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 53.

166.

Какъ пошла наша Параня съ горы на гору гулять,
Съ горы на гору гулять, по студеную воду...
На встрѣчу Паранѣ Васильюшка идетъ;
Зацѣпилъ ли онъ Парашо посередь живота,
Посередь живота, поперегъ хребта,
Онъ ударилъ Парашо объ сырую землю...
Какъ идетъ наша Параня безъ воды домой,
Безъ водицы домой, безъ ведерочекъ на дворѣ...
Какъ на встрѣчу Паранѣ родной батюшка идетъ:
«Ахъ, что у те, Параня, бѣло личико въ крови.
Бѣло личико въ крови, кувья шуба во свѣгу?...»
Въ Благовѣщенской во церкви въ большой колоколь
звонять,

Ажно нашу Параню къ погребенію несутъ.
Водопьяповъ Васильюшка догадливъ былъ,
Напередъ онъ забѣгалъ, онъ канонъ прочиталъ,
Онъ канонъ прочиталъ и Параню поминалъ...
«Собирайтеся, ребята, вы на лѣвой крылосъ,
Вы цѣлуйте Параню въ послѣдній разъ,
Собирайте, братцы, холсты и полотна,
Онуцайте вы Параню во сыру землю!
Не достанься, Паранюшка, ни мнѣ, никому,
Какъ ни мнѣ, никому, ни злодѣю моему!
Какъ досталася Параня сырой матушкѣ землѣ,
Сырой матушкѣ землѣ, гробовой доскѣ!»

Россійская Эрата, часть III. Къ 66. После каждого стиха при-
пѣвъ: Ахъ люди, ахъ люди, ахъ люшечки полюди. Очень сходная
въсѣя: Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 87.

167.

Ушла наша Параня по студеную водицу,
По студеную водицу, по колодезную...
На встрѣчу Паранѣ родной батюшка идетъ:
«Ахъ, что ты, Паранюшка, не весела идешь?»—
—«Государь ты мой батюшка, головунка болить,
Отъ головунки я, батюшка, вся помогу!»
Ужъ ко вечеру Параня размножилася,
Ко полуночи Параня переставилася.
Какъ во городѣ Козельскомъ въ большой колоколь
звонять,
Въ большой колоколь звонять, Параню хоронять.
Какъ Ванюшка дѣтника догадливъ былъ—напередъ
забѣгалъ,
Напередъ забѣгалъ, на паперти стоялъ,
На паперти стоялъ, Параню онъ встрѣчалъ...

Русинский сборникъ XVIII вѣка. Отечественныя Записки
1838 года, № 1, стр. 311. После каждого стиха припѣвъ: Люди
ведь, люди, люди, люди, люди.

168.

Какъ пошла нана Параша
Въ яровое поле жать.
Первый снопь она нажала, —
Алой лентой завязала;
Другой-то снопь нажала, —
Голубой перевязала;
Что третій снопь нажала, —
Чернымъ кантомъ завязала;
Что четвертый снопь нажала —
Домой скоро побѣжала,
За ракигушку попала.
Что парнишка воровать
Впередъ дѣвки побѣжалъ;
Вострый пожичекъ точилъ,
Все Паранюшкѣ грозилъ.
Что попалися Паранѣ
Отець съ матерью родной.
«Что у тебя, мила Параша,
Прирастрепана коса,
Прирастрепана коса,
Да разбиты волоса?» —
— «Родной батюшка,
У меня головушка болитъ!
Что родная моя матушка,
И вся я немогу!»
Что къ вечеру Паранюшка
Во постелюшку слегла;
Ко полуночи Паранюшкѣ
Пона привели,
Что къ утрему Параненька
Скончалася.
Что у Снаса у Черкеса

Въ большой колоколь звонять,
Въ колоколь звонять,
Везуть Пашу, хоронять.
Что парнишка воровать
Впередь Паши забѣжалъ,
Впередь Паши забѣжалъ,
Да на паперти стоялъ.
Онъ къ Парашѣ подходилъ,
Бѣлый саванъ открывалъ,
Бѣлый саванъ открывалъ,
Въ уста три разъ цѣловалъ.
«Извини меня, Параша,
Отъ меня ты померла!
Не совѣмъ хотѣлъ зарѣзать,
Хотѣлъ только пошутить!»

Вологда. И в а п ц к ѣ й, стр 324.

169.

Ходила Параша съ горы на гору гулять,
Яровое жито жать.
Она первый сногъ нажала,—
Люю ленточкой связала;
А второй сногъ нажала,—
Къ ретиву сердцу прижала;
Она третій сногъ нажала,—
Заплакала, пошла, къ собесѣдникѣ зашла,
Къ собесѣду на бесѣду, коромысла попросить,
Съ ключа воды поносить...
А Ванюшка догадивъ очень былъ,—
Напередъ забѣжалъ,
Напередъ забѣжалъ, Парашу дождалъ.
Онъ дождавшись Парашеньку, спрашивалъ:
«Ты скажи, скажи, Парашенька,

Скажи, сердце мое,
Скажи, сердце мое:
Одного ли любишь меня?»—
—«Семерыхъ съ тобой люблю
И восьмому не грублю!»
А какъ удариль онъ Парашу по лицу,
По румяной по щекѣ,
Да по бѣлому лицу, по румяной по щекѣ,
По жемчужной по серьгѣ;
А жемчужная серижинка разсыпалась,
Свѣтъ Парашенька расилакалась...
Какъ на встрѣчу Парашѣ идуть
Родной батюшка съ родной матушкой.
«Отчего въ тебя, Параша,
Позатерты рукава, позаплаканы глаза?»—
—«А я съ крутой горы катилась,
Объ бѣль камушекъ разбилась!»
Какъ со вечера Параша во постельку легла,
Со полуночи Параша переставилась;
А по утру во соборѣ въ большой колоколь звонять,
Знать, Парашу хоронять...
Ванюшка Торонецкій догадливъ былъ, впередъ забѣ-
галъ,
Яры свѣчи закупаль,
Яры свѣчи закупаль и ко гробу приидадь,
Черну тафту поднималь...
«Ты скажи, скажи, Параша, скажи, сердце мое!
Я нарочно пошутиль, ты и взыбиль умерла...»

Торонецъ. Семевскій (Торонецъ), № 90. Послѣ каждаго двуступня
припѣвъ: Люли, люли, съ повторенемъ отъ трехъ до пяти послѣд-
нихъ слоговъ.

170.

Жили два жильца,
Два родные брата:
Семіонъ да Агафонъ.
У Семіона дочь Алена,
У Агафона сынъ Алешка.
Захотѣлося Алешкѣ
Аленку замужъ взять.
Они свата послали—
Тамъ въ глаза имъ наслевани...
«Молчи же ты, Аленка,
Допеку же я тебя!»
И пошла наша Алена
На колодець за водою;
А Алешка-то песь,
Онъ догадливъ былъ,
Напередъ забѣгалъ,
За колодець западалъ.
И схватилъ же Аленку
За шелковый поясокъ,
За тонкой животокъ,
И хлопнулъ Алену
О сырую о землю.
«Не достанься же, Алена,
Ни мнѣ и никому,
Ни другу моему,
Ни злодѣю моему!»

sluz

Семіонъ

Агафонъ

Алена

171.

Какъ сватался-су воръ Яшка
Пять лѣтъ на Устинѣ,
Пять лѣтъ на голубкѣ;
Не могъ ее достати,
Не могъ доступити.
Пошелъ-то воръ Яшка
Къ дѣвушкамъ голубкамъ,
Устиньнымъ подружкамъ:
«Ужъ вы, дѣвушки голубки,
Устиньны подружки!
Я вамъ дамъ по златницѣ:
Выманите Устинью
Въ Марьянскую роццу!»

Дѣвушки согласилась.

Пошли-то дѣвушки,
Пошли-то красныя
Къ бабушкѣ старушкѣ,
Устиньной мачкѣ.

Приходить.

Устиньна мачка
На печкѣ сидѣла;
Бабушка старушка
Чуть ихъ опознала.

Дѣвушки, нездоровавшись съ нею, сказали:

«Спусти, спусти, бабушка,
Спусти, спусти, сударыня,
Своего Устинью
Въ Марьянскую роццу

Съ нами погуляти,
Въ хороводѣ поплясати!»
Какъ сговорить-промолвить
Устиньина мачка:
«Моя-то Устинья,
Моя-то голубка
Игдѣ не бывала,
Людей не видала!»

Но подружки Устиньины упростили бабушку старушку;
она согласилась отпустить съ ними дочь свою.

Устинья во свѣчахъ
Голову чесала,
Косу заплетала;
Надѣвала Устинья
Понизову юшку,
Штофну душегрѣю.
Пошли-то подружки,
Пошли-то голубки
Во Марьянскую роуцу.
Надѣваль-то воръ Янька
Понизову юшку,
Штофную душегрѣю.

Словомъ, онъ одѣлся по-желески, и приходитъ тоже въ
Марьяну роуцу. Устиньины подружки приняли его за москов-
скую гостью, свою подругу. Они завели дѣвичьи игры, и
раздѣлились попарно и

Жеребьи бросали,
Попарно плясали.
Приходилось Устиньѣ,
Приходилось голубкѣ
Съ московскою гостьей.
Какъ сговорить Устинья,
Какъ сговорить голубка:

«Что это за гостя,
Что за московка?
Какъ барская хилка,
Какъ-су воръ Янька!»

Янька, видя, что его узнали, оставляетъ притворство.

Какъ сговорить воръ Янька,
Взговорить Устиньѣ:
«Пойдешь ли за меня замужъ?»

Какъ взговорить Устинья,
Какъ взговорить голубка:

«Я что себѣ ни прійму, —
За тебя замужъ не пойду!»

Какъ вынимаетъ воръ Янька

Ножичекъ булатный,

Убиваетъ Устинью,

Убиваетъ голубку.

Приходятъ подружки,

Приходятъ голубки

Къ Устиньиной мачкѣ:

«Бабушка старушка!

Твоя-то Устинья

Кровию вѣнчалась,

На ножѣ обручалась....»

Устинья

Старушка, мачка Устиньи, доноситъ суду на подругъ Устиньиныхъ. Ихъ берутъ подъ стражу, допрашиваютъ, и по ихъ созванію въ соучастіи, ихъ высѣкли кнутомъ и сослали; Яньку же повѣсили.

Сухавовъ, стр. 28. Издатель этой въ разныхъ отношеніяхъ сомнительной пѣсни сообщаетъ, что онъ ее слышалъ отъ семидесятилетней старухи, которая, «гдѣ стихи, то ихъ пѣла, а гдѣ проза, то ее произносила такъ.»

172.

Вздиль Митрій Васильевичъ
Во чистомъ поѣ, на добромъ конѣ...
Сидѣла Домна Александровна
Въ новой горенкѣ, подѣ косявчатымъ окошечкомъ,
Подѣ хрустальнымъ подѣ стекольникомъ.

Думала она, удумливала,

Хулила его, охуливала:

«Вздить-то Митрій Васильевичъ

Во чистомъ поѣ, на добромъ конѣ:

Напередѣ горбатъ, назадѣ поклань,

Глаза у него быдто у совы,

Брови у него быдто у жогн,

Носъ-то у него быдто у журава.»

Прикликала сестрица Марья Васильевна:

— «Ай же ты, братецъ Митрій Васильевичъ!

Заводи, братецъ, шпръ-шпрованьце,

Заводи-тка Домну Александровну

На широкій дворъ, на почестный шпръ!»

Приходили послы къ Домниной матушкѣ.

Они врсеть кладуть по писаному,

Поклонъ ведутъ по ученому,

На всѣ стороны поклоняются,

Сами говорятъ таковы слова:

«Ай же ты, Домнина матушка!

Ты спусти, спусти Домну Александровну

На широкій дворъ, на почестный шпръ!»

Говорила Афимья Александровна:

«Не спущу, не спущу Домны Александровны

На широкій дворъ, на почестный шпръ!»

Первы послы со двора не сошли,

Еще другіе послы на дворъ пришли,

Говорятъ Аѳимья Александровной:

«Ай же ты, Доминна матушка!

Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный пиръ!»

Говорила Аѳимья Александровна:

«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкій дворъ, на почестный пиръ!»

Еще другіе послы со двора не сонли,

А третьи послы на дворъ пришли,

Говорятъ Аѳимья Александровной:

«Ай же ты, Доминна матушка!

Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный пиръ!»

Говорила Домна Александровна:

«Ай же ты, родна моя матушка!

Если спустишь,—пойду, и не спустишь,—пойду!»

Говорила Аѳимья Александровна:

«Ай же ты, дитятко Домна Александровна!

Не ходи-тка къ Митрію Васильчу:

Ты хулила его, охуливала...

Я почесъ спала, грозенъ сонъ видла:

Быдо золота цѣпочка разсыпалася,

Разсыпалася она и угаталася...»

Говоритъ Домна Александровна:

«Ай же, родна моя матушка!

Про себя спала, про себя сонъ видла!

Уйду я замужъ за Митрія Васильча...»

Говоритъ же Доминна матушка:

«Ой же ты, Домна Александровна!

Надѣвай-ка ты три платыца:

Первое одѣнь вѣнчалное,

А другое надѣнь опальное,

А третье надѣнь умершее!»

Садилася она на добра коня,

Поѣзжала къ Митрію Васильвичу.

Пріѣзжала она на бѣлый дворъ;
Встрѣчаетъ ю Митрію Васильевичъ,
Онущаетъ ю съ добра коня,
Беретъ за ручки за бѣлыя,
Цѣловаль во уста во сахарныя,
Вель ю за столы за дубовые.
Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ
И учаль онъ Домну по бѣлу тѣлу;
И шелковый поясъ расплетается,
Домнино тѣло разбѣвается;
Пала она на кирпичный полъ...
Схватились же Домны,—живой вѣту...
Прозпала ея родна матушка,
Скоро прибываетъ на бѣлоемъ дворѣ;
Увидала она Домну Александровну,
Пала она со добра коня на кирпичный полъ...
Схватились же ея матушки,—живой вѣту...
Говорить тутъ родной сестрицѣ Митрію Василье-
вичъ:
«Ай же ты, моя родная сестрица Марья Васильевна!
Ты сдѣлала три головки безповинныхъ!»
Онъ схватилъ съ гвоздя булатный ножъ,
Наставилъ тупымъ концемъ во кирпичный полъ
И острымъ концемъ во бѣлы груди...

Олодская губернія. Рыбинковъ, часть I, стр. 461.

173.

Какъ идетъ-то Димитрій князь во заутренѣ;
Увидала его въ окно Домна Фалелесвна.
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, мои няшонки-мамушки!
Ужъ не этотъ ли Димитрій князь,
Ужъ не этотъ ли женихъ-отъ мой?»

Онъ идетъ ко заутренѣ.

Онъ сутуль-горбать,

У него носъ курносъ, косые глаза,

У него-то зубы—что соломенны пукли,

А ногамъ-то онъ загребасть,

И весь-то сибѣ по улицѣ заметасть!»

Какъ услыхаль тутю Димитрій князь

Насмѣшку своей невѣсты Домны Фалелеевны,

Онъ пришелъ домой отъ заутрени,

И пошелъ ко своей сестрѣ ко Аленѣ Степановнѣ:

«Ты, сестрица моя Аленушка!

Ты сдѣлай для дѣвницъ парь

И позови же тутю Домну Фалелеевну!»—

—«Ты, любезный родимый мой братецъ!

И я все для тебя могу сдѣлать.»

Стала сестра его готовиться

И за своими подругами стала носылатъ пословъ;

Послала посла къ Домнѣ Фалелеевнѣ.

Ужъ какъ первый посоль, онъ на дворъ взошелъ,

И онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:

«Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,

Ко нашей ко Аленѣ Степановнѣ,

Хлѣба-соли къ ней кушати.»

—«Не пойду я, не подумаю:

У Аленушки братецъ холостъ-неженатъ.»

Другой посоль на крыльцо взошелъ,

Онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:

«Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,

Ко нашей ко Аленѣ ко Степановной,

Хлѣба-соли кушати.»

—«Не пойду я, не подумаю:

У Аленушки братецъ холостъ-неженатъ.»

Ужъ какъ третій посоль, онъ въ горницу взошелъ,

Шляпу скинулъ, поклонился:

«Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,

Ко нашей ко Аленѣ ко Степановѣ,
Хлѣба-соли кушати!
Она безъ васъ хлѣба-соли не кунаеть
И бѣлаго лебеда на столѣ не разрушваеть.»

—«Не пойду я, не подумаю:

У Аленушки братецъ холостъ-неженатъ.»

Услыхала ее родимая матушка:

«Ты поди, мое дитятко,

Ты поди, мое чадо милое!»

—«Государыня моя, родимая матушка!

Нехорошъ мнѣ нынѣшнюю ночь сонъ видѣлся:

Бархатная моя юбка вся изодраная

И золотъ-то мой перстень распаявъ лежнть.»

—«Ты, дитѣ ль мое, дитятко!

Ужъ какъ нынче снамъ не вѣрують.»

Ужъ какъ тутъ Домна Фалелеевна

Убралася-спарядилася

И пошла ко Аленѣ ко Степановѣ.

Какъ встрѣчаетъ Алеца Степановна

Домну Фалелеевну,

Посадила Домну Фалелеевну поконецъ стола,

Ниже всѣхъ подружекнхъ.

Ужъ не сами-то двери растворялися,

Растворять двери Димитрій князь.

Какъ возговорить Домна Фалелеевна:

«Охъ ты, Димитрій князь!

Ужъ какъ ты сутуль-горбатъ,

У тебя носъ курносъ, косые глаза,

У тебя-то зубы какъ соломенные пуган,

И ты ногами-то загребаснть,

И всѣ-то ковры въ кучу сметаснть!»

Ужъ какъ взялъ-то Димитрій князь

Домну Фалелеевну за правую руку,

Онъ повелъ ее во свою спальню,

И онъ былъ Домну до полу смерти.

mother tells her to go

repeat.

Ужъ какъ посылаетъ посла Домна къ своей матушкѣ,

Чтобъ прислала ей матушка три платья:

Ужъ какъ первое платье—дѣвичье,

А другое-то—подвѣчное,

А третье-то—смертное.

Ужъ тутъ возговорить ей матушка:

—«Ужъ я буду нынче снамъ вѣровать!»

Симбирская губернія, Сызранскій уѣздъ. Курьевскій, вып V,
стр. 63.

174.

Что не стукъ-то стучить вдоль по улицѣ,

Что не брякъ-то брячить вдоль по широкой,

Какъ идетъ Митрій князь ко заутренѣ.

И увидала Домна Александровна

И говорила родной матушкѣ:

«Что не этотъ ли Митрій князь,

Что сказали онъ хороши и пригожи,

И лицомъ не ряби, и глазамъ не коси?

Онъ сутуль и горбать и лицомъ-то ряби!»

Митрій князь, онъ ворочался.

Ужъ онъ къ домичку подходитъ....

«Ты сестрица, моя ласточка!

Дѣлай-ка пирь у себя,

Позови-ка-сь подружку милую!...»

—«Ты поди-ка-сь, подружка милая

На честной веселый пирь!...»

Стала она снаряжаться...

Говорила родна матушка:

«Пехороній мнѣ сонъ повидѣлся:
Будто у меня весь жемчугъ разсыпался;
Я весь жемчугъ пособрала,
Не нашла одной жемчужники!»
— «Ты, родимая моя матушка!
Ты сама спала, тебѣ видѣлось.....»

.
«Надѣвай-же платье трояцато:
Ужъ какъ первое платье—воскресенное,
А второе платье—подвѣнечное,
А третье платье ты—смеретное!»
Какъ во дворъ-то взошла—все огни горять,
Все огни горять, все котлы кипять;
Она тутъ-же испужалася,
Скоры ножки подломилася;
Ужъ какъ въ новы сѣнечки взошла,
Она поклонилася.

«Ты поди-ка, поди, Домна Александровна,
Ты, хорошая и пригожая,
Ты, не сутулая, не горбатая,
Что лицо не рябое и глаза не косые!»
Ужъ билъ ее Митрій князь со вечера
Что со вечера до полуночи,
Со полуночи до блага дня...
Что не ласточка увивается,
Увивалася родна матушка:
«Ты скажи, ты, дитя милое,
Ты скажи, что я твоя,
Твоя суженая!»
А ужъ онъ и убилъ ее
До смеретушки....

175.

Какъ сватался Димитрій князь,
Какъ сватался сынъ Васильевичъ
Что на Домнѣ, на Домнушнѣ.
На Домнѣ Фалелеевнѣ,
По три года, по три мѣсяца,
По три утра, по три вечера
Отъ воротъ не отъѣзжаючи.
Зазвонили къ заутренѣ,
Что къ честной Воскресенскія.
Тутъ поѣхалъ Димитрій князь,
Поѣхалъ сынъ Васильевичъ
Что ко той ко заутренѣ,
Ко честной Воскресенскія.
Кдалася Домнушка,
Домна Фалелеевна
Во косяцето оконечко,
Что по плечъ буину голову.
«Ужъ вы, цыпошки, мамушки,
Мои вѣрны служаночки!
Вы идите скоро ко мнѣ,
Посмотрите на улицу:
Еще этотъ ли Димитрій князь?
Еще этотъ ли сынъ Васильевичъ?
Ахъ, пожища-то, что вилища!
Ручища-то, что граблища!
Головища, что шивной котель!
Глазища-то, что ямища!
Губища-то, что палчища!»

Князь Димитрій это видѣлъ и слышалъ.

Какъ приходитъ Димитрій князь,
Какъ приходитъ сынъ Васильевичъ

Отъ Божьей отъ заутрени,
Отъ честной Воскресенскія.
Говоритъ другу вѣрному,
Что сестрицѣ родимыя,
Настасьѣ Васильевнѣ:
«Ты, сестрица родимая,
Настасья Васильевна!
Собери же ты честный пиръ
Не князьямъ и не боярамъ,
Не княгинямъ, боярынямъ,—
А для Домны, для Домнушки,
Для Домны Фалелеевны!
Скажи, что Дмитрій князь
Со князьями, съ боярами,
Забавляется охотою.»
Посылала Настасьюшка,
Посылала Васильевна
Своихъ вѣрныхъ подруженекъ
Что ко Домнѣ, ко Домнушкѣ,
Ко Домнѣ Фалелеевнѣ,
Ее звать на честной на пиръ.
Что приходятъ подруженьки
Ко Домнѣ Фалелеевнѣ,
Говорять таковы слова:
«Ужь ты, Домна, ты, Домнушка,
Ты, Домна Фалелеевна,
Что звала тебя подруженька,
Настасья Васильевна
Что къ себѣ на честной пиръ.»—
—«Еще дома ли Дмитрій князь?
Еще дома ль сыгъ Васильевичъ?»
Вопросила ихъ Домнушка.
Отвѣчали подруженьки:
«Что Дмитрія дома нѣтъ;
Онъ съ князьями, съ боярами

Забавляется охотою.»
Тутъ сказала имъ Домнушка,
Домна Фалелсевна,
Что придетъ она къ Настасьюшкѣ.
Снаряжалася Домнушка,
Домна Фалелсевна,
Къ своей вѣрной подруженькѣ,
Ко Настасьѣ Васильевнѣ!
Какъ пришла ея матушка:
«Ахъ ты, Домна, ты, Домнушка,
Ты, Домна Фалелсевна!
Не ходи ты къ подруженькѣ,
Ко Настасьѣ Васильевнѣ!
Что почесъ мнѣ мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось:
Что хожу я по горницѣ,
Одѣваюсь въ платье цвѣтное,
Выбираю я свои кресты
И не вижу одного креста,
Одного креста, самаго лучшаго,
Съ дорожными-то со вставками,
Съ самоцвѣтными каменьями.»

Домна Фалелсевна, увѣренная въ дружбу Настасьи, не послушалась совѣтовъ доброй матери. Однако, имѣя какое-то сердечное предчувствіе, взяла украдкою изъ своихъ заповѣд-ныхъ ларцовъ два пожитка булатные и спрятала ихъ подъ платьею.

Не послушала Домнушка
Словъ родимыя матушки;
Пошла къ вѣрной подруженькѣ,
Къ Настасьѣ Васильевнѣ.
Какъ на полпути встрѣтились
Въ стѣнѣ Домнѣ Фалелсевнѣ
Два калики прохожіе.

Говорили-то Домнушкѣ.
Домнѣ Фалелеевнѣ:
«Ахъ ты, Домна, ты, Домнушка,
Ты, Домна Фалелеевна!
Не ходи ты къ Настасьюшкѣ,
Къ своей вѣрной подруженькѣ!
Что Настасья зло думаетъ:
Не поѣхаль на охотушку
Ея братецъ Дмитріій князь.»

Эти калки были любимые молодые бояре князя, перелѣтые калками и сами влюбленные въ Домну Фалелеевну. Домна Фалелеевна, можетъ быть, и повѣрила имъ, но не хотѣла возвратиться домой, давши слово своей вѣрной подружѣ.

Приходила Домнушка,
Свѣтъ Домна Фалелеевна,
Къ широку двору Настасьину.
Встрѣчали тутъ Домнушку,
Домну Фалелеевну,
Все князи и бояра,
Княгини и боярыни.
Приходила Домнушка,
Домна Фалелеевна,
Приходила къ новымъ сѣнямъ.
Ее на сѣничкахъ встрѣтила
Ея вѣрная подруженька
Настасья Васильевна.
Говорить ей таковы рѣчи:
«Приходи, ты, гордливая
Приходи-ка, ломливая,
Приходи, высокородная!..»
И ввела ее въ нову горницу.
Тамъ изъ занавѣси узорчатой
Встрѣчалъ ее самъ Дмитріій князь.

Въ то время у Домнушки,
У Домны Фалелеевны,
Ноги рѣзвы подломилса,
Изъ глазъ слезы покатилися.
Что кладеть она честный крестъ
На свои-то на бѣлы плечи,
И молилась Божьей матери,
А потомъ въ четыре стороны
Всѣмъ князьямъ и боярамъ
Въ шелковъ поясъ поклонилса.
Тутъ Пастасья Васильевна,
Ея вѣрная подруженька,
Ее посадила за дубовый столъ;
Ея братецъ Димитрій князь,
Родимый сынъ Васильевичъ,
Налилъ чару зелена вина,
Подносилъ чару ко Домнушкѣ,
Ко Домнѣ Фалелеевнѣ.
«Ты прими-ка, горделивая,
Ты прими-ка, ломливая,
Эту чару зелена вина
Отъ ручищей, что отъ граблицей,
Отъ глазищей, что отъ ямищей,
Отъ главица, что нивной котель!»

Тутъ, какъ видно, послѣдовало предложеніе князя Димитрія Васильевича, что она волею или неволею, а должна быть за нимъ. Домна прибѣгаетъ къ притворству, соглашается, и вотъ ея отвѣтъ:

Что возговорить Домнушка,
Домна Фалелеевна:
«Ты позволь мнѣ, Димитрій князь,
Ты позволь, сынъ Васильевичъ,
Мнѣ съѣздить во чисто поле

На могилу къ родну батюшкѣ
Попросить позволенія!»

Димитрій колеблется.

«А чтобы я не ушла отъ васъ,
Пошли спереди вожатаго,
А позади провожатаго.»

Князь отпускаетъ ее съѣздить къ могилѣ родителя и
посылаетъ съ нею множество своихъ вѣрныхъ слугъ.

Пріѣхала-то Домнушка,
Домна Фалелеевна,
На могилу родна батюшка;
Сходила со добра коня,
Становилась на сыру землю,
И втыкала во могилушку
Что два ножичка булатные,
И сказала таковы слова:
«Не достанься ты, тѣло бѣлое,
Что не сукѣ-то борзья,
Не змѣѣ заозерскія,
Что не кобелю борзому!»

Тутъ она падаетъ на полки и закаливается. Слуги воз-
вращаются и доносятъ о ея смерти Димитрію. Димитрій
немедленно ѣдетъ туда, видитъ бездыханное тѣло Домны
Фалелеевны, приходитъ въ отчаяніе; безъ Домны ему
оноетъ жизнь; онъ также втыкаетъ въ могилу два ножа
булатные, падаетъ на нихъ, и потомъ, обнявши бездыханное
тѣло Домны Фалелеевны, умираетъ.

Таково заключеніе.

Болд. Сулаповъ, стр. 3: «описано слово въ слово, какъ здѣсь
значится.»—Въ этой пѣснѣ много сомнительнаго.

Литературный музей

176.

Ночьче Купалы, завтра Иваны!

Купалы на Иваны!

Купался Иванъ да въ воду упалъ!

Купалы на Иваны!

Охъ, братъ сестру двору кличетъ,
Загубить хочеть...

Купалы на Иваны!

«Ой, братецъ мой Ивапушка,
Не губи меня у буденный день,
Загуби меня у воскресныйи день,
Ноложи меня увъ оградѣ,
Обсади меня стрѣлицами,
Обвѣшай меня наметками,
Обвѣй меня василечками!
Молодцы идутъ—стрѣлицы рвутъ,
Старушки идутъ—наметки берутъ,
Дѣвицы идутъ—василечки рвутъ, вѣночки вяють,
Меня, молоду, поминать будутъ!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Халанскій, № 12
(«купальская»).

177.

Во городѣ во Бѣлградѣ случилась бѣда:

Молодая монашечка дитя родила;

На третій день монашечка на Дунай отнесла.

Тамъ ѣздили рыболовнички, рыбу ловили;

Да поймали жъ они, рыболовнички, щуку да меня,

А послѣй того—малаго дитя...

Усѣхъ монашечекъ къ допросу на дворъ...

Усѣ идутъ, по цвѣточку несутъ,

Уво всѣхъ цвѣточки цвѣтуть, въ одной не цвѣтеть.
Позади идетъ родная матушка, горючей слезой льетъ:
«Дитѣ ятъ мое, дитѣ милое, причина твоя!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 13.

178.

Во градѣ было Кіевѣ,
Жила-была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая дочь любимая,
Ее братья возлелѣвали,
Возлелѣявъ, замужь выдали
За младаго за морянина,
За хорошаго боярина.
Поѣхалъ онъ съ нею за море...
Тамъ годъ живутъ и другой живутъ;
На третій годъ встосковалися,
Поѣхали къ своей матушкѣ.
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ,
На третій день становилися
Кашу варить и коней кормить.
Не злы вороны палетѣли—
Злы разбойники наѣхали,
Морянина смерти предали,
Морянченка въ море бросили,
Морянушку въ полонъ взяли...
Разбойники послѣ спать легли.
Одинъ изъ нихъ не спитъ, не лежитъ,
Не лежитъ онъ, Богу молится;
Самъ морянку выспрашиваетъ:
«Морянка, морянка, морянушка!
Изъ котораго ты города,
Ты какаго отца-матери?»—

—«Я города, сударь, Кіева.
Жила-была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая я, несчастная;
Меня братья возлелѣвали,
Возлелѣвавъ, замужъ выдалп,
За младаго за морянина,
За хорошаго боярина...»

Взвонилъ онъ тутъ громкимъ голосомъ:

«Вы, братья, вы, братья родимые!
Не морянина мы зарѣзали,—
Мы зарѣзали зятя милаго!
Не морянченка въ море бросили,—
А племянника мы роднаго!
Не морянушку въ полонъ взяли,—
Положили сестру милую!
Сестрица, сестрица родимая,
Не сказывай нашей матушкѣ!
Опять тебя отдадимъ замужъ,
Надѣлимъ тебя больше прежняго!»
Что возговоритъ во слезахъ сестра:

// «Вы чѣмъ меня ни надѣлите,
Мила друга не воскресите!»

Пѣсеньникъ 1780 года, часть 1, стр. 159.—Весельчакъ на до-
сугѣ, часть 1, стр. 181.—Очень сходная пѣсня: Вильбоа, № 45.

179.

Жила-была молода вдова,
Наростила стадо малыхъ дѣтокъ—
Девять сыновей да одну дочь.
Они всѣ да вдругъ повозросли,
Повозросли, да во разбой пошли,
Во разбой пошли—службу царскую,
Ко тому да царю бѣлому,

Царю бѣлому, да Петру Первому;
Одну сестру да замужь отдали
За славное за еше море,
За славнаго купца богатаго,
За богатаго да за поморскаго.
Она годъ жила, да не стоснулася,
Другой жила—въ умахъ не было
Своей родимой сторонушки,
И на третій годъ да стосковалася
По своей родителѣ вдовы-матушкѣ.
Тутъ у свекрушка да подавалася,
У свекровушки доложалася,
Съ молодымъ мужемъ собиралася.
Они вздумали съ мужемъ, поѣхали.
Выѣзжали среди синя моря.
И вдругъ двѣ тученьки призатемнили,
Не бѣлы снѣжки призабѣлили,—
Призатемнили больше корабли,
Призабѣлили тошки паруса.
Мы ду-другу встрѣчались,
На Кіинѣ-море съѣзжались;
Мы тутъ ду-друга да вѣдь не узнали.
Наѣхало девять разбойничковъ,
Моего мужа взяли потребили,
Потребили, въ воду спустили,
Меня, младу, обезчестили,—
Обезчестили, во собой брали.
Тутъ пріѣхали къ круту берегу,
Къ круту берегу незнакомому;
Выходили тутъ разбойнички
На крутой берегъ;
Тутъ сажались они ѣсть и пить,
Ѣсть и пить, хлѣба кушати.
Какъ одинъ разбойничекъ не ѣсть, не пьеть,
Не ѣсть, не пьеть,—думу-думасть:

«Уже какъ да сговоритися
Съ эвтой съ молодой вдовой,
Про ду-друга распроситися...»
Всѣ разбойнички спать легли;
Какъ одинъ разбойничекъ спать не легъ,
Ужъ спать не легъ, вдову спрашиваетъ:
«Ты съ какой орды, съ какой земли,
Ты чьего отца, чьей же матушки?
Ты скажи же мнѣ, повѣдай же!»
Тутъ молода вдова слезно плачетъ:
—«Ужъ есть роду я да не большаго,
Я не большаго да не меньшаго,—
Ужъ я есть рода да середняго,
Во городѣ было да во Кіевѣ,
Тамъ жила молода вдова,
Она растила чадовъ мыльнхъ,
Чадовъ мыльнхъ, дѣтей любимыхъ,
Она девять сыновъ да одинаку дочь;
Какъ девять сыновъ вдругъ повозросли,
Повозросли, да во разбой пошли;
Одною сестру да замужъ выдали
За славное да за сине море...»
Тутъ спроговорить да младъ разбойничекъ:
«Вы ставайте-тка, да братья родные!
Мы свою сестру обезчестили,
Своего зятя мы потребили,
Потребили да въ воду спустили!»
Отъ крѣпка сна они да пробуждаются
И горючимъ слезами да обливаются,
У родной сестры они прощаются:
«Ты что жъ, сестра, намъ не сказалася,
И на синемъ морѣ знать испугалася,
Мала лодочка да веколыбалася?»

180.

Какъ у вдовушки было у паницы
Что ль девять сынковъ и однака дочь.
Что ль девять сынковъ возростать стали,
Возростать стали да вдругъ повыросли,
Вдругъ повыросли да во разбой пошли
Во тую ли во шапку да во разбойничку;
А однаку дочь замужъ выдали
Что ль за славное за спне море,
За того ли кунчика за богатаго.
Она годъ жила—не стоснулася,
Другой жила—да въ умахъ не было,
На третій годъ стосковалася,
У мука она да подавалася
Вхать въ гости да во свою землю
Ко своимъ дражайшимъ къ родителямъ.
Двое вздумали съ мужемъ, поѣхали
На томъ ли на черномъ на кораблѣ.
Среди моря да средь спняго
Что ль не тученьки да призатемнѣли,
Не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
Призачернѣли черны корабли,
Призабѣлѣли топки парусы,
Что ль наѣхало девять разбойниковъ.
У молодой жены у красавицы,
Взяли у ней тутъ мужа, потребили,
А жива младенчика въ море спустили,
Молоду вдову прибезчестили,
Все имѣніе, злато-сребро да поразграбили,
Что ль чернень корабль да огню предали.
Всѣ разбойники спать улягутся,
А одинъ разбойникъ, атаманъ большой,

Съ молодой вдовой сѣлъ разговаривать,
Разговаривать да на словахъ ласкать:
«Не кручинься ты, молода жена!
Мы найдемъ тебѣ что ль ина мужа!»
Сталь разбойникъ, онъ выспрашивать:
«Ты скажи-ка, скажи, скажи, вдовушка,
Ты чьего роду есть да чьего племени,
Ты да чьего отца, чьей ты матери
И какъ тебя да именемъ зовуть,
Звеличаютъ тебя да по отчеству?»
Во слезахъ вдовушка да слово смолвила:
«И на что меня, бѣдцу, спрашивать?
Тѣло мое полоненое,
Я, сирота-вдова, прибезщечена!
Есть я роду само-нижняго,
Есть я роду вдовки горя-панницы.
Что ль у вдовушки было у панницы
Деять сыновъ, моихъ братьевъ родныхъ.
Деять сыновъ возростать стали,
Возростать стали, вдругъ повыросли,
Вдругъ повыросли, да во разбой пошли;
А меня, одинаку сестру, въ замужъ выдали
Что ль за славное да за сине море,
Что за того ль за кунчика за богатаго.
Ужъ я годъ жила—не стоскулася,
Другой жила—въ умахъ не было,
На третій годъ я стосковалася.
Двое вздумали съ мужемъ, повѣхали
Во свою землю да во отечество
Ко своей родителю-матункѣ,
Честной вдовѣ да горе-панницѣ!»—
Тутъ разбойникъ, атаманъ большой,
Атаманъ большой да прирасилакался,
Покатились слезы по бѣлу лицу.
Во слезахъ онъ слово вымолвить:

«Вы ставайте-ка, братцы родные!
Мы вѣдь сдѣлали проступки великіе:
Первой проступокъ—во разбой пошли,
Грабили всѣ имѣнія, злато-серебро,
Проливали напрасно кровь человѣческу;
Другой проступокъ великій—
У родимой сестры мужа потребили,
Живаго шоплемника въ море спустили;
Третій преступокъ великій,
Великій грѣхъ тяжкій—
Родиму сестру прибезчестили!»
Вставаютъ со сна всѣ разбойники,
И всѣ разбойники да прирасплакались
И съ родимой сестрой поздоровались.
Приходили они во свою землю
Ко той ли ко родимой ко матушкѣ,
Ко честной вдовѣ горе-нашицѣ.
Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,
Тутъ поздоровались и всѣ расплакались.
Раздавали разграблено злато-серебро
И все имѣніе-богачество
По тѣмъ ли спротама по бѣдныимъ,
По тѣмъ ли церквамъ по Божіимъ;
Сами пошли скитатися по разнымъ странамъ.

Олонецкая губернія. Новѣнецкій уездъ. Рыбниковъ, часть IV,
стр. 99. Сходный пѣсни: Гильфердингъ, № 176.—Славян-
ская, часть III, стр. 119.

181.

Жила-была тутъ пречестна вдова,
У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая ли дочерь милая.
Взросли братья, во разбой ушли;
Безъ нихъ вдова дочь замужъ выдала,

По-край моря за моревича.
Мы годъ жили, мы другоі жили;
На третіи годъ мы стосковалися.
«Поѣдемъ, моревичъ, къ моеі мамонькѣ,
Я къ мамонькѣ, ты къ тещенькѣ,
Я къ роднымъ братьямъ, ты къ роднымъ шурьямъ;
Мореночка повеземъ къ баушкѣ,
Къ баушкѣ, къ роднымъ дядюшкамъ!»
Мы день-еть шли, мы другоі-еть шли;
На третіи день мы становилися.
Становилися, огонь клали,
Огонь клали, кашу варили.
Набѣжало на насъ девять разбойничковъ;
Моревича они зарѣзали,
Мореночка въ море бросили,
Моревичну въ полонъ взяли,
Во полонъ взяли, сами спать легли.
Одинъ изъ нихъ не спитъ-лежитъ,
Не спитъ-лежитъ, думу думаетъ:
«Еще чьего же ты роду-племени,
Роду-племени, отца-матери?»
— «Жила-была тутъ пречестна вдова;
«У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая ли дочерь милая.
Взросли братья, во разбой ушли;
Безъ нихъ вдова дочь замужъ выдала,
По-край моря за моревича.
Мы годъ жили, мы другоі жили;
На третіи годъ мы стосковалися.
Поѣдемъ, моревичъ, къ моеі мамонькѣ,
Я къ мамонькѣ, ты къ тещенькѣ,
Я къ роднымъ братьямъ, ты къ роднымъ шурьямъ;
Мореночка повеземъ къ баушкѣ,
Къ баушкѣ, къ роднымъ дядюшкамъ!
Мы день-еть шли, мы другоі-еть шли;

На третій день мы ставовилися,
Ставовилися, огонь клали,
Огонь клали, кашу варили.
Набѣжало тутъ девять разбойничковъ;
Моревича они зарѣзали,
Мореночка въ море бросили,
Меня, младу, въ полонъ взяли.»—
—«Ужъ вы, братцы ли, вы, товарищи,
Вставайте-ка, что мы надѣлали!
Роднаго зятя мы зарѣзали,
Роднаго племянника въ море бросили,
Родну сестру во полонъ взяли!»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, выд. VI, стр.
94.

182.

Уже за моремъ было за ешиемъ,
Тамъ жила-была молода вдова,
Молода вдова благочестивая.
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
Во десятихъ дочь одинакая.
Ею отдали замуикъ за море,
Замуикъ за море, за морянина,
Ею за вора за разбойника.
Она жила за моремъ девять годовъ,
На десятый годъ и стосковалася.
Она стала звать морянищунка:
«Ты пойдемъ, морянищунка, за море,
Пойдемъ за море къ родной маменькѣ,
Къ родной маменькѣ, къ роднымъ братьяцамъ!»
Они пошли съ морянищомъ за море...
Какъ на встрѣчу имъ девять разбойничковъ.
Они морянина въ море вѣзали,

А моряночку во полонъ взяли,
Во полонъ взяли и прибезчестили.
Они шли, разбойники, день до вечера,
Да и тутъ разбойники ночью сдѣлали,
Да и всѣ разбойники спать легли.
Какъ одинъ разбойникъ не шить, не лежить,
Не спитъ, не лежить и думу думаетъ,
Думу думаетъ, рѣчь проговорилъ:
«Ты скажи, моряночка, повѣдай мнѣ:
Ужъ ты чьей земли, ты чьей орды,
Ты чьего отца, которой матери?»
Начала моряночка высказывать:
«Уже за моремъ было за спніемъ,
Тамъ жила-была молода вдова,
Молода вдова благочестивая;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ.
Во десятихъ дочь одинакая;
Меня отдали замужъ за море...»
Какъ скричитъ разбойникъ громкимъ голосомъ:
«Вы вставайте, братцы, пробужайтесь!
Не морянина мы въ море врѣзали,
Не моряночку во полонъ взяли, —
Въ море врѣзали зятя любимаго,
Во полонъ взяли сестру родимую,
Прибезчестили единокровную!»
Какъ вставали разбойники, пробужкалися,
Какъ давали заповѣдь крѣпкую,
Начали вязать они шелковъ неводъ...
Не могли досгать зятя любимаго,
И возвратилися они въ родимый домъ,
Они въ родимый домъ и къ родной матери.

183.

А жила-была да молода вдова,
Молода вдова благочесливая.
А у той вдовы было девять сыновъ,
А девять сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Во десятыя да дочь любимая,
Дочь любимая да одинокая.
А прѣхали да на ей свататься,
Да замужъ за море да за морянина.
А ею отдала да родна матушка,
Поневолили вѣдь родны братьица;
А ушла съ моряниномъ она за море...
А девять годовъ да не стоснулося,
На десятый годъ да стосковалося,
Стала звать-просить морянина:
«А поїдемъ, моряничъ, со мной за море,
Со мной за море да къ моей матушкѣ,
Къ той ли ко вдовѣ благочесливые!»
Какъ шли-прошли да путь-дороженьку;
А памъ встрѣтилося девять школьничковъ,
Девять школьничковъ, девять разбойничковъ.
Какъ морянина да въ море врѣзали,
А моряночку да съ собой взяли.
Все разбойнички да опочивъ держать,
А одинъ разбойникъ не спитъ нечто,
У моряночки да сталъ выспрашивать:
«Ты скажи, моряночка, коей земли,
Ты коей земли да ты коей орды,
Коего отца да коей матери?»—
—«Есть морянка изъ-за снѣга моря,
Той вдовы благочесливые;
Меня отдали да родны братьица,
Поневолила да родна матушка...»

Говорить разбойникъ таково слово:
«Вы ставайте, братцы разбойники!
Не морянина да въ море врѣзали,
Не моряночку да во-собой взяли,—
Въ море врѣзали зятя любимаго,
Да во-собой взяли да сестру родную!»
Всеѣ разбойнички да перепалися,
За рогатники да похватался,
Три дни, три ночи да не пиваючи,
Не пиваючи да не ѣдаючи,
У морянина душу добываючи...

Олопецкая губернія. Гильердингъ, № 294.

134.

Уо-крайі моря, моря снѣга,
По-крайі моря ай Веряжскаго,
По-крайі снѣга моря Веряжскаго,
Тамъ стояла да хоромна не крытая,
А не крытая хоромна, не миная.
Тамъ жила-была вдова благочестивая;
Было у вдовушки девять сыновъ,
Во десятиихъ была одишокая дочь.
И эти всеѣ сынова въ разбой пошли;
Оставалася дочка единѣшенька.
Какъ изъ-за снѣга моря Веряжскаго
Наѣхали на дочку къ ней сватова;
Она выдала дочку за снѣ море,
За этого за гостя за торговаго.
Она тамъ годъ жила—не стоснулася,
Другой жила—въ умѣ не было,
На третій на годочекъ стосковалася,
Она у мужа у свѣта подавалася,
У всеі семьи сдоложилася.

Состроилъ ей мужъ червончатый корабль;
Онъ носъ дѣлалъ по змѣшному,
Корму дѣлалъ по звѣршному,
Носъ грузилъ чистымъ серебромъ,
Середочку грузилъ краснымъ золотомъ,
Корму грузилъ скатнымъ жемчугомъ.
Они съѣли съ мужемъ въ лодочку и поѣхали.
Тутъ не темная ноченька суетила ихъ,
Не частые дождики обсыпали,—
Наѣхали воры-разбойники...
Они гостя торговаго зарѣзали,
Зарѣзали и въ воду бросили,
Они яночку рязаночку въ полонь брали,
Въ полонь брали, обезчестили.
Всѣ эти разбойничьи спать легли;
Меньшій разбойничегъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ, думу думаетъ,
У яночки рязаночки выспрашиваетъ:
«Скажи, яночка рязаночка, съ коей орды,
Съ коей орды, съ коей страны?»—
—«Ужъ мы жили-жили по-край моря,
По-край сшаго моря Веряжскаго;
Тамъ стояла хоромина не крытая,
Не крытая хоромина, не мшная;
Во той было хороминѣ не крытоей
Жила-была вдова благочестивая;
Было у вдовушки девять сыновъ,
Во десятихъ была одинокая дочь.
У ней всѣ сынова во разбой пошли;
Оставалася дочка одинешенька;
Изъ-за сшаго моря Веряжскаго
Наѣхали на дочку къ ней сватова.
Она выдала дочку за сине море,
За этого гостя за торговаго...»
Тутъ разбойничегъ расслабалася:

«Вы вставайте-ка, братцы родимые!
Мы не гостя торговаго зарѣзали,
Зарѣзали и въ воду бросили,—
Мы зарѣзали зятя любимаго!
Не жюночку рязаночку въ полонь брали,
Въ полонь брали и обезчестили,—
Обезчестили сестрицу родимую!»

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 167. Сходная пѣсня.
Гильфердингъ, № 28.

185.

Какъ у вдовушки было у пашиницы
Было девять сыновъ, одинака дочь.
Всѣхъ тыхъ девять сыновъ въ разбойи пошли,
Одинаку сестру замужь выдали
За того кунца за богатаго,
За богатаго, за заморскаго.
Она годъ жила,—не стоснулася,
По другой жила,—въ умѣ не было,
А по третіи годъ стосковалася
По своей родимой по сторонущкѣ,
По своей родителю по матушкѣ.
Съ мужемъ сдумали они и поѣхали.
Выѣзжали они на сине море;
Туть имъ стрѣтилось девять разбойниковъ.
Моего-то мужа взяли, потребили,
А младенчика въ воду спустили,
Меня, молоду, обезчестили.
Какъ одинъ изъ ихъ туть былъ разбойничекъ,
Видитъ онъ, что я не ѣмъ, не пью,
Онъ началъ меня туть выспрашивать:
«Ты какого роду, какой земли
И какъ тебя пменемъ зовуть?»—

— «Я не большого роду и не меньшого,
Я есть вдовушки дочи пашницы,
Дочи пашницы, одинака дочь.
Было девять братцевъ, все разбойничковъ,
Всѣхъ тыхъ девять братцевъ во разбой пошли,
А меня молоду замужъ выдали...»
Закричала какъ тутъ одинъ разбойничекъ:
«Вы ставайте-ка, братцы разбойнички!
Своего мы брата тутъ потребили,
А младенчика въ воду спустили,
Молоду сестру обезчестили!»

Олонецкая губернія, Новѣнецкій уездъ. Рыбничковъ, часть III,
стр. 310.

186.

Было у Чечоточки девять сыновей,
Девять сыновей, одна дочь.
Всѣ девять сыновъ во разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
Выдали замужъ за моряшущка,
Въ дальню сторону за сны моряшники.
Вотъ прижили они сына моряшника,
Одного сына моряшника прекраснаго.
На третій годъ Настасья звала въ гости моряшущка,
Она звала, позывала, стала плакаться:
«Ты пойдѣмъ-ка, моряшущка, на мою сторону,
На родимую сторону, къ отцу-батюшкѣ,
Ужъ ты хоть ко тещю, а я ко роднишкѣ,
Ужъ ты хоть ко тецѣ, а я ко матушкѣ,
А нашъ моряшникъ къ родной бабуншкѣ,
Ужъ ты ко шурьямъ, а я вѣдь ко братцамъ,
Моряшникъ нашъ къ роднымъ дядюшкамъ,

Ужъ ты къ чужимъ, я къ порядовымъ сосѣд-
шкамъ!»

Собрались они да и поѣхали.

Вотъ ужъ день они ѣдутъ да и другой ѣдутъ;

Вотъ расположились они на чистомъ полѣ

Въ третій день хлѣба-соли покушати.

Вотъ напали на нихъ разбойнички,

Злы-лхи подорожнички;

Убили они моряшнушка,

А морянчика въ воду бросили,

Саму молоду во полонъ взяли.

Ужъ какъ всё тутъ разбойнички спать легли,

А одинъ молоду сталъ выспрашивать,

Сталъ выспрашивать, сталъ вывѣдывать:

«Ты скажи, скажи, полоненочка,

Ты коей земли, ты коей ярды,

Коего отца, коей матери?»

Улылась она слезамъ горючима,

И стала сама высказывать:

«Насъ было у Чечоточки десятеро;

Девять сыновей всё въ разбой пошли,

А десятую меня замужъ выдали,

Выдали меня за синія моря,

Во чужую землю, во чужую ярду за моряшнушка;

Черезъ два года прижили себѣ морянчика,

Сына любимого да и прекраснаго,

Вотъ на третій годъ мы поѣхали

Къ отцу-батиошку, къ родной матушкѣ,

Ко братьицамъ роднымъ, да къ порядовымъ сосѣ-
душкамъ...»

Какъ расплачется тутъ разбойничекъ,

И онъ сталъ будить родныхъ братьицевъ:

«Ужъ какъ встаньте-тка, встрепенитесь, братцы
родные!

Ужъ какъ что вѣдь мы попадѣлали:

Моряничка-зятя убили вѣдь,
А племянничка-моряничка въ воду бросили,
Сестру родную во полонъ взяли!»
Со сну стали вѣс да и расплакался,
У сестры своей стали прощатися:
«Ты прости, прости, сестра любимая!
Ужъ поидемъ съ нами во свою землю, во свою ярду,
Къ отцу, къ матуникѣ да и къ сосѣдушкамъ порядо-
вынмь!»

Олонецкая губернія, Вытегра. Извѣстія Академіи Наукъ,
томъ II, стр. 225.

187.

Какъ у вдовушки было девять сыновей,
А десятая дочь была любимая.
Сыновички, вѣс они подвыросли,
Они подвыросли, подъ разбой пошли,
А меня младу замужъ отдали,
За-покрай свѣту, свѣту бѣлаго.
Мы и годъ жили и другой жили,
А на третій-то годъ дитя родили...
«Ужъ ты, моряничъ, моря, сыночекъ мой!
Мнѣ стоснулось, мнѣ сгруснулося,
Захотѣлося къ родной матуникѣ въ дороги гости!»
Мы и день шли и другой шли,
А на третій день во рѣкѣ пришли;
Разостлали мы скатерть бѣлую...
Ужъ что ни взялися девять разбойничковъ.
Что морянина моего зарѣзали,
И моряниченка въ воду бросили...
Вѣс разбойнички, вѣс они спать легли.
А девятый-то разбойничекъ,
Опъ не спитъ, не спитъ, Богу молится,
Богу молится, Христу кланяется,

Все онъ Богу молится, все онъ выспрашиваетъ:

«Ты какого жъ ты роду-племени?

Не дворянскаго ль ты, не купецкаго ль?»—

—«У вдовушки было девять сыновей,

А десятая дочь была любимая;

Все сыновички, все они подвыросли,

Подвыросли, подъ разбой пошли;

А меня младу замужъ отдали

За-покрай свѣту бѣлаго,

За копецъ моря снѣга.»

—«Вы вставайте, все вору-разбойники!

Не купца же мы зарѣзали,—

Мы зарѣзали зятя роднаго,

И моряниченка въ воду бросили,

А сестру во полонъ взяли!

Ты что же намъ, сестра, не сказалася?

Морянина мы не зарѣзали бѣ,

И моряниченка въ воду не бросили бѣ!»

Новгородская губерня. Новгородскій Сборникъ, вып. II стр. 174

188.

По-край моря, моря снѣга
Жила вдовица паншница;
У той вдовицы у паншницы
Было девять сыновъ, одинока дочь.
Одиноку дочь замужъ выдали
За славное снѣ морюшко,
За морянина, купца-дворянина.
Она годъ жила—не стоскнудася;
Другой жила—въ умахъ не было;
На третій годъ стосковалася,
Она у мужа подавалася,
У свекра доложилася,

У свекровушки спросилася.
Они вздумали да и поѣхали.
Выѣхали на сине море.
Не сине море все поспѣло,
Не бѣлы свѣзки побѣлѣли,—
Призасиѣлись сии корабли,
Призабѣлили бѣлы парусы;
Наѣхали девять разбойничковъ....
Моего мужа взяли потребили,
Въ море спустили;
Молоду вдову во полонъ брали.
Восемь разбойничковъ спать легли,
А девятый не пріуснулъ;
Сталъ у вдовушки выспрашивать:
«Ужъ ты большаго ли роду, меньшаго?»—
—«Я изъ роду не большаго, не меньшаго—средняго!
По край моря, моря синяго,
Жила вдовица пашница;
У той вдовицы у пашницы
Было девять сыновъ, одинока дочь;
Одинокую дочь замужъ выдали
За славное сине морюшко,
За моряниша, куница-дворяниша....»—
—«Вы ветавайте, братья родимые!
Мы своего зятя въ море пустили,
Молоду вдову во полонъ брали!»
Они встали и поѣхали къ круту берегу,
Къ отцу къ матери.

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 55 («продольная»).

189.

Какъ во славномъ было великомъ Новугородѣ,
Тамъ жила-была матера вдова.
Въ матерой во вдовушки было девять сыновъ,

А десятая-то дочь горькая,
Девять сыновъ ея гулять ушли,
А попросту—подъ разбой пошли.
Безъ нихъ матеръ дочь замужъ отдала,
Замужъ за море за морянина.
Она годъ жила—и не плакала,
И другой жила—я не тужила,
А на третій годъ встосковалася,
Стала плакати, мужа просити:
«Морянинъ, морянинъ молоденькій!
Поѣдемъ, морянинъ, мы къ матерп,
Нагрузимъ корабль злата-серебра,
А другой корабль скатна жемчугу,
На третій корабль сядемъ, пошльвемъ!»
Они день плыли и другой плыли,
А на третій день вѣтру не было.
Напали на нихъ охотнички,
А попросту-то разбойнички.
Морянина они зарѣзали,
А моряничка въ море бросили,
А молодушку да съ собой взяли.
«Молодка, молодка заморская!
Сказывай, молодка, какого роду,
Какой семьи-родни, еще отчества!»
—«А я роду, я роду посадекаго,
А отчество мое—великій Новгородъ.
Было въ моей матери девять сыновъ,
А десятая-то я, горькая.
Девять братьевъ гулять ушли,
А попросту—подъ разбой пошли;
Безъ нихъ меня матеръ замужъ отдала,
Замужъ за море за морянина.
А я годъ жила—и не плакала
И другой жила—я не тужила,
А на третій годъ встосковалася,

Стала плакати, мужа просити:
Морячилъ, морянинъ молоденькїи!
Поѣдемъ, морянинъ, мы къ матери,
Нагрузимъ корабль злата-серебра,
А другой корабль скатна жемчугу,
А на третїи корабль сядемъ, поплывемъ!
А мы день плыли и другой плыли,
А на третїи день вѣтру не было.
Напали на насъ охотнички,
А попросту вы, разбойнички...»—
—«Ты—сестра наша, сестра родная!
Мы злодѣи, злодѣи проклятые:
А сгубили мы твоего мужа,
Твоего мужа, своего зятя!»

Курская губернія. Воронежская Бесѣда на 1861 г., стр. 386.

190.

Во городѣ во Кіевѣ
Жила вдова богатая.
У вдовонки было девять сыновъ,
Десятая дочка Аннушка.
Какъ семь то сыновъ на разбой пошли,
Какъ восьмой-то сынъ—ко царю служить,
Какъ девятый сынъ—родну мать кормить;
Дочку Аннушку замужъ выдали
За заѣзжаго за морянина.
Она годъ живетъ, она два живетъ;
Ей на третїи годъ Богъ сынка даетъ.
Столковалася нана Аннушка,
Собиралася къ родной матушкѣ.
Они день ѣдутъ, они два ѣдутъ;
На третїи день становилася,
Они кашу варили, дитю кормили.

Палетають тутъ черны вороны,
Черны вороны—разбойнички....
И морянина позарѣзали,
Сына малаго въ воду бросили,
Они Аннушку во полонъ взяли;
А взявши въ полонъ, стали спрашивать,
Стали спрашивать, пргваривать:
«Ты не плачь, не плачь, боярыня,
Не утай, скажи, чья, откуда?
Ужъ какого ты рода-племени?»—
—«Какъ во городѣ во Кіевѣ
Жила вдова богатая;
У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая—я, несчастная!
Какъ семь-то сыновъ на разбой пошли;
Какъ восьмой-то сынъ—ко царю служить,
А девятый сынъ—родну мать кормить;
Меня выдали за морянина...»—
—«Мы не барина позарѣзали,
А мы зятюнкѣ сняли голову!
Мы не барченка въ воду бросили,
А племянничка родимаго!
Намъ не барыня въ полюбвищцы
На поемѣищце понадалася,
А родна сестра на великій грѣхъ,
На несчастыще доставалася!»

Саратовская губерня. Варенцовъ, стр. 224.

191.

Какъ во городѣ во Саратовѣ,
Тамъ жила-то, была молодая вдова;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
А десятая дочь несчастная.

Воспопли ея пивьки-мамушки,
Возлелѣяли ея сѣины дѣвушки;
Возлелѣявши ея, замужъ отдали,
Не за князя ея, не за барина,
Отдали ея за мирянина.
Они годъ-то живутъ и другої жьвуть;
Какъ на третьемъ году дѣтя родили;
Спородивши дѣтя, стосковалися,
Къ родной матушкѣ собралися.
Они день-то ѣдутъ и другої ѣдутъ;
Какъ на третій день становилися;
Какъ мирянинъ самъ сталъ коня понть,
А миряночка стала дѣтя кормить.
Изъ-за лѣбенку изъ-за темнаго,
Какъ не черцы воронья солеталися,
А злы разбойнички собзикалися;
И мирянина они зарѣзали,
А миряночка въ море бросили,
А миряночку во полонъ взяли...
Все разбойнички спать ложилися;
А какъ самъ атаманъ всею ночью не спалъ;
Онъ миряночку все высиранивалъ:
«Ты скажи, скажи, красотка, изъ какого роду?»
—«Ужъ я роду-то пребогатаго;
Какъ во городѣ во Саратовѣ,
Тамъ жила-то, была молодая вдова;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
И—десятая дочь, несчастная.. .»
Закричалъ атаманъ громкимъ голосомъ:
«Вы вставайте-ка, братья родные!
Подбѣгайте ко мнѣ скоро-на-скоро!
Надъ моею головою все несчастыце:
Мы зарѣзали зятя роднаго,
Мы племянничка въ море бросили,
Сестру родную во полонъ взяли...

Ты не плачь, сестра, сестра родная,
У насъ много злата-серебра.»
—«Мнѣ не надобно злата-серебра!
Мнѣ отдайте вы друга вѣрнаго,
Друга вѣрнаго и дитя милаго!»

Самара. Русская Старина 1874 г., № 12.

192.

Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
Десятая дочь Варварушка.
Какъ семь-то сыновъ на разбой пошли;
Какъ восьмой-то сынъ—онъ царю служить,
А девятый сынъ—родну мать кормить,
А Варварушку замужъ выдали,
За того ли замужъ за морянушку....
А мы годъ живемъ, а мы два живемъ;
На третьемъ годку стосковались,
Ко родимой матушкѣ собиралися.
А мы день ѣхали, а мы два ѣхали;
На третій денекъ припомнимся,
Во чистомъ полѣ становилися;
А мы кашу варили,
Малаго дитю кормили.
Налетали тутъ черны вороны,
Черны вороны—все разбойнички...
«Ты скажи, скажи, молодка,
Чья, откуда ты така?
Иль ты царская, иль боярская,
Иль попова дочь, иль купческа?»—
—«Я не царская, не боярская,
А я бѣдная дочь сиротская!
Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
Да десятая я, несчастная!

Какъ семь-то сыновъ на разбой пошли...»—
—«Такъ мы зятюнику позарѣзали,
Мы племянничка въ воду бросили,
Мы родную сестру во полонъ взяли!..»

Саратовская губернія. Варевцовъ, стр. 222.

193.

Въ городу-то было во Кіевѣ;
И жила была честна вдовушка;
У вдовы-то было девять сыновъ
И десятая дочка милая.
Первы три братца въ короли пошли;
Други три братца—въ цари бѣлые;
Третьи три братца—во разбойнички.
Дочку милую замужъ выдали,
Замужъ выдали за морянина.
Она годъ жила—и не плакала;
На второй годъ—и не подумала;
А на третій годъ порасплакалась
И стала морянина въ гости звать.
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ;
А на третій день отдыхать сѣли,
Отдыхать сѣли во темномъ лѣсу.
И затеплили теплу теплицу,
Паварили же кашу пшонья.
Тутъ шѣдѣ взялись три разбойничка,
И морянина-то зарѣзали,
Моревъепочка въ огонь бросили,
Моревыхоньку во полонъ взяли,
Во полонъ взяли, въ нову горницу...

Вологодскій уездъ. Иванецкіи, стр. 313.

194.

На Подоль жила вдова;
У ней было три сына, три дочери.
Какъ сынки выросли, на разбой пошли;
Дочки выросли, онѣ въ лѣсъ пошли,
Онѣ въ лѣсъ пошли да по ягоды.
Какъ одна-то дочь утонула,
А другую дочь въ лѣсу звѣрь заѣлъ;
Какъ и третья дочь заблудилася;
Заблудилася она, на огонь нашла...
У огня сидять разбойнички.
Говорить одинъ: «мы сведемъ се!»
Говорить другой: «мы убьемъ се!»
Говорить третій: «мы распросимъ ее!
Ты скажи-ка намъ, ужъ ты чья така?
Ты какого, скажи, роду-племени?»—
—«А я роду изъ Подолу; жила вдова,
А у ней было три сына, три дочери;
Какъ сынки выросли, на разбой пошли,
Дочки выросли, онѣ въ лѣсъ пошли,
Онѣ въ лѣсъ пошли да по ягоды.
Какъ одна-то дочь утонула,
А другую дочь въ лѣсу звѣрь заѣлъ,
А я, третья дочь, заблудилася,
Заблудилася, на огонь нашла...»—
—«Ты—сестра наша, ты—родимая!
Мы—твоя братья, братья родные!..»

195.

Во тихомъ Дону, во тихомъ Дону,
Тамъ купались три молодчика.
Два молодчика—братцы родные,
Лицомъ сходные,
Не воры охотнички—
Донскіе разбойнички,
Татарскія рожки,
На черта похожи;
А третій молодчикъ
Былъ чужестранчикъ,
Православный русскій,
Изъ земли онъ Курской,
Княжескаго роду,
Отроча ональный, отроча ональный,
Спротивушка безталаный;
Унесъ буйную головушку
Изъ Москвы отъ плахи,
Гдѣ скончался во темницѣ
Его батюшка родимый
Старый князь Василій...
Какъ одинъ изъ братьевъ
Сталъ такъ говорить:
«Какъ намъ молодца
Этого убить?»
Отвѣчаетъ братецъ:
«Постой, погоди!
Распросимъ его,
Какого онъ роду-племени,
Есть ли у него родимый отецъ,
Есть ли у него родимая мать,
Есть ли у него братья молодцы,
Есть ли у него сестры родныя,
Есть ли у него молода жена,

Есть ли у него малы дѣточки?»

—«Тихій Донъ-рѣка—

Мнѣ отецъ родной,

Сырая земля—

Родна матушка,

Соловей въ бору—

Родимый мой братъ,

Кукушка въ лѣсу—

Сестрица моя,

Бѣлая березушка—

Жена молода,

Отъ нея отростушки—

Мои дѣточки!»

Головка безталанная

Покатилася,

Тихій Донъ-рѣка,

Замутилася....

«Тихій Донъ-рѣка,

Родной батюшка,

Ты обмой меня!

Сырая земля,

Мать родимая,

Ты прикрой меня!

Соловей въ бору,

Милый братецъ мой,

Ты заной по мнѣ!

Кукушечка въ лѣсу,

Во дубровушкѣ,

Сестрица моя,

Покукуй по мнѣ!

Бѣлая березушка

Съ своими остротками,

Поцуми по мнѣ!...»

Курская губернія, Рыльскій и Дмитревскій уѣзды. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, смѣсь, стр. 13. — Въ этой пѣснѣ много сомнительнаго.

Shangyi 22

196.

Гостила у насъ гостя дальняя, чужестранная,
Не сгостивши, гостя востоквалася,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,—
По своему горѣ по великимъ:
Не съумѣлъ меня батюшка вскормить,
Не съумѣла меня матушка замужъ отдать!
Отдала меня матушка замужъ за море,
Не за князя, не за барина,—за того ли вора, за раз-
бойника...

Со вечера воръ коня съдлалъ,
Со полуночи со двора съѣзжалъ,
А къ свѣту воръ со добромъ на дворъ.
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты встрѣчай-ка меня, молода жена,
Ты снимай-ка съ меня шубу лисію,
Убирай-ка ты коня добраго,
Коня добраго, притомленнаго,
Убирай-ка ты платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, прикровленное!
Угадай ты, жена, чей добрый конь?
Узнавай-ка ты, жена, шубу лисію,
Узнавай-ка ты платье цвѣтное!»
Закричала жена громкимъ голосомъ:
«Ужъ и что ты, злодѣй, надѣлалъ надо мной!
Разорилъ ты мою буйную головушку!
Погубилъ ты моего отца съ матерью,
Погубилъ ты моего братца роднаго!
Шуба лисія—то моего батюшки,
Платье цвѣтное—то моеи матушки,
Добрый конь—моего братца роднаго!»
Какъ и выпуль воръ саблю вострую,
Снесъ съ своей жены буйну голову.

Въ зыбочкѣ дитя надеѣлося ревя,
А воръ-отъ сидитъ, прибаукиваетъ:
«Ты бау-бау, мое дитятко,
Ты бау-бау, мое милос!
Не я твою матушку губилъ-терилъ,—
Погубили, потеряли злы товарищи!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 64.

197.

Собирался разбойничекъ по вечеру на разбой.
Съ разбой фхаль, двѣнадцать коней вель,
На тринадцатомъ конечкѣ самъ разбойничекъ сидѣлъ.

Подѣзжаетъ воръ-разбойникъ ко широкому двору.
«Отворяй, жена, ворота, пуцай молодца на дворъ,
Пуцай молодца на дворъ, самъ хозяинъ коренной!
Принмай, жена, рубашку, не развертывай ее!»
Не стерпѣла, развертѣла, не встояла на ногахъ...
«Ты, любитель, воръ - губитель, зачѣмъ брата по
губилъ?»

—«Охъ, не я его сгубилъ, не товарищи мои,—
Согубили, погубили его поздни вечера,
Его поздни вечерочки, глуха матушка полночь!»

Саратовская губернія, Сердобскій уѣздъ. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, издаваемый Казачьимъ, книга 1, стр. 39, 1869 года.

198.

Мзъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Пзъ-за бѣлаго березничка,
Пзъ-за частаго осинничка,
Выходила красна дѣвица

На Дунай-рѣку умыватися;
Умылася, умывшися, набѣлцлася,
Набѣлвшися, парумянилася,
Нарумянившися, призадумалася,
Призадумавшися, слово молвила:
«Ахъ, таланъ ли мой, таланъ такой,
Или участь моя горькая,
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлу ли мнѣ досталось?
Въ лѣсу ли лѣсу не было,
Срубить ли мнѣ было нечего?
Въ людяхъ ли мнѣ людей не было,
Любить ли мнѣ было некого?
Какъ просваталъ сударь батюшка
Что за вора, за разбойника,
За плута, за мошенника...
Со вечера воръ коня сѣдлать,
Со полупочи воръ со двора сѣзикалъ,
Ко бѣлу свѣту воръ домой прѣзикалъ;
Воскрикнулъ онъ громкимъ голосомъ:
«Встрѣчай меня, молода жена,
Прймай коня томнаго,
Сымай платье кровяное!»
Убралася, млада, на Дунай пошла,
На Дунай пошла платье мыть...
Все платье перемыла,
Осталася рубашечка брата милаго,
Брата милаго, любимаго!
Скорыя ноги подломилася,
Бѣлыя руки опустилися,
Ясны очи помутилася,
Изъ глазъ слезы покотилася...
Пришла домой да расплакалася:
Ахъ ты, свѣтъ моя ладо милое!
На что ты губилъ брата милаго,

Брата милаго, родимаго?—
— «Не я губилъ—губила ночь темная осенняя!
Не виновать я въ томъ, жена ты моя!
Была его встрѣча первая,
Встрѣча первая, молодецкая!»

Цѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 169.

199.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садку зеленаго
Подымалася погодушка,
Что такая неугожая—
Со вѣтрами да со грозами,
Со великими угрозами.
Что во эту пору-времячко
Дочка къ матери поѣхала;
Во лѣсу-то заблудилася,
Горючимъ слезамъ заплакала,
Во слезахъ-то слово молвила,
Да родному распеялася:
«Что зачѣмъ же сударь батюшка
Выдать замужъ за разбойника?
Жизнь моя—горе горькое!
Посылаютъ меня, молоду,
Во самую полночь по воду,
Не обуту, не одѣтую,
По холодную меня, голодную!
Въ это время мужа не было;
Онъ со вечера въ разбой пошелъ,
Ко бѣлу свѣту домой пришелъ.
И послали меня, молоду,
Отмывать платье кровавое.

Половину платья вымыла,
А другую въ рѣку кинула;
Нашла братцеву рубашечку.
Пришла, мужу распенялася:
Ты за что убилъ братца милого?
— «Говорилъ я братцу милому:
Вороти ты сирава на-лѣво!
Въ поворотахъ не послушался!
Въ первой встрѣчѣ спуску пѣту-тка,
Ни отцу пѣту, ни матери,
А не то что братцу-шурину!»

Вологодскій уѣздъ. И в а в ц к і й, стр. 328.

200.

Ужъ не я ли, дѣвка, знала,
Сама вѣдала,
Что не быть менѣ за княземъ,
Ни за княземъ, ни за бариномъ,
А быть менѣ за воромъ,
За разбойничкомъ.
Собиралися со вечера
На разбой итить;
Во полуночи поднялися
На разбой итить;
Ко бѣлому свѣту
Ко двору поитить.
Ужъ и мой ли воръ-собака,
Попередъ онъ всѣхъ бѣжитъ,
Девятеро коней держитъ,
На десятомъ самъ едитъ.
«Ужъ ты, милая моя,
Отворяй ворота!
Ужъ ты, милая моя,

Ненаглядная моя,
Бери платье поскорѣй,
Не развертываючи,
Не разматриваючи!»
Ужъ я молода была,
Нетерпѣливая,—
Разогнула, посмотрѣла:
Моего брата голова!...
Ужъ ты, воръ ли, ты, собака,
Разсобачій такой сынъ,
Погубилъ ты моего брата,
Своего шурна!
—«Ужъ ты, милая моя,
Не гнѣвайся на меня!
Въ первой встрѣчѣ, на сустрѣчѣ,
Отцу-матери не спущу,
Своему шурину не сдамъ!
Ужъ не я ль ему кричалъ,
Черной шляпою махалъ:
Сверни, сверни, шуринокъ,
Сверни, сверни животокъ!»

Курская губернія, Рыльскій и Дмитріевскій уѣзды. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, смѣсь, стр. 12.

201.

Не хотѣлося мнѣ, дѣвчоночкѣ, за разбойничка за-
мужъ идти...
Какъ со вѣчера воръ-разбойникъ думу думаетъ одинъ;
Со полуночи воръ-разбойникъ собрался на разбой;
Ко бѣлой зарѣ-то воръ-разбойникъ, онъ двѣнадцать
копей вель;
На тринадцатой лошаdkѣ самъ разбойникъ-воръ си-
дитъ.

Пусти молодца на дворъ!
Принимай, жена, добычу,
Ты носи да не гляди!»
Не стерпѣла, поглядѣла,
Заливалася слезамъ.
«Ужъ ты, мужъ ты мой разбойникъ,
Разбой-мальчикъ удалой,
Ты убилъ-сгубилъ головку
Брата роднаго моего!»—
—«Я при той пути-дорогѣ
Отцу родному не спущу,
Саблей голову снесу!»

Новгородская губернія, Крестецкій уѣздъ. Перетцъ, Современная русская народная пѣсня, Спб. 1893, стр. 36.

203.

Захотѣлось красной дѣвкѣ за разбойничка замужъ...
Какъ со вечера разбойникъ, онъ сряжался подь раз-
бой;
На бѣлой зарѣ разбойникъ онъ двѣнадцать коней
велъ;
На тринадцатомъ кончикѣ самъ разбойничекъ сидитъ.
Подъѣзжаетъ же разбойникъ ко широкому своему
двору;
Онъ ударилъ же, разбойникъ, копьемъ новымъ воро-
та;
«Отворяй, жена, ворота, пуцай молодца на дворъ;
Принимай, жена, рубашки, не развертывай, прймай!»
Не стерпѣла, поглядѣла, чуть опомнилась млада...
«Ты, разбестія разбойникъ, погубитель, супостать!
Ты на что убилъ, зарѣзалъ брата роднаго моего?»—
—«Ты, жена ли моя молодая, жена барыня моя!
Я по первую навстрѣчу отцу родному не спущу,
По другую-то навстрѣчу долой голову снесу!»

Владимирская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, стр. 71.

204.

Разбесчастная дѣвчоночка
На свѣтъ рождена...
Отдали дѣвчоночку замужъ
За вора за разбойничка...
Она плачетъ, голосить, убивается,
Горючей слезой заливается.
Со вечера воръ кудри чешетъ,
Со полуночи на разбой ѣдетъ,
Ко бѣлу свѣту домой прѣзжаестъ.
Стучить-гремитъ у воротъ:
«Отворяй, жена, ворота,
Чтобъ ворота не скрипѣли,
Чтобъ собаки не гамѣли
И сусѣди не слыхали!
Держи, жена, подарокъ!
Ты брать-то бери,
Да не развертывай гляди!»
Не стерпѣла, развернула,
Развернула, посмотрѣла...
Охъ, воръ ты, разбойникъ, мужъ!
Ты снялъ голову
Брату родному моему!
— «Я ему кричалъ, бѣлой ручкою махалъ,
Соловьинымъ свистомъ свисталъ:
Братецъ родимый, скинись зайчикомъ!
Я на первой встрѣчѣ отцу-матери не дамъ
На другой же встрѣчѣ—хочь чужой прѣзжай!»

205.

Изъ-подъ лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-подъ чистаго осинничку,
Какъ бѣжить тутъ конь добра лошадь,
А за ней идетъ добрый молодець;
Идучи, самъ говоритъ ему:
Ты постой, постой, мой добрый конь!
Позабылъ я наказать тебѣ:
Ты не пей воды на Дунай-рѣкѣ!
На Дунаѣ дѣвка мылася,
И совсѣмъ нарядилася,
Нарядившись стала плакати,
А заплакавъ, сама молвила:
Или въ людяхъ людей не было?
Ужъ какъ отдалъ меня батюшка
Что за вора, за разбойника...
Какъ со вечера они совѣтался,
Со полуночи на разбой пошли,
Ко бѣлу свѣту прѣѣхали.
«Ты встрѣчай, встрѣчай, молода жена,
Узнавай коня томленаго!»—
—Ахъ, томленный конь—конь батюшковъ,
Окровавленно платье—матушкино,
А золотъ вѣнокъ—милой сестры,
А золотъ перстень—мила брата!
Какъ убилъ онъ брата милаго,
Своего шурпна любимаго

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 134.—Весельчакъ на досугѣ, часть I, стр. 187.

206.

На Дунаѣ дѣвка мылася,
Красотѣ своей дивилася:
«Красота ли моя, красота,
Украшенье лицу бѣлому,
Жениховъ ли къ тебѣ не было!
Изъ поповъ были поповичи,
Изъ дякоповъ-то дякоповичи,
Изъ купцовъ было купечество...
Что не отдалъ сударь батюшка
Ни за князя, ни за барина,
Ни за купчика богатаго,
А отдалъ сударь батюшка
За плута, за разбойника,
За ночнаго подорожника...
Онъ со вечера коня кормилъ,
Со полуночи съ двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту домой прѣзжалъ.
—«Отвориі, жена, воротички,
Выставляй-ка подвороточку,
Ты ступай-ка на Дунай-рѣку,
Полощи да не развѣртывай!»
Половину бѣлья вымыла,
А другую поразвернула—
(Рубашечка братца милаго!)

Вологодскій уѣздъ. Иванецкій, стр. 329.

207.

Государь ты, милый батюшка,
Государыня мила матушка,
Вы съумѣли меня воспотѣть, воскормитѣ,

Не сумѣли замужъ выдать!
Отдали меня вы замужъ за вора,
За такого вора, за разбойничка...
Мужъ со вечера сталъ коня сѣдлать,
Ко полупочи—со двора сѣвзжать,
Молодой женѣ сталъ наказывать:
«Ты не спи, жена, не гаси огня!
Какъ лучины нѣтъ, ты огарки жги,
Меня, молодца, со разбою жди!»
У шабренушковъ кочета поютъ,
У молодушковъ все мужья встаютъ,—
А моего мужа со разбою нѣтъ...
Подаетъ голосокъ чрезъ темной лѣсокъ:
«Молода жена, ты встрѣчай меня,
Принимай коня припеченаго,
Меня, молодца, притомленаго!
Узнавай-ка, жена, чей вороный конь,
Узнавай-ка, жена, чья лисья шуба!»—
—Развороный конь—моего батюшки,
А лисья шуба—моей матушки...
Я боюсь тебя, ты убьешь меня!...

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 227.

208.

Я по батюшкову дворку хожу,
Я по матушкиной горенкѣ,
Во правой рукѣ купечество (?),
Во лѣвой рукѣ шириночка,
Во карманѣ чисто зеркальце.
Изъ купечества умывалася,
Шириночкой утпралася,
Въ чисто зеркало глядѣлася,
Красотѣ своей дивилася.

Томъ I.

19

Красота ль моя, красаота,
Красота ль моя великая,
Кому, красота, доставалася?
Доставалася красоточка
Самому вору-разбойничку:
Со вечера воръ-разбойничекъ коня поилъ,
Со полуночи на разбой пошелъ,
На бѣлой зарѣ домою пришелъ.
«Отпирай, жена, воротнички,
Пуцай молодца разбойничка!»
Его жонка испужалася,
Рѣзвы ножки подкосилися,
Голова съ плечъ покатилася,
Очи ясны помутилися,
Бѣлы ручки опустилися...
«Я привезъ тебѣ подарочекъ
Отъ твоей родимой матушки—
Со правой руки колечушко,
Со правой руки золочено...»
—Миѣ не нуженъ твой подарочекъ,
Миѣ не нуженъ твой золоченыи!

Казанская губернія. Русская Старина 1874 г., № 12 (послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ахъ, пвлю, ахъ, пвлю, да пвлю, влю).

209.

Не быть миѣ, молоденькой, за княземъ, за бояри-
номъ,
Ни за княземъ, за бояриномъ, быть за плутомъ, за
разбойникомъ...
Съ вечера разбойничекъ коня сѣдлалъ,
Со полуночи разбойничекъ со двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту разбойничекъ на дворъ приѣзжалъ.
Выходила-то, встрѣчала молода его жена.

«Не меня ты встрѣчай, встрѣчай добраго коня!
Ты вывязывай изъ торокъ цвѣтно платице,
Вывязывай цвѣтно платице, не развертывай!»
Развернувши цвѣтно платице, слезно слякала:
«Ты убилъ моего брата, своего шурна!»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 92

210.

Собрался воръ Ванька разбойникъ,
Собрался на разбой.
Говорилъ воръ Ванька разбойникъ
Свои вѣрныя слова:
«Кто на встрѣчу ко мнѣ попадется,
Тому въ свѣтъ не спущу!»
На ту пору, на тотъ часъ ѣхаль
Съ Москвы парень молодой;
Онъ убилъ его, зарѣзалъ,
Срубилъ голову ему.
Пріѣзжаетъ Ваня ко двору,
Жена его ходитъ по двору...
«Отворяй, жена, ворота,
Встрѣчай молодца во дворъ!
Принимай, жена, гостинецъ,
Не развертывай его!»
Не стерпѣвши своего сердечка,
Посмотрѣла на гостинецъ я его...
«Ой ты, с...ъ сынъ, шельмецъ, разбойникъ!
Что ты сдѣлалъ надо мной?!
Ты убилъ, подлецъ, зарѣзалъ,
Убилъ брата моего!» /

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Прокунинъ, № 22. Каждый
второй стихъ повторяется.

211.

Какъ послала меня моя матушка,
Она все стогнаючи;
Породила меня государыня,
Она умпраючи...
Какъ съумѣлъ меня родименькій батюшка,
А онъ уснопть-ускормить;
Не съумѣлъ меня родименькій батюшка,
А онъ замужь выдати.
Какъ не отдалъ меня родименькій батюшка
За князя полковничка,
А отдалъ меня родименькій батюшка
За вора-разбойничка.
Какъ со вечера воръ-разбойничекъ,
А онъ сталъ коня сѣдлатъ;
Со полупочи воръ-разбойничекъ,
А онъ сталъ съ двора сѣвзжать.
Какъ узѣхалъ воръ-разбойничекъ,
А онъ на высокій курганъ;
Какъ и свиснулъ воръ-разбойничекъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Солетайтесь, орлы сизокрылые,
Вы, братцы-товарищи!»...

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. III, стр. 78.

212.

Полоса моя, полосонька,
Полоса моя не нахая,
Не нахая, не борюеная!

Заросла моя полосонька
Тонкимъ ельничкомъ, березничкомъ,
И горькимъ мелкимъ осинничкомъ...
Изъ того ль горька осинничка
Выбѣгала лошадь добрый конь;
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, торопится,
Самъ головушкой помахиваетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ.

На Дунаѣ дѣвка мылася бѣло,
Она мылася, бѣлплася,
Она мылася, румянилася;
Нарумянившись, заплакала пошла.
Жалобу творить на батюнику,
На родиму свою матушку:
«Не за ровню замужъ отдала,
Не за ровню — за разбойника,
За разбойника-становщика.
Онъ со вечера добра коня поплъ,
Со полуночи въ разбой вступилъ.
Воротившись, зычнымъ голосомъ кричить:
Отворяй, жена, воротнички,
Принимай братца родимаго,
Моего шурина любимаго!»

Сибирь. Гуляевъ, стр. 99.

213.

Модь горою шла,
Грамотку нашла,
Распечатала,
Сама заплакала.
Мой-еть милый другъ
Во постелюшкѣ!

Что постелюшка—
Мать сыра земля,
Что зголовнице—
Грובה доска...
Ты не хочешь ли
Чаю, кофею?
Я хочу, хочу
Холодной воды,
Холодной воды
Со Дунай-рѣки!
Мы пойдемъ, дружокъ,
Разметемъ лужокъ,
Разметемъ лужокъ
Зеленешенекъ,
Заведемъ кружокъ
Веселешенекъ!
Ты со скрипочкой,
А я со сплясочкой...

Куды сватали,
Туды не отдали...
Отдалъ батюшка
За разбойника,
За разбойничка,
Впуть-дорожничка...
Какъ со вечера
На разбой пошелъ;
Ко бѣлой зарѣ
Мужъ домой идетъ.
«Ты вставай, жена,
Воздувай огня,
Воздувай огня,
Принимай коня,
Коня ворона—
Отца роднаго,
Отца роднаго,

Брата-сокола,
Лисью шубушку—
Сестрицу голубушку!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, № 3 («обыден-
ная»). Послѣ каждаго двухъ стиховъ пришесть: Ой ли, ой ли, съ
повтореніемъ втораго стиха.

214.

Ой ты, нанѣ батюшка тихій Донь,
Ой, что же ты, тихій Донь, мутнехонекъ течешь?
—Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи!
Со дна меня, тиха Дона, студсны ключи бьютъ,
Посередъ меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутить,
Поверхъ меня, тиха Дона, три роты прошли:
Ай, первая рота шла, то донскіе казаки,
Другая рота шла, то знамена пронесли,
А третья рота шла, то дѣвица съ молодцомъ...
Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
«Не плачь, не плачь, дѣвица, не плачь, красная моя!
Что выдамъ тебя, дѣвица, я за вѣрнаго слугу;
Слугъ будешь ладушка, мнѣ—миленькій дружокъ,
Подъ слугу будешь постелю стлать, со мной вмѣстѣ
спать!»

Что взговоритъ дѣвица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка, тому—миленькій дружокъ,
Подъ слугу буду постелю стлать, съ слугой вмѣстѣ
спать!»

Вынимаетъ молодець саблю острую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйную голову
И бросилъ онъ ее въ Донь во быструю рѣку.

Нѣсепникъ 1780 года, часть I, стр. 145; — Весельчакъ на
досугъ 1797 года, часть I, стр. 178.
Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 88
[«казаки»].—Донецкая область. Савельевъ, стр. 145.

215.

Охъ, Донъ, ты, мой Донушка, тихенькїи Денокъ!
Охъ, что же ты, Донушка, не весель стоншь?
—Охъ, какъ же мнѣ, Донушкѣ, да весельмъ быть?
Какъ по мнѣ, по Донушкѣ, да три партїи шло:
Какъ первая партїя—донскїе казаки,
А другая партїя—завдалые молодцы,
А третья-то партїя—везуть дѣвушку,
Везуть, везуть дѣвушку, везуть, везуть красную.
Плачетъ, плачетъ дѣвушка, что рѣка лїетя;
Увѣймаеть дѣвушку большої-набольнїї:
«Не плачь, не плачь, дѣвушка, не плачь, не плачь,
красная!

Отдамъ тебя, дѣвушка, замужъ за слугу;
Слугѣ будешь ладушка, а мнѣ милый другъ;
По слугу постелю стлать, со мной будешь спать!»—
—«Не рѣчь, не рѣчь, молодець, да не рѣчь говоришь!
Кому буду ладушка, тому—милый другъ;
По кого постелю стлать, я съ тѣмъ буду спать!»

Курская губернія, Новооскольскїи уѣздъ. Русскїи Филологическїи Вѣстникъ 1884 года, № 2.

216.

На горѣ, горѣ, полугорѣ *Тамъ*
Стояла корчма, корчма польская,
Корчма польская, королевская.
Какъ во той во корчмѣ
Да два молодца пьютъ,
(Полякъ да казакъ.)
Полякъ водку пьетъ,
Дукаты кладеть;
Казакъ водку пьетъ,

Ничего не кладеть,
Шинкарку манеть:
«Да поѣдемъ, шинкарочка,
Къ намъ на тихій Донъ!
Какъ у насъ на Дону—
Не по вашему:
Не ткуть, не прядуть,
Хорошо ходють...»
Прельстплась шинкарочка
На казачьи слова,
И садплась шинкарочка
Кошо за бедра.
Да повезъ онъ шинкарочку
Во темны лѣса;
Повѣсплъ шинкарочку
Онъ на сосенку;
Зажегъ казакъ сосенку
Снизу до верху.
Сосенка горитъ,
Шинкарка кричитъ:
«Да донскіе казаки
Всѣ обманцики!»—
— «А вотъ тебѣ, шинкарочка,
Да нашъ тихій Донъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 124.—Очень сходная пѣсня:
Альбрехтъ, № 70.

217.

На горѣ, горѣ,
На всей красотѣ,
Стояла харчма,
Харчма польская,
Королевская.
Во этой харчевничкѣ

Три молодца пьютъ:
Русакъ, да полякъ,
Да съ Дону казакъ.
Русакъ вино пьетъ,
Денежки даетъ;
Полякъ вино пьетъ,
Червонцы даетъ;
Казакъ вино пьетъ,
Денегъ не даетъ,
Ханчку зоветъ:
«Поѣдемъ же, Ханчка,
Къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону—
Не по здѣшнему:
Не ткуть, не прядутъ,—
Хорошо ходютъ,
Пашеньку не папуть,—
Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ...»
Согласна же Ханчка
На его слова.
Собирала же Ханчка
Худо и добро,
Худо и добро,
Злато-серебро.
Вхала Ханчка
Не дорогою,
Все темнымъ лѣсомъ.
Завезъ онъ Ханчку
Во сырой во боръ;
Привязалъ онъ Ханчку
Ко сухой соснѣ;
Зажегъ онъ сосенку
Съ низу до верху.
Сосенка горитъ,
Ханчка кричитъ:

31 - *Сказка про
русскаго казака*

*Ханчка
Ханчка
Ханчка*

«Ау, ау, ау!
Кто есть во бору?
Ханчка, горю!»—
—«Вотъ тебѣ, Ханчка,
Нашъ тихій Донъ!
Не тка, не пряди,—
Хорошо ходи,
Пашню не пашь,—
Сосенку гложь!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, № 67 («обы-
денная»).

218.

На горѣ, горѣ было на крутой,
Стояла корчма весьма высока.
Во той во корчмѣ шинкарка живетъ;
Шинкуеть шинкарочка тремя поїлами,
Тремя поїлами, а все разными:
Пивомъ да виномъ да сладкимъ медомъ.
У этой шинкарочки три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ, три удалыхъ:
Тулякъ да полякъ, со Дону казакъ.
Тулякъ пиво пьетъ,—денежки даетъ;
Полякъ меды пьетъ,—червонцы кладетъ;
Казакъ водку пьетъ,—денегъ не даетъ,
Самое шинкарочку съ собою зоветъ:
«Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихіи Донъ!
У насъ на Дону—не по вашему:
Не ткуть, не прядутъ,—во шелку ходятъ;
Не панутъ, не сѣютъ,—бѣлый хлѣбъ ѣдятъ,
Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ, медъ-горѣлку пьютъ...»
Сдавалась шинкарочка на его слова,
На его слова, на ласковыя.

Повезъ онъ шинкарочку къ себѣ въ тихій Донъ,
Привезъ онъ шинкарочку къ себѣ въ тихій Донъ...

«Зачѣмъ ты, казаченька, обмануль меня?»

Сказаль ты, казаченька: не ткуть, не прядуть,

Не ткуть, не прядуть,—во шелку ходять,

Не пануютъ, не сѣютъ,—бѣлый хлѣбъ ѣдятъ,

Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ, медъ-горѣлку пьютъ!»

Осерчалъ казаченька на эти слова;

Посадилъ шинкарочку во колясочку,

Повезъ онъ шинкарочку во сыренькій боръ,

Привезъ онъ шинкарочку во сыренькій боръ,

Привязаль шинкарочку къ толстой сосенкѣ,

Зажегъ же казаченька толсту сосенку,

Толсту сосенку съ корня до верху.

Сосенка горитъ, шинкарочка говоритъ:

«Зачѣмъ ты, казаченька, привязаль меня?»—

— «Затѣмъ привязаль тебя,—мудрена больно!»

Записана въ Мезенской губерніи, Мезенскомъ уѣздѣ. Пальчиковъ, № 49.

219.

На горѣ, горѣ
Стояла корчма.
Во этой корчмѣ
Красна дѣвица жила.
Торговала дѣвица
Цивомъ да виномъ,
Да сладкимъ медомъ.
Привязали къ дѣвицѣ
Три кунца.
Первой-отъ кунецъ—
Съ поля полевецъ;
А другой-отъ кунецъ—
Изъ града граданищъ;

Третій-сть купецъ—
Со Дону казакъ.
Первый купецъ пилъ,
Денежки платилъ;
Другой купецъ пилъ,
Денегъ не платилъ;
А третій купецъ пилъ,
Да дѣвицу поилъ,
Дѣвицу поилъ,
Да съ собою ее манилъ:
«Поѣдемъ-ка, дѣвушка,
Къ намъ на Донъ!
У насъ на Дону—
Не по вашему:
Не ткуть, не прядуть,
Всеѣ одѣты живутъ!»
Красна дѣвица сплась,
На его слова сдалась...
Вывозили дѣвушку
Съ шпрока двора,
Съ широка двора
Во чистыя поля;
Изъ чистыхъ полей
Во темные лѣса.
Взяли привязали
Дѣвушку къ сосенкѣ;
Зажигали сосенку
Снизу до верху.
Сосенка горитъ,
Красна дѣвица дуритъ:
«Есть ли кто въ бору,
Отвяжи меня младу!»
Не было въ бору,
Кромѣ пастушка,
Да и тотъ помочь

Дѣвицѣ не хотѣлъ.
Сосенка сгорѣла,
Красна дѣвица пстѣла;
Душуль вѣтерокъ
И развѣяль пепелокъ.

Вологодскій уѣздъ. Иванецкій, стр. 31.

220.

Говорять про Персію,
Что богатая;
Она не богатая,—
Распроклятая.
Черезъ эту Персію
Дорожка лежитъ;
При этой дороженькѣ
Корчажка стоитъ;
Во этой корчаженкѣ
Три молодца пьютъ:
Полякъ и пруссакъ,
Братцы, и гребенской казакъ.
Полякъ, братцы, водку пьеть,
Монеты кладеть;
Пруссакъ, братцы, водку пьеть,
Червонцы кладеть;
Гребенской казаченька,
Онъ пить-то не пьеть,
На выдумку бьеть,
Молодую шинкарочку
Съ собою зоветъ:
«Поѣдемъ, шинкарочка,
Со мной на Кавказъ!
У насъ на Кавказѣ—
Не по нашему:

Не ткуть, не прядутъ,—
Дѣвки хорошо ходятъ...»
Сдавлася шинкарочка
На его слова;
Садилася шинкарочка
Верхомъ на коня,
Верхомъ на коня,
Братцы, позади сѣдла.
Повезъ казакъ шинкарочку
Во темный лѣсокъ;
Привязалъ онъ шинкарочку
Ко сосниночкѣ;
Онъ зажегъ сосниночку
Съ низу до верху.
Соснянка, братцы, горитъ,
Шинкарка кричитъ...

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, вып. XV, стр. 294.

221.

Во лѣсахъ-то, во лѣсахъ во дремучихъ,
Во горахъ-то, во горахъ во нещорыхъ,
Стоитъ корчма польская, корчма королевская.
Во той во корчмѣ шинкарка живетъ,
Шинкуетъ шинкарочка пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ, сладкимъ медомъ.
У той шинкарочки три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ, три удалые:
Полякъ и солдатъ и донской казакъ.
Полякъ, солдатъ пьютъ,—монеты кладутъ;
Казаченька пьетъ, денегъ не даетъ,
Младую шинковочку онъ съ собой зоветъ:
«Пойдемъ-ка, шинковочка, къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону—не по вашему:

Не ткуть, не прядутъ,—все въ шелку ходять;
Пашеньку не пашутъ,—калачи ѣдятъ...»
Польстилась дѣвушка на его слова,
Пошла, пошла красная съ нимъ на тихій Донъ.
Завель казакъ дѣвушку во темный во лѣсъ,
Привязалъ красавицу ко сухой соснѣ.
«Вотъ тутъ у насъ, дѣвушка, славный тихій Донъ,
Вотъ тутъ не тка, не пряди,—во шелку ходи,
Пашеньку не паша,—да сосенку гложки!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордочева, стр 67.

222.

Ты, корчма, корчма,
Корчма польская,
Корчма польская,
Королевская,
Стоишь на горѣ,
На всей красотѣ...
Во той во корчмѣ
Шинкарка сидитъ,
Шинкарка сидитъ
Молоденькая
И хорошенькая;
Шинкуеть шинкарочка
Пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ
И сладкимъ медомъ.
Во той во корчмѣ
Три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ,
Три удалыс:
Волохъ да полякъ,
Да донской козаць.

Волохъ вино пьетъ,—
Денежки даетъ;
Полякъ вино пьетъ,—
Червонцы даетъ;
Казакъ вино пьетъ,—
Денегъ не даетъ,
Денегъ не даетъ,
Шпикарку манить:
«Шпикарка, шпикарка
Молоденькая,
Молоденькая
И хорошенькая!
Поѣдемъ, шпикарочка,
Къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону
Не ткуть, не прядутъ,
Не ткуть, не прядутъ,—
Все вино пьютъ...»

Молодчикъ съ молодкою 1790 года, стр. 80.

223.

На горѣ, горѣ, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на всей красотѣ,
Стояла корчма, корчма польская,
Корчма польская, королевская.
Во той во корчмѣ шпикарка сидитъ,
Шпикарка сидитъ молоденькая,
Молоденькая, хорошенькая.
Во той во корчмѣ три молодца пьютъ:
Волохъ да полякъ, а третій казакъ.
Волохъ вино пьетъ,—червонцы даетъ;
Полякъ вино пьетъ,—серебро сулитъ;
Казакъ вино пьетъ,—денегъ не даетъ,

Томъ I.

20

Денегъ не дасть, шинкарку манить:
«Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону не ткуть, не прядутъ,
Не ткуть, не прядутъ,—все горѣлку пьютъ...»

Пѣсепникъ 1791 года, часть II, стр. 50.—Россійская Эрата
1792 года, часть III, № 25.—Пѣсепникъ 1819 года, часть II, стр. 31.

224.

На горѣ, горѣ стояла корчма,
Корчма польская, королевская.
Во той во корчмѣ шинкарка сидитъ;
Шинкуеть она пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ и сладкимъ медкомъ.
Приходили къ ней три молодчика:
Первый молодець—россійскій купецъ;
Второй молодець—изъ Польши полякъ;
Третій молодець—съ Дону былъ казакъ.
Купецъ вино пьетъ,—золотомъ дасть;
Полякъ вино пьетъ,—серебромъ дасть;
Казакъ вино пьетъ,—денегъ не дасть,
Денегъ не дасть, дѣвицу зоветъ:
«Поѣдемъ со мной къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону весело живутъ:
Не ткуть, не прядутъ, не сѣютъ, не жнутъ...»

Кашпикъ, вып. II, № 13 («полупротяжная»).

225.

Ой ты, корчма польская, королевская!
Ой, во той корчмѣ жидовка вдова,
А у той вдовы дочь Хайка была.
Привѣзжаетъ къ Хайкѣ младъ донской казакъ:

«Ой, Хайка, Хайка, поѣдемъ съ нами,
Поѣдемъ съ нами, съ донскими казаками!»—
—«Ой ты, милый мой, не въ пору ѣдешь;
Прѣзжай ты, милый, во суботній день:
Моя маменька до школы пойдетъ;
Пригоняй ты, милый, три подводушки!»
На первомъ возу перины лежатъ,
На другомъ возу злато-серебро,
А на третьемъ возу молодые сидятъ.
Пришла мать изъ школы...
«Ой, Хайка, Хайка, что ты сдѣлала!
Разорила въ конецъ мою ты корчму!
Ой, Хайка, Хайка, вернися!
Ой, Хайка, Хайка, простнися!»

Донская область. Савельевъ, стр. 125.

Paralldm }
226.

Соловей
Кукушка

Соловей кукушку подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Полетимъ мы, кукушка, во темни лѣса,
Мы соъемъ ли, кукушка, тепло гнѣздо,
И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, соловьятушекъ!»
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ, *
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Мы поѣдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Какъ Казань-городъ на краснѣ стоитъ,
Казанка-рѣчка медомъ протекла,
А малы ручьи зеленымъ виномъ;
По горамъ-горамъ высокіимъ
Лежатъ каменя самоцвѣтные;
По лугамъ-лугамъ по зеленыимъ
Растетъ трава шелковая...»—

— «Не обманывай, добрый молодецъ,
Я сама знаю, про то вѣдаю,
Что Казань-городъ на крови стоятъ,
А Казанка-рѣчка кровью протекла,
Малые ручьи—горючими слезами;
По горамъ-горамъ по высокіимъ
Лежатъ головы молодецкія,
Молодецкія, все солдатскія;
По лугамъ-лугамъ по зеленыимъ
Лежатъ кудри молодецкія,
Молодецкія, все казацкія...»

Пѣсенникъ 1780 г., часть II, стр. 150.—Вѣсенникъ 1788 г., часть II, стр. 171.—Кириѣвскій, вып. VI, стр. 16.—Очень сходная пѣсня: Отечественныя Записки 1840 г., часть VIII, сѣкъ, стр. 28

227.

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Полетимъ, кукушка, во темны лѣса,
Мы соведемъ съ тобою тепло гнѣздушко!»
Молодецъ дѣвцу подговаривалъ:
«Поѣдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Казань-городъ на красѣ стоятъ,
На красѣ стоятъ, на крутой горѣ;
Казаночка-рѣчка медова течеть,
Мелки ключики—зелено вино,
По лугамъ-лугамъ трава шелкова,
По горамъ-горамъ цвѣты алые,
Цвѣты алые, все лазоревы!»
— «Не обманывай, добрый молодецъ!
Я сама давно про то вѣдаю,
Что Казань-городъ на костяхъ стоятъ,
Казаночка-рѣчка кровава течеть,

Мелкии ключинки—горючи слезы,
По лугамъ-лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы,
Молодецкія, все стрѣлецкія!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. VI,
стр. 14.

228.

Соловей кукушку обманываль,
Опъ обманываль, подговариваль:
«Полетимъ, кукушка, во темны лѣса,
Во темны ль лѣса, во дремучіе,
Совьемъ, кукушка, съ тобой гнѣздышко,
Съ тобой гнѣздышко, съ тобой теплое,
Выведемъ, кукушка, съ тобой дѣтушекъ!»
Молодець дѣвицу обманываль,
Опъ обманываль, уговариваль:
«Поѣдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Что Казань-городъ во краѣѣ стоить,
А Казанка-рѣчка-то медомъ протекла,
По лугамъ-лугамъ шелкова трава,
По горамъ-горамъ тамъ все камушки,
Да все камушки разноцвѣтныя!»
—«Молодець, молодець, не обманывай,
Не обманывай, не подговаривай!
Я сама знаю, про все вѣдаю:
Что Казань-то городъ во крови стоить,
Что Казанка-то рѣчка кровью протекла,
Мелкіе ручьи—горючми слезьми,
По лугамъ-лугамъ да все волосы,
По горамъ-горамъ да все головы,
Да все головы разноличныя!»

Кирѣевскій, вып. VI, стр. 15.

229.

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговариваетъ, все обманываетъ:
«Полетимъ, кукушка, во сыры боры,
Мы совьемъ, кукушка, тепло пѣздышко,
И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, куколятунешекъ!»
Ой, у ключика у холоднаго
Молодецъ дѣвицу подговариваетъ,
Подговариваетъ, все обманываетъ:
«Мы, поїдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Какъ Казань-городъ на красѣ стоитъ,
А Казанка-рѣчушка медкомъ бѣжитъ;
По горамъ-горамъ да все камушки,
Да все камушки, все горючіе;
По лугамъ-лугамъ да все травушки,
Да все травушки, все шелковыя!»
— «Не обманывай, добрый молодецъ!
Я сама знаю, про то вѣдаю,
Что Казань-городъ на крови стоитъ,
А Казанка-рѣчушка кровью бѣжитъ,
По горамъ-горамъ все головушка,
Все головушки да все буйныя,
По лугамъ-лугамъ все черны кудри,
Все черны кудри молодецкія!»

Московская губернія, Звенигородскій уѣздъ. Кирѣевскій, выш. VI,
стр. 13.

230.

У колодичка было у холоднаго,
У ключа было у студенаго,
(Красна дѣвица воду черпала,

Добрыі молодець коня поплъ,
Красну дѣвушку подговаривалъ:
«Ты пойдѣ, дѣвица, за меня замужъ,
За меня замужъ, во Казань во городъ!
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
Казань-рѣчка тамъ медомъ течетъ,
И по полямъ-полямъ хлѣбороднымъ
Лежатъ камешки самоцвѣтные,
И по лугамъ нашимъ по зеленымъ
Все трава растетъ да шелковая!»
—«Не обманывай-ка, не заманивай,
Добрыі-ка молодець, не подговаривай!
И вотъ Казань-городъ не на горѣ стоитъ,
Вотъ Казань-городъ край рѣчки лежитъ!
Ваша рѣченька не медомъ течетъ,
Ваша рѣчка не сахаръ влечетъ;
И на поляхъ вашихъ хлѣбородныхъ
То не камешки самоцвѣтные,
И на лугахъ вашихъ что зеленыхъ
Не трава растетъ ли шелковая,
Не цвѣты вѣдь растутъ что лазоревые;—
Ваша рѣченька изъ слезъ течетъ,
Ваша рѣченька печаль волокетъ;
На поляхъ-поляхъ хлѣбородныхъ
Лежатъ головы человѣчески,
На лугахъ-лугахъ на зеленыхъ
Все трава растетъ что болотная!
Я сама въ Казань-городѣ вѣдь повыросла,
Я съ Казань-рѣченьки сама воду шла...
Ужъ ты, добрыі молодець, не обманывай,
Не обманывай меня, не подговаривай!
Ужъ нейдѣ я, дѣвица, замужъ за тебя,
Во Казань во городъ за тебя ли, молодца!»

231.

Красна дѣвушка воду черпала;
Добрый молодецъ, онъ коня пошлъ,
Онъ коня повѣлъ, подговариваль:
«Ты пойдѣмъ, дѣвица, въ нашъ Казань-городъ!
Нашъ Казань-городъ на красѣ стоитъ,
На красѣ стоитъ, на угожествѣ;
Казань-рѣченька медомъ протекла,
Мелки ручейки—зеленымъ виномъ;
По горамъ-горамъ по высокіимъ
Лежатъ камушки самоцвѣтные;
По лужкамъ-лужкамъ по зеленымъ
Растетъ трава все шелковая;
На травѣ цвѣтутъ цвѣты лазоревы;
По лѣсамъ-лѣсамъ по дремучимъ
Бѣжатъ купы заморскія...»—
—«Не обманывай, добрый молодецъ!
Я во Казань-городѣ была рожена,
Въ Казань-рѣченькѣ была купана...
Нашъ Казань-городъ на пожѣ стоитъ,
Казань-рѣченька кровью протекла,
Мелки ручейки—горючми слезми;
По горамъ-горамъ по высокіимъ
Не камушки самоцвѣтные—
Лежатъ головы человѣчески;
По лужкамъ-лужкамъ по зеленымъ
Не трава растетъ шелковая—
Лежатъ волоса человѣчески;
По лѣсамъ-лѣсамъ по дремучимъ
Не купы бѣжатъ заморскія—
Бѣжатъ волки бѣдучіе.»

Одонецкая губернія. Студитскій, стр. 33 («продольная»). Каждый стихъ повторяется.

232.

У колодеца было да у студенаго,
У того ключа да подземельнаго,
Красна дѣвица да воду черпала,
Добрый молодець коня поилъ;
Онъ коня поилъ да коня добраго,
Онъ красну дѣвчину да обманывалъ,
Обманывалъ, подговаривалъ:
«Ты иди, дѣвица, за меня замужъ,
За меня замужъ во Казань-городъ!
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
Казань-рѣченька да медомъ течеть,
Мелки ручейки да зеленымъ виномъ;
По горамъ да по высокимъ
Лежать камешки да самоцвѣтные;
По лугамъ да по зеленымъ
Трава растеть да вѣдь шелковая;
На травѣ цвѣтуть цвѣты лазуревы;
По лѣсамъ да лѣсамъ темнымъ
Дороги звѣри—куны заморекія;
Еще съ-по морю, морю синему,
Пѣз-по синему морюнку турецкому...»
Туть онъ хвастаетъ своимъ житьемъ-бытьемъ:
«Ужъ у меня по морю-то ходитъ тридцать кораблей;
Какъ одинъ-то корабль изукрашенъ былъ:
Еще корма да носъ излажены по турецкому,
Еще парусы на корабляхъ камчатые,
Снурочки на корабляхъ шелковые,
Мѣсто глазъ-то было еще вставлено
По дорогому по камню по яхонту,
Мѣсто бровь-то было да проведено
По дорогой кунницѣ по заморекой...»

—«Не подговаривай же, добрый молодецъ, не обманывай!»

Я сама знаю, сама вѣдаю
Про славный вашъ про Казань-городъ!
Въ Казань-городѣ я родилася,
Въ Казань-рѣченькѣ я крестилася,
Въ мелкихъ ручейкахъ бѣло мылася...
Казань-рѣченька водой течеть,
Мелки ручейки да горячми слезьми;
По горамъ вашимъ высокѣмъ
Не камышки да самоцвѣтные,
Лежатъ головы да все буйныя;
На лугахъ трава не шелковая,
Растетъ травонька да все болотная;
По лѣсамъ да вашимъ темнымъ
Звѣри да все съѣдучіе,
Зміи да все клевучіе;
Изъ-по морюнку по турецкому
Ходятъ корабли все да шведскіе...
По пустымъ ты, добрый молодецъ, расхвастался,
Я замужъ пойти да тутъ не вздумала!»

Шейнъ (Чтенія), стр. 40.

233.

А въ теремѣ, а въ высокомъ
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ: —
«Мы поидемъ, дѣвица, а въ Казань-городъ!
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
На всей красотѣ;
По горамъ-горамъ а все камешныя,
Разноцвѣтныя;
Казанка-рѣчка медомъ протекла;
Малые ручсечки—бѣлымъ сахаромъ;

По дугамъ-дугамъ а все травушка,
Все муравушка, все шелковая.»
— «Ахъ, бездушный ты, добрый молодець,
Халауинная твоя голова!
Я сама знаю, сама вѣдаю:
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
На всей пропастн;
Казанка-рѣка кровью протекла;
Малые ручеечки—кровь горячая;
По дугамъ, дугамъ не травушка,
Не шелковая... молодецкая!»

Якушкинъ, стр. 635.

234.

Мли солдатушки слободой,
Манятъ дѣвушекъ за собой:
«Вы пойдите-ка, дѣвушки, съ нами,
Съ нами, добрыми молодцами,
Не далече—до Казани!
Во Казани-то жить привольно,
Жить привольно, гулять охотно;
У насъ денсжекъ предовольно,
У насъ домки пребогаты—
Бѣлокаменные стоятъ палаты;
Межъ домами-то текетъ рѣчка,
Течетъ рѣченька медовая,
По ней струечка золотая!»
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовъ;
На кусточкѣ соловейко,
Соловейюшка сидитъ, громко свищеть,
Громко свищеть онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:

«Не сдавайтесь вы, дѣвки красныя,
На солдатскія на обманки:
У солдатушекъ дома—горы,
Дома—горы каменисты;
Межъ домами-то текеть рѣчка,
Текеть рѣченька да кровяная,
По ней струечка слезяная!»

Коза, Архангельской губернии. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 17.

235.

Мли матросы,
За матросами солдаты,
За солдатами обозы;
Они шли-прошли слободою;
Идетъ дѣвушка за водою;
Зовутъ дѣвушку за собою:
«Пойдемъ, дѣвушка, съ нами,
Съ нами до Казани:
Отъ Казани Питеръ не далече;
У насъ во Питерѣ жизнь—приволье,
У насъ горюшки сахарныя,
У насъ ключики медовые!»
— «Солдатушки, вы не обманывайте!
Я сама, дѣвушка, про то знаю:
У васъ горюшки головныя,
У васъ ключики кровавые,
У васъ бережки ледяные!»

Кирѣевскій, вып. VI, стр. 19 (статьяная).

236.

О Питерской дорожкѣ ѣхали обозы,
За обозами шли матросы,
Матросики молодые,
Не женаты, холостые.
Въ эту пору вышла дѣвушка за водою,
За холодной ключевою.
Матросики дѣвущикѣ говорили:
«Ты поѣдемъ, дѣвушка, съ нами,
Съ нами, молодцами!
У насъ жить-то, дѣвушка, привольно,
Питья-кушанья довольно,
У насъ горы не крутыя,
У насъ рѣчечка Казанка,
По ней струйка золотая!»
Какъ одинъ-то матросъ дѣвущикѣ говорилъ:
«Не сдавайся-ка, дѣвушка, на басни,
На солдатскіе обманы!
У насъ жить-то непривольно,
Питья-кушанья-то недовольно,
У насъ горы-то крутыя,
Въ горахъ камешки простыя,
Прошла рѣчка слезяная,
По ней струйка кровавая!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 135. Семейная протажная. —
Кириевскій, выш. VI, стр. 18.

237.

Ули-прошли обозы,
За обозами матросы;
Они или-прошли слободою,
Звали Дуношку съ собою:

«Пойдемъ, Дуняшка, пойдемъ съ нами!
У насъ, Дуняшка, жить привольно,
Работать у насъ охотно,
У насъ дома все каменные,
Текутъ рѣчки медовыя,
У насъ горы восковыя,
Въ горахъ камни дорогіе!»
—«Не обманывайте, солдаты!
Я сама про все про то знаю:
У васъ домики—палатки,
У васъ горы—земляныя,
Въ горахъ камни все простыя,
Текутъ рѣченьки слезовыя!»

Тверская губернія. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 19

238.

Какъ по Московской было по дорожкѣ,
Шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
За солдатами шли матросы,
Матросы молодые;
Звали дѣвокъ за собой:
«Вы пойдете, дѣвки, съ нами,
Съ нами, съ молодцами,
Со донскими казаками!
Какъ у насъ въ Москвѣ житье привольно,
Золотой казны довольно,
Тутъ текутъ рѣчки медовыя,
Круты горы золотыя,
Во горахъ камни золотые!»...
«Не склоняйтесь, дѣвки, на балы,
На солдатскіе на обманы!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 20.

239.

Какъ по Питерской было по дорожкѣ,
Тутъ шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
Солдатушки молодые, новобранны;
Они шли-прошли слободою,
Звали дѣвушекъ съ собою:
«Вы пойдете, дѣвки, съ нами,
Съ нами, добрыми молодцами,
Со уральскими козаками!
У насъ дѣвушкамъ жить привольно,
Горы, доли у насъ золотые,
Во горахъ камни дорогіе,
Бѣжить рѣчушка медовая,
По рѣчушкѣ растеть калина
И сладка ягода малина.»

Симбирская губернія, Сенгилеевскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып VI,
стр. 21.

240.

Во дороженькѣ по Московской
Шли-прошли два извоза,
За извозами молоды ребята,
Разхорошіе, бѣлы, кудреваты,
Кудреваты, съ роду не женаты;
Они шли-прошли городамъ, селамъ;
Они звали дѣвушекъ со нами:
«Вы пойдете, дѣвушки, со нами,
Что со нами, съ томскими кушцами!»
Они шли-прошли со мать-Тюмени;

Во Тюменшкѣ есть купцы богаты,
У этихъ же есть дѣвушки хороши....

Тюменская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 99
(«проголосная»).

241.

Ой, подь сосною, подь кудрявою,
Ой, подь грушею кучерявою,
Соловей въ саду та вывистувасть.
Парень дѣвушку та выкликувасть:
«Ой, пойдѣмъ, дѣвка, у Смолнѣ-городѣ!
А Смолнѣ-городѣ на высу стоить,
На всей высости, на всей крѣпости;
Все по горахъ маки цвѣтуть,
Ой, цвѣтуть маки все червонныя,
Ой, бѣжать рѣки все медовыя,
Ой, растутъ травы все шелковыя.»—
—«Брешень ты, Обазнѣ сынь!
А Смолнѣ-городѣ я давно знаю;
Я въ Смолнѣ-городѣ родилася.
А Смолнѣ-городѣ на низу стоить,
На всей низости, на всей крайности;
Все по горахъ не маки цвѣтуть,
А лежать тѣла все мертвовыя,
А бѣжать рѣчки все кровавыя,
Ой, растутъ травы волосяныя...»

Харьковская губернія, Богодуховскій уѣздъ. Русская Старина
1879 года, № 10, стр. 351.

242.

Подь горою вѣтеръ вѣетъ,
Дѣвчочка ржицу сѣетъ,
Она сѣетъ, высѣвасть,

Драгунъ дѣвку умоляетъ:
«Пойдемъ, дѣвка, поїдемъ съ нами,
Съ молодыми драгунами!
Будемъ жити-поживати,
Съ отцомъ-матерью шниковати!...
Твоя мати чаривница,
А сестрица разлучница:
Разлучила насъ съ милою,
Какъ рыбацу со водою,
Бѣлую щуку со окунцами,
Красную дѣвку съ молодцами»....

Орловская губернія, Малоархангельскій уездъ. Якушкинъ, стр. 613.

243.

Бережкомъ идутъ казанцы,
Шли казанцы, астраханцы;
За собою вѣдутъ дѣвокъ.
Вы садитесь, дѣвки, въ сань,
Вы поѣдемъ, дѣвки, съ нами,
Съ нами, съ нами, съ молодцами,
Съ астраханскими кунцами!
Какъ у насъ было въ Казани,
Много всякаго товару,
Конопляно,— не вервяно,
Посконное,— не ленное.

Чердынский уездъ. Поповъ, стр. 101. После каждаго стиха врипѣлъ:
Ай ли, ай ли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

244.

Передъ нашими воробты,
Передъ нашими широки,
Передъ нашими широки

Томъ I.

Разыгрался робята,
Все робята молодые,
Молодые, холостые;
Они шуточку спутили:
Во новы сѣвички вскочили,
Во новы сѣни вскочили,
Новы сѣни подломили,
Новы сѣни подлѳмили,
Красну дѣвку подманили,
Красну дѣвку подманили,
Въ новы сани посадили...
«Ты садися, дѣвка, въ сани,
Ты поѣдешь, дѣвка, съ нами,
Съ нами, съ нами, молодцами,
Съ понизовыми бурлаки!
У насъ жить будетъ добренько:
У насъ горы золотыя,
У насъ горы золотыя,
Въ горахъ камни дорогіе...»
На обманъ дѣвка сдалася,
На бурлацкіе пожитки.
А бурлацкіе пожитки
Что добры да не велики,
Что добры да не велики—
Одна лямка да котомка,
Одна лямка да котомка,
Еще третья-то оборка!

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 183.

245.

Во славномъ было городѣ Кронштатѣ,
Гостинный сынъ по улицѣ гуляеть,
И онъ носить красно золото на цѣвкѣ,

Окатистый крупный жемчугъ на атласѣ...
Изъ высокаго пзъ новаго терема
Увидѣла душа красная дѣвица:
«Ахъ ты, душечка удалый добрый молодецъ!
Ты продай, продай красно золото на цѣвкѣ,
А окатистый крупный жемчугъ на атласѣ!»
Да что взговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Ахъ ты, душечка, душа красна дѣвица!
Красно золото на цѣвочкѣ нечисто,
А окатистый крупень жемчугъ не крупень...
Приходи, красна дѣвица, къ синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю,
Какъ въ городѣ люди приумолкнуть,
А въ теремѣ свѣчки пригаснуть,
И батюшка съ матушкой спать лягутъ...»
Красна дѣвица по свѣтлицѣ ходила,
Она буйную свою голову чесала,
Русую свою косу заплетала.
Пошла красна дѣвица къ синему морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю...
Гостинный сынъ по бережку гуляетъ;
Онъ душу красну дѣвицу дожидаетъ;
Принимаетъ красну дѣвицу подъ ручки,
Беретъ ея за золоты за перстни.
Повели красну дѣвицу во корабликъ,
Посадили красну дѣвицу на стуликъ,
Подносили красной дѣвицѣ сладкой водки;
(Напоили красну дѣвицу допьяна.
Позвопла дѣвица почивати
У гостинаго у сына на кровати...
Гостинный сынъ по кораблику гуляетъ
Молодымъ матросамъ повелѣваетъ:
«Ахъ вы, свѣтъ мой бурлаки молодые!
Вы отвязывайте корабликъ, не стучите,
Душу красную дѣвицу не будите!»

Среди моря дѣвица пробудилась,
Пробудившись, дѣвица стала плакать:
«Ахти, я передь Богомъ согрѣшила,
Отца и мать на вѣки прогнѣвила!»
Гостинный сынъ по кораблику гуляетъ,
Въ звончаты свои гуселочки играетъ,
Опъ душу красну дѣвицу забавляетъ:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица!
Ужъ какъ Богъ пась донесетъ съ тобой въ нашъ
городъ,

И я буду просить у батюшки благословенья
На тебѣ, на красной дѣвицѣ, жениться;
Какъ станемъ мы съ тобою жить во любви,
Огнущу тебя къ твоему батюшкѣ побывати,
На своей тебѣ сторонникѣ погуляти...»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 64.

246.

Не вечерняя заря, братцы, пріутухла,
Полуночная звѣзда, братцы, восходила...
Что во славномъ было городѣ Казани,
Что на крутенькомъ на красномъ бережочкѣ,
Что на желтомъ на сышучемъ на песочкѣ,
Тутъ не черныя брони солетались,—
Собирались понизовые бурлаки;
Они думали крѣпкую думушку за-одно.
«Ахъ, состронмъ мы, робятушки, гребной стружокъ,
И подѣлаемъ заключники кленовые,
Изнавѣнемъ мы веселочки ветловыя,
Что мы грянемъ, робятушки, внизъ по Волгѣ,
Остановимся, робятушки, среди Волги,
Супротивъ того столярникова дому!»
Что у столярничья прикащика дочь хороша;

Что прослася дочь у батюшки погуляти:
«Ай, пусти, пусти меня, батюшка, погуляти,
Поппзовыхъ-то бурлаковъ поглядѣти!»
Поппзовые бурлаки злы, лукавы,
Напопли красну дѣвицу допьяна...
Ужъ какъ та ли красна дѣвица уснула,
У повольскаго атамана на колѣнахъ.
Да что взговорить повольскій атаманъ:
«Что мы грянемте, робятушки, внизъ по Волгѣ,
Чтобы не было отъ стольника погоня!»
Ого сна ли красна дѣвица пробудилась,
И за-очи съ отцомъ, съ матерью простилась:
«Ты прости, прости, мой батюшка родимый!
Ты скажи отъ меня матушкѣ челобитье!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 153. — Весельчакъ на досугъ 1797 года, часть I, стр. 186.

247.

Какъ подъ липой, подъ липой,
Подъ кудрявой зеленой,
Сидѣлъ молодецъ такой, /
Держалъ гусли подъ полой.
Ахъ вы, гусли, мои гусли,
Вы, гусслечки мои!
Разыграйте, гусли, мысли,
А я пѣсенку спою
Про жепитьбу про свою,
Какъ женила молодца
Чужа дальня сторопа,
Макарьевска ярмонка!
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
Близъ гостиннаго двора,

У Софронова кунца,
Солучилася бѣда,
И не малая,
Что не сто рублей пропало
И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его—
Дуна Катенька.
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По Макарьевскимъ нескамъ;
И нашли эту пропажу
У Машкова на дворѣ,
Въ новой банѣ на полкѣ.
Ея буйная головушка—
Испроломанная,
Ея русая коса—
Вся растрепанная,
Цвѣтно платье—
Все изорванное,
Все изорванное,
Все издерганное.
Вотъ и самъ-отъ побѣдитель
Подъ окошечкомъ сидитъ;
Таки рѣчи говорить:
«Не ко мнѣ ли гости ѣдутъ,
Не меня ли хотятъ брать?»
Какъ по первой по порогѣ
Трои саночки катятъ,
И звенять, и гремѣть,
Лишь копыточки стучать.
Приворачивай, ребята,
Къ Акулиному двору!
Акулинушка бѣжитъ,
На ней платице шумитъ...

Акулинушка, постой,
Красавица, подожди;
Отвори-ка ворота,
Отпускай-ка молодца!
Ужь какъ взяли молодца,
Подхватили удалца,
Посадили въ крѣпку горенку—
Въ каменный острогъ...

Костромская губернія. Отечественныя Записки 1841 года, томъ
XVIII, смѣсь, стр. 11.

248.

Подъ грушой
Да подъ яблоней
Сидѣлъ молодецъ такой,
Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Держалъ гусли подъ полой,
Да подъ правой стороной.
Заиграйте вы, гусли,
Гусельки мои,
Да звончатя!
Я вами пѣсенку свою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца
Чужедальная сторона,
Чужедальная сторонка—
Макарьевская ярмонка!
Какъ у насъ было, ребята,
У Макарья да во ярмонкѣ,
У гостпнаго двора,
У Софронова купца
Солучилася бѣда,

Да не маленькая;
Что не сто рублей пропало,
И не тысяча,—
Запропала, запропала,
Дочь любимая его.
Что искали ту пропажу,
По болотамъ, по кустамъ,
По зеленымъ лугамъ,
По Макарьевскимъ степямъ;
Вотъ нашли же ту пропажу
У сосѣда на дворѣ,
Въ новой банѣ на полкѣ.
У ней головушка проломана,
Руса косонька распущена,
Гребенушка изломана,
Платьице изорвано,
Рубашеночка изодрана...
Вотъ и самъ разбойничекъ
Да сидитъ подъ окошечкомъ,
Таки рѣчи говорить:
«Не ко мнѣ ли въ гости ѣдутъ,
Не меня ли во бесѣду звать?»
Вотъ и взяли молодца,
Посадили молодца,
Да во новую клетушку
Да за рѣшетушку...

Пермская губернія. Шиншенико, стр. 236. — Очень сходная пѣсня
(Тверская губернія, Новоторжскій уездъ; Шейнъ, стр. 192 («Иль-
савал»).

249.

Подъ яблонью зеленою,
Подъ кудрявой зеленой,
Сидѣть молодецъ такой,

Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Держаль гусли подьолой.
Разыграйтесь, гусли-мысли,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца
Чужа дальня сторона,
Чужа дальняя сторонка—
Макарѣвска ярмонка!
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
У Софонова кушца,
Близъ гостпнаго двора,
Солучилася бѣда,
Что бѣда, бѣда, бѣда,
Что не маленькая,
Что не сто рублей пропало
И не тысяча рублей,—
Пропадала у него
Дочь любимая его,
Дочь любимая его—
Свѣтъ-Евгеньюшка душа.
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По болотамъ, по лѣсамъ,
По ракиновымъ кустамъ.
Отыскалась та пропажа
Во Кунавинѣ селѣ,
У Мошкова во дворѣ,
Въ новой банѣ на полѣ.
Ея буйная головушка—
Проломленная,
Черепехова гребеночка—
Расколотая,

Ея русая коса—
Порастрепаная;
На Евгеньюшкѣ цвѣтно платье—
Изорванное;
Коленкорова рубашечка
На гвоздикѣ висить;
Золота ея цѣпочка
На окошечкѣ лежитъ....
Погубитель-то ея
Самъ въ окошечко глядитъ,
Самъ въ окошечко глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Не за мной ли пара ѣдетъ,
Не меня ли въ гости звать,
Не меня ли въ гости звать,
Въ кандалы меня ковать?
На то мальчикъ догадался,—
Нанялъ тройку лошадей,
Нанялъ тройку лошадей,
Себѣ вороныхъ коней;
Даль я кучеру на водку:
Поѣзжай, кучерь, скорѣй!
Кучерь возжи разобралъ,
Самъ онъ пѣсенку запѣлъ...
Корешная—рысью, рысью,
Пристяжная возвилась...
Что за городъ, за столица
Распрекрасный Петербургъ!
Привези хоть тысячь сорокъ,
Все въ недѣлю проживалъ,
Все въ недѣлю проживалъ,
Все объ Енѣ хлопоталъ...»

Московская губернія, Коломенскій уѣздъ. Балакиревъ, № 29
(«уличная»).—Очень сходный отрывокъ пѣсни (первые 16 стиховъ):
Будде, № 3 («плясовая»).

250.

Какъ подь яблоней такой,
Подь кудрявой, зеленой,
Сидитъ парень молодой,
Держитъ гусли подь полою,
Разыграйте, гусли, мысли,
А я пѣсенку спою,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитбу про мою,
Какъ женила молодца
Чужедальна сторона,
Чужедальная сторонка,
Макарьевска ярмонка.
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
Солучилася бѣда,
Да не маленькая;
Что не сто рублей украли
И не тысячу;
Пропадала у него
Дочь любимая его.
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По ракизовымъ кустамъ;
Какъ нашли эту пропажу
У Мошкова на дворѣ,
Въ новой банѣ на софѣ.
Цвѣтно платьице на Енюшкѣ—
Изорванное,
Черепихова гребеночка—
Изломаная,
Ея буйная головка—
Вся расшибленная...

Самъ разбойничекъ сидитъ,
Да въ окошечко глядитъ,
Онъ въ окошко-то глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Не ко мнѣ ли въ гости ѣдутъ?
Не меня ли въ гости звать?»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 236.

251.

Подъ грушицей подь такой,
Кудрявой золотой,
Сидѣлъ молодець такой,
Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Держалъ гусли подь полою,
Подъ правую стороною.
Заиграйте, гусли, въ мысли,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца,
Чужедальна сторона,
Чужедальная сторона,
Макарьевска ярмонка.
Какъ у насъ было, ребята,
У Макарья въ ярмонкѣ,
У гостинаго двора,
У Софронова кушца
Солучилася бѣда,
Да не маленькая,
Что не сто рублей пропало,
И не тысяча, —
Запропала, запропала
Дочь любимая его.

Что искали ту пропажу
По болотамъ, по лугамъ,
По Макарьевскимъ степямъ;
Что нашли эту пропажу
Въ гостинницѣ одной,
Въ диванной за столомъ.
Ужъ сидитъ наша Катюша —
Вся разбита голова,
Распропали волоса;
Ея блѣлое лицо —
Все изсушено,
Ея платице цвѣтное
На стопочкѣ виситъ,
Черепихова гребеночка
На окошечкѣ лежитъ,
Вся изломанная.
Ужъ кто тебя, Катюша,
Ужъ кто тебя завелъ?
«Ужъ завелъ меня, Катюшу,
Воръ купеческій сынокъ,
Все Ванюшенька...»
Повели Катю домой,
Не дорогой — стороной,
Не дорогой — стороной,
Задней улицей домой...

Епифанъ, Тульской губерніи. Шейвъ, стр. 192 (плясовая)

252.

У тятеньки, у маменьки
Одна дочи была, поибжалася:
Безъ чаю не сяду,
Безъ калачика не ѣмъ,
Безъ милаго не усну.

Хоть и уснетя, —
Во снѣ видится...
А сегодня мой милой
Изъ дорожки пришелъ,
Изъ дорожки, изъ пути,
Съ чужой дальней стороны,
Съ чужой дальней миль сторонки —
Съ Макарьевской ярмопки.

У Макарья въ ярмонкѣ
Солучилася бѣда,
Не велика, не мала —
Потеря у сосѣда въ дому,
Въ новой горницѣ въ верху:
Потерялась его дочь
Въ глухую полночь.
Пошли эту потерю,
Пошли ее искать
По трактирамъ, кабакамъ,
По зеленымъ лугамъ.
Нашли ту потерю
У кунца въ дому —
Въ новой горницѣ въ верху.
У нея-то коса вся растрепанная,
Коса русая растрепанная,
Заплаканы глаза,
Затерты рукава,
Черепенная гребеночка
Растоптаная...

Вятская губернія. Календарь Вятской губерніи на 1891
годъ, стр. 334 («на дѣвичникѣ»). Послѣ каждой строки притѣвъ
«аяли» и повтореніе.

253.

Во Симбирскомъ городкѣ случилася бѣда,
Случалася бѣда не малая, не больша,
Не сто рублей пропало и не тысяча,
А убили-погубили Алешеньку молодца,
Не за сто рублей Алешеньку, не за тысячу,—
Убили-погубили за одинъ сѣрый сертучекъ,
За сѣрый сертучекъ, за аленькій кушачекъ.
Никто-то объ Алешенькѣ не встрѣнется въ дому.
Встрѣнулся, домекнулся одинъ дядюшка родной.
Да нашли-то Алешеньку на первой на части,
На первой на части, у Дуняши во дому,
У Дуняши во дому, въ шитомъ браномъ пологу....

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 68.

254.

Отецъ на сына прогнѣвался,
Приказаль сослать со очей долой,
Велѣль спознать чужую сторону,
Чужую сторону, незнакомую.
Большая сестра коня вывела,
Средняя сестра сѣдло вынесла,
Меньшая сестра плетку подала;
Какъ подавши плетку, заплакала,
Что заплакавши, слово молвила:
«Ахъ, братецъ, ты, братецъ родимый мой!
Когда же ты, братецъ, домой будешь?» —
— «Сестрица, сестрица родимая!
Какъ есть у батюшки зеленый садъ,
Въ зеленомъ саду—сухая яблонька;
Какъ расцвѣтетъ та сухая яблонька,

*father
sister
20-10-18*

impr...

Попустить она цвѣты бѣлые;
Тогда я, сестрица, домой буду!
Что прогнѣвавши отца родимаго,
Одинъ-то я остался, добрый молодець...
Еще нѣту со мной товарища,
Еще нѣту со мной друга милаго,
Еще нѣту со мной слуги вѣрнаго;
Товарищъ мой, то вѣдь добрый конь,
А милый другъ, то мой крѣпкій лукъ,
Слуги вѣрные мои—калены стрѣлы;
Куда ихъ пошло, туда самъ не йду...»

И въ ениикъ 1780 года, часть 1, стр. 181.

255.

Отпущало, отпущало сердце матушкино,
Отпущало, отпущало чаду милую свою,
Чаду милую свою на чужую сторону. *См. 1617*
Какъ большая сестра коня съ стойла свела,
А середняя сестра коня осѣдывала,
А меньшая сестра коня брату подала;
А жена-то горюша у воротичкахъ стоитъ,
У воротичкахъ стоитъ, сама плачетъ, говоритъ:
«Ужъ ты, миленькій, милой, ты когда будешь до-
мой?»
—«Я тогда буду домой, когда выростетъ трава,
Когда выростетъ трава выше царскаго двора,
Узобетъ, узобетъ большой камушекъ со дна.»
—«Да неправду, мой миленькій, со мною говоришь!
Да не выростетъ трава выше царскаго двора,
Не узобетъ Волга-рѣчка бѣла камушка со дна!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ Якушкинъ, стр. 359.

256.

Вы, морозы, морозы, вы, крещенскіе!
Заморозили, морозы, добра молодца,
Стоючи у стѣны бѣлой каменной.
Караульщички, братцы, они крѣпко спятъ;
Не спала, не дремала красная дѣвица,
Распрекрасная Елена, дочь королева.
Что брала со стола золоты ключи,
Отпирала у города воротицы,
Выпускала добраго молодца вонъ изъ города:
«Ты поди же, добрый молодець, потихонечку,
Чтобъ не вельшалъ, не увидѣлъ родной батюшка.»
Что отецъ-то на сына распротѣвался,
Высылаетъ своего сына вонъ изъ городу:
«Ты поди, сынъ, пройди жъ чужу сторону,
Какова есть на свѣтѣ чужа сторона!»
Что большая сестра коня вывела,
А середняя сестра сѣдло вынесла,
А меньшая плетку подала;
А большая сестра брата спрашивала:
«Ужъ когда же ты, нашъ братецъ, на оборотъ бу-
дешь?»

—«Ужъ тогда я къ вамъ на оборотъ буду:
Есть у батюшки, у матушки суха яблонька;
Ужъ когда эта яблонька расцвѣтатъ будетъ,
Ужъ тогда я къ вамъ, сестры, на оборотъ буду!»

Якушкинъ, стр. 361.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 43.

257.

Народился въ отца сынъ.
Какъ отецъ-то сына со двора согнать:
«Ты ступай-ка, ты, сынъ, со двора долой,
Томъ I. 22

Ты спознай-ка-сь, сынъ, чужу дальнюю сторону!»
Какъ и старшая сестра коня съ стоила свела.
А средняя сестра коня осѣдывала,
А меньшая сестра коня брату подала,
Коня брату подала, да заплакала;
Во слезахъ-то сестра стала спрашивать:
«Ты, братецъ родной, ты когда будешь домой?»
— «Вы подите-ка, сестры, на сине море,
Вы возьмите-тка, сестры, да вы гореть песку,
Вы посѣйте тотъ песокъ въ зеленомъ саду:
Когда тотъ песокъ взойдетъ, выростетъ,
Я тогда, сестры, къ вамъ домой приду!»
Вотъ проходитъ тому ровно девять лѣтъ,
На десятый-то годъ сестры брата искать пошли,
Какъ и старшая сестра въ морѣ щукою,
А средняя сестра въ полѣ соколомъ,
А меньшая сестра въ небѣ звѣздочкою.
Какъ и старшая сестра не видала брата,
А средняя сестра улыхала брата,
А меньшая сестра брата видѣла:
На дикой на степи на Саратовской
Что убить-то лежить добрый молодецъ.
Схоронили сестры брата, полетѣли домой.

Калужская губернія, Лихвинскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 360.

258.

«Родимый ты мой брателко,
Кто тебя вспоилъ, вскормилъ?»—
— «Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Возлелѣвала родная матушка;
Вспоилъ, вскормилъ, со двора согналъ...»
Большая сестра коня вывела,
Средняя сѣдло вынесла,

А малая плетку выдала;
Она, выдавши, стала спрашивать:
«Родимый ты нашъ брателко,
Когда ты къ намъ въ гости будешь?»—
— «Я тогда, когда рѣченьки разольются,
Круты бережки наполнятся...»
Онъ годъ ждали и другой ждали;
На третій годъ искать пошли:
Большая сестра—звѣремъ въ лѣса,
Средняя—звѣздой въ небо,
А меньшая—щукой въ море.
Нашла сестра своего брата въ темномъ лѣсу:
Онъ убитъ лежитъ, зарѣзанный,
Его добрый конь въ головахъ стоитъ,
Булатный ножъ въ груди воткнуть....

Симбирская губернія. Русская Беседа 1856 года, № 1, стр. 61.

259.

У отца, у матери
Быль одинъ сынокъ;
Собрали, срядили,
Въ школу отдали;
Обучимши школьному,
Въ войско собрали.
Большая сестрица
Сѣдлала коня,
Меньшая сестрица
Прощалась съ нимъ:
«Прощай, прощай, братецъ,
Прощай, мой родной!
Да что же твой, братецъ,
Не весель стоитъ конь?
Да знать тебѣ, братецъ,
Вѣкъ у насъ не бытъ!»—

—«Малая сестрица!
Ты манехонька,
Ты манехонька,
Да умнехонька....
Выходи, сестрица,
На Дунай-рѣку,
Съ ведромъ по воду;
Увидишь тамъ, сестрица,
Силу войскую,
Спроси тамъ, сестрица,
Про братца своего...»
Выходила дѣвица
На Дунай-рѣку,
На Дунай на рѣчку,
Съ ведромъ по воду;
Увидѣла дѣвица
Силу войскую,
Спросила сестрица
Про братца своего:
«Да гдѣ же мой братецъ,
Да гдѣ жъ мой родной?»—
—«Не твоего ли братца
Воронъ конь стоитъ?
Да и твой-то братецъ
Спальный воинъ былъ:
Три роты побилъ,
На четвертой ротѣ
Головку сложилъ...
А воинъ—твоего братца
Во гробѣ несутъ;
По правую сторону
Соколикъ летитъ,
По лѣвую сторону
Воронъ конь идетъ!»

260.

Когда у насъ была русская воля,
А теперь стала неволенька.
Да было у братца три сестрицы,
Три сестрицы жслащицы...
Первая пдетъ—коня ведетъ,
Вторая идетъ—сѣдло несетъ,
Самая меньшая слезно плачетъ:
—«Ужъ ты, братъ, ты, мой братъ,
Ты, братъ мой родимый,
Ты когда прѣдешь въ гости къ намъ?»—
—«Ты пойдн, сестра, до Душаю,
Набери, сестра, песку съ краю,
Ты посѣй, посѣй по камышку;
Ты вставай, вставай рапехонько,
Полывай песокъ частехонько.....»
Нѣтъ дожда, нѣтъ и всхода,
Да нѣтъ братца изъ похода;
Нѣтъ дожда, нѣтъ и града,
Да нѣтъ братца изъ отряда....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.
Кавказа, вын. XV, стр. 295.

261.

Ай, собиравшея матросушки на зеленый лугъ,
Они думали думу крѣпкую,
Они крѣпкую думу за единое:
«Заюемте, ребятушки, пѣсно новую,
Мы которую пѣли пѣсно на спнемъ морѣ!»
Не бываль младъ полковничекъ на спнемъ морѣ,

Не видалъ младъ полковничекъ страсти-ужасти,
Страсти-ужасти, великой Божьей милости.

Ахъ вы, глупые, перазумные добры молодцы!

Еще есть ли по сему свѣту такова ладья,

Что ходила бы по синю морю не шатаючись?

Поднималася да погодушка,

Бѣлы паруса повыврало,

Высокія мачты повыломало,

Всѣ шелковыя снасточки повыврало,

Младаго полковничка въ воду повыбросило.

Тутъ кидался-бросался добры молодцы,

Добры молодцы, младые матросушки,

Поймали млада полковничка за желты кудри,

Тащили-то на черлеть корабль.

▲ Запѣлъ-то съ горя пѣсенку младъ полковничекъ:

Еще есть ли во чистомъ полѣ такова трава,

Чтобы безъ корешка травка выросла,

Безъ солнышка цвѣточки выцвѣли?

Еще есть ли на свѣтѣ отецъ-матушка,

Чтобы отдали сына во солдатушки, не заплакали?

Большая сестра братцу коня подвела,

Средняя сестра братцу коня сѣдлала,

Сама меньшая сестра на коня поводъ подала;

Въ воротахъ-то стоитъ горюшница молода жена,

На рукахъ держитъ младенчика тримѣсячнаго;

Она плачетъ и рыдаетъ горючими слезами,

Во слезахъ-то словцо воспроизговорить:

«А ты скоро ль, добрый молодецъ, новоротинься?»—

— «Ты гляди-ка, бѣдна горюшница, на синем море:

На синемъ морѣ, когда сходитса погодушка,

Всколыбается синемориюшко,

Со синя-го моря выстапетъ бѣлый камешекъ,

На камешкѣ повырастетъ густой кустъ ракушечный,

Въ этомъ кустышкѣ соловейско совѣтъ пѣвды-

шко,

Цеповыведеть соловьевыхъ малыхъ дѣтушекъ;—
«Тогда къ тебѣ побываю, бѣдна молода жена!»

Олонецкая губернія. Рыбннковъ, часть III, стр. 341.

262.

Князь Данило ходитъ,
По дороженькѣ онъ бродитъ,
На красныхъ поглядываетъ,
На нихъ онъ посматриваетъ,
Сладки рѣчи говоритъ,
Фаты шелковы сулитъ:
«Ой вы, красныя дѣвицы,
Ой вы, молодежи!
Спойте вы мнѣ пѣсенку
Про голову горемышненьку,
Про удалаго молодца
Про Илью Муромца,
Да про Егора царевича,
Молодца Молодцевича,
Какъ онъ съ туркомъ воевалъ,
Какъ султана въ полонъ взялъ,
Какъ его онъ засмолилъ,
Всю Турещину изрубилъ!»—
—«Нѣтъ, не станемъ мы пѣть пѣсенку
Про голову горемышненьку,
Про удалаго молодца
Про Илью Муромца,
Ни про Егора царевича,
Молодца Молодцевича!
А споемъ мы тебѣ пѣсенку
Про Данилу про каналью,
Про разбойника-бусурмана,
Про мерзавца-нехристиана!»

Туть Данило взбѣленился,
И велѣлъ оцѣ всѣхъ казнитъ,
Бѣлы головы рубитъ,
Туть народъ весь подымался
И стражей гонять пускался.
Разогналъ всѣхъ стражей,
До Данилы добрался
И его колоть пустился.

Орловская губернія, Малоярхангельскій уѣздъ, Кирьевскій,
вып. V, стр. 183. Записана П. М. Перевѣскимъ. Пѣсни
сомнительной подлинности.

263.

Шоухаль нашъ королевичъ на прогуляныце,
Оставилъ жену Марусеньку на гореваныце:
«Горюй, горюй, Марусенька, горюй-ка безъ меня!»
Самъ ѡхаль королевичъ во чистое поле;
Пустилъ своего добра коня въ зеленые луга;
Раскинулъ нашъ королевичъ свой бѣленькій шатерь;
Привязалъ своего добра коня ко бѣлому шатру,
И насыпалъ бѣлояровой пшеницы своему добру коню;
И самъ ложился спать, королевичъ, подъ бѣлымъ
шатромъ.
Привидѣлся королевичу такой же дивный сонъ:
Изъ-подъ праваго изъ-подъ крылышка соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣваго, изъ-подъ бѣлаго—сѣрая утница.
Проснулся нашъ королевичъ отъ крѣпкаго отъ сна;
Сѣдлалъ своего добра коня въ черкасское сѣдло;
Самъ ѡхаль, королевичъ, во прусскую землю.
На встрѣчу королевичу старушенька идетъ.
«Ты скажи, скажи, старушенька, старая бабушка,
Ты скажи, скажи, бабушка, старая матушка,
Про мой про дивный сонъ:

Изъ-подъ праваго изъ-подъ крылышка соколикъ
вылеталъ,
Изъ-подъ лѣваго, изъ-подъ бѣлаго—сѣрая утница.»—
—«Вернись, вернись, королевичъ, вернись ко дому
своему:

Твоя жена Марусенька сыночка родила,
На другой день бѣлой зари сама же померла!
Все окошечки поразбитыя,
Все воротички не позаперты;
Твой поворожденный сынъ давно въ землѣ лежитъ!»
Вернулся нашъ королевичъ скорешенько домой.

Новгородскій уѣздъ. Новгородскій Сборникъ, выш. III, стр. 1.

264.

Поѣхалъ нашъ королюшка на гуляньице,
Оставилъ онъ Марусеньку на горованьице.
Пустыль, пустыль своего коня во зелены луга,
А самъ взомель, королюшка, на круту гору;
Раскинулъ же королюшка бѣлъ тонкой шатерьъ;
Взошелъ нашъ королюшка во шатрикъ спать.
Привидѣлся королюшкѣ пречудный страшный сонъ:
Изъ-подъ правой рученьки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой рученьки—сѣра утунка.
Осѣдлалъ королюшка ворона коня,
Поѣхалъ королюшка къ своему дворцу.
На встрѣчу королюшкѣ стара баушка.
«Старушенька, баушка, отгадай мой сонъ!»—
—«Изволь, изволь, королюшка, изволь сказывать!»—
—«Взошелъ я, королюшка, на круту гору;
Раскинулъ я, королюшка, бѣлъ тонкой шатерьъ,
А самъ я взомель, королюшка, въ шатрикъ спать;
Привидѣлся мнѣ, королюшкѣ, пречудный страшный
сонъ:

Пзъ-подъ правой рученьки вылеталь соколь,
Пзъ-подъ лѣвой рученьки—сѣра утушка.»—
—«Вечоръ твоя Марусенька сына родила,
Сегодня же Марусенька сама померла!»
Упаль, упаль королюшка съ своего коня...
Осѣдлаль королюшка коня ворона;
Поѣхаль нантъ королюшка къ своему дворцу:
Тесовыя воротички растворены стоять...
Пустилъ, пустилъ своего коня на широкій дворъ,
А самъ взошелъ, королюшка, въ высокъ теремъ:
Всѣ мамушки, всѣ папошки во траурахъ сидятъ.
Ударился королюшка въ дубовый гробъ:
«Зачѣмъ, зачѣмъ, Марусенька, вспокинула меня,
Вспокинула, оставила плакать-горевать?»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 81
(«обыденная»).

265.

Какъ поѣхаль королевичъ на воеваньице,
Оставилъ свою королевну на гореваньице.
Становился королевичъ при пути большой,
При пути большой становился, при крутой горѣ;
Пустилъ своего коня въ зелены дуга.
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся королевичу чуденъ-явенъ сонъ:
Пзъ-подъ правой его ручки соколикъ вылеталь,
Пзъ-подъ лѣвой пзъ-подъ бѣлой—лебедь бѣлая.
«Поѣду я, королевичъ, къ старой бабѣ въ домъ!...
Скажи, скажи, Марусенька, всю правду мнѣ!
Вечоръ я спаль въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ;
Привидѣлся мнѣ чуденъ-явенъ сонъ!»

—«Вечоръ твой королева сына родила,
По утру ранехонько сама померла.»—
—«Ворочусь ли я, королевичъ, къ дому своему!»
Широкія воротички растворены стоятъ,
Всѣ красныя окошечки подъ бѣлымъ полотномъ,
Генералы-сенаторы всѣ въ троурѣ стоятъ....
«Одна моя королева въ червоннымъ лежить!»
Ударился королевичъ объ дубовый гробъ,
Заливался королевичъ горючми слезьми:
«А свѣтъ моя хорошая королева!
Если бъ зналъ, если бъ вѣдалъ, не ѣздилъ бы я!
Пуцай моя королева при мнѣ бъ родила,
Пуцай моя хорошая при мнѣ бъ померла!
Подломилась королевнѣ рѣзвы поженъки ея,
Опустилися королевнѣ бѣлы рученьки ея.
Закрылися королевнѣ ясныя очи ея!»

Москва Кирѣевскій, вып. V, стр. 80.

266.

Поѣхалъ королевичъ на восваньце.
Не доѣхалъ королевичъ до восваньца,
Становился королевичъ на гореваньцѣ,
Ложился королевичъ спать на гореваньцѣ
Во бѣломъ шатрѣ.
Привидѣлся королевичу единъ дивенъ сонъ:
«Изъ правой моей рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой моей рученьки—сѣрая утица.»
Поѣхалъ королевичъ къ старой бабѣ ворожить:
«Скажи, скажи, бабушенька, мнѣ правду-истину:
Вечоръ я, королевичъ, ложился спать
На крутой на горѣ, во бѣломъ шатрѣ;
Изъ правой моей ручки ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣвой моей ручки—сѣрая утица.»—

—«Скажу тебѣ, королевичъ, правду-истину:
Вечоръ твоя Марусенька сына родила,
По утру ранешенько сама померла.
Косищеты окошечки все въ траворѣ висять,
Генералы твои все въ тровурѣ стоять.»—
Воротился королевичъ съ восваньца.

Орловская губернія и уѣздъ. Курбевскій, выш. V, стр. 78.

267.

Поѣхалъ нашъ королевичъ на разгуляныще,
Жену свою оставилъ на гореваныще.
Становился королевичъ при допниѣ при бугрѣ;
Раскинулъ нашъ королевичъ свой бѣлый шатеръ;
Дожился спать подъ бѣлымъ шатромъ;
Привидѣлся королевичу предивный сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой, изъ-подъ бѣлой—сѣра утица.
Пробуждался королевичъ отъ крѣпкаго сна.
«Поѣду я, королевичъ, ко старушенькѣ...
Скажи, скажи, старушенька, про мой дивный сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой, изъ-подъ бѣлой—сѣра утица.»
—«Вернись, вернись, королевичъ, ко своему двору:
Жена твоя Марусенька сына родила,
На бѣленькой на зорюнкѣ сама померла.
Теперь твоя Марусенька во гробѣ лежитъ,
Дворовые ея слуги надъ гробомъ стоятъ,
Дитя ея малесенько въ плочкѣ лежитъ.»
Подъѣзжаетъ королевичъ къ своему двору,
Закричалъ королевичъ громкимъ голосомъ:
«Свѣтъ моя Марусенька, жена молода!
Бывало, ты, Марусенька, встрѣчаешь меня,
Теперь же ты, Марусенька, во гробѣ лежишь!»

Донская область. Сивельевъ, стр. 146 («Семейная»).

268.

Собирается королюшка на гуляньице,
Оставляеть свою хозяйошку на гореваньице:
«Прости, моя хозяйошка, до свиданьица!..
Самъ я пошелъ, королюшка, во чисто поле гулять,
Пустилъ я, королюшка, своего добра коня въ зеле-
ные дуга.»

А самъ пошелъ, королюшка, на круту гору,
На крутенкой на горочкѣ раскинулъ шатерь,
Подъ шатрикомъ королюшка самъ легъ-почивать;
Онъ спитъ—не спитъ, королюшка, больше такъ
лежитъ.

Привидѣлся королюшкѣ дивнешенекъ сонъ:
Со правой со рученьки соколъ вылеталъ,
Со лѣвой со бѣлой—сѣрая утица.
«И туто-то я, королюшка, задумался:
Садился я, королюшка, на добра коня,
Поѣхалъ я, королюшка, во Питерь-городокъ.»
Во Питерьъ во городъ старушка живетъ...
«Старушенька, бабушенька, разгадай мой сонъ!»—
—«Ты еси, прущкой король, рассказывай свой
сонъ!»—

—«Со правой со ручунки соколъ вылеталъ,
Со лѣвой со бѣлой—сѣра утица.»—
—«Въ твоёмъ дому, королюшка, есть радость и
печаль:

Твоя жена королевна сына родила,
Во третій день королевна сама померла.»
Иѣхотны солдаты разставлены,
Генералы-полковнички у гроба стоятъ...
«Моя жена во гробѣ лежитъ,
Сыночекъ мой любезный на бѣлой груди!»

269.

Король молодой сбирался, королюшка во пну землю.
Покинуль королюшекъ молодую жену,
Какъ горькую кукушечку въ темнымъ лѣсу,
Какъ горькую полынушку въ чистомъ полѣ.
Подъѣхалъ королюшка къ крутой горѣ;
Пристигла же здѣсь королюшку, здѣсь темная почва;
Раскинулъ же королюшка бѣль тонкой шатеръ;
Ложился королюшка внизъ бѣлымъ лицомъ,
Привидѣлся королюшкѣ чудень страшень сонъ:
Изъ правой его рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣваго изъ бѣлаго—сѣра утушка.
«Знать, моя хозяйюшка сыпка родила и сама померла!
Знать, мнѣ, королюшкѣ, воротиться назадъ!»
Подъѣхалъ королюшка къ широкому двору:
Широки воротнички растворенныя,
Косыщеты окошечки все повскрытыя;
Конецъ шестерочка заложенная,
Все кучера и фореиторы прещевеселые;
Сѣнны дѣвушки все наряженыя—
Во черныхъ во платыщахъ, во печальныххъ...
«Знать, моя хозяйюшка впереди лежитъ, подъ черной
тафтой!»
Взошелъ королюшка въ пову горенку,
Восмакнулся королюшка горячими слезамъ.
А дѣвушки-служанушки разговариваютъ:
«Не плачь, не плачь, королюшка, не воротись ее на-
задъ!»

Саратовская губернія. Терещенко, II, стр. 378; Кирѣевскій, вып. V, стр. 84. Сходныя полныя пѣсни, неизвестно гдѣ записанныя: 1) Якушкинъ, стр. 368, Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 21, 2) Кирѣевскій, вып. V, стр. 79; неполныя: 1) Якушкинъ, стр. 369, Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 22, 2) Кирѣевскій, вып. V, стр. 79, 3) Кирѣевскій, вып. V, стр. 82.

270.

Поѣхалъ нашъ-королевичъ на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.
Не доѣхалъ королевичъ до воеваньица;
Становилея королевичъ ереди пути,
Середь пути-дороженьки, близъ крутой горы;
Какъ самъ пошелъ, королевичъ, на круту гору,
Пустилъ своего добра коня въ зеленые луга;
Раскинулъ же королевичъ свой бѣлый матеръ;
Ложилея спать королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.
Увидѣлъ же королевичъ явный сонъ во снѣ:
Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка, онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
«Въ твоємъ дому, королевичъ, несчастье случилось!»
Какъ тутъ же нашъ королевичъ призадумался.
«Пойду, пойду къ старушечкѣ, къ своей ворожеѣ!»
Пошелъ же нашъ королевичъ путемъ-дорогой,
На встрѣчу королевичу старушка идетъ.
Какъ сталъ же онъ старушечку выспрашивать:
«Старушенька, бабушенька, разсуди мой сонъ!
Скажи, скажи, старушенька, всею правду мнѣ!»
—«Королюшка, мой батюшка, какой же твой сонъ?»
—«Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка, онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
Въ твоємъ дому, королевичъ, несчастье случилось!»—
—«Королюшка, мой батюшка, не хорошъ твой сонъ:
Твоя жена Марьяшечка сына родила,
Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла!»
Поѣхалъ же королевичъ къ дому своему:

Въ саду его все пташечки, пригнувъ, сидятъ;
Слуги его вѣрные все въ черномъ траурѣ;
Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,
Всея въ златѣ убрана и въ гробъ положена...
«Ахъ, свѣтъ моя Марьяшечка не встрѣтила меня,
За бѣлыя за рученьки не приняла меня,
За уборы за столики не посадила,
Сахарными конфетами не потчивала!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 48.—
Кирѣевскій, вып. V, стр. 86.

271.

Отъѣзжаетъ королевичъ на разгуляньице,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.
Пустилъ своего добра коня во зеленые луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся королевичу явнешенекъ сонъ:
Изъ-подъ ручки изъ-подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ ручки—сѣрая утица.
Сказали вѣсть королевичу—и радость, и печаль:
«Твоя жена Марусенька сына родила,
По утрицу ранешенько сама померла.»
Ворогился королевичъ къ дому своему:
Широкія вороточки растворены стоятъ,
Косячетыя окошечки выставлены,
Генералы-полковнички въ черномъ уборы...
«Твоя жена Марусенька въ цвѣтномъ убора...»
Ударился королевичъ объ дубовый столъ:
«Ахъ, свѣтъ моя Марусенька, онугбѣть домогъ!
Очи ея прекрасныя не узрѣли меня,
Ножки ея рѣзвешеньки не встрѣтили меня,
Ручки ея бѣлешеньки не обняли меня,
Уста ея сахарныя не промолвили!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 82.

272.

Отъѣзжаетъ казаченька на разгуляныце,
Покпдаеть Марусеньку на гореваныце.
Пустиль своего ворона коня въ зелены луга,
А самъ лежитъ въ бѣломъ-шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся казаченьку дивисненекъ сонъ:
Будто на его праву руку соколъ прилетѣль,
Улетала съ-подъ лѣвой—събра утица.
На ту пору Марусенька сына родила,
На третій день Марусенька сама померла.
Подъѣзжаетъ казаченька къ своему двору:
Широки его воротнички раствореныя,
Хрустальныя стекolečки повывбитыя...
Входятъ казаченька на высокъ теремъ:
Стоять попы и дьяконы, погребенъе поюють,
А дѣточки-малюточки какъ ичелки гудуть...
А жену Марусеньку во гробѣ несутъ.
Ударится казаченька о дубовый гробъ:
«Ой, свѣтъ моя Марусенька, жена молада!
Бывало, твои рѣзвы ноги устрѣнутъ меня,
Бывало, твои бѣлы руки обнимуть меня,
Уста твои сахарныя цѣлуютъ меня!»

Курская губернія. Воропежская Беседа на 1861 годъ,
стр. 396.—Киѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 24.

273.

Военный казаченька во службу пошелъ.
Сходилъ казаченька на широкій на дворъ,
Обдѣлываль-обратываль своего добраго коня;
Поѣхаль же во чисто поле.
Пускаль своего коня во зелены луга,
Самъ взонель на высокъ бугоръ,

Раскидывалъ-развертывалъ бѣль тонкой шатеръ;
Ложился спать во бѣломъ шатрѣ.
Дивнехонекъ ему сонъ привидѣлся:
Со праваго со плечика соколь солеталъ,
А изъ лѣваго рукавчика—сѣра уточка.
Пошелъ путь-дорожкойю;
На встрѣчу казаченькѣ старушка идетъ,
Опъ баеть ее:
«Старушенька, стряпушенька, разсудливая,
Разсуди ты мой сонъ!»
—«Военный сынъ, казаченька, расскажи свой сонъ!»
—«Старушенька, стряпушенька, расскажу свой
сонъ:

Со права со плечика соколь солеталъ,
Со лѣваго рукавчика сѣра уточка».—
—«Военный казаченька, несчастье во домъ:
Въ третій день жена твоя сына родила,
Черезъ часъ сама померла!»
Пошелъ казаченька во домикъ назадъ.
Подходить къ своему широкому двору:
Широкія воротнички растворенныя стоятъ,
Окошечки повывставлены;
Всходитъ казаченька на высокъ крылецъ—
На встрѣчу ему жену-хозяйонку хоронить несутъ.
«Прости-прощай, жена моя Марусенька!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 88.

274.

У воротъ сосна раскачалася;
Бѣлая Дуношка разыгралася,
Разыгралася, распотѣшилась...
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
На крыльцѣ стоитъ, Дуи въ рѣчь говоритъ:

«Поиграй, Дунюшка, поиграй, бѣлая!
Я тебя, Дунюшка, къ себѣ возьму!»
Бѣлая Дунюшка испугалася,
Испугалася, встрепенулася...
Какъ со вечера голова болить,
Ко полупочи она попа просить;
Какъ по утру-то въ большой колоколь звонять,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ...
> Боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ:
«Прости, Дунюшка, прости, бѣлая!»

Вильбоа, № 61.—Римскій—Корсаковъ, часть I, № 21. После
каждаго стиха припѣвъ: ай люли, люли, съ повтореніемъ второй
половины стиха.

275.

У воротъ сосна раскачалася;
Бѣлая Дунюшка разыгралася.
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
Какъ боярскій сынъ дунѣ рѣчь говоритъ:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй, бѣлая!
Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму!»
Бѣлая Дунюшка испугалася...
Какъ со вечера голова болить,
Ко полуночи—она попа просить,
Ко бѣлу свѣту—нѣту Дунюшки.
Какъ въ Москвѣ звонять ко обѣденкѣ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ...

Якушкинъ, стр. 373. После каждого стиха припѣвъ: ай люли, люли,
съ повтореніемъ послѣднихъ пяти слоговъ.

276.

Р аскачалась въ бору грушица;
Разыгралася въ саду Устинька.
На крыльцѣ стоитъ генеральскіи сынъ,
На крыльцѣ стоитъ, умывается,
Шелковымъ платкомъ утирается,
Душой Устинькой забавляется:
«Поиграй, Устинька, поиграй, душенька!
Я тебя люблю, за себя возьму!»
Душа Устинька испужалася,
Пришла домой, расхворалася....
Устиня душа въ рай пошла....
Генеральская душа въ адъ пошла....

Казанская губернія, Чебоксарскій уездъ, Магницкій, стр. 22 («обыденная»). После каждаго стиха призывъ: ой люди, люди, съ повтореніемъ второй половины стиха.

277.

У воротъ, у воротичекъ
Наша Душонка разыгралася,
Разыгралася, расплясалася.
Молодой сержантъ изъ окна глядитъ,
Изъ окна глядитъ, улыбается,
Улыбается, усмѣхается:
«Играй, Душонка, играй, любушка!
Я тебя люблю, за себя возьму,
За себя возьму, банмачки куплю,
Банмачки куплю со чулочками,
Алы ленточки на подвязочки,
И роборптъ куплю со юбочкой!»
Наша Душонка испужалася,

Своры поженьки подломилися,
Бѣлы рученьки опустилися,
Ясны очи помутилпся...

Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 114. После каждого стиха
прибѣвъ: ахъ люли, люли, съ повтореніемъ второй половины
стиха.

278.

Генеральскій сынъ во саду гулялъ,
Не одинъ гулялъ—съ красной дѣвицей.
«Красна дѣвица, я тебя люблю,
Я тебя люблю, за себя возьму!»
Красна дѣвица испугалася,
Прочь изъ садку убиралася;
Что домой пришла, расхворалася,
Родной маменькѣ жалобилася:
«Родна маменька, голова болитъ,
Въ лицѣ жаръ стоитъ...»
Со полночи прпчацалася;
Ко бѣлу свѣту жизнь кончалася;
Со полу-то дня хоронять несли.
Напередъ идутъ попъ и дьяконъ;
Среди несутъ красну дѣвицу;
Позади идетъ добрый молодець.
Добрый молодець запинается,
Горячими слезами уливается,
Шелковымъ платкомъ утирается,
Съ красной дѣвицей прощается....

Пермская губернія. Шипшико. стр. 111. После каждого стиха прибѣвъ:
ай люли, люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

279.

Созывалъ король во танокъ дѣвокъ...
А всѣ дѣвушки во танокъ сошлись,—
Одной дѣвушки, ея иѣтъ, какъ иѣтъ.
Какъ за ней король двухъ пословъ послалъ,—
Она тѣхъ пословъ не послушалась;
По ее король, ягдамни, самъ пошелъ.
Говорила ей, дѣвкѣ, матушка:
«Ты не стой, дѣвка, передъ королевемъ,
Не кажи, дѣвка, лицо бѣлое,
Не кажи, дѣвка, брови черныя,
Не кажи, дѣвка, щекн алыя,
Не кажи, дѣвка, очи ясныя!»

Учмская губерція, Мензелинскій уѣздъ, Мальчиновъ, № 26
(«вешня»). Послѣ каждаго стиха приѣвъ: ой диди ладушка,
съ повгореніемъ второй половины стиха.

280.

А Богъ молодца-то не млуетъ
И государь его царь не жалуеть,
И иѣтъ ни чести ему, похвальбы молодецкія,
Да друзья-братья-товарици,
Тѣ на совѣтъ не съѣзжаются...
Да женилъ молодца родной батюшка
Да на чужой-го дальнеи сторонункѣ,
Да брать-де онъ ему молоду жену,
Да брать за женой приданаго—
Три, три чернепыихъ корабля:
Да первой-еть груженъ черенъ корабль
Быль златомъ и серебромъ,
А другой-еть груженъ черенъ корабль
Все скатнѣмъ жемчугомъ,

А третій-еть груженъ черепъ корабль

Все женинымъ приданымъ.

Тутъ молодцу-де жена не въ любовь пришла,

Не въ любовь-де пришла ему, не по разуму.

Бралъ молодець себѣ, онъ копя добраго,

Да бралъ себѣ онъ сѣделко черкальское,

Да бралъ себѣ уздицу точмяную,

Да бралъ себѣ въ руки плетку шелковую;

Самъ говорилъ таково слово:

«Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,

Лучше мнѣ сѣделко, уздица точмяная,

Лучше всего женина приданаго,

Да лучше мнѣ-ка плетка шелковая,

Да лучше-то мнѣ будетъ молодой жены!»

Шель да сковаль себѣ два товарища, два надвіишые,

Два пожа онъ сковаль, два булатніе.

Онъ садился вѣдь на добра коня,

Самъ повзикалъ на чужую на дальню на сторону.

Да-ли ѣхаль онъ путемъ ли дорожкойю...

Гдѣ-ка было на пути на дорогѣ широкіе,

Текла быстрая рѣчка Смородинка.

Было на этой рѣкѣ на Смородишкѣ

Три, три мосточка калиновы;

Да на первомъ-то рѣка беретъ на мостѣ—

Да сѣделко съ копя окованое;

Да на другомъ беретъ на мостѣ—

Добра коня наступчива,

А на третьемъ беретъ на мостѣ—

Самого добра молодца...

Онъ взмолился-де рѣчкѣ Смородишкѣ:

«Ай ты, матушка черная рѣчка Смородинка!

Есть ли черезъ тебя, рѣка, переходы-ты узкіе,

А переброды-ты мелкіе?»

Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородища:

«Ай ты, удалый дородній добрый молодець!

Есть черезъ меня, рѣчку Смородинку,

Есть переходы-ты узкіе,

Да и переброды есть мелкіе;

А есть три мосточка калищовы.

Я на первомъ беру на мостѣ—

Съ коня сѣделко кованое,

А на другомъ беру на мостѣ—

Добра коня паступчива,

Я на третьемъ беру на мостѣ—

Самого добра молодца!

А ты повзжай-ка, дородній добрый молодець,

Я тебя и такъ топерь пропущу!»

Какъ переѣхалъ молодець черезъ рѣчку Смородинку,

Да тѣ ли мосточки калищовы,

Да возговоритъ молодець неразумиу рѣчь:

«Да мнѣ сказали, добру молодцу,

Что топерь на пути на дорогѣ широкіе

Да текеть черная рѣчка грозна Смородинка...»

Да онъ сталъ надъ рѣкой надсмѣхатися,

Да онъ сталъ надъ рѣкой надрыгатися:

«Да топерь ли вѣдь рѣчка Смородина—

Будто текеть болотня вода-та со ржавчишкою!»

Да забылъ-то добрый молодець

За рѣкой за Смородинкой,

Онъ забылъ два товарища, два надѣиные,

Два пощичка забылъ, два булатніе,

За той рѣкой за Смородинкой.

Онъ поѣхалъ черезъ рѣчку Смородинку

Да по тѣмъ по мосточкамъ калищовымъ.

Да на первомъ брала на мостѣ

Съ коня-де сѣделко кованое;

А на другомъ брала на мостѣ

Добра коня паступчива;

А на третьемъ брала на мостѣ

Самого добра молодца.

Возмолится удалый дородній добрый молодець

Онъ-де быстрон рѣчкѣ Смородникѣ:

«Ай ты, матушка быстрая рѣчка Смородника!

И не губи и не топи добра молодца!»

Говорить-де рѣка молодцу,

Говорить-де рѣка человѣческимъ голосомъ:

«Да не я тебя топию-гублю,

>> А топить-губить похвальба молодца молодецкая...»

Только вѣдь молодець и живѣ бывалъ,

Да тому хоробру такова слава;

И оставалася у его нелюба жена...

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 262. Очень сходная пѣсня
Рыбниковъ, часть I, стр. 467.

281.

Что у насъ въ каменной Москвѣ приуныли,

Во большой колоколь звонили?

Породила царевича

Свѣтъ Петра Алексѣевича.

Нянюшки-мамушки

Всее ночь не спали,

Одѣяльце простегали,

На чистыемъ серебръ

На красныемъ золотѣ;

Плотнички-мастеры

Всее ночку простукали,

Колыбелку продѣлали.

Отломлася вѣточка

Отъ сахарнаго дерева;

Откатилося яблочко

Отъ сахарнаго дерева;

Отъѣзжалъ добрый молодець

Отъ отца своего, матери;

Лишился же добрый молодецъ
Своей родной страны.
Приѣхалъ же молодецъ
Къ быстрой рѣчкѣ Смородникѣ;
Переѣхалъ же добрый молодецъ
Черезъ быструю рѣчку Смороднику.
Переѣхавши, молодецъ
Сталъ похвалятися:
«Охъ ты гой еси, рѣченька,
Рѣка быстра Смородника!
Ты въ славѣ была, рѣченька,
Рѣка была славная!»
И сталъ надъ ней смѣяться:
«Хуже озера стоячаго,
Поганой калужины!»
Позабылъ добрый молодецъ
На той странѣ два ножа,
Два ножа, два булатные;
Воротился же молодецъ
За ножами за булатными.
Онъ на первую ступень ступилъ,—
Потошилъ коня добраго;
На другую ступень ступилъ,—
Потонулъ добрый молодецъ.
Приѣзжаетъ его матушка,
Говоритъ быстрой рѣченькѣ:
«Охъ ты гой еси, рѣченька,
Рѣка быстра Смородника!
Потопла ты моего сына,
Сына любимаго,
Любимаго, единаго!»
Говоритъ-то ей рѣченька
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, баба старая,

Стара баба, матерая!
Не я его потопила, —
Потопила его похвала молодецкая!»

Симбирская губернія, Сызранскій уѣздъ. Кирѣевскій, выпускъ VIII,
стр. 3.

282.

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Православный царь весель былъ,
Онъ и весель, и радошень:
Породила сударыня
Ему сына царевича.
Тутъ и нянюшки, и мамушки
Всеё почку проспѣли,
Сороченьку прошили
По атласу, по бархату,
По чистому по золоту,
По мелкому серебру;
Тутъ-то плотнички-мастеры
Всеё ночку простукали,
Кольбелушку стронли.

Отломлася вѣточка
Отъ садовой отъ яблоньки,
Откатилось яблочко
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
На чужу дальну сторону,
На чужу дальну сторону,
За рѣку за Смородину.
Подъѣзжаетъ же молодець
Ко рѣкѣ ко Смородинѣ;
Онъ воскликнетъ же, возгрякнетъ
Громкимъ голосомъ:

«Охъ ты, рѣчушка, рѣчушка,
Мать быстра рѣка Смородина!
Широкимъ ты не широкая,
Глубокимъ ты глубокая!
Есть на тебѣ на рѣчущкѣ,
Переходы-то частые,
Переброды-то мелкіе?»
Возговорить рѣчушка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, добрый молодецъ
Добрыня Никитѣвичъ!
Нѣтъ-то на мнѣ, на рѣчущкѣ,
Переходовъ-то частыхъ,
Перебродовъ-то мелкихъ;
Только есть на мнѣ, на рѣчущкѣ,
Два мосточка калиновыхъ,
И то они во далечѣ
Во чистомъ полѣ.»
Возговорить молодецъ
Добрыня Никитѣвичъ:
«Что же ты, рѣчушка
Съ перевозу съ насъ берешь?»
Возговорить рѣчушка,
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, молодецъ,
Ты, Добрыня Никитѣвичъ!
Съ перевозу-то съ васъ беру
По добру коно настунчату,
По сдѣлечку черкасскому,
По удалу добру молодцу;
А тебя я, добрый молодецъ,
Я тебя и такъ перелущу
За слова твои за ласковы,

За поклоны за низкіе.»
Переѣхалъ же молодець
Черезъ рѣку чрезъ Смородину
И сталъ похвалятися,
Надъ рѣкой посмѣхаться:
«Сказали про рѣчушку,
Сказали про быструю,
Что эта рѣчушка
Широкимъ широкая,
А глубокимъ глубокая;
Анъ эта рѣчушка
Хуже озера стоячаго,
Какъ дождева калуужина!»
Какъ возговорить рѣчушка
Душой красной дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, добрый молодець,
Ты, Добрыня Никитъевичъ!
Воротись ты за меня, за рѣчушку:
Позабылъ ты за мной, за рѣчушкой,
Два ножа, два булатныхъ...»
Воротился молодець
За рѣку за Смородину.
Онъ на первую ступень ступилъ,
Онъ добра коня потопилъ;
Онъ на другую ступень ступилъ,
Сѣделечко черкасско потопилъ;
На третью ступень ступилъ,
Самъ тутъ утонулъ.

283.

Когда было молодцу
Пора-время великое,
Честь-хвала молодецкая,
Господь Богъ миловалъ,
Государь-царь жаловалъ,
Отець-мать молодца
У себя во любви держатъ;
А и родъ-племя на молодца
Не могутъ насмотрѣться;
Сусѣди ближніе
Почитають и жалуютъ;
Друзья и товарищи
На совѣтъ съѣзжаются,
Совѣтъ совѣтовать,
Крѣпку думушку думать,
Они про службу царскую
И про службу воинскую.

ручка

Скати́лась ягода
Съ сахарнаго дерева;
Отломилась вѣточка
Отъ кудрявыя отъ яблони;
Отстае́тъ добрый молодецъ
Отъ отца, сынъ отъ матери.
А нынѣ ужъ молодцу
Безвре́мье великое:
Господь Богъ прогнѣвался,
Государь-царь гнѣвъ взложилъ,
Отець и мать молодца
У себя не въ любви держатъ,
А и родъ-племя молодца

Не могут и видѣти,
Сусѣди ближніе
Не чтуть, не жалуютъ,
А друзья-товарищи
На совѣтъ не сѣзжаются,
Совѣту совѣтовать,
Крѣпку думушку думати
Про службу царскую
И про службу воинскую.
А нынѣ ужъ молодцу
Кручина великая
И печаль не малая.
Съ кручины-де молодець,
Со печали великія,
Пошелъ добрый молодець,
Онъ на свой конюшенный дворъ;
Бралъ добрый молодець,
Онъ добра коня стоялаго;
Наложилъ добрый молодець,
Онъ уздицу тесмяцую,
Сѣделечко черкесское;
Садился добрый молодець
На добра коня стоялаго;
Поѣхалъ добрый молодець
На чужу дальну сторону.
Какъ бы будетъ молодець
У рѣки у Смородины,
А и взмолился молодець:
«А и ты, мать быстра рѣка,
Ты, быстра рѣка Смородина!
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка,
Ты про броды конные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые!»
Провѣщится быстра рѣка

Молодец

Человѣческимъ голосомъ,
Да и душой красной дѣвицей:
«Я скажу те, быстра рѣка,
Добрый молодецъ,
И про броды кониные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые.
Со броду коннаго
И беру по добру коно,
Съ перевозу частаго—
По сѣдлечку черкесскому,
Со мосточку калинова—
По удалому молодцу;
А тебя, безвременнаго молодца,
И не такъ тебя пропуцъ!»
Переѣхаль молодецъ
За рѣку Смородину,
Онъ отѣхаль, молодецъ,
Какъ-бы верету, другую,
Онъ своимъ глупымъ разумомъ,
Молодецъ похваляется:
«А сказали про быстру рѣку Смородину:
Не пройти, не проѣхати
Ни пѣшему, ни конному;
Она хуже, быстра рѣка,
Тое луки дождевые!»
Скричить за молодецъ какъ въ сугонъ
Быстра рѣка Смородина
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
«Безвременный молодецъ,
Ты забылъ за быстрой рѣкой
Два друга сердечные—
Два остра ножа булатные;
На чужой дальней сторонѣ:—

Оборона великая.»
Воротился молодецъ
За рѣку за Смородишу.
Пельзя что не ѣхати
За рѣку за Смородишу...
Не узналъ добрый молодецъ
Того броду коншаго,
Не увидѣлъ добрый молодецъ
Перевозу частаго,
Не нашель добрый молодецъ,
Опъ мосточку калшова;
Поѣхаль-де молодецъ,
Опъ глубокими омуты.
Опъ перву ступень ступиль,—
По черевъ конь утонулъ;
Другу ступень ступиль,—
По сѣделечко черкесское;
Третью ступень конь ступиль,—
Уже гривы не видѣти!
А п взмолнися молодецъ:
«А н ты, мать быстра рѣка,
Ты, быстра рѣка Смородиша!
Къ чему ты меня топншь,
Безвременнаго молодца?»
Провѣщитя быстра рѣка
Человѣческимъ языкомъ,
Она душой красной дѣвицей:
«Безвременный молодецъ!
Не я тебя топлю,
Безвременнаго молодца;—
Топитъ тебя, молодецъ,
Похвальба твоя, пагуба!»
Утонулъ добрый молодецъ
Во Москвѣ-рѣкѣ Смородишѣ;
Вышываль его добрый конь

На крутые берега;
Прибѣгалъ его добрый конь
Къ отцу его и матери;
На лукъ на сѣдельныя
Ярлычекъ написанный:
«Утопулъ добрый молодець
Во Москвѣ-рѣкѣ Смородинѣ.»

Кирша Даниловъ, № 31.—Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 8

284.

Куда тошно мнѣ, куда грустно мнѣ,
Что сегодняшний денекъ!
Вы сходите-ка, приведите-ка,
Кого вѣрно я люблю,—
Чернобрового, черноглазаго
Удалаго молодца.
Чернобровый-то, черноглазый-то
Удалъ добрый молодець,
Онъ чесалъ свои кудри черныя
Частымъ рыбьимъ гребешкомъ;
Разчесавши онъ кудри черныя,
Черной лентой перевязалъ;
Перевязавши онъ черной лентою,
Пухову шляпу надѣлъ;
Пухову шляпу принагнувши,
Ко сударушкѣ пошелъ.
Черезъ рѣченьку, черезъ быструю,
Мостовничка лежитъ;
Мостовничка переломилася,—
Мой другъ милый потопулъ...
И я выду ли, красна дѣвица,
На Дунай-рѣку гулять;

И я стану ли, красна дѣвица,
Стану рѣчку проклипать:
«Ужь какъ дай Боже, чтобъ Дунай-рѣчку
Всю песочкомъ занесло;
Чтобъ сердечнаго моего дружка
Къ бережочку принесло!»

К а ш и н ь, выш. II, стр. 139 («полупротяжная»).

285.

Чесаль милый кудри,
Расчесаль милъ русы,
Пухову шляпу надѣль.
Шляпочка пухова,
Сибирочка нова,
Панталоны триковы,
Рубашечка красна,
Манишечка бѣла....
Спорядился молодець,
Самъ ко любушкѣ пошелъ.
Ходилъ милъ по бережку,
Гулялъ по крутому,
Перевозу милъ искалъ;
Нашелъ милый жердочку,
Нашелъ милый тоненьку,
Самъ по жердочкѣ пошелъ...
Жердочка сломилась,
Шляпочка свалилась
И любезный погонулъ.
Дѣвушки подружки,
Собирайтесь вы ко мнѣ
На горе великое!
Выбирайте, дѣвушки,
Выбирайте, красныя,

Шелковые новы невода!
Выпнмайте, дѣвушки,
Вы бросайте, красныя,
Во Дунай быстру рѣку!

Архангельская губернія, Мезенскій уездъ. Е. П. Менко, стр. 5
(«научная»).

286.

Охъ, матушка, тошно мнѣ,
Сударыня, грустно мнѣ,
Умереть съ горя хочу!
Не люблю я, матушка,
Не люблю, сударыня,
Своего мужа дурака!
Полюблю я, матушка,
Полюблю, сударыня,
Съ тиха Дона казака!
Казачекъ молоденькій,
Казачекъ хорошенькій,
Удалъ добрый молодець,
Онъ ходитъ по бережку,
Онъ ходитъ по крутеньку,
По желтому по песку;
Онъ чешетъ кудерюшки,
Расчесываетъ русыя
Бѣлымъ рыбьимъ гребешкомъ;
Расчесамини русыя,
Казакъ шапочку надѣтъ;
Надѣмини онъ шапочку,
Надѣмини высоконожку,
Вдоль по улицѣ пошелъ;
Пройдеммини онъ улицу,
Пройдеммини широкою,
Ко сударуникѣ занелъ.

Сударушка любушка,
Душа красна дѣвушка,
Ты неправдою живешь,
Неправдою, дѣвушка,
Неправдою, красная,
Ты обманываешь меня!
У твоихъ воротничекъ,
У твоихъ широкіихъ
Бѣль-горючъ камень лежитъ;
Изъ-подъ того камышка
Изъ-подъ бѣль-горючаго
Быстра рѣчушка бѣжитъ;
Черезъ эту рѣчушку,
Черезъ эту быструю
Тонка жердочка лежитъ;
По этой по жердочкѣ,
По этой по тоненькой
Мой миленькій переходилъ;
Переломилась жердочка,
Переломилась тонкая,—
Мой миленькій потонулъ!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцова, стр. 101.

287.

Чесалъ мыльи кудерки,
Чесалъ мыльи русыя
Костяной гребеночкой;
Расчесавши кудерки,
Ко сударушкѣ пошелъ.
И шелъ мыльи по берегу,
И шелъ по крутому;
Искалъ мыльи лодочки,
Искалъ мыльи легкаго челнока;

Не нашель мой милый
Ни лодочки, ни челна;
Нашель милый жердочку,
Нашель милый тоненьку...
Жердочка сломилася,
Шляпушка у дружка свалилася,
Вдоль рѣки поплыла.
Завидѣла дѣвушка,
Завидѣла сударушка
Съ высокаго терема;
Брала дѣвушка ведра дубовыя,
Коромысель зеленый,
Пошла на рѣку за водою.
Приходила къ рѣчушкѣ,
Ко быстрой рѣкѣ,
Стала рѣчушкѣ пенять:
«Проклятая рѣчушка,
Проклятая быстрая,
Утопила дружка!
Какъ тебѣ, рѣчушкѣ,
Быстрой рѣкѣ,
Быть безъ крутыхъ береговъ,
Такъ мнѣ дѣвушка быть
Безъ мила дружка!»

Торопецъ. Семейскій (Торопецъ), № 72

238.

Любила я сотничка,
Любила полковничка,
Съ тихаго Дона, съ Дона казака.
Чесаль казакъ кудерцы,
Чесаль казакъ русыя
Частымъ рыбымъ, рыбымъ гребенкомъ.

Расчесавши кудерцы,
Расчесавши русыя,
Черную шапочку молодець надѣль.
Надѣвши онъ шапочку,
Надѣвши онъ черную,
Вдоль по улицѣ молодець пошелъ.
Черезъ эту улицу,
Да черезъ широкую
Быстрая рѣчушка, рѣчушка бѣжитъ.
Черезъ эту рѣчушку,
Черезъ эту быструю
Тонкая жердочка, жердочка лежитъ.
А по этой жердочкѣ,
А по этой тоненькой
Добрый молодець, молодець пошелъ.
Да тонкая жердочка,
Она обломилася,
Добрый молодець, молодець потонулъ.
Кидалася дѣвушка,
Бросалася красная
Быструю рѣчку, рѣчку выливать.
Не выливши рѣченьки,
Не выливши быстрой,
Стала рѣчку, рѣчку проклипать:
«Бодай тебя, рѣченька,
Бодай тебя, быстрая,
Желтымъ пескомъ, пескомъ занесло!».

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. III, стр. 81.

289.

Чесать казагъ кудерьки, чесать казагъ русыя,
Ахъ, частымъ рыбнымъ гребешкомъ.
Расчесавши кудерьки, расчесавши русыя,

На быстру рѣчку пошелъ.
На этой на рѣченькѣ, на этой на быстренькой,
Топка жердочка лежитъ.
Пошелъ онъ по жердочкѣ, пошелъ онъ по тоненькой,
Переломилась жердочка,
Переломилась жердочка, переломилась тоненькая, —
Переломилась тошенька.
Снесло съ него шляпушку, сорвало пуховую;
Вдоль по рѣченькѣ поплыла.
На этой на рѣченькѣ, на этой на быстренькой
Дѣвка мыла полотно.
Увидала шляпушку, увидала пуховую,
Стала шляпушку ловить;
Поймавши она шляпушку, поймавши пуховую,
Стала шляпу признавать,
Признавши она шляпушку, признавши пуховую,
Стала рѣчку проклинять:
«Чтобы эту рѣченьку, чтобы эту быструю,
Желтымъ пескомъ занесло!»

Вильбоа, № 50.

290.

Заболить головушка
Запоесть сердечко у дружка,
Все по миленькой своей.
Гдѣ живешь ты, любушка,
Гдѣ живешь, сударушка моя?
— По ту сторону рѣки.
Чесаль милый кудерьки,
Чесаль милый русы волоса
Тонкимъ повямъ гребенкомъ;
Расчесавши кудерьки,
Расчесавши русы волоса,

Пухову шляпу одѣлъ;
Шляпонька пуховая,
Спбирочка новая у дружка,
Самолучшаго сукна;
Рубашечка красная,
Жилетка атласная со цвѣтамъ,
Шарфъ на шеюшкѣ съ кистямъ,
Штапкн триковые,
Сапоги козловые у дружка;
Сварядился онъ, пошелъ.
Шель милой по бережку,
Шель милой по крутому кряжку,—
Перевозу пскаль; пѣтъ!
Нашель милой жердочку,
Нашель милой тонкую пову,
Перекинулъ онъ, пошелъ.
(Жердочка сломилася,)
Шляпонька свалилася у дружка,
Внизъ по рѣчкѣ поплыла.
Увидала дѣвушка,
Увидала красная душа;
Видитъ: шляпа на водѣ.
Шляпонька пуховая
Дѣвушкѣ знакомая была:
«Вѣрно моего дружка...
Вѣрно милой потонулъ...»
Схватила ведерышко,
Прибѣкала къ рѣченькѣ-рѣкѣ;
Видно: шляпа на водѣ...
Стала она, дѣвушка,
Стала она, красная,
Быстрой рѣченькѣ певать:
«Каково тп, рѣченька,
Каково тп, рѣченька быстра,
Течь безъ крутыхъ бережковъ?»

Таково ѿ миѣ, дѣвушкаѣ,
Таково миѣ, краснойей,
Жить безъ милаго дружка!
Худо течь вѣдь рѣченькѣ,
Худо течь ей, быстройей,
Безъ крутыхъ бережковъ;—
Худо жить-быть дѣвушкамъ,
Худо жить-быть краснымъ,
Безъ миленькихъ дружковъ!»
Наживай же, дѣвушка,
Наживай же, красная,
Себѣ милаго дружка!
Худо жить-быть дѣвушкаѣ
Безъ милаго дружка!

Олопецкая губернія. Олопецкія Губернскія Вѣдомости
1868 года, № 24.

291.

Среди-то поля чистаго,
Среди дугу зеленаго,
Тутъ стояла нова башенка,
Высокимъ-то высокошенька.
Что на этойъ было башенкѣ
Взнесена-то пушка мѣдная.
Что у этойъ было пушечки
Молодой былъ пушкаторицичекъ.
Заряжаетъ пушкарь пушечку,
Насыпаетъ черна пороху,
Чугуино ядро закатываетъ,
Самъ къ ядру-то приговариваетъ:
«Полети ты, мое ядрышко,
Высокимъ-то высокошенько,
Далекимъ-то далекошенько,
Выше лѣсу по поднебесью,

Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе!»
Сейчасъ пушечка и грянула;
Посвистѣло туда ядрышко;
Что убило ядро школьничка—
Королевскаго полковничка.
Тутъ король стоитъ, задумался,
Королева дочь заплакала:
«Говорила я мѣлу дружкѣ,
Сердечному наговаривала:
Не ходи, милой, во слободы,
Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе!
Меня милый не послушался,
Нагонилъ тоску смертельную...
Я со той тоски во гробъ пойду
И въ знакъ вѣрности я съ нимъ умру.»

Вологодскій уѣздъ. И в а в и ц к і й, стр. 314.

292.

Какъ на горѣ, на горѣ,
На высокой, на крутой,
Стоялъ новый кабачекъ,
Сосновенькій чердачекъ.
Какъ во этомъ чердачкѣ
Пьетъ голенькій мужичекъ.
Богачи дивуются,
На что онъ пирруется,
«Не дивуйтесь, богачи!
Шинкарочкѣ заплачу!
Размѣняю талера,—
Куילו пива и вина!
Шинкарка, шинкарочка,

Повѣрь мнѣ шивца, винца!»
— «Вѣрю, вѣрю, младый панъ,
На тебѣ сплѣши кафтанъ,
За тебя дочку отдамъ!
Моя дочка Анночка —
Распрекрасна кралечка!»
Въ субботу помолвлена,
Въ воскресенье вѣчана.
Поѣхали ко вѣнцу,
Не сказались отцу;
Пріѣхали отъ вѣнца,
Сироятли шивца, винца;
Стали пить-понивать,
Понименно называть:
«Скажи, скажи, младый панъ,
Какъ по имени зовуть?» —
— «Изъ мѣщанъ я мѣщанинъ,
Но прозванью Карповъ сынъ.
Скажи, скажи, млада панья,
Какъ по имени зовуть?» —
— «Изъ мѣщанъ мѣщанка я,
Но прозванью Карповна.» —
— «Поди, сестра, въ монастырь
Замалывать тяжкій грѣхъ,
А я пойду въ темный лѣсъ!»

Самара. Варенцовъ, стр. 71.

293.

На горѣ, горѣ
Стоять новый кабацегъ.
Какъ во этомъ кабацѣ
Удалые вино пьютъ.
Богачи дивуются...

«Не дивуйтесь, богачи!
За все денежки отдамъ,
Изъ карманка гроша два,
Цѣлковенькихъ полтора!»
— «Вѣрю, вѣрю тебѣ, панъ,
На тебѣ синій кафтанъ,
За тебя дочку отдамъ!
Моя дочка паночка—
Постоящая кралечка!»
Во субботу сватали,
Въ воскресенье вѣнчали.
Пріѣхали отъ вѣнца,
Давай пива и вина,
Стали бражку распивать,
Стали пана поздравлять:
«Здравствуй, здравствуй, панъ!
Откуда ты родиною?»—
— «Родиною изъ Кіева,
По прозванью Карновъ сынъ.
Здравствуй, здравствуй, паночка,
Постоящая кралечка!
Откуда ты родиною?»—
— «Родиною изъ Кіева,
По прозванью Карпова!»
— «Подц, сестра, въ монастырь,
А я пойду въ темный лѣсъ,
Гдѣ бы звѣрь-есть меня съѣлъ!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уездъ, Магницкій, стр. 63
(«обыденная»).

294.

Маменька съ маменькой споръ спорили,
Споръ спорили объ своей дочерн:
Маменька хочетъ именьѣ отдать,

Папенька хочет за князя отдать,
Маменька пошла за сто двадцать версть,
Папенька пошелъ за сто семьдесятъ версть.
Немного погода, и маменька идетъ,
Маменька идетъ и игуменью ведетъ;
Игуменья идетъ, востры пожнцы несетъ.
«Сядись-ка ты, дѣвица, мы станемъ постригать!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, цвѣтное платье снять!»—
—«Снимешь ты, дѣвица, какъ черно надѣвать!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, русу косу расплестъ!»—
—«Расплетешь ты, дѣвица, какъ станемъ постр-
гать!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, лицо бѣло измыть!»—
—«Смоешь ты, дѣвица, горючимъ слезамъ!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, съ подружкамъ простить-
ся!»—
—«Простинься, дѣвица, какъ въ келію пойдешь!»
Немного погода, и папенька идетъ,
Папенька идетъ и князя ведетъ.
Князь молодой удивляется:
«Чья это шапочка на столникѣ лежитъ?
Чья это руса коса на гвоздикѣ виситъ?
Чья это монашнина хорошая сидитъ?»
—«Князь молодой, ступай съ Богомъ домой!
Ужъ вѣрно мнѣ, дѣвицѣ, не быть за тобою!»

Тверская губернія. Перетцъ, Современная русская народная
пѣсня, Спб. 1893, стр. 17.

295.

Жудрявому деревцу Богъ листу не далъ,
А мнѣ, красной дѣвушкѣ, Богъ доли не далъ.
Хочетъ меня батюшка замужъ отдать;
Государыня матушка—въ чернички постричь.
Похвалять мой батюшка за краснымъ повздомъ;

Государыня матушка—за игумномъ-попомъ.
Сбирала дѣвушка подружекъ своихъ,
Посажала красная за дубовый столъ;
Сама сѣла, дѣвушка, подъ краснымъ окномъ.
Брянуло колечушко серебряное,
Упало сердечушко свѣтъ-дѣвушкино;
Глянула въ окошечко косячатое...
Думала: мой батюшка съ краснымъ поѣздомъ,
Ажно это матушка со игумномъ-попомъ!
«Скидай, мое дитяtko, цвѣтное платьицо,
Надѣвай, мое милое, черную рясочку!»—
—«Постой, моя матушка, бѣлилки смою;
Постой, государыня, румянечки сотру!»—
—«Смоешь, мое дитяtko, горячими слезьми;
Сотрешь, мое милое, черною ряскою!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 103.

296.

Три года дѣвушка строї строїла,
Три года красная Богу молилася:
За батюниковъ грѣхъ она умолила,
> За матушкинъ грѣхъ не могла умолить. <
Батюшка съ матушкой споривались;
Батюшка говорить: «я замужъ дочи отдамъ;»
Матушка говорить: «въ монастырь постригу.»
Батюшка говорить: «ужъ я ко князю пойду,
Ко князю пойду да я писъмо принесу;»
Матушка говорить: «я къ игуменьѣ пойду,
Къ игуменьѣ пойду да я старицу приведу.»
Ко князю идти будетъ сорокъ верстъ,
Къ игуменьѣ идти—всѣ пятьдесятъ..
А дѣвица по горницѣ похаживаетъ,
Часто въ окошечко посматриваетъ.

Увидѣла дѣвица: вонъ матушка идетъ,
Матушка идетъ, съ собой старицу ведетъ,
На правой на ручепкѣ маитю песеть...
«Садись, мое дитятко, на ременчатый на стуль!»—
—«Дай мнѣ, родима матушка, цвѣтное платье снять!»
—«Снимешь, мое дитятко, на стуль сидуци!
Садись, мое дитятко, на ременчатый на стуль!»
—«Дай мнѣ, родима матушка, бѣлила-румяна съ
лица смыть!»—
—«Смоешь, мое дитятко, на стуль сидуци!
Садись, мое дитятко, на ременчатый на стуль!»
—«Дай мнѣ, родима матушка, руеу коеу расплести!»
«Расплетешь, мое дитятко, на стуль сидуци!
Садись, мое дитятко, на ременчатый на стуль!»
—«Дай мнѣ, родима матушка, съ подружками про-
стигься!»—
—«Простигься, мое дитятко, на стуль сидуци!»

Ураль, Полевскій заводъ. Записки Уральского Общества
любителей естествознанія, томъ I, вып. 2-й, 1874 г.,
стр. 128.

297.

Да три года дѣвушка церковь строила;
Четвертый годъ дѣвушка Богу молилась.
Какъ батюшкины грѣхи все отмолила,
А матушкины грѣхи, ихъ не отмолила...
Поѣхалъ мой папенька за царскимъ сыномъ,
Сударыня матушка—за игумномъ-попомъ.
Хочетъ меня батенька замужъ отдать;
Сударыня матушка—въ черницы постричь.
Скрипшули воротички пригворчатая,
Щелкнуло колечушко серебряное,
Врехнула собачушка бѣл-пестренькая,
Тѣкнуло сердечушко дѣвушкннко;

Глянула въ окошечко хрустальиенькое...
И думала: мой батюшка со царскимъ сыномъ,—
Сударыня жъ матушка съ игумномъ-попомъ!
«Скидай, скидай ты, чадушко, цвѣтное платье,
Надѣвай ты, милая, черное платье,
Садись, садись ты, чадушко, въ золото стуло!»
—«Позволь ты мнѣ, матушка, на рѣчку сходить,
На рѣчку сходить, бѣлилица смыть,
Бѣлилица смыть, румянца стереть!»—
—«Смоешь, смоешь ты, чадушко, горючей слезой,
Сотрешь, моя милая, злочастливымъ рукавомъ!»

Терекская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. VII, стр. 103 («великопостлая»). После каждаго стиха
принявъ: Раво, раво, раво мое, съ повтореніемъ второй половины
стиха.

298.

Конопля, конопля зеленая моя!
Что жъ ты, конопля, невесело стоишь?
—Ахъ, какъ мнѣ, конопль, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, водой подмыло,
Поперекъ меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюютъ.
Дѣвка, ты, дѣвушка, дѣвушка красная!
Что же ты, дѣвушка, невесело сидишь?
—Ахъ, какъ мнѣ, дѣвучкѣ, вселенской быть?
Мой батюшка хочетъ замужъ меня отдать,
А мачеха хочетъ въ черницы постричь.
Мой батюшка пошелъ бояръ собирать,
А мачеха пошла за игуменьею.
Скрипнули ворота растворчатья,
Брехнула собака борзая на цѣпи,—
Мнѣ чало, батюшка съ боярами,
Ажшой моя мачеха съ игуменьею.

«Садись, мое дитятко, на золотое стульце,
Расплетай, мое милое, русую косу!»—
—«Пусти меня, матушка, на Донъ погулять,
Бѣдильца, румянца съ лица посмывать!»—
—«Смоешь, мое дитятко, горячею слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатый рукавомъ!»

Украинскій Журналъ 1821 г., № 11.—Терещенко, часть VI,
стр. 196

299.

Батюшка съ матушкою споръ сучинилъ:
Батюшкѣ надо за князя отдать,
Матушкѣ надо да въ старушки постричь.
«Садись-ка ты, дитятко, да на золотой на стуль,
Постригемъ ты, дитятко, старушкою!»—
—«Дай волю, матушка, въ баенку схожу!»—
—«Вытошишь ты, дитятко, старушкою...
Да садись-ка ты, дитятко, да на золотой на стуль,
Постригемъ ты, дитятко, старушкою!»—
—«Дай волю, матушка, божатушку дождусь!»—
—«Садись-ка ты, дитятко, да на золотой на стуль,
Постригемъ ты, дитятко, старушкою!»
—«Дай волю, матушка, я косы заплету!»—
—«Остригемъ у дитятки ножницами...»
Мало по малу да стукъ во крыльцо,
Стукъ во крыльцо да еще брякъ во крыльцо:
Да батюшка идетъ да молода князя ведетъ;
Молодой князь идетъ да золоты пѣщи несетъ.
Матушка на ей да ли распронивалася;
Хватила она дитятка за бѣлые волоса,
Ушибла она дитятка о сырую о землю.

Одонецкая губернія. Гильфердингъ, № 300.

300.

Чья это келейка новенькая?

Чья это монашенка молоденькая?..

«Позволь, позволь, маменька, подружку позвать,
Позволь, позволь, маменька, любезенькую!»—

— «Зови, зови, дитятко, котора мила,

Сади, сади, дитятко, возлѣ себя!

Цѣлуй, цѣлуй, дитятко, по три раза!»

Казань. Овсянниковъ, стр. 99 («вечериночная»).

301.

Чья это келейка новенькая?

Чья это монашенка молоденькая?....

«Прикажи, мамашенька, подружку позвать,
Прикажи, мамашенька, молоденькую!»—

— «Зови, зови, дитятко, котора мила!»—

— «Мнѣ мила-милешенька (имя),

Мнѣ мила-милешенька (отчество)!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 120
(«игровая»).

302.

Возлѣ рѣченки я хожу, молода,

Меня водоньки потопить хотятъ...

А немилый мужъ все журить-бранить,

Все журить-бранить, постричься велить:

«Постригися, моя жена немилая,

Постригися, моя жена постылая!

За постриженье тебѣ дамъ сто рублей,

*

За посхименеь дамъ тебѣ тысячу!
Я построю тебѣ нову келейку,
Обобыю ее чернымъ бархатомъ,
Ты въ ней будешь жить да спасатися,
Что спасатися, Богу молитися!»
Какъ и ѣхали тутъ кунцы богатые,
Какъ увидѣли они нову келейку,
Дивовалися новой келейкѣ:
«Ахъ, и что это, братцы, за келейка?
Хорошо келья построена,
И малехонька, и повехонька!
Ужъ и кто же въ ней спасается,
Или вдовушка, или дѣвушка?»
Выходила къ нимъ млада старочка,
Хорошехонька, молодехонька;
Поклонилася имъ низехонько,
Поклонившися, слово молвила:
«Тутъ спасается не дѣвушка,
Не дѣвушка и не вдовушка,
А спасается тутъ жена мужняя:
Не въ любви жила, не въ согласіи!»
Какъ и взмолился тутъ немилый мужъ:
«Разстригнися ты, жена моя милая!
За растригенье дамъ тебѣ тысячу, *1000 - 2000*
За разсхименеь— все имѣнье!» *1000000!*
Я построю тебѣ новъ высокъ теремъ,
А со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами,
Будешь жить въ немъ, прохлаждатися,
Во цвѣтно платьѣ наряжатися!»
Какъ возговоритъ молода старочка:
«Что не надо мнѣ твоей тысячи,
Ни всего твоего имѣнья,
Мнѣ не надобенъ новъ высокъ теремъ!
Я остануся въ этой келейкѣ;

Ужъ я стану жить, спасатися,
За тебя Богу молитися!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 65.—
Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 109.

303.

Я по бережку хожу, хожу,
Я на быструю гляжу, гляжу;
Меня рѣченька топить хочетъ...
Немилый мужъ журить-бранить,
Журить-бранить, постричься велить:
«Постричься, моя немилая,
Ты посхиься, распостылая!
За постриженье дамъ сто рублей,
За посхиьленье дамъ тысячу!
Я поставлю тебѣ келейку,
Что новехоньку, малехоньку,
Во оградушку оконнами,
Во зеленый садъ краснымъ крыльцомъ,
И накрою чернымъ бархатомъ,
Разувѣшу цвѣтами алыми!»
Мимо келейки старцы ѣхали,
Старцы ѣхали переходіе,
Переходіе, переѣздіе,
Моей келейкѣ дивовалися:
«Ужъ и что это за келейка.
Что во келейкѣ за старичка,
За молоденька монашенка,
Что во кельѣ за монашенка?
Молодехонька пострижена,
Что пострижена, посхиьлена;
За какой грѣхъ Богу молится,
За великій, знать, спасается?»—

— «Ахъ вы, старцы перехожіе,
Перехожіе, переѣзжіе,
Перазумные, педогадливы!
Вы спросите, разузнайте-ка...
Да ужъ Богъ съ тобой, немилый мужъ!
На роду мнѣ такъ написано!...»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 103.—Кирѣевскій,
вып. VIII, стр. 108.

304.

Возлѣ рѣченьки хожу, млада,—
Меня рѣченька стоить хочеть;
Возлѣ огничка стою, млада,—
Меня огничкъ сналить хочеть;
Возлѣ милаго спужу, млада,—
Меня милый другъ журить-бранить,
Опъ-то журить-бранить,
Въ монастырь идти велить:
«Постригись, моя немилая,
Посхимнися, постылая!
На постриженье выдамъ сто рублей,
На посхименье тебѣ—тысячу!
Я поставлю нову келейку
Въ зеленомъ саду подъ яблоней;
Прорублю я три окошечка:
Первое—ко Божьей церкви,
Другое-то—во зеленый садъ,
Третье-то—во чисто поле.
Въ Божьей церкви—ты намолнисься,
Въ зеленомъ саду—цагуляешься,
Во чисто поле—насмотришься!»
Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ.
Они спрашиваютъ: «что за келейка,
Что за келейка, что за повенька?»

Что въ ней за монашенка за молоденька?
Еще къмъ она пострижена?»
Отвѣчала имъ монахиня:
«Я пострижепа самимъ царемъ,
Я посихлена Петромъ Первымъ,
Черезъ его змѣю лютую!»

Русскій Архивъ 1863 г., № 2.—Кирѣевскій, вып. VIII,
стр. 106.

305.

«Остригись, моя жена немлая,
Ты посихмься, моя жена постылая!
За постриженье дамъ тебѣ сто рублей,
За посихленье—всеё тысячу!
Я поставлю тебѣ нову келейку,
Я на Суздальской славной дороженькѣ,
Чтобы ивише шли конные ѣхали,
На твою келію дивовалися:
Что это въ полѣ за келейка?
Что это въ келейкѣ за монашенка?
Отчего она пострижена,
И пострижена, и посихлена?
Отъ отца ли она, или отъ матери,
Отъ дружка ли она отъ любезнаго,
Или отъ мужа отъ ревниваго?...

Арзамасъ. Записки Академіи Наукъ, томъ V, стр. 206.

306.

«Остригись, моя немлая,
Посихмься, моя постылая!
На постриженье дамъ сто рублей,
На посихменье дамъ тысячу!

Поставлю келѣйку во Суздаѣ, красномъ городѣ,
Тоншеньку, малешеньку!»....
Князья и бояре съѣзжались
И той келѣйкѣ дивовались:
«И что это за келѣйка,
И тоншенька, и малешенька?
И что это за старица,
Что пострижена молодешенька?»...

Изъ следственаго дѣла 1729 г. Заря 1870 г., № 9.—Записки
Академіи Наукъ, томъ V, стр. 205.

307.

Возлѣ рѣченьки стою, млада,—
Меня рѣченька потопить хочеть;
Возлѣ огонька хожу, млада,—
Меня огоньчикъ спалить хочеть;
Возлѣ милаго сижу, млада,—
Меня милый журить-бранить,
Ужъ онъ журить-то, бранить,
Постричься велить:
«Постригись ты, моя немлада,
Посхимься, разпостылая!
На постриженье дамъ тебѣ сто рублѣй,
А на посхименье тысячу!
Я построю тебѣ нову келѣйку,
При пути при дороженькѣ,
Во зеленомъ саду подъ яблоней;
Прорублю три оконечка:
Первое окно—ко Божіей церкви,
А второе окно—во чисто поле,
А третіе окно—во зеленый садъ.
Въ Божьей церкви—помолись,

Во зеленомъ саду—разгуляешься,
А въ чистомъ полѣ—со мной увидишься!»

Москва. Кирѣевскій, выш. VIII, стр. 107.

308.

Нередь нашими широкими воротами
А утоптана трава, утолчена мурава,
Ощипаны цвѣточки лазоревые.
Еще кто траву стопталь, кто мураву столочилъ?
Сотоптала, столочила красна дѣвица дуна,
Стоючи она съ надежею съ милымъ другомъ.
Онъ держаль красну дѣвицу за бѣлы ручки
И за хороши за перстни злаченые,
Цѣловаль, миловаль, ко сердцу прижималь,
Называль красну дѣвицу животомъ своимъ.
И проговоритъ дѣвица-душа красная:
«Ты, надежа мой, надежа сердечныйи другъ!
А не честь твоя, хвала молодецкая,
Безъ числа больно, надежа, ушваешься,
А и ты мной, красной дѣвицей, похваляешься;
А и ты будто надо мной все насмѣхаешься.»
Ему тутю, молодцу, за бѣду стало;
Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу по бѣлу ея лицу.
Онъ расшибъ у дѣвицы лицо бѣлое,
Проливалъ у дѣвицы кровь горячую,
Замараль на дѣвицѣ платье цвѣтное.
Расплатится дѣвица передъ молодцемъ:
«Когда тебѣ дѣвица не въ любви пришла,
А и ты сдѣлай мнѣ, надежа, ветлянецкыйи стружокъ,
А и ты сдѣлай мнѣ на пемъ муравленийи чердачокъ,
А и сдѣлай бесѣду дорогъ рыбийи зубъ,
Псподери ту бесѣду рытымъ бархатомъ.
А и дай мнѣ, надежа, пятьдесятъ гребцовъ,

А другое пятьдесятъ въ провожатые,
Отпусти меня, другъ-надежа, за сине море,
За сине море во почестный монастырь;
Постригусь я, молодешенька, посхим.пося!
На постриженье ты дай миѣ пятьдесятъ рублевъ,
На носхименье дай миѣ другое пятьдесятъ!»

Кирша Данцловъ, № 35.

309.

На снемъ было на морѣ,
На тихомъ было заводѣ,
Потовулъ тутъ Василиі князь,
Отъ злата вѣнца идучи.
Оставалась молода княжна:
«Ужъ вы, бояра, бояра!
Воротите вы комомя
На родимую сторону,
Ко родному батюшкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ!»
Они прѣхали къ батюшкѣ.
Посмотрѣла въ окошечко
Молодая невѣстушка:
«Богоданная матушка!
Къ намъ не гостыоника прѣхала,
Къ намъ прѣхала подворишца,
Вѣковая постельница!»
—«Ой вы гоі еси, бояра!
Воротите вы комомя
Ко святому монастырю,
Къ самобольней игуменьѣ...
Ты, честная игуменья!
Постриги меня въ старицы,
Ты вострой миѣ-ка келейку,

Просѣки три окошечка:
Первое-то окошечко—
Ко святому Благовѣщенью,
А второе-то окошечко—
На родимую сторону,
А какъ треть-то окошечко—
На синее на море,
На тихое на заводье:
Потонуль тутъ мой вѣнчаный мужъ,
Вѣнчаный мужъ Василій князь!...»

Архангельская губернія, Шенкурскъ. Русская Бесѣда 1856 года,
№ 1, стр. 57.

310.

А въ насъ во Николѣ во приходѣ
Собиралсь дѣвушки подъ разбон.
Онѣ русыя косы расплетали,
Молодецкія кудри завивали,
Черныя шляпы накладали;
Онѣ вороныхъ коней посѣддали,
Ямскіе кафтаны надѣвали,
Вербажки-поднояски съ полосами,
Кумачшыя штаны съ напусками,
Бѣлыя чулочки съ начесами,
Сафьяны-чеботочки съ подковками.

Онѣ ѣхали Юрья разбѣвати.

А Юрья онѣ дома не застали,

А застали онѣ Юрьеву дочку.

А Юрьева дочка догадалась;

Открыла окошко немножко,

Она дѣвушкамъ рѣчь говорила:

«Ой, какъ же вамъ, дѣвушки, не стыдно?!

Ой, какъ же вамъ, красныя, не соромъ?!

Что вы русыя косы расплетали,

Молодецкіе кудри завивали,
Черныя шляпы накладали?
Что вы вороныхъ коней посѣдали,
Имскіе кафтаны надѣвали,
Вербяки-подпояски съ полосами,
Кумачныя штаны съ папусками,
Бѣлыя чулочки съ пачесами,
Сафьяны-чеботочки съ подковками?!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 61.

311.

Не взвивайся, мой голубчикъ,
Выше краснаго окна,
Вотъ хрустальнаго стекла!
Мнѣ такъ тошно, мнѣ такъ грустно
Жить, дѣвушкѣ, сиротой,
При дорожкѣ при большой,
Безъ матушки безъ родной...
Звала, звала дѣвка парня
Во чисто поле гулять:
«Пойдемъ, пойдемъ, мой голубчикъ,
Во чисто поле съ тобой!
Бери, бери, мой голубчикъ,
Свой тонкой бѣлой шатеръ;
Раскинь, мой голубчикъ,
По чистомъ полю шатеръ;
Приляжь, приляжь, мой голубчикъ,—
Я въ головѣ поинцу,
Русы кудри расчесну!»
Стала кудерки чесать,
Сталъ молодчикъ засыпать.
«Засни, засни, мой голубчикъ,
У дѣвушки на рукѣ,

На кисейномъ рукавѣ,
Да на золотомъ перстенѣ,
На персидскомъ на коврѣ!»
Какъ проснулся-пробудился,
Во русы кудри хватился—
Нѣтъ ни русыхъ ни кудрей,
Ни дѣвушки, ни шатра,
Ни кисейнаго рукава,
Ни золота перстения,
Ни персидскаго ковра,
Нѣтъ ни ворона коня,
Ни черкаскаго сѣдла...

Якушкинъ, стр. 373.

312.

Вечоръ ко мнѣ, дѣвушка,
Соловушка прилеталь,
Соловушка прилеталь—
Молодецъ въ гости пришель.
Звалъ онъ, манилъ дѣвушку,
Уговаривалъ съ собою:
«Поѣдемъ-ка, дѣвушка,
Во чисто поле гулять,
Во чисто поле гулять,
Во зеленые луга;
Заѣдемъ мы, дѣвушка,
На высокій на курганъ;
Еще возьмемъ, дѣвушка,
Полотнянъ бѣлый шатеръ;
Разставимъ же, дѣвушка,
Полотнянъ бѣлый шатеръ;
Во шатрѣ поставимъ
Мелкоточену кровать;

На кровать положимъ мы
Перинушку пухову,
Подушечки парчевы...»
—«Ложись, ложись, молодець
Дай въ головкѣ попскать;
Въ головуикѣ поицу,
Русы кудри расчесу!»
Стала дѣвушка искать,
Сталь молодець засыпать.
Уснуль, уснуль молодець
У дѣвушки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ.
Всталъ-проснулся молодець:
Ни дѣвушки, ни коня,
Нѣтъ ни бѣлаго шатра!
Заставила дѣвушка
Въ полѣ пѣшему ходить,
Въ полѣ пѣшему ходить,
Поджавъ ручепьки, бродить.
«Добро же те, дѣвушка,
Самъ насмѣшку отемѣю,
Самъ насмѣшку отемѣю—
Русу косу оторву!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 205 («бытовая»). Очень сходная
(безъ четырехъ послѣднихъ стиховъ) пѣсни изъ Уральской области:
Желѣзовъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ III, Сиб.
1888 г.;—Нобольсинъ, Уральцы, Сиб. 1835, стр. 123.

313.

У уляй, гуляй, дѣвица, у батюшки да ты во саду,
Гуляй, гуляй, красная, у матушки да ты во зеле-
номъ!
Вечоръ къ тебѣ, дѣвица, соловушекъ прилетитъ,
Соловушекъ прилетитъ, молодець въ гости придетъ;

Станеть тебя, дѣвицу, уговаривать, улещать;
Не сдавайся, дѣвица, на ласковы его слова...
Сдалась, сдалась дѣвица на веселій разговоръ:
«Бери, бери, дѣвица, свой тонкій бѣлый шатеръ!»
— «Я возьму, молодець, тесову нову кровать!» —
— «Пойдемъ мы, дѣвица, во чисто поле гулять;
Разобьемъ мы, красная, твой тонкій шатеръ;
Поставимъ, дѣвица, тесову нову кровать...»
— «Ложись, ложись, молодець, въ головушкѣ тебѣ
попщу,
Въ головушкѣ попщу, черны кудри расчешу!»
Уснуль, уснуль молодець у дѣвушки на правой рукѣ;
Какъ проснулся молодець, — нѣтъ ни дѣвки, ни
шатра,
Нѣтъ ни дѣвки, ни шатра, ни добра его коня!
Заставила дѣвушка меня въ полѣ пѣшаго ходить,
— Заставила красная сѣдельце на рукахъ носить.

Терская область. Сборникъ материаловъ для описанія...
Кавказа, вып. VII, стр. 90.

314.

Не летаіі, не летаіі,
Мой сизенькій голубокъ,
Не воркуй, не воркуй
Жалобнешенько!
Мнѣ п такъ-то, красной дѣвицѣ,
Тошнешенько!
Неравно, красна дѣвица,
Соколь прилетитъ;
По-за соколѣ, дѣвица,
Молодець прибѣжитъ!....
Я раскину бѣль шатеръ
Близъ дорожки, близъ пути,
Гдѣ бы милому пройтѣ,

На конѣ проѣхати,
На конѣ проѣхати,
Во шатерь заѣхати.
«Не угодно ли, молодчикъ,
Я въ головкѣ пощу?»
Стала дѣвица некать,
Сталъ молодчикъ засыпать.
Какъ проснулся-пробудился,—
Анъ и шѣтъ никого:
Ни дѣвнцы, ни коня,
Нѣту бѣлаго шатра,
Ни черкаскаго сѣдла!
«Миѣ не жаль, не жаль коня,
Не жаль бѣлаго шатра!
Только стыдно и обидно,—
Дѣвка парня провела!»

Вологодскій уѣздъ. И в а п ц к і й, стр. 330.

315.

Не летай-летай, голубчикъ,
Черезъ мой высокъ теремъ;
Не садися, голубокъ,
Надъ моимъ краснымъ окномъ;
Не воркуй-воркуй, голубчикъ,
Жалобнехонько при миѣ!
Ой, и такъ миѣ, красной дѣвкѣ,
Жить тоненько въ теремѣ...
Не пуцаеть меня мать
Во чисто поле гулять...
«Неравно ли, неравно ли
Соколь ясный надлетитъ,
Разудальи надбѣжитъ,
Тебя, дѣвку, побѣдитъ...»
Пошла дѣвушка гулять,

А молодець настигать.
«Садись, садись, красна дѣвушка,
На черкесское сѣдло,
Сзади милаго твоего!»
А мы ѣхали вдвоємъ
Не дорогой, не путемъ;
Мы раскннули шатерь
При дороженькѣ большой.
Онъ пустилъ своего коня
Подлѣ бѣлаго шатра;
Прислонилъ свое копые
До дубоваго столба.
—Ляжь-ка, ляжь-ка, добрый молодець!
Въ головушкѣ поницу,
Русы кудри расчесу,
На монхъ бѣлыхъ рукахъ,
На кисейныхъ рукавахъ.»
Стала дѣвица некать,
А молодець засыпать,
Его дѣвка цѣловать.
А очнулся-пробудился
Удалъ добрый молодець:
Иѣтъ ни дѣвки, ни шатра
И ни ворона коня,
Ни черкесскаго сѣдла!
«Ай, заставила, каналья,
Молодца иѣшаго ходить,
У рукахъ копые носить!
Ой, не жаль мнѣ, молодцу,
Ни дѣвицы, ни шатра
И ни ворона коня;
Только жаль мнѣ, молодцу,
Своего глупаго ума:
Красна дѣвка провела!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 36.

Лизонька
сестра

316.

Уросилася Лизонька
У маменьки погулять:
«Пусти, пусти меня, маменька
Въ зеленъ садъ погулять!»
Пущала ее маменька,
Приказывала:
«Неравно, мое дитятко,
Соколь-птица влетитъ,
За соколомъ за птицею
Иванъ-сударь прилетитъ!
Ты не сумѣешь, не разумѣешь,
Какъ съ Егорычемъ говорить!»—
—Я сумѣю, я разумѣю,
Какъ съ Иваномъ говорить.
Я раскину бѣль шатеръ
При дорожкѣ при большой,
При рощицѣ зеленой,
При ракитовомъ кусту,
При ракитовомъ кусту.
При лазоревомъ цвѣту
Ложись, ложись, Иванъ-сударь,—
Я въ головкѣ пойду.
Ложись, ложись, Егоровичъ.—
Русы кудри расчешу!»
Стала кудрецы чесать,—
Егоровичъ засыпать;
Стала русыя чесать,—
Иванъ-сударь засыпать.
Успуль Иванъ-сударь
У Лизоньки на рукѣ,

У Лизоньки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ....

Воронежскій уѣздъ. Воронежская Беседа на 1861 годъ.
стр. 161.

317.

Моѣхаль добрый молодець
Во чисто поле гулять.
Первое полюшко проѣхаль,
На второе пѣшкомъ шель;
На третьемъ чистомъ полюшкѣ
Началь сонъ меня долить;
Начинаеть сонъ долить,
Дрема съ ногъ стала валить.
Привяжу я добра конюшка
Ко сырому ко дубу,
Ко дѣвицы ко шатру,
Ко дѣвицы ко шатерышку,
На волковомъ поводу,
На шелковую траву,
На шелковую травоньку;
Самъ я лягу съ милой спать,
Спать подъ сосенку,
Подъ такую подъ сосенышку,
Подъ кудрявую зелену.
Что не во полѣ пыль пыляется,
Распыляй-пыляется;
Не душа ли добрый молодець
Пробужай-бужается.
Пробудившись, добрый молодець:
Ни коня нѣтъ, ни сѣдла,
Ни коня нѣтъ, ни сѣдельшка,
Ни дѣвицы, ни шатра,

Ни дѣвицы, ни шатерышка
Нѣтъ ни милой у себя.

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ
1887 г., № 4. Каждый второй стихъ повторяется.

318.

Душечка молодчикъ,
Не сунн, не круши
Красной дѣвицы души!
Такъ мое сердечушко
Изныло по тебѣ,
Мои ясныя очи
Помутнились со слезъ...
Я со той тоски-кручины
Въ чисто поле поиду.
Я раскину бѣлыя шатеръ,
При дорогѣ при большой,
При долинь широкой.
Никто ко мнѣ въ шатеръ
Не заѣхалъ, не зашелъ;
Только заѣхалъ да зашелъ
Одинъ миленькій дружокъ;
Опъ на ворономъ конѣ,
На черкасскомъ на сѣдлѣ.
«Ужъ ты, миленькій дружокъ,
Привяжи коня къ шатру,
А самъ ко мнѣ у шатеръ!
Ужъ ты, миленькій дружокъ,
Дай у головкѣ попицу,
Русыя кудри расчешу!»
Я искать не папекала,
Русыя кудри поплутала,
Добраго молодца припала

На своихъ бѣлыхъ рукахъ,
На кисейныхъ рукавахъ.
Я очнулся, я проснулся,—
Нѣтъ ни дѣвки, никого,
Нѣтъ ни ворона коня,
Ни черкасекаго сѣдла....

same

Курская губернія, Щигровский уѣздъ. Халавскій, № 11.

319.

*How I miss
the Turk*

Первымъ полемъ мальчикъ шелъ,
Вторымъ полемъ коня велъ,
А третьимъ полемъ зеленъ дубъ стонгъ;
Въ зеленомъ дубу золотое кольцо.
Привяжу я коня къ золотому кольцу,
Прикажу своего коня я красной дѣвицѣ,
Красной дѣвушкѣ, душѣ Настенькѣ;
Я самъ разставлю, добрый молодець,
Полотнянъ бѣлый шатеръ,
Разстелю я въ шатерикѣ бѣлый войлочекъ,
Лягу, лягу, молодець, съ дѣвушкой я, высплюсь....
Всталъ, проснулся, молодець, на бѣлой зарѣ;
Нѣту, нѣту у молодца, ни коня и ни сѣдла,
Ни коня нѣтъ, ни сѣдла, ни дѣвушки, ни шатра!
Пойду, взойду, молодець, на высокій на курганъ,
Посмотрю я, молодець, на все четыре стороны.
Какъ въ правой сторонѣ не пыль-то пылить,
Въ зеленыхъ-то лугахъ турокъ плѣнь дѣлать;
Впереди ведутъ коня-то воронаго,
На конѣ сидитъ красна дѣвушка,
Красна дѣвушка, душа Настенька;
Досталась Настенька турку храброму....

Уральская область. Мякушинъ, стр. 203 («бытовая»).

320.

Ахъ ты, мать ли моя, мать,
Родимая моя мать,
Да какая въ тебѣ стать—
Посылаешь одну спать!
Я не лягу одна спать,
Пойду милаго искать.

Я вечеръ, молода,
Во бесѣдѣ сидѣла,
На милаго глядѣла,
Поразсорилася
И пораздорилася,
И позвала дружка
Негоднымъ въ глаза:
«Ты негодный, нехорошій,
Милый мой,
Я не имаю любви никакой!»
Тутъ одумалася,
Призадумалася,
Не знаю, какъ быть:
Помириться, али нѣтъ?
Знаю, знаю, разумѣю,
Помирится умѣю.
Я учлива на словахъ,
Разговорка на рѣчахъ...

Поставь, миленькій, шатеръ
Край дороженьки моей,
Край широкой, почтовой;
Да припняжи, милой, коня
Ко точену ко столбу,
Къ золоченому кольцу;

Дай-ка, дай мнѣ, молодець,
Я въ головкѣ поищу,
Я въ головкѣ поищу,
Желты кудри расчешу!
Стала дѣвица искать,
Сталъ молодчикъ засыпать.

Проснулся, пробудился—
Вижу, нѣту никого:
Ни коня, ни сѣдла,
Ни дѣвицы, ни шатра!
Шельма дѣвка приушла,
Не цѣлована ушла,
Не цѣлована,
Не милована!

На дѣвушкѣнѣ слѣдокъ
Выпаль обленѣнѣй сѣбѣжокъ.
Я по слѣдкамъ пошелъ,
Свою любезную нашелъ.
Я не билъ и не бранилъ,
Во зеленый садъ манилъ.
Дѣвка во саду гуляла,
Со травы цвѣты рвала,
Вьюнокъ милому свила.
Вьюнокъ милому свивала.
На головку надѣвала,
Обнимала, цѣловала,
Меня дружкомъ называла:
«Милый, милый мой,
Разлюбезный, дорогой,
Жаль разстаться мнѣ съ тобою,
Жаль разстаться, респростаться
Мнѣ навѣки отъ тебя!
Бѣгу въ темны я лѣса,
Бѣгу въ темны во дремучи,

Гдѣ мой миленькой гулять
И слѣдоченьки скрываль;
Опѣ слѣдочки скрываль.»
—Мнѣ не жалко, молодцу,
Ни коня, ни сѣдла,
Ни дѣвицы, ни шатра;
Только жалѣ молодцу
Глуна разума-ума!

Оловецкая губернія. Славянская, часть I, стр. 32 («Хороводная»).

321.

Не летаі-ка ты, да не летаі-ка ты,
Разсизенькій ты мой голубогъ;
Не садись-ка ты, не садись-ка ты,
Да на мое-то раскрашенное оклю!
На моемъ-то красномъ окошкѣ
Да неравенъ случай бываетъ:
Меный соколъ въ гости прилетитъ...
По прилетичку—ясный соколъ,
А по прѣзду—парень молодой!...
Ты пожалуй-ка, молодчикъ,
Головушку почешу!
Стала дѣвушка головушку чесати,
Сталъ молодчикъ крѣпко засыпати...
Чуть прочкнулся-пробудился
И въ оконечко поглядѣлъ,
Въ оконечко да скрозь стеколушко:
Ни дѣвушки, ни коня!

Перская губернія. Шиншико, стр. 249. Еще одна пѣсня на ту же тему, совершенно искаженная: Будде, № 24 «Круговая», Галицкая губернія).

322.

«Не летай же ты, соколы,
Высоко и далеко,
Не размахивай, соколы,
Правымъ крыломъ широко!
Не ходи, душа ты Марья,
Во зеленый садъ гулять:
Неравно, душа Ивановна,
Соколы-птица налетитъ,
Какъ за соколомъ за птицей
Василь-сударь наѣдетъ!»—
— «Я умью, разумью
Съ нимъ и рѣчи говорить!
И раскину бѣтъ шатеръ
При долинѣ при большой...
Ляжь-ка, ляжь-ка, Василь-сударь,
Я въ головкѣ поищу,
Русы кудри расчесу,
Добра коня привяжу.»
Какъ уснулъ-ли Василь-сударь
Какъ на ручкахъ, на рукахъ,
На широкихъ рукавахъ;
Какъ проснулся Василь-сударь:
Нѣтъ ни коня, ни шатра!
Заставля его Марья
Пѣшимъ по полю ходить...
Люди пашеньку пахать,
А мы ручками махать...

parallelism

323.

На рѣчкѣ на лужечкѣ,
На прекрасномъ бережечкѣ,
Тамъ купались красны дѣвки,
Пониже молодицы.
Туть шель, прошелъ Макарина,
Унесъ наши рубашки,
Тонки лянны, бѣлы полотняны,
Со кисейнымъ рукавами,
Со персидскимъ кружевами.
Всѣ-то дѣвушки были стыдливы.
Акулина была нестыдлива:
Фартукъ бѣлый повязала,
За Макарьей побѣжала,
Громкимъ голосомъ кричала;
«Ужъ ты стой, постой, Макарина!
Ты унесъ наши рубашки,
Тонки лянны, полотняны,
Со кисейнымъ рукавами,
Со персидскимъ кружевами,
Со нѣмецкимъ воротами!»
Туть Макарьшенька божицелся,
Съ Акулиной подружился...

*Всѣ
стало
дѣвки
Макарина
Акулина
Макарьша*

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 106 («плясовал»). Каждый стихъ повторяется.

324.

Вдоль по травкѣ, вдоль по муравкѣ,
Вдоль по маленькой канавкѣ,
Тамъ купались дѣвицы,
А пониже бабы-молодицы.
Туда шель, прошелъ Макарка,

Онъ укралъ наши рубашки
Тонки лянны, бѣлы полотняны,
Со манжетами, съ грибами,
Со кисейными рукавами,
Всѣ были дѣвицы тутъ стыдливы
Акулина была не стыдлива:
Фартукомъ груди подвязала,
Вслѣдъ Макарка побѣжала:
«Ты, Макаръ, Макаръ, Макарка,
Ты отдай наши рубашки,
Тонкія лянны, бѣлы полотняны,
Со манжетами, съ грибами,
Со кисейными рукавами!»

Олонецкая губернія, Петрозаводскъ. Олонецкія Губернскія
Вѣдомости 1868 г., № 29.

325.

Во крутому по красному по бережку,
По желтому сыпучему песочку,
Стояла пзбушка вожканочка;
Во той во избѣ холостѣба сидитъ,
Холостѣба, братцы, сидитъ, не женатые,
Не много не мало—тридцать девять человекъ.
Между ими сидитъ красна дѣвица;
Играетъ дѣвица съ добрымъ молодецъ
Въ большую игру во тавлейную,
Во тѣ ли во тавлеи, во шахматы.
Игралъ молодецъ о трехъ корабляхъ,
А дѣвица играла о буйной головѣ.
Ужъ какъ дѣвица молодца обыграла;
Выиграла дѣвица три корабля:
Первый тотъ корабль—съ краснымъ золотомъ,
Другой тотъ корабль—съ чистымъ серебромъ,
А третій корабль—съ крупнымъ жемчугомъ.

Съль добрый молодець, задумался,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Потушилъ свои очи ясныя...
Что взговорить душа красна дѣвица:
«Не печалься, не кручинься, добрый молодець!
А вѣсь твои три корабля возвратятся,
Какъ меня ли, красну дѣвку, за себя возьмешь:
Корабли твои за мной въ приданое...»
Ахъ, что взговорить удалый добрый молодець:
«Пропади вся моя золота казна,
Золота казна несмѣтная!
Не взять мнѣ души красной дѣвцы!
Загадаю дѣвицѣ загадочку,
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Ахъ, что у насъ, дѣвица, безъ огня горитъ,
Безъ огня у насъ горитъ и безъ крыль летитъ.
Безъ крыль у насъ летитъ и безъ погъ бѣжитъ?»
Да что взговорить душа красна дѣвица:
«Ужъ какъ эта ли загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Безъ огня у насъ горитъ солнце красное,
А безъ крыль у насъ летитъ туча грозная,
А безъ погъ у насъ бѣжитъ мать быстра рѣка...»
Ахъ, что взговорить удалый добрый молодець:
«Загадаю дѣвицѣ загадочку,
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Ужъ какъ есть у меня парень поваренный,
Такъ развѣ вѣдь онъ тебя за себя возьметъ...»
Да что взговорить душа красна дѣвица:
«Ужъ эта загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Ужъ есть у меня дѣвка гусятница,
Ужъ развѣ она за тебя поидетъ...»

326.

На одь славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангель-
скомъ,

На Васильевскомъ славномъ островѣ,

На прибѣгницѣ на Лодейномъ,

Что на пристани корабельной,

Туть построена изба новая,

Изба новая караульная.

Что во той избѣ повой,

Восемьсотъ удалыхъ молодцовъ сидигъ;

Межъ ими-то красна дѣвица;

Она горазда была играть въ шахматы;

Обыграла удалаго добра молодца...

Проигралъ-то добрый молодець три черныхъ кора-
бля:

Первый—съ чистымъ серебромъ,

Второй—съ краснымъ золотомъ,

Третій—съ скатымъ жемчугомъ.

Закручишлся, запечалился добрый молодець,

Повѣсилъ буйцу голову со могучихъ плечъ,

Потушилъ очи ясныя во матушку сыру землю,

Что прижалъ да руки бѣлыя къ ретивому сердцу...

Разговаривала красная дѣвица добра молодца:

«Не кручнись, не печалься, добрый молодець,

Ты не вѣсь своей головы со могучихъ плечъ,

Не тупи да очи ясныя во сыру землю.

Мы пойдемъ-ка во Божью церковь,

Паложимъ да вѣщи золотые,

Примемъ да законъ Божій,

Ужъ и будемъ съ тобою по закону жить!»—

—«Отступаюсь я отъ черныхъ кораблей,

Я пейду съ тобою во Божью церковь,

Не примаю законъ Божій,
Не хочу съ тобой по закону жить!»...

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 63
(«науличная»).

327.

Ходилъ - гулялъ добрый молодець, искалъ мѣсто
доброе...

Не нашель-то добрый молодець мѣста добраго,
А нашель-то добрый молодець море синее...
О край моря, о край синяго камыши высокіе,
Камыши высокіе, лопухи широкіе.
Какъ во этихъ въ камышикахъ стояла избушечка,
Избушечка новенькая, сосновенькая;
Во той ли избушечкѣ была свѣтла горенка;
Въ этой во горенкѣ стоятъ столы новые,
Стоятъ столы новые, калиновые;
На этихъ на столикахъ разостланы скатертки,
Разостланы скатертки воронья, шелковыя;
Возлѣ этихъ столиковъ стулья камышевые;
На стулахъ сидитъ добрый молодець съ душой крас-
ной дѣвницей,

Играютъ во игры серебряныя.
Пронгралъ же добрый молодець три кораблика:
Первый корабликъ—со чистымъ золотомъ.
Другой корабликъ—со чистымъ серебромъ,
Третій корабликъ—съ разными товарамъ.
Послѣ добрый молодець сидитъ, припечалился.
Припечалился добрый молодець, призадумался:
«Ужъ вы, свѣтъ мои кораблики, запропали,
И со златомъ и со серебромъ и съ разными товара-
ми!»

Уговариваетъ добраго молодца красна дѣвица:

«Не плачь, не тужи, добрый молодецъ, обь своихъ
корабликахъ,
Со золотомъ, со серебромъ, съ разными товарами!
Возьми меня, добрый молодецъ, за себя замужь!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 72.

328.

Еще все-то добрые люди пьютъ, гуляютъ;
Охъ, я одинъ-то, добрый молодецъ, охъ, не гуляю.
Охъ, я хожу-то, добрый молодецъ, охъ, по базару;
Охъ, за собой вожу добра коня, охъ, продаваю.
Ой, да никто моего добра коня, охъ, да не купитъ.
Ой, да никто моего вороного, охъ, да не торгуетъ...
Сторговаль моего добра коня, охъ, сынъ гостинный.
Запросилъ я за добра коня, охъ, ровно триста;
Онъ и подаль за вороного, охъ, полтораста;
Ой, а цѣною сохотѣлись, охъ, ровно два ста.
Сторговавши, добрый молодецъ, охъ, деньги платитъ.
Сталь моего коня онъ, охъ, обротати;
Обротавши онъ вороного коня, охъ, сталь сѣдлати;
Осѣдлавши онъ добра коня, охъ, сталь взнуздати;
А взнуздавши онъ вороного, охъ, сталь садитъся,
Сталь садитъся добрый молодецъ, охъ, сталь хвалитъся:

«Вотъ теперь-то, добрый молодецъ, охъ, погуляю,
Охъ, какъ и та ли бѣла рыбица, охъ, по Дунаю!»
Похвалившись, добрый молодецъ, самъ поѣхаль.
Оставался я, добрый молодецъ, охъ, со казною,
Ой, съ золотой казной остался, охъ, самъ запла-
каль...

Удѣмская губернія, Мезеленскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 66.
Последніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются.

329.

На рождественской недѣлѣ:
Красныя дѣвушки
Собирался въ избушку,
Во избушку во пустую.
Изъ-подъ печки, изъ-подъ столбца
Вышла красная дѣвица
Въ тонкой бѣленькой рубашкѣ,
Въ синемъ сарафанѣ,
Въ красненькихъ башмачкахъ.
У ней губы-то медвѣжны,
Зубы-то желѣзны.
Все дѣвушки испугались,
Изъ избушки побросались.
Одну дѣвушку схватила,
На колѣни посадила.
«Ты, красная дѣвушка,
Отвори окошко,
Клики подружкамъ,
Назадъ бы воротились,
Меня бы не боялись:
Я такая же дѣвица!»

Ярославская губерція, Почепоускій уѣздъ. Сухановъ, стр. 33.
Послѣ каждаго стиха: ой магушка! Шея сомнительной
подлинности.

330.

Вы, солдатушки-улань,
Гдѣ вы были, гдѣ бывали?
— Мы подъ Интеромъ стояли,
Подъ Можасемъ воевали,
Ко избушечкѣ мы подходили.

У избушечки мы постучали:

«Ты, вдовушка вдовая,
Ты, солдатка молодая,
Ты пусти насъ къ себѣ постоять!»

Намъ солдатка отвѣчаетъ:

— «У меня избушечка маленюка,
Всего въ одну стѣну семь саженокъ!»

Старшинной солдатъ слово молвилъ:

«Насъ солдатушекъ всѣхъ немного:
Насъ на коняхъ-то полтораста,
Пѣшехотныхъ насъ полтретьяста!»

Все таки она насъ не пускаетъ,
Все избушечку не отпираетъ.

Старшинной солдатъ слово молвилъ:

«Вы, солдатушки, не робѣйте!»

Ворота у ней мы изломали,
На дворъ мы къ ней забралися,
Во избушечку мы къ ней вобралися.
Ужъ какъ сѣли мы по лавкамъ,
Ужъ какъ сѣли мы всѣ по порядкамъ.

Какъ и вдовушка стоитъ у печки,
Поджамши свои бѣлы ручки.

Старшинной солдатъ слово молвилъ:

Ты, вдовушка вдовая,
Ты, солдатка молодая,
Пойди ты къ намъ поближе,
Поклонись ты намъ пониже!»

Вынимаетъ солдатъ полотенце:

«Не твое ли, душа, рукодѣльце?
Ужъ не нашъ ли это перстенечекъ?
Не твой ли я, милая, дружечекъ?»

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. В року ппнъ, № 38

331.

У ланы, вы гдѣ были-побывали?
—Мы подѣ Пттеромъ стояли,
Подѣ Можаемъ воевали,
Мы Москвою проходили,
Ко вдовушкѣ заходили:
«Пусти, вдова, ночевати,
Молодая, постояти!»
А вдовушка выходила,
Таки рѣчи говорила:
«У меня дворикъ маленекъ,
А горенка не величка.»
Солдатушки не взирали.
Воротнички отворяли;
Они сѣли все по лавкамъ,
Все по лавкамъ, по порядкамъ,
Большой гость—въ переднее мѣсто.
А вдова стоитъ у печки,
Прижала руки къ сердечку.
Какъ возговорить большой гость:
«Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже!
Ты который годъ вдовѣшь,
Ты который сиротѣшь?»—
—«Я десятый годъ вдовѣю,
Ужъ я пятый сиротѣю.»—
—«Ужъ и много ль у тебя хлѣба?»—
—«У меня хлѣба осьмина.»—
—«Ужъ и много ль у тебя денегъ?»—
—«У меня денегъ полтина.»—
—«Ужъ и много ль у тебя дѣтокъ?»—
—«У меня дѣтокъ четверо.»—

recoigny

—«подавай, вдова, черну шляпу;
во шляпушкѣ полотенце,
въ полотенцѣ узелочекъ,
въ узелочкѣ золотъ перстень—
ужь не твой ли обручальный?»

Якушкинъ, стр. 554.

332.

Вы, солдатки-уланы,
у васъ лошади буланы!
Ужь и гдѣ же вы, уланы,
Гдѣ вы были-побывали?
—Подъ Можайскимъ воевали,
мы Москвою проѣзжали,
Калпш-мостикъ переѣзжали,
во слободку заѣзжали,
у вдовушки становились,
просилися ночевати:
«Ты, вдова, вдова Акспья!
Укрой, вдова, темной ночи,
пусти, вдова, ночевати,
ночевати, простояти!
Насъ немножко, немаленько,—
полтораста насъ на коняхъ,
полтретьяста пѣшеходовъ.»
А вдовушка не пуцала,
воротнички заперала,
солдатушкамъ отвѣчала:
«У меня дворикъ маленекъ,
а горенка невеличка,
а дѣтушекъ четверичко!
И горенка не топлена,
и щи съ кашей не варены!»

*

А мы силой ворвались,
Въ горенку вобрался,
Разсѣлися всѣ порядкомъ:
Иъшеходы—всѣ по лавкамъ,
А конница—по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ подъ окошкомъ.
А вдова стоить у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки
Ко ретивому сердечку.
Стоить она, слезно плачетъ;
А большой гость унимаетъ:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно ль, вдова, вдовѣешь,
Давно ль, горька, сиротѣешь?»
—«Я живуци въ горѣ забыла.»
—«Ужъ и много ль, вдова, дѣтокъ?»
—«У меня дѣтокъ четверичко:
Три сыночка, одна дочка.»—
—«Ужъ и много ль, вдова, хлѣба?»
—«У меня хлѣба осьмина.»—
—«Ужъ и много ль, вдова, денегъ?»
—«У меня денегъ полтина.»
—«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мнѣ пониже,
Ты скинь, вдова, съ меня киверъ:
Во киверѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенецекъ;
Ни твоего ли обрученья?»
Какъ вдовушка догадалась
И на шеюнку бросалась,
Горючки слезьми заливалась;
Во новы сѣни выходила,
Мальхъ дѣгушегъ будила:

«Вы вставайте, мои дѣтки,
Вы вставайте, мои малы!
Не свѣтель-то мѣсяць свѣтитъ,
Не красное солнце грѣетъ,—
Пришелъ батюшка родимый!»
А большой гость отвѣчаетъ:
«Не буди ты малыхъ дѣтокъ!
Я пришелъ къ вамъ на часочекъ;
Не годъ мнѣ тутъ годовати,—
Одну ночь простояти,
Съ бѣлою зарей выстунати!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 70.

333.

Черезъ рѣчку проходили,
Черезъ Зарену проѣзжали,
Ко вдовишкѣ заѣзжали,
Подъ оконкомъ постучали.
«Пусти насъ, вдова, почевати,
Молодая, постояти!»
Тутъ вдовишка отвѣчала,
Ночевать насъ не пуцала,
Воротнички запирала.
Силой гости ворвались,
Всѣ въ избушку вобрался.
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
По дубовымъ скамейкамъ.
Молода вдова у печки,
Поджапувши бѣлыя ручки.
Еще старшій гость въ большомъ углу,
Въ большомъ углу, подъ оконкомъ,
Подъ оконкомъ, въ разговорѣ:
«Еще сколько, вдовишка, вдовѣшь,

Молодая, сиротѣешь?»—
—«Я пятнадцать лѣтъ вдовѣю,
Шестнадцатый сиротѣю.»—
—«Еще сколько у ты, вдовушка, денегъ?»—
—«У меня денегъ полтина,
Полтипушка безъ алтына.»—
—«Еще сколько, вдовушка, дѣтокъ?»—
—«У меня дѣтокъ четверо.»—
—«Ты подвинься, вдовушка, поближе,
Поклонись гостямъ пониже!
Ты скинь-ка пуховую шляпу,
Возьми въ шляпѣ полотенце;
Не твое ли, вдова, рукодѣльце?»
Тутъ вдовушка испужалась.
Милыхъ дѣтушекъ будила:
«Вы вставайте, милыя дѣти!
Родной вашъ батюшка пріѣхал!»
—«Я не вѣкъ къ вамъ вѣковати—
Одну ночку ночевати!»

Повгородская губерція. Студитскій, № 32 «бесѣдная».

334.

У жь какъ шли, прошли солдаты,
Солдатики полковые;
Ко вдовушкѣ заѣзжали.
«Ты, вдовушка молодая!
Пусти, вдова, ночевати,
Нась, молодцевъ, постояти!
Нась, молодчиковъ, немножко:
Полтора ста пѣшехода,
Полтретьяста все на коняхъ»...
Тутъ вдовушка говорила,
Молодая отвѣчала:

У меня дворикъ маленекъ,
А избушка невеличка.»
Они силою ворывалися,
Всѣ въ избушку вобрался,
Всѣ посѣли они по лавкамъ,
Что по лавкамъ, по порядкамъ;
Что большой гость подь окошко,
Оцъ въ передній уголочекъ;
А вдова стоитъ у печки,
Прижавши ручки къ сердечку.
«Ты много ли лѣтъ, вдовушка, вдовѣшь?
Ты давно ли сиротѣшь?»—
—«Восемь лѣтъ я на девятый»...
—«Ужъ какъ много ли, вдовушка, дѣтокъ?»—
—«У меня дѣтей четверо...»
—«Ужъ какъ много ли, вдовушка, хлѣба?»
—«У меня хлѣба осьмина.»
—«Ужъ какъ много ли, вдовушка, денегъ?»—
—«Денежекъ только одна полтина.»
—«Подойди, вдова, поближе,
Поклонись мнѣ пониже,
Погляди на полотенце,
Посмотри на перстечекъ;
Не твое ли обручанье?»
Тутъ вдовушка испугалась,
Молодая побѣжала;
Она будила молодыхъ дѣтокъ:
—Вы вставайте, малыя дѣти!
Восемь лѣтъ солнце не грѣло,
На девятый освѣтило...»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 178 («семейная протаяная»).

335.

Мимо Москвы проезжаемъ,
Во деревню заѣзжаемъ,
У вдовушки постучаемъ:
«Ты, вдовушка-вдова,
Ты нусти-тка ночевать,
Почевать да постоять!»
Еще вдова отвѣчаетъ:
«У меня домъ-отъ не стоялыйй,
Фатерушка не больша...»
Еще гости отвѣчали:
«Не больша да хороша!»
Гости съ енлоі ворвалися,
На фатерку забралися;
Еще всѣ сѣли по лавкамъ,
А большой-отъ всѣхъ повыше.
Еще стала вдова къ печкѣ,
Прикала руки къ сердечку.
А большой-отъ сталъ спрошать:
«Ты давно ль, вдова, вдовуешь,
Ты давно ли сиротуешь?» —
— «Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротую съ годомъ двадцать..» —
— «Подойди, вдова, поближе,
Поклонись-ка ты пониже,
Сними съ меня цухову шляпу!
Во шляпочкѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Обручальный нашъ съ тобою...»

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 58
(«научная»).

336.

Ужъ вы, молодцы улашы,
У васъ кони-то буланы!
Гдѣ вы жили-поживали?
—Подъ Можаемъ воевали,
Питеръ, Москву проѣзжали,
Ко вдовынкѣ заѣжали...
«Пусти вдова, почевать,
Ночевать, постоять!»—
—«У меня дворъ не стоялый,
Моя горенка тѣсенька,
Васъ, солдатунекъ, маленько!»
—«Мечись, воры, чрезъ заборы!»
На дворъ воры ворвались,
Во горенку забралися;
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, всѣ порядкомъ.
Говорилъ ей самъ хозяинъ:
«Скажи, вдова молодая,
Скажи, много ль у те хлѣба?»—
—«У меня хлѣба осьмина,
Золотой казны полтина...»—
—«Скажи, вдова молодая,
Еще много ль у те дѣтокъ?»—
—«Два сыночка, третья дочка...»—
—«На рукѣ у те колечко...
Завяжи, вдова, колечко,
Завяжи ты во платочекъ,
У платочка узелочекъ...»

самарская губернія. В а р е н ц о в ь, стр. 206.

337.

Селдатушки-улары,
У васъ лошади булары!
Гдѣ жъ вы были-побывали?
Мы подъ Питеромъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали,
Воевали мы немножко,
Немножечко—трое сутокъ;
На четвертый на денечекъ
Стали тѣла разбирать,
Стали армію смекать,
Въ Москву-городъ выходить,
До деревни доходить.
Деревнюшка небольшая:
Одинъ дворикъ и тотъ вдовой.
«Пусти, вдова, почевать,
Ночевать, постоять!»—
—«Вы, солдатушки-улары!
У меня горенка маленька,
Новая тѣсенька!»—
—«Насъ, уланушковъ, немножко:
Пятьдесятъ одна повозка,
Полтораста насъ на коняхъ,
Девяносто пѣшеходовъ.»
Все улары убрался,
Все по лавкамъ, по порядкамъ,
Офицеры—по стульямъ,
Генералы—по кресламъ,
Полковникъ—на диванѣ.
А вдова стоитъ у печки,
Она слезно плачетъ.
«О чемъ же, вдовушка, плачешь?»—
—«Какъ же мнѣ не плакать?»

Я тридцать лѣтъ сиротою,
Пятнадцать лѣтъ вдовою;
У меня свой тоже супругъ
Отданъ во солдаты:
Нѣтъ ни слуху, нѣтъ ни духу,
Нѣту ищемъ ни одного!»
А полковникъ говоритъ ей:
«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мнѣ пониже,
Ты сними же съ меня киверъ:
Во киверѣ полотенце,
Въ полотенцѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстечекъ;
Не твоего ли обрученья?
А на шеѣ образочекъ;
Не твоего ль благословенья?
Въ чемоданѣ есть рубашка;
Не твоего ли рукодѣля?»

Воронежскій уѣздъ. Воронежскія Губернскія Вѣдомости
1850 г., № 49.

338.

Какъ во еелѣ, селѣ Покровскомъ,
На проѣзжей большой улицѣ
Собирались красны дѣвушки,
Все играли хороводами.
Одна дѣвушка не въ кругу стоитъ,
Не въ кругу стоитъ, задумалась;
Очи ясныя заплаканы,
Не вилетаетъ въ косу русую,
Въ косу русую ленту алую,
А все причетъ подь косынкой бѣлою.
Къ ней подходитъ молодой солдатъ,

Молодой солдатъ израненный;
Сталъ онъ съ дѣвушкой разговаривать:
«Что ты, дѣвушка, не въ кругу стоишь,
Не въ кругу стоишь, не съ дѣвушкамъ?
Не вилетаешь въ косу русую,
Въ косу русую ленту алую,
А все прячешь подъ кобылкой бѣлою?»
— «Ахъ, служивый, я не дѣвушка,¹
Не вдова я, не молодунка,
Сирота я вовсе круглая...
Вотъ три года тому мнѣ было,
Какъ бурмистръ и мѣръ разсердился
На моего на друга милаго,
Жениха мѣ обручальнаго.
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки;
Видно мой милой на войнѣ убитъ...»
— «Ты, душа ли красна дѣвица,
Вотъ возьми-ка полотенецко;
Не твое ли рукодѣльице?
Въ полотенецкѣ золотъ перетень;
Не съ твоей ли правой рученьки?»
Тутъ дѣвица взрадовалася,
Узнавала друга милаго,
Жениха ея обручальнаго.

Царевосанчурскъ. Абрамичевъ, № 10.

339.

Закатилось красно солнце
Да за темные лѣса;
Призамолкли волны итаники,
Ихъ не слышно стало голоску;
Въ славномъ городѣ было Нетѣвскомъ,
Въ славной хижинѣ было во своей,

Распечальная вдова сидѣла.
Вдова плачетъ, слезы проливаетъ
Все по миленькомъ по дружкѣ...
Что не пыль-то во полѣ пыляетъ,
Что не туча-то, громъ гремитъ,
То идутъ-то наши храбрые солдатушки.
Они идутъ, выступаютъ,
Про ученье говорятъ.
Что первой-еть малый малолѣтокъ,
А второй-еть милый мой.
Сѣдною миленькѣй покрылся,
И медаль есть на груди...

Вологодская губернія, Грязовецкій уездъ. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 97.

340.

Закаталось красно солнышко
За темные лѣса.
Въ лѣсу пташки приумолкли,
Все садилась по мѣстамъ,
Но такимъ же по мѣстечкамъ,—
По ракитовымъ кустамъ.
Какъ подъ елкой, подъ ветелкой
Стоитъ хижинка нова;
Въ этой хижинкѣ живетъ
Горькая вдова.
Тутъ шли, прошли три ерота.
Подходили они подъ окно.
«Ты, любезная наша хозяйюшка,
Ты пусти насъ ночевать!»
— «Вы, любезные мои ероти,
Прощу милости въ хату войти!»
Три дни, два дни хату не топала,

Ничего не варила!»
— «Любезная хозяйюшка,
Намъ не нужно твоего ничего,
Намъ было желательно
Пріотдохнуть у тебя!»

> — Когда вы желаете, прошу милости въ хату взой-
тить!»

Рязанская губернія Будде, № 34 («протяжная»).

Два стихотворения

341.

Заходился я, добрый молодець, загулялся;
Пришатился я, добрый молодець, къ Дону тихому,
Я выспрашивалъ на тихомъ Дону перевощниковъ:
Перевезите вы добра молодца на ту сторону!
Захотѣлось мнѣ, добру молодцу, въ свою сторону—
Съ отцомъ-матерью добру молодцу повидатися;
Малымъ дѣточкамъ свротничкамъ благословенья
дать;

Молодой-то жени голубушкѣ—свою волюшку:
Хоть замужъ поиди, хоть вдовой живи...
Заболѣлъ-то я, добрый молодець, прискудалося;
Что болитъ-то у добра молодца ретиво сердце;
Что приходитъ-то мнѣ, молодцу, скоро смерточка...
Еще тутъ-то я, добрый молодець, сталъ наказывать:
Схороните вы меня, молодца, между трехъ дорогъ:
Петербурскою, Московскою, славной Кіевскою;
Въ головахъ-то вы мнѣ поставьте золотъ чудень
крестъ,

А въ ногахъ-то вы поставьте зелену сосну....

Сибирь, Локтевскій заводъ. Извѣстія Академіи Наукъ,
томъ II, стр. 172.

342.

Соловей мой, соловей,
Ты, развольная моя пташка,
Ты куда, куда летишь,
Куда Богъ тебя несетъ?
Не на родную ли мою сторонушку?
Ты снеси поклонъ родному моему батюшкѣ,
Челобитьице родной моей матушкѣ,
А родной моей женѣ письмо вольное,
Письмо вольное на двѣ волюшки,
На всѣ четыре сторонушки:
Хочетъ она—замужъ иди,
Или хочеть—во вдовахъ сиди,
Ужъ пои-корми своихъ дѣтушекъ,
Милыхъ горькихъ сиротнушекъ!

Владимирская губернія, Судогодскій уѣздъ. Владимирскія
Губернскія Вѣдомости 1860 г., № 26.

343.

Ой, не бѣлая береза зашаталася,
Не шелковая ковыль-травушка разстлалася;
Зашатался, замотался добрый молодець;
Пришатнулся-примотнулся ко быстрой рѣкѣ;
Онъ воскрикнетъ-взгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, братцы друзья-товарищи, молодые пере-
возчики!
Перевезите, братцы, на ту сторону!
За перевозъ, братцы, возьмите пятьдесятъ рублей,
Чего мало не достанетъ,—съ рукъ золотъ перстень!
Какъ пршшеть-то, братцы, мой послѣдній часъ....
Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:

Между Тульской, между Курской, между Шляхов-
ской;

Въ головахъ, братцы, поставьте вы поклопный крестъ;

Съ правой руки положьте калену стрѣлу;

А съ лѣвой руки положьте вы булатный мечъ;

У ногахъ, братцы, поставьте ворона коня,

И взнузданнаго, и осѣланнаго;

Попросите въ моеї матушки благословеньца;

А родной сестрѣ—челобитьице;

Молодой женѣ скажите, что женился я на пной женѣ,

Что я взялъ за себя поле чистое!

Родна матушка прїѣдетъ,—она помолится;

А родна сестра прїѣдетъ,—она наплачется;

Молода жена прїѣдетъ,—она наплянется;

А товарищи прїѣдутъ—нагуляются,

Нагуляются, настрѣляются...»

Курская губернія. Кохановская, стр. 111.

344.

Заплатался я, добрый молодець,

Да загулялся я,

Приматнулся, разудаленькій,

Ко Невѣ, быстрой рѣкѣ...

Перевезите меня, добра молодца,

На ту сторону домой!

За перевозъ-отъ заплачу

Ровно сто рублѣй;

Если жъ мало, возьми двѣсти,

Я и тѣ отдамъ!

Дружекъ въ лодочку садился,

Да занечалился;

Буйна головушка

Разболѣлась...
Во постелюшку слегъ,
Сталь наказывати,
«Причастите-ка меня, добра молодца,
И исповѣдайте;
Схороните меня, добра молодца,
Среди Москвы,
Да бѣлокаменной!...»

Пермская губернія. Шинюшко, стр. 245.

345.

Ужъ ты, степь ли моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Широко ли, далеко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
Отъ Саратова ты, степь, до села Царицына,
До Царицына!
Пролежала по степи большая дороженька,
Дорожка широкая...
Проѣзжали по ней молоды извоищички,
Молоденькіе;
Какъ лошади у нихъ буланья,
Все буланья;
Хомуты-то у нихъ серебряны,
Серебряны;
Какъ узды-то на нихъ все наборныя,
Все наборныя;
Какъ телѣжки-то у нихъ все шиновныя,
Все шиновныя...
Солучилося у нихъ несчастьице,
Да не малое:
Захвораль да занемогъ у нихъ добрый молодець,
Младъ извоищичекъ...

Опъ проснль-то, онъ проснль своихъ товарищей,
Товарищей:
«Ахъ вы, братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моихъ вороныхъ коней,
Воронныхъ коней!
А свезите вы, братцы, батюнкѣ низкій поклонъ,
Низкій поклонъ,
Родной матушкѣ челобитьице,
Да челобитьице,
Малымъ дѣтушкамъ мое благословеньице,
Благословеньице,
Молодой моеи женѣ полную волюшку.
Всю свободушку!»

Орловская губернія, Елецкій уѣздъ. Лопатинъ и Прокушинъ,
№ 15.

346.

Ужъ ты, степь моя, степь, степь Моздоцкая!
Широко ль ты, далеко ты, степь, протянулася!
Протянулася ты, степь, вилоть ты до Царницына!
Ужъ и чѣмъ же ты, степь, степь, ты изукрашена?
Изукрашена ты, степь, лѣсами, болотами,
Да еще же ты, степь, больною дорогою...
Что никто-то по ней, никто не проѣзживалъ,
Только ѣхали тамъ молоды извозчики, все коломен-
ски...
Какъ случилось у нихъ въ извозѣ несчастьице:
Заболѣль-то, захворалъ молодой извозничекъ,
Заболѣла у него буйная головунка,
Отъ головунки у него ретиво сердце;
Заболѣвши-то опъ, сталъ опъ имъ наказывать:
«Ужъ вы, братцы ли мои, вы, братцы-товарищи,

Не попомните вы моей прежней грубости!
Отведите-ка вы моихъ вороныхъ коней моему батю-
никѣ,
Золотую ли казну—моей родной матушкѣ,
Челобитнице—вы моей молодой женѣ,
Благословеннице вы моимъ малымъ дѣтушкамъ!»

Филипповъ, № 11. Очень сходная пѣсни: Кашинъ, выш. 1, № 4;—
Лопатинъ и Прокушинъ, № 18 (Тульская губ., Богородицкій
уездъ).

347.

Ужъ ты, степь ли ты моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Далеко ли, широко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
Отъ Саратова до села Царицына,
До Царицына!
Какъ по той ли по стени лежала дороженька,
Путь широкая...
Какъ по той дороженькѣ ѣхали извознички,
Все коломенски...
Вотъ везли они, везли дорогой товаръ—
Парчу-бархаты;
Вотъ они еще везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу....
Вотъ случилось у нихъ въ обозѣ несчастье,
Да не малое:
Занемогъ да захворалъ удалъ добрый молодецъ,
Все извозничекъ...
Вотъ сталъ-то онъ просить своихъ товарищей,
Онъ товарищей:
«Не попомните моей прежней грубости,
Прежней грубости!

*

Не покните вы, братцы, моихъ вороныхъ коней,
Вороныхъ коней!»

Тверская губернія, Зубцовскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокушинъ,
№ 19.

348.

Ужъ ты, степь наша, степь Саратовска!
Далеко и широко ты, степь, протянулася!
Протянулася, наша степь, отъ Москвы до Питера,
Отъ Москвы до Питера, до села Царицына,
Отъ села Царицына до князя Голыцына...
Что никто-то, никто по этой дорожкѣ не ѣздивалъ...
Тутъ и шли-пронли молоды извошчички,
Млады извошчички, все коломенски;
Они везли-то, везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу къ селу Царицыну.
Солучилося у нихъ несчастыице:
Заболѣлъ да захворалъ молодой извошчичекъ;
Заболѣла у него голова буйная,
Опустылись руки бѣлыя,
Подломилсь руки рѣзвыя...
Завязали буйну голову платкомъ тальянскимъ...
Дарилъ-то платокъ не батюшка, не матушка,
Дарила красна дѣвица;
Подарила, приговаривала:
«Ты посп-тка платокъ да не хвастай мной!
Когда выносишь,—похвастайся!»

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 62
(«изуличная»).

349.

Изь-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изь-за горь, да горь высокихъ
Не красно солнце выкаталоя,
Выкаталоя бѣль горючь камень,
Выкатившись, самъ разсыпался,
По мелкому зерну, да по макову.
Во Изюмѣ, славномъ городѣ,
На степи на Саратовской,
Разнемогался тутъ добрый молодецъ;
Онъ просить своихъ товарищей:
«Ахъ вы, братцы мои, товарищи!
Не покиньте добра молодца при бѣдности,
Что при бѣдности и при хворости!
А хотя меня и покинете,
Какъ приѣдете въ святую Русь,
Что во матушку каменну Москву, —
Моему батюшкѣ—низкой поклонъ,
Родной матушкѣ—челобитыце,
Молодой женѣ—своя воля:
Хоть вдовой сиди, хоть замужъ поди:
Мои дѣтушкамъ благословеньце!»

Цѣсепникъ 1780 года, часть 1, стр. 173.

350.

Ахъ, палъ туманъ на синя море;
Вселилася кручина въ ретиво сердце...
Не схакивать туману со синя моря;
Злодѣиѣ кручинѣ—съ ретива сердца...

Что далече, далече во чистомъ полѣ,
Стояла тутъ дубровушка зеленая;

Среди ея стояль золотой курганъ;
На курганѣ раскладенъ былъ огничекъ,
Возлѣ огничка постланъ войлочекъ,
На войлочкѣ лежитъ ли добрый молодець,
Припекаетъ свои ранушки боевья,
Боевья ранушки, кровавья.
Что изъ далека, далека изъ чистаго поля
Приходятъ къ нему братцы-товарищи,
Зовутъ ли добраго молодца на святую Русь.
Отвѣтъ держитъ добрый молодець:
«Подите, братцы, на святую Русь!
Приходите мнѣ смертенька скорая...
Отцу-матери скажите челобитьице,
Роду-племени скажите по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажите свою волюшку,
На всѣ ли на четыре на сторонушки,
Малымъ дѣтушкамъ скажите благословеньице...
Ахъ, не жаль-то мнѣ роду-племени,
Не жаль-то мнѣ молодой жены,—
Мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ:
Остались дѣтушки маленькии,
Маленькии дѣтушки, глупешеньки,
Натеряются холода и голода...»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 133.—Пѣсенникъ 1788 года,
часть II, стр. 178.

351.

У амь за рѣкою, рѣкою разгорается;
Да изъ-подъ камушка дымочекъ темнѣется;
Да на томъ на камушкѣ лежатъ три подушечки;
На подушечкахъ на пуховыхъ да солдатичекъ ле-
жатъ;
Онъ разворачиваетъ свои полы, полы да камчатныя;

Онъ показываесть свои рапы, рапы да кровавныя. —
«Идти къ матери-отцу, — то ли живы, то ли нѣтъ....
Къ молодой женѣ, — то ли знаетъ, то ли нѣтъ....
Къ малымъ дѣтушкамъ, — то ли смыслятъ, то ли
нѣтъ....»

Отвезите же меня, мои братцы, братцы родимые мои,
Да во чисто, чисто поле;
Вы оставьте меня, оставьте, братцы,
Промежъ трехъ дорогъ:
Между Кунгурской, Екатеринбургской, то ли на Тю-
менской;

Во лѣвую руку положите да саблю вострую;
Во правую руку — винтовку-ружье,
Во ногахъ же вы, братцы, поставьте воропа копя,
А во главѣ — мой поклонный крестъ!
По той-то дорогѣ буде человекъ пройдесть,
Онъ возьметъ ружье винтовку да настрѣлится.
Саблей вострой намахается,
А на ворономъ конѣ-онъ наѣздится....»

Пермская губернія. Шилонко, стр. 264. — Очень сходная пѣсня,
неполная Орловская губ., Малоархангельскій уездъ: Якуш-
кинъ, стр. 348.

352.

Вы, кошки мои, кошочки, кошки мои новые!
Да и всѣ-то мои кошочки поразорены стоять.
Охъ, какъ одинъ кошочекъ стоитъ не разоренный;
Да и въ томъ-то кошочкѣ огонекъ малехонекъ,
А дымокъ тонехонекъ.
У этого огонька разостлана бурочка,
А на той-то бурочкѣ лежатъ добрый молодець;
Онъ не такъ лежитъ, — крѣшко раненный,
Перевязываетъ свои большыя ранушки.
«Ужъ вы, братцы мои, вы, друзья мои, товарищи!

Не покиньте, друзья, вы меня при горести,
При такой-то бѣдности, при горѣ-кручинникѣ!
Охъ, да въ пѣкоторое времячко я вамъ пригожусь,
друзья,
Замѣню ваши головунки грудью своєю бѣлою,
Да еще-то, друзья-братцы, животомъ своимъ и серд-
цемъ!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія..
Кавказа, вып. XV, стр. 198.

353.

Могуляй-ка, добрый молодецъ,
Покуль воля тбѣ есть!
— Ужъ я радъ бы погуляти, —
Товарища со мной пѣть!
Ужъ какъ есть одинъ товарищъ —
Воронепекъ добрый конь;
А второй-то мой товарищъ —
Зеленепекъ тугой лукъ;
Какъ бы третій мой товарищъ —
Есть каленая стрѣла.
Каленую эту стрѣлочку,
Въ чисто поле отпущу.
Полетай-ка, моя стрѣлочка,
Въ чисто поле далеко,
Въ чисто поле, моя стрѣлочка,
Въ бѣль полотняный шатеръ.
Какъ въ этомъ-то во шатроцкѣ,
Сѣрый потничекъ лежитъ;
Что на томъ ли да на потничкѣ
Добрый молодецъ лежитъ;
Что за тѣмъ было за шатричкомъ
Казаковъ стоитъ толпа;

*well being
comfort*

*the
to
the*

Что у тѣхъ ли у казаковъ,
Горѣлъ ясный огонекъ,
Горѣлъ ясный огонекъ,
Наносилъ дымокъ.

Что подъ этимъ подъ дымочкомъ
Лежалъ добрый молодецъ.

Онъ убить-то, не убить,
Весь израненый лежитъ.

Прикипаетъ, припекаетъ
Свои раны кровавы.

Ужъ какъ первая-то рана
Во буйной его главѣ;

Что вторая его рана

Во ретивомъ его сердцѣ;

Ужъ какъ третья его рана

Что на правомъ на плечѣ.

Сибирь. Гуляевъ, стр. 109 («проголодали»).

354.

На зарѣ, на зорюнкѣ,
На прекрасной ямской площади
Собирался казацкій кругъ.
Во кругу стоитъ вишгородный конь,
Осѣдланый и занузанный;
На коню сидитъ офицерскій сынъ,
Офицерскій сынъ, каштанскій чинъ;
Онъ не такъ-то убить,—а больно ранень,
Не такъ плачетъ—какъ рѣка льется;
Шелковымъ платкомъ утирается,
На все стороны поклоняется:
« Не съ одной ли сторонюшки со мной?
Скажите поклонъ моему батюнкѣ,
Государышѣ моей матушкѣ:

Пропаль-погибь добрый молодець
На чужой дальней сторонущкѣ,—
Какъ погнали пась въ землю шведскую,
Пзь шведской во турецкую...»

Тульская губернія, Чернский уѣздъ. Кирѣевскій, вын. VIII,
стр. 228.

355.

На зарѣ-то было, на зорюнкѣ,
Во Москвѣ-то было во городѣ,
На Щепной-то было на площади,
Собирался въ кругъ казацкій полкъ.
Во кругу стоить вноходный конь,
Вноходный конь, подкованный,
Конь подкованный, осѣдланый.
На конѣ сидитъ добрый молодець.
Добрый молодець казакъ плакался;
Онъ не такъ плачетъ, что рѣка льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На все стороны поклоняется,
Со полками устрѣвается:
«Да вы здравствуйте!
Не съ одной ли вы сторонущки?
Вы скажите-ка поклогъ батюнскѣ,
Челобитнице родной матушкѣ:
Что погибь-пропаль добрый молодець,
Что подъ сплюю подь шведскою,
Что подь армією подь турецкою!»

Самбирская губернія. Кирѣевскій, вын. VIII, стр. 229.

356.

Ахъ вы, горы, горы крутыя!
Ничего вы, горы, не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ василечковъ...
Ужъ вы только породили, круты горы,
Бѣлъ горючъ камень, великъ добре...
Что на камышкѣ растеть ли часть ракитовъ кустъ,
Что подъ кустичкомъ лежалъ убить добрый моло-
децъ,

Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растренавъ свои кудри черныя;
Изъ реберь его проросла трава,
Ясны его очи пескомъ засыпались.
Что не ласточка, не касатотка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается, —
Увивается его матушка родимая:
«Ахъ, какъ я тебѣ, сынъ, говорила:
Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что съ бурлаками, со ярыгами,
Не ходи, мой сынъ, на царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:
Потерять тебѣ, сынъ, буйну голову!»

* Пѣсенникъ 1780 г., часть II, стр. 137. — Пѣсенникъ 1788 г., часть II,
стр. 181. — Пѣсенникъ 1810 г., стр. 270.

357.

Голова ль ты моя, головушка,
Голова ль моя молодецкая,
До чего тебѣ дошататися,
По всему ли свѣту бѣлому,
По всему ли царству московскому...

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
На Мясницкой славной улицѣ,
За Мясницкими за воротами,
У кружала да государева,
Какъ лежить убитъ добрый молодець,
Опъ бѣлымъ лицомъ ко сырой землѣ,
Растрепавъ свои кудри черныя,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Протянувши ноги скорыя...
Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивалася,
Увивалася его матушка родная,
Причитавши, сію рѣчь промолвила:
«Я давно, сынъ, тебѣ говорила:
Не ходитъ было по чужимъ дворамъ,
По чужимъ дворамъ, да къ чужимъ женамъ...»

Пѣсенникъ 1780 г., часть I, стр. 178.—Пѣсенникъ 1791 г.,
часть II, стр. 27.—Пѣсенникъ 1819 г., часть II, стр. 91.

358.

Какъ доселѣва у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ
Не пропормиваль тутъ, братцы, младъ бѣлой кре-
чать,
Не пролетываль, братцы, ни сизой орель;
А какъ пышѣча у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ
Пролегла-лежитъ широкая дороженька;
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Проѣзжалъ туто удалый добрый молодець...
На зарѣ то было, братцы, да на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
Какъ убитъ лежить удалый добрый молодець;

Что головушка у молодца испроломана,
Ретиво сердце у молодца испрострѣлено,
Что постелюшка подь молодцемъ—камышь-трава,
Изголовнице подь добрымъ—часть ракитовъ кустъ,
Одѣяличко на молодцѣ—темная ночь,
Что темная ночь холодная, осенняя.
Прилетали къ добру молодцу три ласточки;
Изъ нихъ первая садилась на буйной его головѣ,
А другая-то садилась на бѣлой его груди,
Ахъ, какъ третія садилась на скорыхъ его ногахъ.
Что какъ первая-то пташка—родная матушка,
А другая-то пташка—то мила сестра,
Ахъ, какъ третья-то пташка—молода жена.
Они взяли мертво тѣло за бѣлы руки,
Понесли они то тѣло во высокой теремъ...
Его матушка плачетъ—что рѣка льется,
А родная сестра плачетъ—какъ ручьи текутъ,
Молода жена плачетъ—какъ роса падеть;
Когда солнышко взойдетъ,—росу высушить;
Какъ замужъ она поидеть, то забудетъ его...

В Бесеникъ 1780 года, часть II, стр. 131.—В Бесеникъ 1788 года,
часть II, стр. 173.—И рачъ.—Кашпиль, вып. I, № 27 (безъ по-
слѣднихъ пяти стиховъ).

359.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками-василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено:
Посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ часть ракитовъ кустъ;
Что на кусточкѣ на ракивовомъ,

Какъ сидитъ тутъ младъ сизої орель,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
Онъ точитъ кровь на сыру землю;
Какъ подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ и исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,—
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ,—какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ,—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ,—что роса падетъ;
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

И в есенникъ 1789 года, часть I, стр. 160.—И в есенникъ 1821 года,
часть II, стр. 191.—Очень сходная пѣсня: И в есенникъ 1819 года,
часть II, стр. 25.

360.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое широкое!
Ахъ, ты вѣзмъ, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками-василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено:
Посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ;
Что на кустикѣ на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизої орель,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
И онъ точитъ кровь на сыру землю;
Какъ подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,—

Три лебедушки сокрушаются.
Увпвается тутъ родная матушка;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра, — какъ ручей течетъ,
Молода жена, — что роса падетъ;
Взойдетъ солнце, росу высушить.

Прачъ 1790 года, стр. 39 («протяжная»). — Очень сходная пѣсня:
Кашинъ, вып. 1, № 35.

361.

У жь ты, поле мое, поле чистое!
Ничего, поле, не спородило,
Спородило поле часть ракитовъ кустъ.
На кусту сидитъ младъ сизой орель;
Онъ держитъ въ когтяхъ черна ворона,
Онъ бьетъ его, не бьетъ, все выспрашиваетъ:
«Да и гдѣ жь ты, воронъ, былъ, гдѣ полетывалъ?» —
— «Я былъ и леталъ на дикихъ стѣняхъ,
На дикихъ стѣняхъ, на Саратовскихъ.
Ужъ я видѣлъ тамъ диво дивное:
Подъ кустомъ лежитъ тѣло бѣлое.
Какъ никто къ тѣлу не пристушится;
Пристушились къ тѣлу да три ласточки;
Какъ первая ласточка — родная матушка,
А вторая ласточка — молодая жена,
А третья ласточка — сестрица родимая.»

Воронежская губернія, Повохонерскій уѣздъ. Воронежская Бе-
сѣда на 1861 годъ, стр. 158.

362.

Ахъ вы, горы, горы Воробьевскія!
Породили, горы, бѣль горючъ камень...
Изъ-подъ камня рѣчка текла быстрая;

Какъ на той на рѣчкѣ часть ракитовъ кустъ;
На томъ на кусточкѣ сидитъ спзъ орель;
Во когтяхъ онъ держитъ черна ворона.
Не бьетъ онъ, не мучитъ, все выспрашивалъ:
«Ты скажи, скажи мнѣ, младъ черпой воронъ!
Ужъ какъ гдѣ леталъ ты, гдѣ полетывалъ?»
— «Леталъ во степяхъ я во Саратовскихъ;
Видѣлъ во стенихъ я диво дивное:
Что лежатъ средь поля тѣло бѣлое,
Лежатъ, лежатъ тѣло молодецкое.
Прилетали къ тѣлу да три пташечки;
Какъ первая пташка—то родная мать;
А вторая пташка—сестра милая;
А третья пташка—молода жена.
Ужъ какъ мать то плачетъ,—что рѣка льется;
А сестра-то плачетъ,—что ручей бѣжитъ;
А жена то плачетъ,—что роса падетъ;
Взойдетъ красно солнце росу высушитъ.»

Кашинъ, вып. I, № 17. Каждое второе полуступище повторяется по четыре раза. Очень сходны пѣсни: Прокуинъ, № 64 (Тамбовская губ., Моршанскій уѣздъ);—Лопатинъ и Прокуинъ, № 1 (Рязанская губ., Касимовскій уѣздъ), №№ 2 и 3 (Тамбовская губ., Моршанскій уѣздъ), № 3 (Тульская губ., Богородицкій уѣздъ), № 6 (Орловская губ., Елецкій уѣздъ);—Халанскій, № 6 (Курская губ., Щогровскій уѣздъ);—Русская Старина 1873 г., № 11 (Базанская губ.);—Якушкинъ, стр. 573.—Неполная безъ конца пѣсня: Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, вып. III, стр. 73 (Терская область).

363.

Ужъ вы, горы мон, горы, горы Валдаіенія!
Ино что же вы, горы, горы, испородили?
Испородилъ, горы, часть ракитовъ кустъ;
Что на этомъ на кусту сидѣлъ младъ сизой орель,
Во когтяхъ-то онъ держалъ, держалъ чернаго ворона,
Чернаго ворона держалъ, своего братца роднаго.

Ужъ онъ бить его не бьетъ, все выспрашиваетъ:
Ино гдѣ жъ ты, воронъ, былъ, гдѣ, черный, погули-
валъ?»—
—«Ужъ я былъ, я и гулялъ во дикихъ во степяхъ!»
—«Ино что жъ ты, воронъ, видѣлъ, что, чернѣй,
посматривалъ?»
—«Ужъ я видѣлъ, повидалъ, видѣлъ диво дивное,
Диво дивное, чудо чудное,
Ужъ я видѣлъ, повидалъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое.
Какъ никто ко тѣлу, къ тѣлу не пришатнется.
Прискалнесь ко тѣлу, къ тѣлу три ласточки,
Три ласточки, три касатяи:
Перва ласточка—родна матушка,
Друга ласточка—сестра родная.
Третья ласточка—молода жена.
Мать-то плакала до гробовой доски,
А сестра-то плакала до замужьца,
А жена-то плакала какъ утренняя роса:
Какъ роса сошла, жена и плясать пошла.»

Новгородская губернія, Новгородскій уѣздъ, Новгородскій Сбор-
никъ, вып. III, стр. 8.

364.

Ужъ вы, горы ли, горы, горы Закубанскія!
Вы шчто-то ли, горы, горы, не породили;
Ой, да породили вы, горы, горы, да бѣль горючь
камень;
Ой, да изъ-подъ камешку-то бѣжить, бѣжить да
Кубашь-рѣченька;
Ой, да что на той-то на рѣкѣ сидитъ младъ сизою
орель.
Ой, да гдѣ ты, орель, гдѣ полетывалъ?

Гдѣ, спзюй, да гдѣ полетываль, гдѣ полетываль?

—Ужъ я былъ-то, леталь, леталь на большнхъ сте-
пяхъ,

Да на Сарайтоскпхъ;

Ой, да ужъ видѣль, я видѣль диво дивное:

Да тутъ лежнть-то, лежнть, лежнть тѣло бѣлое,

Ой, да тѣло бѣлое лежнть, лежнть все истыкано.

Ой, да родная матушка ревить, ревить—какъ рѣчка-
то бѣжнть;

Ой, да молода жена ревить, ревить до замуыгнца:

Малы дѣточки ревятъ,—какъ ручьи шумятъ.

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ
1887 г., № 4. Последніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются

Воробьевскія
365.

Ужъ вы, горы, горы высокія, горы Воробьевскія,
Воробьевскія горы, подмосковскія!

Ничего-то вы, горы, горы, не спородили;

Спородили вы, да горы, сѣрь горючъ вы камешекъ.

Изъ-подъ камня бѣжнть рѣчка быстрая;

Подлѣ рѣченки стоить часть ракивовъ едншъ кустъ;

На кусточкѣ сиднть, сиднть младъ снзюй орель;

Во когтяхъ-то онъ держнть чернаго вороиа;

Ужъ онъ бнть-то его не бьеть, только снрашнваетъ:

«Ужъ гдѣ ты, воронъ, ты леталь, гдѣ, снзюй, ты по-
летываль?»—

—«Я леталь-то, леталь по днкнмъ по степямъ, сте-
пямъ по Саратовскнмъ.»—

—«Ты кого-же, воронъ, вндадь?»—

—«Вндѣль я чудо чудное—вндѣль тѣло бѣлое;

Тѣло бѣлое лежнть, лежнть не устрѣлено...

Какъ шнкто-то по тѣлу, по тѣлу-то не схватнтся.

Какъ схватнлся объ тѣлѣ, объ тѣлѣ да роднтели...

Прилетали къ тѣлу три ласточки.
Какъ первая ластка, ластка—родная матушка,
Какъ другая-то ластка, ластка—родная сестри,
Какъ третья-то ластка, ластка—молодая жена.
Родная-то матушка сидитъ, сидитъ у головушки,
Родная-то сестрица сидитъ, сидитъ на бѣлыхъ гру-
дахъ,
Молода жена сидитъ, сидитъ на рѣзвыхъ ногахъ.
Родная матушка плачетъ, плачетъ,—какъ рѣка те-
четъ;
Родна сестрица плачетъ,—какъ ручья весной бѣ-
жатъ;
Молода жена плачетъ, плачетъ,—какъ рѣка падетъ.
Родная матушка плачетъ, плачетъ до гробовой доски;
Родна сестрица плачетъ, плачетъ до замужьица;
Молода жена плачетъ, плачетъ до мила дружка»

Архангельская губернія, Онежскій уѣздъ. Ефименко, стр. 131 («ве-
черничав»). Каждое полустихіе повторяется; сверхъ того, повто-
ряется последнее слово втораго полустихія.

Ласточки
366.

Ой вы, грязи мои, грязи черныя, разосенія,
Ой вы, осеннія грязи, самыя послѣднія!
Ой вы, горы мои, горы крутыя, высокія!
Ничего-то вы, горы, не породили;
Нѣтъ ни травоньки въ горахъ, ни муравоньки.
Ни муравоньки, ни алыхъ цвѣточковъ лазоревыхъ;
Только видна изъ-подъ горъ степь Саратовска....
Подъ горами бѣжитъ быстра рѣчушка,
По прозваньюцу Волга-матушка.
Широко-то Волга разливалась,
Въ круты бережки не вбиралася,
Затопля-то Волга берега высокіе;
Оставался одинъ часть ракистовъ кустъ.

*

На кусту-то сидитъ младъ сизою орель,
Во когтяхъ-то держитъ черна ворона;
Онъ бьетъ-то не бьетъ, все выспрашиваетъ:
«Ужъ гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ выгуливалъ?
Ужъ что, воронъ, видалъ, что выглядывалъ?»—
—«Я гулялъ-то, гулялъ по дикимъ степямъ:
На одной-то степи на Царицынской,
На другой-то степи на Камышинской,
А на третьей степи на Саратовской;
Я видалъ-то, видалъ диво дивное,
Диво дивное—тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое;
Не убито лежитъ, не зарѣзано,—
Вострымъ копыицомъ все исколото...
Никто-то къ тѣлу не подступится,
Не подступится, не подшатнется ..
Прилетали къ тѣлу три ластушки:
Перва ластушка—родной батюшка,
Друга ластушка—родная матушка,
Третья ластушка—молода жена.
Какъ отецъ плачетъ,—что рѣка льется,
Какъ мать-то плачетъ,—что волна бьется,
Молода жена плачетъ,—что роса падетъ,
Что роса падетъ, роса утрення;
Красно солнышко взошло,—роса высохла,
Молода жена забывать стала,
Забывать стала, за гульбой пошла.»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 78.

367.

Ужъ вы, горы мои, горы высокія!
Ничего вы, горы, не породили;
Породили только бѣлы горючъ камень.

Пъз-подъ камушка бѣжитъ быстра рѣченька;
Какъ по рѣчкѣ плыла сѣра утица,
Плывши, она вдругъ воскрикнула:
— «Ужъ ты плавай, плавай, селезень, не заплывайся,
На меня, сѣру утицу, не заглядывайся!»
Какъ по правое крыло растеть часть ракитовъ кустъ,
На кусту-то сидить младъ сизой орель,
Во когтяхъ-то онъ держалъ черна ворона;
Онъ щипать-то его не щипалъ, крѣико спрашивалъ:
«Гдѣ ты, воронъ, былъ, отвѣчай-ка мнѣ!» —
— «Я леталъ, воронъ, по дикой степи,
По дикой-то степи по Бухарской,
И я видѣлъ тамъ чудо дивное:
Подъ кустомъ-то лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, все казацкое;
Никто къ тѣлу тому не подступится;
Прилетали только три ласточки,
Какъ три ласточки, три касаточки;
Какъ и первая ласточка—его родна матушка,
А вторая ласточка—родная его сестронька,
Какъ и третья-то ластонька—молода его жена.
Первая ластонька плачетъ,—какъ рѣка быстра те-
четъ,
Вторая ластонька плачетъ,—словно съ горъ ручьи
текутъ,
Третья ластонька плачетъ,—словно утрення роса;
Какъ и солнышко взойдетъ—роса высохнетъ.»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 112 («военная»).

368.

Сидитъ воронъ, сидитъ черныи,
Онъ въ когтяхъ-то держитъ ясна сокола;
Онъ бить-то его не бьетъ, пазолу все дастъ,

Назоду все даеѣ, все выспрашиваеѣ:
«Ты скажи, соколь, гдѣ леталъ, гдѣ полетывалъ?»—
—«Я леталъ по чисту полю широкому!»—
—«Ты чего тамъ, соколь, видѣлъ?»—
—«Я видѣлъ: лежить тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое солдатское.
Какъ къ тому тѣлу бѣлому
Прилетали три ворона, братья родные,
Три ласточки, три касаточки:
Перва ласточка—родна матушка,
Друга ласточка—сестра родная,
Третья ласточка—молодая жена.
Мать-то плачетъ,—какъ рѣка льется,
А сестра-то плачетъ,—съ горъ ключи бѣгутъ,
А жена-то плачетъ,—роса утренни;
Брасно солнышко взойдетъ,—роса на землю па-
детъ...»

Казанская губернія, Чебоксарскій уездъ. Магницкій, стр. 59.
(«обыденная»).

369.

Из туманъ-то съ моря подымается,
Не бѣлы-то снѣга въ полѣ забѣлѣлися,—
Подымалися утки сѣрыя,
Забѣлѣлися гуси-лебеди.
Отчего-то они подымалися?
Знать, сизаго орла полохалися...
Тамъ летить-то, летить младъ сизой орель,
А за нимъ-то гонить младъ ясець соколь,
Онъ кричить-то, кричитъ молодому орлу:
«Ты постой, подожди, младъ сизой орель!
И не бить-то лечу, успросить хочу.
Ты идѣ, орель, бытъ-пробывалъ?»—

—«Я былъ-пробывалъ въ иной землѣ — во Туре-
чинѣ;

Я видалъ тамъ диковишку не малую, не великую:

Въ чистомъ полѣ да подь кустикомъ,
Тамъ лежить-то убитъ добрый молодецъ,
Младъ донскої казакъ, весь изрубленный.

Какъ никто къ тѣлу не приступится,
Никто къ бѣлому не повернется.

Привернулись къ нему три ластушки,
Три ластушки, три касатушки:

Какъ первая ластушка—родная матушка,
А другая ластушка—сестра родная,
Какъ и третья ластушка—молодая жена.

Идѣ мать плачетъ, тамъ рѣка бѣжитъ,
Идѣ сестра плачетъ, тамъ колодези,

А идѣ жена плачетъ, тамъ роса стоитъ.

Вотъ какъ мать плачетъ во вѣкъ до вѣку,

А сестра плачетъ отъ годъ до году,

А жена плачетъ день до вечера.»

Донская область. Савельевъ, стр. 143.

370.

А что то у полѣ да здучить-грючить?

Да здучить-грючить—три сестры у полѣ.

Да чего жъ онѣ да здучать-грючатъ?

Да здучать-грючатъ—онѣ брата щцагъ.

Первая пошла—звѣздою въ небу,

А другая пошла—вихрами въ поле,

А третья пошла—щукою въ море.

Звѣздою пришла—не нашла брата,

Щукою пришла—не нашла брата,

Вихрами пришла да ѣ нашла брата, брата роднаго.

Да лежить братаецъ у чистомъ полѣ,

Самый лучший сонг

У чистомъ полѣ, подъ грушею подъ кудравою,
Его пожечки возлѣ дорожечки,
Его ручечки возлѣ кучечки,
А головка его въ ракиотомъ кустѣ...
Прплетѣло къ нему да три ласточки,
Три ласточки, три касатя;
Первая сѣла на буйной головѣ,
А другая сѣла на рѣзвыхъ ногахъ,
А третія сѣла на ретивыхъ рукахъ.
На буйной головѣ—да то мать его,
На рѣзвыхъ ногахъ—то жена его,
На ретивыхъ рукахъ—то сестра его.
Ой, мать плачетъ, ой, вѣкъ до вѣку,
Сестра плачетъ, ой, годъ до году,
Жена плачетъ, ой, день до вечера.
Гдѣ мать плачетъ, тамъ рѣка льется,
Гдѣ сестра плачетъ, тамъ колодезь,
Гдѣ жена плачетъ—тамъ росы иѣту...

variant

Курская губернія, Путивльскій уездъ. Русскій филологиче-
скій вѣстникъ 1886 г., № 1.

371.

Выйду, выйду я на круту гору,
Стану, лягу я на снню хмару...
Высокъ соколь, низокрылъ орель;
Онъ летитъ, летитъ, разспроситъ хотитъ
Не про стараго, не про малаго,— *— balance*
Про казаченьку разудалаго.
Вотъ казаченька не убитъ лежить, не зарѣзанный,—
Вострой шашечкой пересѣченый:
Ручки-ноженьки—въ край дороженьки;
Черна шапочка—въ сторонѣ лежить;
Русы кудорьки призыванули...
Никто къ кудорькамъ не пристунится...

Приступалися да три ласточки,
Три ласточки, да все касаточки:
Перва ласточка—родной батюшка;
Друга ласточка—родна матушка;
Третья ласточка—молода жена.
Молода жена взяла кудорыки,
Повесла кудри во зеленый садъ,
Положила ихъ все подъ вишеньку,
Подъ вишеньку, подъ черешеньку.

Терекская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, выи. XVI, стр. 344.

372.

Изь-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Пъзъ-за горъ крутыхъ высокихъ,
Не красно солнышко восходило,
Не свѣтель мѣсяць выкатается,—
Вылетаетъ тугъ младъ сизой орель,
Младъ сизой орель, птица камская.
На когтяхъ несеть бѣлу рученьку,
Бѣлу рученьку молодецкую,
Молодецкую, солдатецкую.
На бѣлой-то рукъ золоть перетешъ,
На печаткѣ было написано,
Написано, напечатано:
«Моему батюшкѣ—челобитнице;
Родной матушкѣ—низкой поклонъ,
Низкой поклонъ до сырой земли;
Малымъ дѣтушкамъ—благословеньце;
Молодой женѣ—на двѣ волошки:
Хоть замужъ поди, хоть вдовой сиди;
А мнѣ, молодцу, такъ Господь велѣлъ

Положить буйшу головушку
На чужой дальней сторонникъ.»

Сибирская губернія. Русская Беседа 1856 г., № 1.

373.

Изь-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изь-за горъ было, высокихъ горъ,
Вылетала тутъ птица камская,
Птица камская, младъ сизою орель.
Во когтяхъ несетъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое—
Праву рученьку съ могучимъ плечомъ.
Какъ на рученькѣ-то золотъ перстень,
Что золотъ перстень во пятьсотъ рублей,
Одна вставочка есть во тысячу;
А на вставочкѣ-то написано:
«Отцу-матери—челобитьнице;
Братьямъ, сестрицамъ—по поклону веѣмъ;
Молодой женѣ—своя волошка:
Хоть замужь поди, хоть вдовой живи!...»

Сибирь. Гуляевъ, стр. 101 («проголосная»).

374.

Быль я подъ Дарьей-рѣкой;
Надъ Дарьей-рѣкой, въ крутыхъ бережкахъ,
Тамъ лежитъ бѣль горючъ камень;
Изь-подъ камыника растеть часть рашитовъ кустъ;
На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколь;
Держитъ соколь въ когтяхъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ.
Полетѣлъ соколь чрезъ Дарью-рѣку,

Уронилъ соколъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ;
Садился соколъ на крутой бережокъ,
Закричалъ соколъ, выговаривалъ:
«Подуй, подуй, погодушка, со восточныхъ горъ,
Выкачай ты волной руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ;
Ты прибей ее къ круту бережку,
Къ круту бережку, ко желту песку!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 89
(«казацкая»).

375.

Да не стукъ-то стучить, да не громъ гремитъ,
Да стучить-то, гремитъ—старъ сизою орель летитъ;
А за нимъ-то гонить младъ ясець соколъ:
«Да ты стой, подожди, старъ сизою орель!
Я не бить тебя лечу, я спросить хочу.
Ты и гдѣ, орель, былъ, гдѣ погуливалъ?»
—«Да я былъ-то, гулялъ на дикой степи,
Да я взялъ-то, поднялъ руку бѣлую,
Руку бѣлую молодецкую,
Да со перстнями съ позлаченымъ,
Со каменьями драгоцѣннымъ.»

Терская область. Терскій Сборникъ, вын. I, стр. 106.

376.

Не стукъ стучить, не громъ гремитъ,—
Летитъ-то, летитъ младъ ясець соколъ;
Во когтяхъ несетъ руку бѣлую молодецкую,
Со перстнями несетъ съ позолоченными,

Съ камушками да все драгоценными.
Спрашивалъ его, ясна сокола, добрый молодець:
— «Гдѣ ты, орле, былъ, гдѣ тебя Богъ послалъ?»
— «Я былъ-то, былъ, добрый молодець, на чужой
землѣ»

И большую я диковинку тамъ провѣдывалъ:
Какъ убить, убить на чужой сторонѣ,
Убить добрый молодець тамъ лежитъ;
Онъ не такъ убить, добрый молодець,
Да онъ лежитъ, лежитъ весь израшенный.
Не простой тамъ казачокъ убить,
А лежитъ убить Меженецкій князь.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія ..
Кавказа, вып. XV, стр. 276.

377.

Какъ по Питерскоіи по широкой по дорожкѣ,
Тутъ ѣхали все кунцы, бояре,
Московскіе трое сенаторы,
Сенаторушки, большое начальство.
Подъ начальствомъ-то кони вороные,
А извоицки у нихъ—парни молодые,
На коняхъ-то узды золотыя,
Повода-то у нихъ шелковые...
Ѣхали они въ гору, торопились,
Воршые ихъ кони притомились,
Во сыромъ бору кони становились,
Во сыромъ бору по правую сторону.
Тутъ стояло несчастное древо,
Тошкое, высокое, по прозванью матушка елиша;
Со корешку древо не парядно,
Со середи древо свилевато,
Со вершинушки древо кудревато.

На этомъ на дровѣ сидѣла вольна пташка,
По прованьлицу горькая кукушка;
Кукушечка громко вскуковала,
Подъ елинушку она заглядала.
Какъ и вдругъ коня, вся тройка метнулась:
Назадъ-то стоитъ матушка елина,
Подъ елинушкой лежитъ тѣло бѣлое,
Строевымъ ружьемъ прострѣленное,
Во крови-то оно лежитъ во кумачной,
Въ одной тоненькой льняной рубашкѣ.
Какъ тѣло-то рѣчь возговорило:
«Ужъ ты, матушка моя елинка!
Будь ты мнѣ, елинушка, мать родная!
Отпусти-ка ты сверху свои вѣтки,
Приодѣнь ты, прикрой мое тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, безодежное,
Чтобы тѣло мое не горѣло,
Ужъ чтобъ еще больше оно не горѣло...
Когда Богъ меня подыметъ,
Государь царь меня отыщеть,
Ужъ я самъ-то тебя не забуду,
Ужъ я всѣмъ-то тебя изукрашу!»

Саратовская губерція. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 80.

378.

Краіи дорожки, краіи широкия было Московской,
Тутъ стояла зеленая роца;
Что во этой-то было во роцѣ,
Тутъ стояла зелена елинка,
Распрекрасная въ саду деревинка;
Что на этой было на елинкѣ,
Да на самой было на вершинкѣ,
Тутъ сидѣла птичка, пташка вольная,

Горе-горькая сидитъ кокушка.
Не кокуеть, а все она горюеть,
Жалобнешенько иташка причитаеть,
Подъ елинушку сама взираеть.
Подъ елинушкой лежитъ дѣтнушка,
Не убитъ онъ лежитъ, не застрѣленъ,
Вострымъ коньцомъ, душа, исколотъ;
Буйная головушка вся непроломана.
Его поженъки—вдоль дороженьки,
Буйная головушка—въ часть ракитовъ кустъ.
Тутъ возговорилъ душа дѣтника:
—«Ахъ ты, матушка моя елинка!
Опусти-ка ты свое прутье-вѣтье,
Ты прикрой-ка мое тѣло бѣло,
Чтобы птицы мое тѣло не клевали,
Люты звѣри мое тѣло не терзали,
Чтобы дождичкомъ тѣла не мочило,
Да и солнышкомъ тѣла не сушило!»
Тутъ дѣвица къ тѣлу приходила,
Со слезами съ тѣломъ говорила:
«Не ходи-ка ты, милой, ко чужой жещѣ:
Потребить тебя злой сердитый мужъ!»

Вологодскій уѣздъ. Плавницкій, стр. 315.

379.

Край дорожки, край широкія было Московскою,
Тутъ стояла зеленая роца;
Что во этой было во роцѣ,
Выростала зелена елинка,
Не толстая, собою ровная;
Что на этой было на елинкѣ,
Что на самой было на вершинкѣ,
Тутъ сидѣла итичка, иташка воляша,

Горе-горькая сѣра кокушка;
Не кокуетъ, все сама горюетъ,
Подъ елинушку сама взираетъ.
Подъ елинушкой лежитъ молодчикъ,
Не убитый лежитъ, не застрѣленъ,
Вострымъ копынкомъ, душа, псколотъ;
На молодчикъ, на немъ рубашка,
Тонка бѣлая на немъ бумажна;
Она вся въ крови на немъ кумачна.
«Ужъ ты, матушка моя елинка,
Отпущай-ка шелковое прутье,
Ты прикрой-ка тѣло мое бѣло,
Чтобъ отъ солнца тѣло не горѣло,
Отъ дождя бы тѣло не бусѣло...»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 113 («семейная протѣжная»)
Последніе три или четыре слога каждаго стиха повторяются.

380.

Сяду я, младешенька, подъ окошечко,
Погляжу въ окно я, въ окошечко:
Во полѣ туманъ растуманился...
Любезна-ка что запечалилась...
Пишетъ миленькій ко мнѣ вѣсточку,
Ко мнѣ вѣсточку, вѣсть не радостну!...
Не перомъ писалъ, не чернилами,
Онъ писалъ-то мнѣ горячими слезами,
Вѣсть не радостну—распечальную:
Добрый молодець, я побитъ лежу,
Не убитый я, не подстрѣленный,
Не подстрѣленный, а зараненный;
Бѣла грудь моя поколота,
Ража кровь да испропущена...
Во грязи лежу, какъ китайчатый,

*Girl dream
of love
wounded*

Во крови лежу, какъ кумачныйй,
Подъ родимой ли подь матушкой,
Подъ зеленою ль подь елиночкой!
Испроговорить тогда добрый молодець:
«Ужъ ты, матушка зелена елиночка!
Распусти свои прутья ветлые
Отъ вершиночки до сама корня,
А вокругъ корня до сыра камня,
Призакрой-ка мое тѣло дѣтское,
Тѣло дѣтское, молодецкое,
Чтобы вѣтромъ, буйнымъ вѣтрышкоомъ
Тѣло мое, тѣло не сушило,
Чтобы солнцемъ, краснымъ солнышкоомъ
Тѣло мое, тѣло не пригрѣло,
Чтобы дождемъ, мелкимъ дождичкомъ
Тѣло мое, тѣло не мочило....»

Славянская, ч. III, стр. 147 («бесѣдная»).

381.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, на сине море,
А злодѣйка кручина въ ретиво сердце;
Какъ не схакивать туману со сина моря,
А злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива сердца!

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ
Разгорался огонечекъ маленечекъ;
Возлѣ огничка посланъ ковричекъ,
А на ковричкѣ лежитъ добрый молодець,
Во правой рукѣ держитъ тугой лукъ,
Во лѣвой рукѣ—калену стрѣлу;
Во скорыхъ ногахъ стоитъ добрый конь.)
Онъ и бѣтъ коньотомъ обѣ сыру землю,
И онъ знать дастъ добру молодцу:

«Ты вставай, вставай, добрый молодец!
Ты садись на меня, на добра коня,
Я свезу тебя къ отцу, къ матери,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ!»
Какъ возговорить добрый молодецъ:
«Ты, мой добрый конь, слуга вѣрный мой,
Поѣзжай одинъ на святую Русь,
Поклонись отъ меня отцу, матери,
Челобитье моей молодой женѣ,
Благословенье скажи малымъ дѣтушкамъ,
Ты скажи, объяви молодой женѣ,
Что женился я на пной женѣ,
И я взялъ за себя поле чистое,
А въ придашы взялъ зелены луга;
У насъ добрый свать былъ булатный мечъ,
А сосватала калена стрѣла,
На постель клала свинцова пуля...»

Ты дубрава, дубрава зеленая,
Ты долина, долина широкая!
Ужъ какъ всѣмъ ты, долина, изукрашена.
А однимъ ты, долина, обезчещена:
Посреди тебя зеленой курганъ,
На курганѣ разостланъ ковричекъ,
А на ковричкѣ лежитъ молодецъ,
Онъ избить, изстрѣлеть, израненъ весь.

Пѣсенникъ 1810 г., стр. 163.—Пѣсенникъ 1817 г., часть I,
стр. 207.—Очень сходная пѣсня: Пѣсенникъ 1796 г., стр. 211.
Передѣлка: Кашинъ, вып. I, № 1.

382.

Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ,
Отъ огничка шель дымочекъ топешенекъ,
Томъ I. 30

Подлѣ огничка разостланъ шелковойи коверъ,
На ковричкѣ лежитъ добрый молодецъ,
Прилекаетъ свои раны кровавыя.
Въ головахъ его стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку—его крѣпкій лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь.
Добрый молодецъ уже кончается,
При смерти добрый молодецъ сокрушается,
И самъ добру коню наказываетъ:
«Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюся
И съ тобой однимъ прощаюся.
Какъ умру я, мой добрый конь,
Ты зарой мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго,
Среди раздольца, среди широкаго;
Побѣги потомъ во свитую Русь,
Поклонись моему отцу и матерч,
Благословенье отвези малымъ дѣтушкамъ,
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Во приданое взялъ я поле чистое,
Свахою была калена стрѣла,
А спать положила нуля мушкетная.
Тяжки мнѣ раны палашовыя,
Тяжчае мнѣ раны свинцовыя...
Все друзья-братья меня оставили,
Все товарищи развѣхались;
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти;
И ты виднись, мой добрый конь,
Что удалый добрый молодецъ кончается...»

383.

Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ маленюскъ,
Отъ огонечка шелъ дымочекъ топешенскъ,
Подлѣ огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На ковричкѣ лежитъ добрый молодецъ,
Припекастъ свои раны кровавыя; —
Въ головахъ его лежитъ стрѣлъ колчанъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкій лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь.
Добрый молодецъ уже кончается
И самъ добру коню наказываетъ:
«Ахъ ты, конь мой, конь, добра лошадь!
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюсь
И съ тобою однимъ прощаюсь...
Какъ умру я, мой добрый конь,
Ты зарой копытомъ мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго,
Среди раздольца, среди широкаго;
Побѣги потомъ во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матери,
Благословенье отнеси малымъ дѣтушкамъ,
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Во приданое взялъ поле чистое,
Свахою была калена стрѣла,
А спать положила пуля мушкетная.
Тяжки мнѣ раны палашевыя...
Все друзья меня и братья оставили,
Все товарищи разѣхались;
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,

*send him
now with
great care*

Послужилъ мнѣ до смерти моеи;
И ты видншь. мой добрый конь,
Что удалый добрый молодець кончается...»

Ильминикъ 1791 г., часть II, стр. 23. — Ильминикъ 1819 г., часть II, стр. 86.

384.

Запоемте-ка, ребяташки, да мы пѣсню новую,
Мы не сами про себя—про донскаго казака!
Какъ донской казаченька, онъ убитъ лежить,
Онъ убитъ лежить, казаченька, онъ застрѣленный.
Его буйная головушка да съ плечъ срублена,
Могучія его плеченьки насквозь прострѣлены,
Въ ретивомъ его сердечушкѣ свинцовая пуля.)
Во рѣзвыхъ его поженькахъ стоитъ чубарый конь,
Онъ бьетъ-то, пробиваетъ, конь, копытчикомъ,
Онъ бьетъ, пробиваетъ до сырой земли,
Онъ будить, побуживаетъ своего хозяинушку:
«Ужъ и встань-ка, проспись, мой хозяинушка,
Мой хозяинушка, младъ донской казакъ!
Поѣзжай-ка домой къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ!»
Какъ возговорить тутъ младъ донской казакъ:
«Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты ступай одинъ въ нашу сторону!»
> Скажи-ка ты моему батюшкѣ низкою поклономъ,
Сударыня моеи матушкѣ—челобитнице,
Малымъ моимъ дѣтушкамъ—благословеньце,
Молодой моеи хозяйшкѣ—на двѣ волошки:
Хочеть—замужъ идеть, хочеть—во вдовахъ сидеть:
А мнѣ-то, доброму молодцу, знать, такъ Богъ велѣлъ,
Знать, такъ Богъ велѣлъ,—быть прострѣлену...»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 87.

385.

Ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, ты, широкое!
Ничего ты, поле, не породило...
Породило, поле, кустъ ракитовый.
Какъ нодь тѣмъ кустомъ подъ ракитовымъ,
Тамъ лезаить-то убить добрый молодець,
Младъ донской казакъ малолѣточекъ.
Онъ не въ смерть-то убить, больцо раненый,
Во широкую грудь сквозь прострѣленный.
Передъ нимъ-то стопть его вѣрный конь;
Онъ бьетъ копытомъ во сыру землю,
Онъ будить своего хозяина:
«Ты встань-пробудись, добрый молодець,
Ты, хозяинъ мой, младъ донской казакъ!
Ты садись на меня, слугу вѣрнаго;
Понесу я тебя да на тихій Донъ.»
Какъ коно-то молодець рѣчь возговорилъ:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, товарищъ вѣрный мой!
Не поднять ужъ тебѣ добра молодца!
Ты отбей, оторви шелковой чумбуръ
И бѣжи ты, мой конь, да на тихій Донъ,
На зеленый долъ, на широкій дворъ,
Ко отцу-матери, роду-племени!
Ты письмо отдай;
Молодой женѣ ты рѣчью скажи,
Что женился я на другой женѣ—гробовой доскѣ,
Засватала меня сабля вострая турецкая,
Обвѣчала меня пуля свинцовая,
Положило свать ядро чугунное.»

Донская область. Савельевъ, стр. 123.

386.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, степь широкая!
Ничего ты, поле, не породило!
Породило поле кустъ ракитовый...
Подъ кустомъ лежитъ молодой казакъ;
Опъ не такъ-то лежитъ—крѣико раненый;
Въ головахъ у него бѣлы горючъ камень,
Во груди у него—свинцова пуля,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во ногахъ у него—его добрый конь.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, копь, товарищъ мой!
Ты бѣги, мой конь, въ землю русскую,
Не давайся, мой конь, врагу прусскому,
А ты дайся, мой конь, моему батюнкѣ
И родименькой моеи матункѣ;
Молодой женѣ на словахъ расскажи,
Что женила меня свинцова пуля,
Обручила меня сабля острая,
Перевѣчала меня гробова доска»...

Терская область. Сборникъ материаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XV, стр. 199.—Очень сходная пѣсня: Терскій
Сборникъ, вып. I, № 66.

387.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ничего ты, поле, не породило!
Породило, поле, кустъ ракитовый...
Подъ кустомъ-то лежитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, молодой казакъ;
Молодой казакъ не убить лежитъ,
Не убить лежитъ, нишко раненый;

Въ головахъ у него—бѣль горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля вострая,
Во груди у него—пуля быстрая,
А въ ногахъ у него стоитъ добрый копь...
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, ты, товарищъ мой!
Побѣгай-ка ты, конь, во Россіюшку,
Не давайся ты, конь, неприятелю,
Только дайся ты, конь, брату родному;
Да скажи-ка, скажи отцу съ матерью,
Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой же женѣ—челобитнице
И скажи-ка ей, что уваталь я
Все невѣстушку—свинцову пулю,
Обвѣчала меня сабля вострая!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 111 («военная»).

388.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, ты, широкое!
Ничего ты, поле, не спородило!
Спородило, поле, часть ракитовъ кустъ....
Какъ во этомъ кусту тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое;
Во главахъ у него—сабля вострая,
Въ ретивомъ у него—пуля быстрая,
Во ногахъ у него конь вороний его.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, ты, товарищъ мой,
Ты бѣги, бѣги по дорожкѣ вдоль.
По дорожкѣ вдоль, къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ!
Ты женѣ скажи, что женился я,

Что жепла меня пуля быстрая,
Обвѣчала меня сабля вострая...»

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ, № 9 (каждый стихъ повторяется).—Сходный текстъ: Русскій Филологическій Вѣстникъ 1887 г., № 4 (Вологодская губернія); —Балакиревъ, № 27.

389.

Уши-то поля всё украшенныя,
Поля кусточками, поля листочками...
Среди-то ли поля стоялъ раптовъ кустъ;
На кустъ-то сидѣлъ соловей-штанка,
Подъ кусточкомъ лежитъ да молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержакъ;
Не убитъ онъ лежитъ,—шибко раненый,
Шибко раненый, весь непроколотый;
Въ згловахъ-то у него сабля вострая,
Сабля вострая да пуля быстрая;
Подъ правой-то ли рукой—ружьё военное;
Въ ногахъ-то у него стоялъ добрый конь.
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, конь, товарищъ мой!
Ты поди-ка, ты, конь, по деревнѣ вдоль,
Въ самый крайный домъ, къ батюнкѣ на дворъ;
Унеси-ка ты, конь, батюшку поклонъ,
Родной матушкѣ—челобитьице,
Молодой-то женѣ—письмо-грамотку,
Письмо-грамотку, вѣсть не радощу:
Молодая-то жена вѣкъ вдовой слыла,
Вѣкъ вдовой слыла, либо замужъ шла;
Поженла же меня сабля вострая,
Пуля быстрая, ружьё военное.»

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ
1887 года, № 4.

390.

Въ чистомъ полѣ, во полѣ широкомъ,
Чистомъ и раздольномъ.
Тамъ раздолье мое,
Тамъ широкое мое!
Да ничего поле да не породило,
Породило лишь поле да ракитовъ кустъ....
Какъ подъ тѣмъ да ракитовымъ кустомъ
Лежитъ тѣло бѣлое да молодецкое;
Тамъ лежитъ молодой солдатъ, полковой сержантъ:
Онъ убить не убить, лежитъ раненый;
Во главахъ у него—знамя царское развернутое;
На грудяхъ у него—руки бѣлыя;
На рукахъ у него—кольца ясныя,
Кольца ясныя, да серебряныя;
Въ бѣлыхъ рукахъ—сабелка вострая;
Во ногахъ у него—да добрый конь его.
«Ужъ ты, конь мой, конь, конь, товарищъ мой,
Конь ретивый мой!
Ты бѣги же, конь, на мою сторону,
На мою сторону, къ отцу да ко матери,
Ко роду да ко племени, къ жепѣ молодой!
Скажи да разскажи, конь вороной мой:
Погубила меня сабля вострая!»

Чернская губернія. Шишонко, стр. 257.

391.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ничего жъ ты, поле, не спородило!
Спородило поле часть ракитовъ кустъ.
На кусту сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Подъ кустомъ лежитъ тѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое, все израненное.
Въ головахъ у него сабля вострая,
Во грудяхъ у него пуля быстрая,
Во ногахъ у него его добрый конь...
«Ужъ ты, конь мой, конь, товарищъ мой!
Ты поди-ка, мой конь, въ землю русскую,
Ты снеси поклонъ родной матушкинъ,
Молодой моей сестрѣ до сырой земли,
Молодой моей женѣ на трп думушки:
Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
Еще третья-то: хоть меня помяни!»

Новгородская губернія. Студитскій, № 1 («бесѣдал»).

392.

Ужъ вы, горы ли, горушки высокія,
Ничего-то вы, горы, не породили!
Спородили вы только, горушки,
Одинъ бѣль горючъ камень.
Изъ-подъ камешка бѣжитъ быстра рѣченька,
Быстра рѣченька, Эмба-матушка;
Какъ по бережку растетъ часть ракитовъ кустъ,
На кустѣ сидитъ пестрая кукушечка,
Подъ кустомъ лежитъ добрый молодець
Въ головахъ-то у него лежатъ шанка острая,
А въ ногахъ-то стоитъ его рѣзвѣй конь...
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, конь вороненькій!
Ты бѣги-ка, конь, къ моей молодой женѣ,
Ты скажи-ка ей, что женился я въ иной странѣ,
Во иной странѣ, въ басурманской...»

Уральская область. Микущинъ, стр. 112 («вострая»).

393.

Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою,
Тамъ ходилъ-гулялъ молодой казакъ,
Молодой казакъ съ Дону тихаго.
Онъ ходилъ, онъ гулялъ, тамъ коня попасалъ,
Онъ коня попасалъ, суху травушку првалъ,
Суху травушку првалъ, свои раны прикладывалъ.
«Охъ вы, раны мои, вы, горячія мои,
Вы, горячія мои, вы и кровью пзошли!»
Передъ смертью казакъ сталъ приказывати,
Воропому коню сталъ наказывати:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, лошадь вѣрная моя!
Обломп, обломп ты дубовый сукъ,
Оборви, оборви ты шелковъ поводакъ,
Ты бѣги, ты бѣги на ту сторону домої,
Снеси батюшкѣ поклонъ до земли,
Снеси матушкѣ поклонъ до низу,
Да скажи ты женѣ, мой вороненькій конь:
А женился я на другой жепѣ,
Что сосватала сабля вострая,
Положила спать калена стрѣла!»

Кубанская область. Поповъ, Боевыя пѣсни русскаго солдата,
Спб. 1893, № 116.—Очень слодная пѣсня—въ томъ же сборникѣ,
№ 117 (Донская область).

394.

Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою,
Тамъ ходилъ, тамъ гулялъ казакъ молодой,
Шелку травушку рвалъ, на огоничекъ бросалъ,
На огоничекъ бросалъ, свои раны засыпалъ.
«Ужъ вы, раны мои, вы, тяжелья,
Вы до сердца дошли, ужъ вы кровью сошли!»

Помиралъ казакъ, сталъ приказывать:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, ты, товарищъ дорогой!
Ты бѣги, не скачи, по дорожкѣ вдоль,
По дорожкѣ вдоль, ты на тихій Донъ,
Ты на тихій Донъ, къ отцу, къ матери родной!
Ты ударь копытомъ объ новыя ворота...»
Совстрѣчала коня молодая жена:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, гдѣ товарищъ твой?»
— «А товарищъ мой—за Кубанью за рѣкой,
За Кубанью за рѣкой, самъ женился на другой.
Оженила его чужа дальня сторона,
Благословила его мать сырая земля,
Обвѣчала его пуля быстрая...»

Донецкая область. Донатинъ и Прокупинъ, № 12.—Сходная пѣсня:
Пальчиковъ, № 16 (Уфимская губерния, Мензелинскій уездъ).

395.

За Кубанью за рѣкою,
Тамъ казаченька гулялъ,
Ковыль-травушку ирвалъ,
Увь огонюшекъ металъ,
Свои раны перевивалъ,
Коника отиралялъ:
«Конь, ты, мой конь, конь ворошенькій,
Ты бѣжи же, конь, по дорожкѣ вдоль;
Свези же, конь, отцу-матери письмо,
Молодой женѣ ты скажи, конь, словесно,
Что женила молодца чужа дальня сторона,
Что невѣста его—сабля вострая!»

Курская губерния, Щигровскій уездъ, Халанскій, № 37.

396.

За Ураломъ за рѣкой, да тамъ уланчикъ гулялъ,
И онъ гуляль-то, гулялъ, и своего коника спасалъ.
Своей сабелькою да огоньчекъ вырубалъ,
Онъ полынь-травушку рвалъ и да въ огоньчекъ клалъ.
Онъ въ огоньчекъ клалъ да на нозелецъ пережигалъ,
Да на нозелецъ пережигалъ да свои раны пересыпалъ.
«Ты бѣги-ка-ся, конь, и по дорожкѣ вдоль,
По дорожкѣ вдоль и къ моему батюшкѣ на дворъ!»
Его батюшка старою и онъ стоялъ у воротъ;
Его маменька стара да растворяла ворота;
Молода жена да коня встрѣтила.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, и гдѣ хозяинъ твой?»
— «Эхъ, хозяинъ мой—да за Ураломъ за рѣкой,
За Ураломъ за рѣкой, да самъ женился на другою...
Какъ женила его да пуля быстрая,
Обручила его да сабля вострая,
Похоронила его да мать сырая земля,
Помянула его гробовая доска.»

Рязанская губернія, Пронскій уѣздъ. Донатинъ и Прокунинъ,
л. 13. Каждый стихъ повторяется.

397.

За Дунаемъ за рѣкой, тамъ казакъ-отъ гулялъ.
Не одинъ онъ гулять—со товарищами:
Съ милою Сашенькой да съ острою сабелькою.
Изъ острой-то сабли огонекъ вылеталъ;
Казакъ травоньку рвалъ, на огонь ее клалъ.
На огонь онъ кладетъ да прираскладываетъ;
Казакъ раны свои перевязываетъ.
«Ужъ вы, раны ли мои, разжеланныя мои,

Ко сердцу, раны, пришли...»
Передъ смертью казакъ коню наказываетъ:
«Ужъ ты, конь ли, мой конь, развороненькій мой!
Ты бѣжи-ка, мой конь, по дороженькѣ вдоль,
Къ отцу, къ матери на дворъ!»
Его маленька встрѣчаетъ и молода его жена.
Молода его жена за шелковъ поводъ брала,
Сама выспрашивала:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, гдѣ хозяинъ - отъ
твой?»—
— «Хозяинъ-отъ мой въ сырой землѣ лежитъ,
Гробовой доской закрытъ.»

Пермская губернія, Чардашевскій уѣздъ. Поповъ, стр. 245.

398.

За Дунаемъ за рѣкой тамъ казакъ-отъ гуляль,
Да размолоденькій.
Не одинъ казакъ гуляль—да со товарищами;
Что товарищи его—востра шапечка.
Изъ вострой-то шапки огонекъ казакъ векрываль:
Ковыль-травоньку рваль, да на огонь ее клаль;
Да на огонь травку клаль, огонь раскладываль;
Свои раночки казакъ да приразвязываль,
Самъ со ранами, казакъ, да разговариваль:
«Да ужъ вы, раны мои, раны, да претяжелыя раны,
Претяжелыя мои!
Все вы, мои раны, кровію изопли,
Кровію изопли и ко сердцу, раны, пришли!...»
Передъ смертію казакъ коню наказываль:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, развороненькій!
Порви-ка, мой конь, табуръ шелковенькій,
Пзломай-ка, мой конь, пригошь дубовенькій,
Да бѣжи-ка, мой конь, да по дороженькѣ вдоль,

По дороженькѣ вдоль, да по широкой столбовой,
По широкой столбовой на мой тихій-еть домъ!
Привяжи ты, мой конь, ко воротничкамъ,
Привяжись ты, мой конь, ко столбу дубовому,
Ко столбу-то, столбу, да ко колечушку,
Ко колечушку да ко серебряному!
Выидеть же, встрѣтитъ же тебя родна мамонька
моя;

Разсѣдлаетъ же тебя да родной тятенька мой;
Станеть спрашивать тебя молода жена моя:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, да развороненькій мой,
Развороненькій мой, да гдѣ-то хозяинъ твой?»—
—«Тамъ хозяинъ-отъ мой—за Ураломъ за рѣкой,
За Ураломъ за рѣкой, онъ женился на другої!
Взялъ невѣстуху себѣ тихоскромную;
Въ чистомъ полѣ, подъ кустомъ, востра пашечка
Была свахой его, угощала важно насъ;
Пуля быстра окручала, скоро къ смерти привела!
Что невѣстуха моя—гробова нова доска!..»

Пермская губернія. Шишонио, стр. 234.

399.

Какъ во полѣ могилушка стоитъ,
На могилушкѣ тѣло бѣлое лежитъ.
Тѣло бѣлое солдатское;
Тамъ лежитъ же, тамъ убитый лежитъ,
Онъ убитый, весь израпленный,
Изрубленный, пепострѣленный:
Поги-руки—на четыре штуки;
Во головушкѣ стоитъ крестъ златой,
Во рукахъ онъ держитъ книжечку,
Во ногахъ стоитъ убитаго конь.
Конь копытами землю бьетъ,

Охъ, да и бьетъ же, добивается,
Своего пана добужается:
«Охъ, ты встань-ка, ты встань, мой господишь!
Хотя ты встать не встанешь, такъ голову подними,
Своему коно дорожку укажи!»
Господишь не всталъ да дорожку показаль:
«Ты бѣги, конь, все дорогою широкою,
Прибѣги, конь, ко новымъ воротамъ,
А ты беи копытами воротушки!
Туда выдетъ къ тебѣ моя матушка,
Она поймаетъ тебя за шелковъ поводъ,
Поведетъ она тебя во конюшеньку,
Дастъ тебѣ она п сѣна п овеа;
Потомъ станеть тебя спрашивати:
Гдѣ ты былъ-побываль, куда пана подѣваль?
Ты скажи тутъ ей, скажи,
Что панъ во полѣ лежитъ, велитъ кланяться,
Велитъ кланяться, да не плакаться...»

Олонецкій уѣздъ. Олонецкія Губернскія Вѣдомости
1868 года, № 25.—Сходная пѣсня: Якушкинъ, стр. 615.

400.

Во полѣ, полѣ чистомъ могилушка стоить,
А въ могилушкѣ бѣло тѣло лежитъ,
Да солдатское.
Тамъ лежитъ убитый, убитый да израненый,
Изрубленный да истерзанный:
Ноги, руки—да на четыре штуки;
Во головушкѣ—крестъ златой,
Крестъ златой да чеканный,
Чеканный, дорогой;
Въ рукахъ—держитъ грамотку,
Грамотку расписную;

Онъ чптасть ее да прочптывасть;
Во ногахъ его стоить добрый конь;
Онъ стоить да копытами бьетъ о сырую землю;
Онъ бьетъ да землю выгребасть,
Землю выгребасть да до добра молодца да добивается:
«Ты устань, добрый молодець, казакъ разудальи,
Ты устань, проснись!
Укажи-ка ты мнѣ путь-дороженьку
Да на мою-то да на сторонушку!»
Дорогой молодець встать не всталъ,
А головушку приподнялъ
И своему коню онъ дорожку казаль,
Казаль да приговариваль:
«Ты бѣги-ка, конь, дорогая лошадь,
Все дорогою да широкою!
Ты прибѣги, конь, да ко новымъ, да ко новымъ воро-
тамъ!

Ты копытами бей во тѣ ворота,
Покуль выдетъ къ тебѣ мать родная моя;
Она возьметъ тебя да за шелковую узду,
Да поведетъ во столычко, дастъ овса, сѣна;
А потомъ, добрый конь, станеть у тебя да воспра-
ширати,

Воспрашивати, припадаючи,
Да горячими слезьми омываючи:
«Гдѣ ты былъ-спобываль?
Отчего жъ, вороной, одинъ ты прибѣгъ?
Гдѣ хозяинъ твой, молодець удалой?»—
—Онъ убить не убить, онъ лежить при поляночкѣ,
При поляночкѣ да въ земляночкѣ!...»

Пермская губернія. Шиншопко, стр. 221.

401.

Какъ за рѣчевькой за Кубанушкой.
Тутъ ходилъ-гулялъ молодой казакъ,
Молодой казакъ съ Дону тихаго.
Онъ ходилъ-гулялъ, тамъ копя спасалъ;
Острой шашечкой огня вырубалъ,
Суху травоньку рвалъ, на огонь ее клалъ,
Пораскладывалъ,
Свои ранушки тяжелыя перевязывалъ.
«Ужь вы, раны, мои раны, вы, тяжелыя,
Тяжелымъ-то тяжелы, кровью изошли!»
Передъ смертью казакъ сталъ приказывать,
Воронному коню онъ наказывать:
«Ужь ты, конь ли мой, конь, ты, воронный конь,
Обломи-ка, обломи ты дубовый сукъ,
Оборви-ка, оборви ты шелковъ поводъ,
Ты поди-ка, мой конь, ты поди домой,
Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
Скажи матушкѣ—вплоть до-земи,
Малымъ дѣтушкамъ—благословеньице,
Молодой женѣ—челобитьице,
Челобитьице, приказаньице:
Хошь замужъ идетъ, хошь вдовой сидитъ!
Да скажи ты ей, мой воронный конь,
Что женился я на другой женѣ,
Насъ соватала сабли острая,
Положила спать калена стрѣла!»

402.

За Кубанью за рѣкой.
Да тамъ казакъ-то гуляль.
Не одинъ онъ гуляль —
Да со товарищами:
Да съ милой Сашенькой,
Да съ острой сабелькой.
Изъ острой сабли
Да огонекъ высѣкаль,
А кобыль-травоньку рваль
И на огонь ее клаль.
А со раночками казакъ
Разговариваль:
«Ужъ вы, рапы мои,
Претяжелыя мои!»
Передъ смертью казакъ
Коню наказываль:
«Ужъ ты, конь ли, мой конь,
Развороный добрый конь!
Ты бѣги-ка, мой конь,
Да по дороженькѣ вдоль,
Къ отцу, къ матери!
Тамъ и встрѣтить тебя
Родимая матушка
И отворить ворота
Родимый батюшка,
Разсѣдлаетъ тебя
Родимый братецъ,
Напоитъ, накормитъ
Родная сестрица,
Еще спроситъ у тебя
Да молодая жена:
«Ужъ ты конь ли, мой конь,

Да гдѣ хозяинъ-то твой?»
— «А хозяинъ-то мой—
Да за Кубанью за рѣкой,
Онъ женился на другой!
Еще сваха-то была—
Каленая стрѣла,
А невѣста-то его—
Свнщцовая пуля.»

Черкесская губернія. Шиншопка, стр. 330.

403.

Нечаль-тоска въ ретивомъ сердцѣ,
Въ ретивомъ сердцѣ,
На спнемъ морѣ, въ корабличкѣ—
Не огонь горитъ, не звѣзда блеститъ...
Возлѣ рѣченьку, возлѣ быструю
Разостланъ коверъ, коверъ бархатный;
Что на томъ коврѣ, на томъ бархатномъ,
Тутъ спитъ-лежитъ добрый молодецъ;
Не убить лежитъ, весь израненъ онъ.
Во рукахъ у него да ружье вострое;
На груди у него да знамя царское;
Во ногахъ у него да пуля быстрая;
Въ головахъ у него конь вороненькій.
Онъ конькомъ бьетъ землю турецкую.
«Если можешь стать, добрый молодецъ,—
Осѣдай меня!
Я свезу тебя въ землю русскую,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ,
Къ молодой женѣ да къ малымъ дѣтушкамъ,
Къ малымъ дѣтушкамъ, да ко сироточкамъ!»

Белозерскъ. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879 г., X 3.

404.

Нѣту, нѣту у молодца,
Нѣту ни товарища;
Товарищъ у молодца—
Его добрый конь,
Слуга его вѣрный—
Крѣпкій тугой лукъ,
Посланникъ у молодца—
Калена стрѣла;
Куда стрѣлочку ни пошлетъ,
И самъ за ней идетъ.
Послалъ ее добрый молодець
Во чисто поле.
Во чистомъ во полюшкѣ
Огонекъ горитъ,
Огонекъ, братцы, горитъ
Маль-малехонекъ;
А у этого огня
Лежитъ добрый молодець;
Не убитый лежитъ онъ,
Крѣпко раненный;
Въ головахъ у молодца
Стоять чудень крестъ,
Во рукахъ у молодца—
Шашка острая,
А въ ногахъ у молодца—
Его добрый конь,
Конь копытомъ землю бьетъ,
Хозяинна пробуждаетъ:
«Встань-ка, встань, хозяинъ мой,
Хозяинъ родной!»

С. С. С.

Ты садись-ка на меня, поѣдемъ домой,
Поѣдемъ домой, къ женѣ молодой!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 113 («военная»)

405.

Охъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздольице мое широкое!
Ничего ты, поле, не породило!
Породило, поле, часть ракитовъ кустъ....
На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколь,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
Черна ворона, брата роднаго;
Онъ и бьетъ не бьетъ, только сирашиваетъ,
Изъ ума его вывѣдываетъ:
«Скажи, гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ погуливалъ?»—
—«Я легаль-то, леталь во дикую степь,
Я видаль-то видаль чудо чудное,
Чудо чудное, диво дивное:
На стени лежитъ тѣло молодецкое;
Постель у него—мать сыра земля;
Изголовьице—бѣлъ горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля вострая,
На груди у него—шашка быстрая,
Во ногахъ у него стоитъ добрый конь.
Добрый молодецъ копо рѣчь возговорилъ:
«Ты ступай, мой конь, въ нашу сторону,
Въ нашу сторону, къ отцу, къ матери,
Скажи, батюшкѣ моему низкой поклонъ,
Родной матушкѣ—до сырой земли,
Молодой женѣ—на двѣ волюшки:
Хочеть—во вдовахъ сидитъ, хочеть—замужъ идетъ!
А я, добрый молодецъ, заручень лежу:
Обручиль-то меня батюшка бѣлый царь,

*Т. 201 10
10/11*

Благословила меня мать сыра земля,
Повѣчала меня шапка быстрая,
Обрученная жена—гробова доска...»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 79.

406.

Какъ не въ полѣ-то было, было на широкой доли-
нушкѣ,

На зеленой шелковой травушкѣ,
Тамъ лежалъ молодой казакъ,
Весь израненный да порубанный,
Порубанный да прострѣленный;
Около казаченька щипаль травушку
Его добрый слуга, конь вороненькій.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, слуга вѣрный мой!
Ты служилъ мнѣ долго времячко,
Сослужи же ты, конекъ, послѣдною мнѣ службѣцу!
Вѣгн ты, мой конекъ, въ родную сторонушку,
Къ моей родной, милой матушкѣ,
Передай мой послѣдній привѣтъ,
Да скажи ей, чтобъ не плакала, не тужила обо мнѣ,
Что я палъ въ бою на широкой долинушкѣ
За честь и славу родины, за православную Русь...»

Терекая область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, выш. XV, стр. 200.

407.

Тамъ далече въ чистомъ полѣ
Убитой казакъ лежитъ.
Тамъ росла густая травка,

Густая травка съ муравою.
Онъ убитый, принакрытый,
Съ плечъ свалилась голова;
Его руки, его очи
Принакрытыя лежать.
Ты лети, лети, голубчикъ конь,
Къ моеѣ миленькой домой!
Разскажи ты ей, голубчикъ,
Что случилось надо мной:
Дослужилъ твой сыночекъ
Царю вѣрную службу,
Принскалъ себѣ мѣстечко
Въ чистомъ полѣ, на пескѣ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XV, стр. 78.

408.

Въ чистомъ полѣ...
Ужъ ты, поле мое,
Поле чистое.
Ты, раздолье мое,
Ты, широкое!
Ничего, поле, не породило!
Породило, поле,
Часть ракитовъ кустъ...
Какъ подъ тѣмъ кустомъ
Лежить тѣло бѣлое,
Молодецкое:
Тамъ лежить солдатъ,
Полковой сержантъ;
Онъ убитъ лежить,
Весь израненый;

Въ головахъ у него—
Знамя царское,
На грудяхъ у него—
Руки бѣлыя,
На рукахъ у него—
Кольца ясныя,
Во бѣлыхъ рукахъ—
Сабля острая,
Во ногахъ у него—
Добрый конь его.

«Ужъ ты, конь, ты, мой конь,
Конь, товарищъ мой!
Ты поди жъ, ты, мой конь,
На мою сторону,
Къ отцу, къ матери,
Къ роду-племени,
Къ молодой женьѣ,
Къ царю бѣлому
Петру первому!
Ты скажи мнѣ, конь...

.
.

Погубила меня
Сабля острая.»

.

«Ужъ ты, конь, ты, мой конь!
Ты скажи жъ, ты мнѣ, конь,
Гдѣ ты былъ-побывалъ
На своей сторонѣ?»
—«Въ царя бѣлаго
Петра перваго»...—
—«Ужъ ты, конь, мой конь,
Что ты ѣлъ тамъ, пилъ?»—
—«Ужъ я ѣлъ по лугамъ
Шелковую траву,

Рубинъ

Ужъ я пилъ-попивалъ
Сладку водочку»....

• • • • •

Якушкинъ, стр. 332.

409.

Подъ окошечкомъ сироточка сидитъ,
Супротивъ ясна окошечка глядитъ.
Въ чистомъ полѣ долина широка,
Во долинушкѣ береза высока;
Подъ березой той могила глубока;
На могилушкѣ гробница дубова;
Во гробницѣ офицерскій сынъ лежитъ,
Офицерскій-генеральскій чинъ на немъ.
«Убилъ меня чеченецъ молодой,
Въ мои груди двѣ пули онъ пустилъ,
По бокамъ прикладомъ приложилъ.
Въ головахъ моихъ дубовый крестъ стоитъ,
Во ногахъ у меня—коникъ вороной.»
— «Ты, хозяинъ, ты, хозяинъ дорогой,
Надоѣло мнѣ стоять передъ тобою,
Надоучило желты песочки глотать!
Отпусти меня на зеленые луга,
Накорми меня шелковою травой,
Нанюи меня студепою водой!»

Самод

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XV, стр. 79.

410.

Во горахъ было, во горахъ, во горахъ высокихъ,
Во ущельяхъ, во ущельяхъ было глубокихъ,—
Лежатъ молодецъ, молодецъ убитый,

Молодецъ, молодой урядничекъ.
Какъ съ родной его сторонюшки птички прилетали,
Жалобнехонько ему пѣсенки воспѣвали:
«Встань, встань, добрый молодецъ!
Какъ зима проходитъ, весна наступаетъ,
Твоя молодая жена по саду гуляетъ,
По саду гуляетъ, мужа выбираетъ...»
Лежитъ молодецъ, не даетъ отвѣту...
Какъ съ родной его сторонюшки птички прилетали,
Жалобнехонько ему пѣсенки воспѣвали:
«Встань, встань, добрый молодецъ!
Какъ прошло лѣто, осень наступила,
Твоя молодая жена весной по саду гуляла,
По саду гуляла, мужа выбрала,
А теперь глазами разводитъ, замужъ выходитъ;
Родимая твоя матушка слезно плачетъ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія ...
Кавказа, вып. VII, стр. 99.

411.

Во горахъ-то было, горахъ,
Во горахъ, братцы, во высокихъ,
Тамъ убитъ добрый молодецъ,
Крѣпко раненый, землею приваленный,
Травушкой присыпанный.
Какъ на этой травушкѣ цвѣты расцвѣтали;
Какъ во этихъ во цвѣтахъ птички распѣвали,
Жалобнехонько онѣ пѣсню напѣвали:
«Встань, проснись, добрый молодецъ!
Зимушка проходитъ, весна наступаетъ,
Жена твоя молодая по саду гуляетъ,

Цвѣты сорывасть, пѣсни расцѣвасть,
Жениха себѣ выбирасть.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XV, стр. 81.—Сходная пѣсня: Терскій Сбор-
никъ, вып. I, стр. 147.

412.

Вы, туманы мои, туманушки, разосенніе вы туманы
мои!
Ты, печаль ли моя, кручинушка, зла мучительна то-
ска!
Не подняться вамъ, туманушки, со снѣга моря долой;
Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца
прочь...
Мнѣ почесь-то, почесь, добру молодцу, малымъ мало
спалось,
Мнѣ малымъ мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Будто я убить, добрый молодець, на Бухарской сто-
ронѣ,
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степи;
Мнѣ постелюшка, доброму молодцу, ковыль-травка
постлана,
Изголовнице мнѣ, разудалому,—бѣль горючь ка-
мень лежитъ,
Одѣялице мнѣ, добру молодцу,—темна почка надо
мною;
Мои рѣзвы поженъки лежатъ вдоль дороженьки;
Мои бѣлы ручушки—врозь разложены;
Кудри мои русыя—буинымъ вѣтромъ разнесло;
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны;
Тѣло мое бѣлое—черны вороны клюютъ;
Сквозь мои частыхъ реберъ—травка-муравка ра-
стетъ;
Ретивое мое сердечушко—змѣя люгая сосеть!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 77.

А намъ, разудалымъ казаченькамъ, со чиста поля до-
мой...
Ты, печаль ли моя, кручинушка, зла мучительна то-
ска,
Не отстать ли тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца
прочь...
Какъ вечеръ ночесъ мнѣ, добру молодцу, ночка темна
не спалась;
Какъ вечеръ ночесъ мнѣ, добру молодцу, много видѣ-
лось во спѣ:
Будто я убитъ, добрый молодець, на Бухарской на
стороншкѣ,
Близъ Индерскихъ горъ, у Яикушки;
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой стени,
А постелюшка мнѣ, добру молодцу,—ковыль-травка
постлана,
Изголовнице мнѣ, разудалому,—бѣль горючъ камень
лежитъ,
Одѣялице мнѣ, добру молодцу,—темна почка надо
мною;
Мои рѣзвы ноженьки—вдоль дороженьки лежатъ,
Мои бѣлы рученьки—врозь разложены,
Кудри мои русыя—буинымъ вѣтромъ разнесло;
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны;
Тѣло мое бѣлое—черны вороны клюютъ;
Сквозь костей-то мопхъ, ребрышковъ, трава-мурава
растетъ;
Ретиво мое сердечушко—змѣя лютая сосетъ.

Уральская область. Мякушинъ, стр. 114 («военная»).

415.

Туманы, вы, туманички,
Синеморскіе туманы!
Не поднятись вамъ, туманички,

Прочь отъ снѣга отъ моря;
Не отстать тоскѣ-кручинушкѣ
Отъ ретиваго отъ сердца...
Мнѣ ночесь-то, молодешенькой,
Какъ малымъ мало спалось,
Мнѣ спалось мало, младешенькой,
Много видѣлось во снѣ.
Что предвидѣлся мнѣ, дѣвушкѣ,
Ужъ какъ страшный, чудный сонъ:
Какъ въ далекомъ чистомъ полѣ,
На Саратовской степи,
Что подъ кустичкомъ ракизовымъ
Душа милый другъ лежитъ;
Онъ убитъ, мой душа милый другъ
Весь израненный лежитъ;
Что буйна его головушка
Ко восточной сторонѣ;
А рѣзвы поги у молодца
Что ко быстрой ко рѣкѣ;
А его-то тѣло бѣлое
Испротыкано копьемъ;
Сквозь его-то мелки ребрышки
Проросла ковыль-трава;
Сквозь его сердце ретивое
Змѣя люта проползла;
Изъ его-то изъ ясныхъ очей
Ключи быстры протекли;
Изъ его буйной головушки
Часть ракизовъ кустъ проросъ;
Что на томъ-то бы на кустичкѣ
Соловейко гнѣздо свилъ.

Ты не пої, не пої, соловушко,
Утромъ рано на зарѣ!
Не давай тоску-назолушку

Сердечушку моему!
Безъ того мое ретивое
Ужъ изныло все во мнѣ!

Сибирь. Гуляевъ, стр. 101 («проголосная»).

416.

Подымался туманчикъ да во глухую полночь...
Мнѣ почениная темна поченька маленько спалось,
Мало спалось, да во снѣхъ видѣлось.
Привидѣлся сонъ страшонъ, нехорошъ:
Будто я, добрый молодець, убитымъ въ стени лежу,
Да во той-то степи да Саратовской;
Мои рѣзвы поженьки да лежать край дороженьки;
А бѣлы рученьки—у сердечушка;
А буйна головушка—подъ ракиновымъ кустомъ;
На русыхъ моихъ кудряхъ—ремезъ гнѣздышко сви-
валь;
Скрозь головушку—свинцовая пуля прошла;
Скрозь ретивое—люта змія проползла...
Ремезей мой, ремезеюшка, мала пташка соловей!
Ты слетай-ка, мой ремезеюшка, на родимую на сторо-
нушку!
Скажи ты, мой ремезеюшка, родителямъ поклонъ,
Что я женился на другой:
Сноуженшла молодца чуика дальна сторона,
Саратовская степь!..

Ирмская губернія. Шинюшко, стр. 227 («проголосная»).

417.

Что не бѣлая зорюшка,
Заря занялася;
Молодая двориночка

Дворяшка будила:
«Уставай, дворянпушка,
Уставай, парень молодой!
Все братцы-товарищи
Зашли за тобой!»
— «Братцы мои, товарищи,
Вы не киньте меня,
Не киньте, не бросьте
На чужой дальней сторонѣ!
На чужой дальней стороншкѣ
Меня сонъ соклонилъ,
Сквозь мою головушку
Руда протекла,
Сквозь мою сердечушку
Трава проросла...»
Травушка-муравушка,
Зеленый лужокъ,
Крутой бережокъ,
Зеленый лопушокъ!

Бурекая губернія, Щигровскій уѣздъ, Халаевскій, № 26
(«тягольная»).

418.

Какъ и нынче доброму молодцу малымъ-то мало
спалось,
Много во снѣ видѣлось:
Будто конь мой вороной разыгрался подо мной,
Разыгрался, расплясался подь удалымъ молодцомъ;
Совалилась купья шапочка съ моею буйною головы;
Оторвался лукъ съ колчаномъ съ моею правой сто-
роны;
Все мелкія стрѣлочки посыпался,
Въ сыру онѣ землю повтыкался.

Ахъ вы, братцы мои, братцы, атаманы молодцы!
Не покпште добраго молодца вы при бѣдности та-
кой!

Какъ во всякое времячко пригожусь я, братцы, вамъ,
Замѣно я вашу смерть грудью бѣлою моею...

Разскажите вы мнѣ, братцы: что мой сонъ зна-
чить?»

Услыхала родна матушка изъ висока терема:

«Охъ ты, чадо мое, чадо, чадо милое мое!

Вотъ я тебѣ, чадо, этотъ сонъ разскажу:

Какъ тебѣ-то, мое чадо, да на службѣнцу идтить,

Да на службѣнцѣ, чадо, тебѣ убитому быть,

Вороному твоему коню быть подстрѣлену,

Молодой твоей женѣ быть удовушкою,

Малымъ дѣтушкамъ твоимъ—сиротинушками!»

Донская область. Савельевъ, стр. 141.—Сходныя пѣсни (Терская область): Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. VI, стр. 34; вып. III, стр. 75.

419.

Мнѣ маленьенько, младу, спалось,
Много во снѣ видѣлось:
Будто мой вороной коникъ,
Подо мною да онъ взыгралъ;
Взыгравши мой вороной коникъ,
Высоко меня взвოსилъ;
Свалилася черная шапочка
Со буйной моею головы;
Оторвался мой золотой кочанъ,
Ой, со лѣваго моего плеча;
Разсыпалися мелкія стрѣлочки,
Ой, по чисту полю врозь,
По чисту полю они врозь...
Да и кто бы этотъ дивный сонъ,

Да и кто бы его разсудилъ?
Разсуждала этотъ дивный сонъ
Мать, родимая матушка его.
«Взыгрался твой вороной кошикъ—
Во походъ тебѣ скоро идти;
Свалилася черная шапочка,—
Ой, убиту тебѣ, чадо, быть,
Убитому тебѣ, чадо, быть;
Оторвался твои золотой колчанъ—
Милой женѣ твоей завдовѣтъ;
Разсыпались мелкія стрѣлочкы,—
Ой, твоимъ дѣткамъ сиротами быть!»

Терская область. Герскій Сборникъ, вып. I, стр. 139. Каждый второй стихъ повторяется.—Сходныя пѣсни: Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 193 (Терская область);—Якушкинъ, стр. 633.

420.

Стоитъ кустъ березы;
Подъ этой березой
Гусарикъ убитый.
Его личико разбито,
Китайкой накрыто.
Приходила къ нему панна,
Панна молодая,
Китаечку открывала,
Въ личко призывала.
«Вотъ онъ, вотъ онъ, мой гусарикъ,
Гусаръ чернобровый!
Не твои ли сѣры кони
Во полѣ кочуютъ,
Дороженьку чуютъ?..»
Какъ на этой на дорожкѣ
Стоитъ кустъ зеленый;

Только вѣтерокъ подусть,
Зелень кустикъ клонить.
Кустикъ клонить, гусарь стоцетъ:
Панна молодая
Слезы ронить, руки ломить,
Къ землѣ принадлежитъ...
Какъ за рѣчкой, за рѣкой
Ванька сѣно косить;
Дуня воду носитьъ,
Сама Бога просить:
«Ой, создай-ка мнѣ ты, Боже,
Да сильного дождя,
Чтобы травку примочило,
Косу притушило,
Чтобы Ванька, соколъ мой,
Уходилъ скорѣй домой!»

Астраханская губернія. Астраханскій Справочный Листокъ
1876 г., № 11. Каждый второй стихъ повторяется.

421.

Что во полѣ было, полѣ,
Тутъ стояло древо,
Древо тонкая береза,
Тонка бѣла высока,
Тонка, бѣла, высока,
Листомъ широка.
Что подъ этой подъ березой
Гусарикъ убитый.
Онъ убить не убить—
Тафтою покрытый.
Тутъ дѣвица красавица
Тафту открывала;
Она тафту открывала,

Въ лицо признавала.
«Встань, гусарикъ, встань, прочкинься,
Отъ сна пробудися!
Не твои ли, сударь, кони
Во лузяхъ гуляютъ?»
Кони чуютъ предъ собою
Дальнюю дорожку....
Что за Волгой за рѣкою
Москаль сѣно коситъ.
Москаль бросилъ свою косу
Среди прокосу.
Тутъ дѣвица красавица
Водицу носила;
Она водицу носила,
Дождичка просила:
«Дай мнѣ, Боже, частый дождь,
Дождичка частого,
Чтобы травушку смочило,
Косу притупило,
Молодаго москаля
Съ покосу сгонило...»

Вологодская губерния. Вологодскій Сборникъ, вып. IV, стр. 94.

422.

Что подъ бѣлою березой гусарь-отъ убитъ;
Бѣло личко прикрыто бѣлою китайкою.
Къ нему панья приходила, панья молодая,
Бѣло лицо покрывала, въ уста цѣловала.
«Ты возстань, возстань, лобезный, возстань, черно-
бровый!
Вани кони вороные во полѣ танцуютъ...»
Я лиха не хочу—во полѣ почую...
Мой мленькій на Русь суцу правду скажетъ....

За рѣченькой, за рѣкой гусарь сѣно косить;
На другой-то сторонѣ панья воду носить,
Воду носить, дождя просить:
«Подай, Боже, дождь,
Ты подай, Боже, дождя, подай поскорѣе,
Чтобы травоньку смочило, косы не чужало,
Молодаго гусаря со поля стонцло!»
Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка?
Три дня печи не топцла,—на печи-то жарь, жарь!
Молодаго гусаря, очень его жаль, жаль.

Архангельская губернія. Якушкинъ, стр. 549.

423.

Какъ на горѣ жито
Коньтами убито...
Подъ бѣлою березою
Казачекъ убитый.
Приходитъ дѣвчина
Съ черными бровями;
Она по немъ жалковала,
Головушку вязала.
Приходитъ другая,
Совсѣмъ не такая;
Приподпяла китачку
Да ѿ поцѣловала.
«Другъ ты мой мленькій,
Казачекъ бравенькій!
Ходить твой конь вороненькій
Въ лугу въ зелененькомъ.»—
—«Пуцай онъ тамъ ходить,
Пуцай и почуветь;

Къ распрекрасной Марусенькѣ
Дорожку онъ чуетъ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, выш. XV, стр. 172.

424.

Стлала, стлала дѣвчочка
Постелюшку мягку;
Клала, клала красавица
Зголовье высоко;
Ждала, ждала дѣвчочка
Полковника въ гости;
Не могла его дожидаться,
Ложилася спать.
По утру рано вставала,
Вѣсти услыхала;
Она вѣсти услыхала:
Полковничекъ умеръ...
Померъ, померъ полковничекъ
Лютой скорой смертью.
Оставалась полковница,
Вдова молодая,
Оставалась малы дѣти,
Горькія сиротки,
Оставался воронній конь
Со парадной збруей.
Откажу я царску збрую,
Коня—атаману,
Откажу я свою дочку,
Дочку—генералу.
Молодые мушкетеры
Могилушку роютъ,
Роютъ, роютъ могилушку,

Елицушку тешуть,
Молодому полковничку
Домовину строятъ.
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь голову клонитъ;
Клонитъ, клонитъ головушку
На мать сыру землю,
На мать сыру землю,
На шелкову травку.
Мимо моего окошка
Дорожка лежала;
Какъ по этой по дорожкѣ
Пронесли милаго!

Саратовская губерція. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 87.

425.

Стала, стала дѣвчоночка мягкую постелю;
Клала, клала красавица высоко зголовье;
Ждала, ждала дѣвчоночка полковничка въ гости...
Прошелъ, прошелъ полковничекъ мимо ея дома...
Да по утру-то рашенько вѣтку получила,
Таку вѣтку не веселу: полковничекъ померъ.
Померъ, померъ полковничекъ своею скорой смертию.
Положили полковничка въ золоту гробницу,
Покрывали полковничка золотой парчею..
Оставлялъ же полковничекъ жену молодую;
Оставался конь вороной со всею ратной зборуей.
Мимо Катина окошка пролегла дорожка.
Понесли же полковничка мимо ея дому.
Тѣло несутъ, коня ведутъ, конь голову клонитъ;
Какъ у бралички дѣвчоночки сердечушко поеть.

Оно постъ, зашьваетъ по утру рапенько,
Что по утричку рапенько, вечеромъ позднешко.

Уфимская губернія, Мензелинскій уездъ. Пальчиновъ, № 67
(«проезжая»). Каждый стихъ повторяется.—Сходная песенная
песня: Лаговскій, № 13 («посидьлочная»).

426.

Стала, стала дѣвчоночка
Мягкую постелю;
Клала, клала дѣвчоночка
Высоко зголовье;
Ждала, ждала дѣвчоночка
Полковничка въ гости...
Пала, пала ко мнѣ вѣстка
По утру рапенько:
Померь, померь нашъ полковникъ
Своей скорой смертию.
Остается полковница
Вдовой молодою;
Остаются малы дѣти—
Горькія сироты...
Первой роты мушктеры
Могилушку роютъ,
Землю роютъ, въ трубы трубятъ,
Вѣчный домъ готовятъ.
Молодая полковница
Стопть, слезно плачетъ.
Во слезахъ-то полковница
Рѣчи говорила:
«Чтобы эту дороженьку
Пылью заносило,
Чтобы эта могилушка
Травой заростала,

Что травою-муравою,
Алыми цвѣтами!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 199.—Сходная неполная
пѣсня: Шейнъ, стр. 227 («хороводная разводная»).

427.

Ждала, ждала красавица
Полковника въ гости...
Прошелъ, прошелъ полковничекъ
Мимо высокаго терема,
Не взглянулъ душа молодчикъ
На мое окошко...
Зазнобилъ мое сердечко
Ровно на три года.
Сказали-то мнѣ, младенькѣ,
Полковничекъ померъ.
Померъ, померъ полковничекъ
Скорой смертью.
Огнису я зброю царю,
Коня— къ атаману...
Пролегала путь-дорожка
Мимо моего окошка...
Идутъ, ѣдутъ, коня ведутъ,
Полковничка везутъ;
Молодая полковица
Стоитъ, слезы ронить:
«Кабы этая дорожка
Пылью запыляла,
Кабы этая могила
Травкой заростала,
Что на этой бы на травкѣ
Цвѣты разцвѣтали!»
Ужъ я первый цвѣтикъ рвала,—

Полковничка ждала;
Ужъ я другої цвѣтникъ рвала,—
Полковничка дожидала...

Оловецкая губернія, Студитскій, стр. 35 («продольная»).

428.

Улица широка на низъ подалась.
Купческа дочка гулять собралась
Во чистое поле,
Въ широко раздолье.
Во чистымъ полѣ,
Въ широкомъ раздольѣ
Казаченьки ходять,
Царско знамя носятъ,
Несчастыице чують,
Чують и вѣщуютъ,
Несчастье мншуютъ...
Померъ нашъ полковникъ,
Назаръ полюбовникъ...
Сдѣлаемъ Назару
Золоту гробницу,
Темную темницу;
Положимъ Назара
Въ золотую гробницу;
Покроемъ Назара
Тонкою новиной,
Бѣлой кисеею;
Попсеемъ Назара
На крутую гору
Мимо его дому...

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ, Матвѣнкій, стр. 59
(«обыденная»).

429.

Шли казаченьки походомъ
Да оглянулись назадъ:
«Остаются наши дома,
Молодые жены.
Остается конь вороной
Со хорошей збруей,
Со тесменною уздой,
Со тесменною уздою,
Со кистью золотой...»
Вздумаль, вздумаль казаченекъ
Съ горя померети...
Померь, умерь казаченекъ
Въ среду по утру,
Въ самую обѣдню...
Мы полковничка достанемъ,
Хоронить его мы станемъ,
Выкопаемъ могилу,
Выкопаемъ глубокую,
Сдѣлаемъ ему гробницу,
Сдѣлаемъ ему златую!
На той на могилѣ
Выросло дерево береза;
Что на этой на березѣ
Сидѣла кукушка.
Не кукушечка кукуеть,—
То мать казака горюеть!..

430.

Что пошли наши казаки
Изъ горъ во туманѣ;
Они шли нутей-дорожкой,
Назадъ оглянулись;
Что назадъ-отъ оглянулись,
Тяжелехонько вздохнули,
Три слова сказали:
«Остаются наши дома,
Молодые жены;
Остаются наши дѣтки,
Дѣтки-малолѣтки;
Остается конь вороной
Со паратной збруей.
Со паратной збруей,
Со тесменною уздою,
Съ кистью золотою...
Померь, померь нашъ полковникъ
Своей скорой смертью,
Въ середу по утру,
Среди горы Урала,
При травкѣ-муравкѣ,
Что при травкѣ, при муравкѣ,
При алыхъ цвѣточкахъ,
Что при аленькомъ цвѣточкѣ,
При желтомъ песочкѣ...
Ужъ мы выроемъ могилу
Ему земляную;
Ужъ мы сдѣлаемъ ему
Гробницу золотую...
Мы полковничка достанемъ,
Хоронить мы его станемъ...
Какъ на этой на могилѣ

Выростало древо;
Это древо не простое—
Березопька бѣла;
Какъ на этой на березѣ
Кукушка кукуеть;
Не кукушечка кукуеть,—
Его мать горюеть:
«Ужъ ты, сынъ, ты, мой сыночекъ,
Ясный соколочекъ!
Ты примолви, сынъ, словечко,
Взвесели сердечко;
Ты примолви, сынъ, другое,
Къ сердцу ретивое!»—
—«Радъ бы, мамонька, примолвилъ,—
Уста крѣпко сжаты,
Что уста сжаты,
Крѣпко рученьки прижаты!...»

Пермская губернія. Ш ш о л к о, стр. 189.

431.

Ужъ мы сядемте, ребятушки, во единый кругъ,
Во единый кругъ на зеленый лугъ,
Мы подумаемъ-ка, ребята, думу крѣпкую,
Запоемте-ка, ребята, пѣсню новую,
Котору мы пѣли на синемъ морѣ.
Мы не пѣсешку, братцы, пѣли,—горе мыкали...
Что бываль-то нашъ полковничекъ на синемъ морѣ;
Что видалъ ли нашъ полковничекъ страсти-ужасты...
Разыгралася погодушка на синемъ морѣ;
Расходилося сине море изъ краю въ край, изъ конца
въ конецъ;
Что ударила морска волна въ черепъ корабль.
Тутъ испугался нашъ полковничекъ, ослорошилсѣ,

Подломилсь ножки рѣзвья, опустился руки бѣлья,
Покатилась буйна голова съ могучихъ плечъ;
Что упаль-то нашъ полковничекъ на черенъ корабль.
Туть метался матроски да въ легки шлюпочки,
Что вывозили-то полковничка на круту гору,
Хоронили-то полковничка на красну гору.

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Е. И. Менько, стр. 37 («на-
уличная»).

432.

Ури край было синяго моря,
При усть было тихаго Дунаю,
Туть распахана была пашня
Не плугами и не сохами,—
Добрыхъ коней копытами;
Посѣяна была пашня
Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
Взборонвана была пашня
Еще тѣми же мурзавецкими копытами;
Полвана была пашня
Тою ли христіанской кровью...

Сызрань. Кириѣвскій, вып. VIII, стр. 127. Эта пѣсня издавна какъ
часть пѣсни о Е. И. Шереметевѣ.

433.

Какъ за рѣченскою было за быстрою за Утвою,
За славными было за Утвинскими за горами,
Распахана была тамъ пашенька яровая.
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою;
Распахана была пашня булатными копытами;
Взборонена она была копытами копытами.
Не рожью была, братцы, засеяна, не пшеницею,—

Засѣяна была, братцы, казачьими головами.
Засѣяль ее добрый молодець, самъ уѣхаль;
Засѣявши ее, овь, добрый молодець, самъ слезно
заплакаль:

«Ты расти, моя пашенька, зеленѣйся!
На полпвочку, моя пашенька, не надѣйся!»

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ,
томъ III, 1888 г., стр. 66. — Очень сходная пѣсня: Морской Сбор-
никъ 1839 года, № 9, стр. 23 (здесь нѣтъ 3-го отъ конца стиха,
а 4-й отъ конца оканчивается: самъ повѣдалъ).

434.

Какъ за славною за рѣчкою за Утвоею,
За Утвинскими то было за горами,
Да распахана тамъ пашня яровая.
Пашня пахана не плугомъ, не сохою,
А распахана та пашня яровая
Мурзъ киргизскихъ да хивинскихъ конями;
Взборопована та пашня яровая
Лишь копытами киргизскихъ дикихъ коней;
И засѣяна та пашня яровая
Удалыхъ нашихъ казаковъ головами.
Добрый молодець засѣяль, самъ уѣхаль...
«Ты расти, моль, моя пашня, зеленѣйся,
На полпвочку ужъ ты, моль, не надѣйся!
Кто польетъ тебя? развѣ: что съ неба дождитъ,
Пль источитъ горьки слезы мать родная!»

Уральская область. Отечественныя Записки 1848 года, № 8.

435.

Какъ за рѣчкою то было за Утвоею,
За Утвинскими то было за горами,
Распахана была одна пашенька,

Пашня была яровая.
Не плугомъ была пашня пахана,
Не плугомъ да и не сохою;
Распахана была эта пашенька
Казачьими копиями;
Не ржою была пашня засѣяна,
Не ржой она, не пинеппцей;
Засѣяна была эта пашенька
Казачьими головами,
Заборонена была эта пашенька
Коневыми копытами.
Засѣяль-то эту легку пашеньку
Одинъ младъ полковничекъ.
Засѣявши эту свою пашеньку,
Самъ онъ слезно тутъ заплакалъ:
«Расти, расти, моя легка пашенька,
Расти въ полѣ, зеленѣйся!
На полвочку, моя легка пашенька,
На поливу не надѣйся!
Что польеть тебя, мою пашеньку.
Съ небесъ частымъ дождичкомъ!»

Уральская область. Мякушица, стр. 39.

436.

Ой, промежду Курь-Малку пораспаханное,
Да это чисто поле,
Ой, пораспаханное оно не плугами, не сохами,—
Ой, конскими копытами;
Охъ, какъ засѣяно да это чисто поле
Не всхожими сѣменами,
Охъ, какъ засѣяно да это чисто поле—
Казачьими головами;
Томъ I.

Ой, заволоченное да это чисто поле,
Оно не кустами,
Ой, заволоченное да это чисто поле—
Конскими хвостами...
Охъ, да никто-то, никто, охъ, къ тому чисту полю,
Никто не привернетъ.
Охъ, приворачиваль, ой, къ тому чисту полю,
Да овь, князь Дмитріевъ.....

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 119.

437.

Не чернымъ-то черно поле зачернѣлося;
Какъ успахано поле, оно не плугами,
Не плугами поле, оно не сохами,
А успахано поле конскими копытами;
А усѣяно поле казацкими головами....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, вып. III, стр. 76.

438.

Жилъ-былъ у батюшки, у матушки единый сынъ.
Захотѣлося на чужую на дальнюю сторонушку по-
гуляти.

Отдаваетъ ему отецъ-матушка
На ножки сапожки турець-сафьянъ,
И пошли ему шубоньку дорогую,
И дали панюшку ему черныхъ соболей,
И даютъ ему денегъ пятьдесятъ рублей со полти-
ною.

Говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:

«Чадо наше милое,
Чаделко наше любимое!
И будешь ты на чужой на дальней на сторопушкѣ,
И прошла-пролегла дорожка
Мимо тотъ царевъ кабакъ:
И не ходи-тка ты на царевъ кабакъ,
Не пей чарочки зелена вина!
Какъ выпьешь ты чарочку зелена вина,
Возьмутъ твою шапюньку черныхъ соболей,
И возьмутъ твою шубюньку дорожую,
И возьмутъ сапожки турець-сафьяны;
И бросятъ тебѣ лапотки линовые,
Подержаны, поношены да брошены:
И бросятъ тебѣ рогоженку ливовую,
Подержану, поношену да брошену;
И возьмутъ денегъ пятьдесятъ рублей со полт-
ною...»

Еще говорятъ ему, наказываютъ:
«Будешь ты какъ хмѣльная головушка,
И будешь на почестномъ на большомъ пиру, —
Не садись во мѣсто во большее:
Буде стоишь мѣста большаго,
Такъ посадятъ тебя во мѣсто во большее;
А буде не стоишь мѣста большаго,
Такъ осмѣютъ люди добрые
И удалые дородни добры молодцы...»
Еще говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
«Не водись со женщиной кабацкою...»

И пошелъ дородній добрый молодець
Путемъ широкою дорогою.
Прошла-пролегла дорога мимо царевъ кабакъ.
И мимо кружало государево.
Выходила женщина кабацкая;

Личушко у пей—быдто бѣлыи свѣтъ,
Глазунки—быдто ясна сокола.
Бровушки—быдто черна соболя.
Говорить ему словеса приличныя:
«Ай же ты, упавъ дороднии добрый молодець!
Зайди, зайди на царевъ кабаць,
Выпей вища не со мпожечко,
Облей-обкати свое ретивое сердечушко,
Развесели свою младую головушку,
Ходючись, бродючись по той чужой по дальней сто-
ронушки!»

Не послушалъ наказа отца-матери...
И взяла она подъ рученьку подъ правую,
И ведетъ она на царевъ кабаць,
И говоритъ словеса приличныя:
«Какъ будешь ухмѣльная головушка,
Такъ провожу я тебя до своего до подворыща
И до своего до помѣстьяца;
И тутъ я съ тобой спать лягу.»
И приходилъ онъ на царевъ кабаць;
Крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На веѣ на три, на четыре на сторонушки.
Веѣ глядятъ удалы дородни добры молодцы;
Единъ удалый дородни добрый молодець
Выходитъ за столка дубоваго,
И наливалъ чару зелена вина
И подносилъ упаву добру молодцу:
«Выпей, выпей вища не со мпожечко,
Облей-обкати свое ретивое сердечушко
И развесели свою младую головушку!»
Онъ взялъ чарочку зелена вина
И повыглядѣлъ-высмотрѣлъ чарочку:
Во той во чарочкѣ отъ края ключемъ вишигъ,
А посереди чарочки дымъ столбомъ стоять,

А въ рукахъ тая чарочка какъ огонь горитъ.
И вынулъ чарочку зелена вина;
И тутъ добрый молодецъ и спать залегъ.
Сняли его шубоньку дорогую,
Взяли шапоньку черныхъ соболей,
Сняли сапожки турець-сафьянъ
И взяли денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною;
И бросили ланотки ему лиловые,
Подержаны, поношены да брошены;
И бросили ему рогоженку лилову,
Подержану, поношену да брошену.
И спитъ молодецъ, просыпается.
Просыпается и пробуждается...
Легъ молодецъ—какъ маковъ цвѣтъ,
А стать молодецъ—какъ мать родима...
И съѣлъ на брусову ѡбѣду лавочку;
Закручинился молодецъ, запечалился:
«Не послушался я наказа отца-матери!»

Повыскочить горюшко изъ запечья,
Стало горюшко по кабаку поскакивати;
Поскакиваетъ да поплясываетъ,
Поплясываетъ да выговариваетъ:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Не кручинься-ка ты, не печалуйся,
Учись горемычнаго припѣвочка:
Въ горѣ жить—некручинну быть!
Умѣй меня, горюшко, кормить-поить,
Кормить-поить, хорошо водить,
Учить горемычнаго припѣвочка!»

Всеѣ пошли добры молодцы на почестень ширъ,
И взяли, взяли въ руки по калачику;
А ему было идти не во чемъ,
А взять калачика не во что.

Проговорить горюшко сърое:
«Надѣвай ты тулупецъ рогозинный,
Опоясывай по подольчику опоясочкой,
Обувай лапотки липовы
И учись ходить за бл.!»
Надѣвалъ онъ тулупецъ рогозинный,
Опоясывалъ по подольчику опоясочкой,
И лапотки обувасть липовы;
И пошелъ ни почестень парь.
Онъ крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому,
На всѣ на три, на четыре сторонушки.
И всѣ глядятъ многи добрыя людюшки:
По кресту дородній добрый молодець—
Учнаго онъ отца-матери,
И по поклонничкамъ дородній добрый молодець—
Разумнаго роду-племени;
Посадить его въ мѣсто во меньшее,—
Такъ быть ему кусочекъ подашній,
А шить чарочка ажурная;
А посадить его во мѣсто во большее,—
Такъ осмѣются многи добры людюшки.
Посадили его осередь стола.
И ѣлъ молодець досыта,
И шилъ молодець до любви;
И тутъ молодець и спать залегъ за золотъ столъ.
И ешитъ молодець, просынается,
Просынается, пробуждается;
Проговорятъ многи добрыя людюшки:
«Ай же ты, ушавъ дородній добрый молодець!
Поди, задайся во кунцу ко богатому на двѣнадцать
лѣтъ:
Наживень ты денегъ пятьдесятъ рублей,
Наживень ты шубоньку дорогую,
Наживень сапожки турецъ-сафьянъ»

И шаповьку черныхъ соболей!»
И пошелъ дородній добрый молодець,
Задался ко купцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ.
И день по день, и недѣля по недѣлѣ, и годъ по годъ,
Бывъ какъ трава растеть:
Прошло времячка двѣнадцать лѣтъ.
И нажилъ онъ себѣ денегъ шестьдесятъ рублей со
полтною,

И нажилъ шубоньку дорогую,
И нажилъ сапожки турець-сафьянъ
И шаповьку черныхъ соболей.
Скажутъ ему добрые людюшки:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодець!
Не ходи на почестный ширъ,
А поженсь-ка ты, удаленькій добрый молодець,
Возьми ты душку-душку дѣвушку.»

Проговорить горюшко сѣрое:
«Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
Не женсь, не бери душки-душки дѣвушки!
Поди ты на царевъ кабаць,
И пей вина кабацкаго,
И закусывай медами стоялыми,
Стоялыми медами, сладкими!»
И шелъ упавъ на царевъ кабаць,
И пилъ вина кабацкаго,
И закусывалъ медами стоялыми,
Стоялыми медами, еладкими.
И пропивалъ денегъ шестьдесятъ рублей со полтною,

Пропивалъ шубоньку дорогую,
И сапожки турець-сафьянъ,
И шаповьку черныхъ соболей.
Пошелъ дородній добрый молодець
Ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ.
И приходитъ ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ;

Закричалъ добрый молодецъ громкимъ голосомъ:
«Перевощички вы, перевощички!
Перевезите меня на тую на сторону!»
Все проговорятъ перевощички:
«Есть ли у тебя дать перевознаго?» —
— «Перевознаго дать нечего.» —
— «А безъ перевознаго мы не перевеземъ!»
И сѣлъ онъ на камешекъ,
Закручинился, занечалился,
Пораздумался и порасплакался,
Повѣсилъ буйную голову,
Утупилъ ясныя очи во сыру землю.
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
Посягнуться на свои руки бѣлыя
Во тую черну рѣку Смородину.
А проговорятъ перевощички:
«Перевеземъ мы на тую на сторону
Удалаго дородна добра молодца!»
Перевезли его какъ на тую на сторону,
Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Подкладывалъ крыльица бумажныя,
Поднимался выше лѣса подъ самую подъ облаку.
Онъ летитъ яснымъ соколомъ,
А горюшко влѣдъ чернымъ ворономъ,
И кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, упавъ дороднѣй добрый молодецъ!
Хочешь улетѣть, да не улетѣть:
Не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
Падеть добрый молодецъ на сыру землю;
Повернулся добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ посякни-
вать;

Горюшко влѣдъ собакою,
Само бѣжитъ, кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, упавъ дороднѣй добрый молодецъ!

Хочень ускочить, да не ускочить:
Не на часть я къ тебѣ, горе, привязалоя!»
Хочеть, хочеть добрый молодецъ
Завернуться на боярскій дворъ,
Задаться къ боярину на двѣнадцать лѣтъ;
И проговорить горюшко сѣрое:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
Не ходи ты на боярскій дворъ,
Не корми чужаго отца-матери!»
Велить горюшко пдти во честные во монастыри,
Велить горюшко постричься и поехимитися.
И шель добрый молодецъ во честные во монастыри,
Постригся добрый молодецъ и поехимился.
И прошло тому времячка ровно три года,
И тутъ ему, добру молодцу, и смерть пришла.

одонецкая губернія. Рыбниковъ, т. 1, стр. 479.

439.

У батюшки, у матушки жилъ молодецъ,
Одинакій сыгъ во дрекушнѣ;
Бѣль сладко, и носплъ красно, работали легко.
Захотѣлося дородню добру молодцу
Сходить на чужую дальнюю сторонушку
Людеи посмотрѣть и себя показать.
Унимали молодца отецъ-матушка;
Онъ отца-матушки не слушаетъ.
Сряжается во путь во дороженьку:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ куньюю,
По подолу острошилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околь ворота
Строшилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выне головы:

Спереду-то не видать лица румянаго
И сзади не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболонную,
Дорогихъ-то соболей заморскихъхъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семпшелковой;
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то, носа—ящю кати,
Подъ пята, подъ пята—воробей летитъ;
Денежекъ-то взялъ онъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ взялъ да со полтною.

Онъ пошелъ на чужу дальшо на сторонушку.
Приходить-то онъ ко городу ко чужему:
Городъ чужь, люди незнаемы,
Не знаетъ онъ, куда бы пріютитися.
Подошелъ-то ко царевому ко кабаку;
Приручничившись, стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйву головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царева изъ кабака
Выходила бабица курвякица,
Турьякная бабица, ярыкная,
Стапомъ ровна и лицомъ бѣла;
У пей кровь въ лицѣ—быдто у зайцы,
Въ лицѣ ягодницы—цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похакивать:
«Ты чего стоишь кручнень, добрый молодець?
Али городъ тебѣ чужь, люди незнаемы,
Не знаешь ты, куда пріютитися?
Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
Неней-ка чарочку зелена вина,—
Тутъ-то, молодець, пораскуракнись,
Со мною ли, молодець, позабавнись!»
Онъ послушать этой бабици курвякици;

Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ еще другую,
Выпивалъ молодець еще третьюю.
Тутъ молодець пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обваллся молодець, онъ на царевъ кабакъ.
Подосли тутъ къ нему голошки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семинелковый,
Сняли съ него шубоньку-то кувною,
Съ него шапочку-то сняли соболшную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотки липовы,
Поношены тые, брошены;
Рогожку одѣли липову,
Попошену тую, брошену;
На головушку одѣли колвачокъ липовый,
Поношенный тотъ, брошенный.

Пробудился онъ ото сна молодецкаго,
Пораскинулъ свои очи ясныя:
Съ него снята одежица драгоценная,
Надѣта одежица липова,
Поношена да тая брошена.
Сидитъ тутъ молодець, закручинился,
Закручинился сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторо-
пушку,
Очи ясны втосилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабица курвякшца,
Турьяжная бабица, ярьяжная;
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Не кручинься-тка, дородній добрый молодець!

Вставай-ка ты скорешенько на рѣзвыя ноги,
Пешивай-ка чару зелена вина!
Тогда ты, молодець, раскуражисься
И со мною, молодець, позабавишься!»
Подносила къ нему чару зелена вина,
Подносила она другую,
Подносила она третьюю.
Тутъ молодець пораскуражился.
Онъ пошелъ по городу похакивать,
Сталъ по чужему погуливать.
Гулялъ десь съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяину къ басонцику,
Онъ задался во работушки въ басонекія.
Живеть онъ поры-времячка день за день,
День за десь живеть да годъ за годъ.
Прожилъ онъ поры-времени три года,
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежцу себѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ кунною,
По подолу острошилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строшилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзади не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболицую,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семшелковый;
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на пожепкахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то, носа—янце кати,
Подъ пята, подъ пята—воробей лети.
Пошелъ молодець по городу похакивать,
Онъ пошелъ по чужему погуливать.

Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютится.
Подошелъ-то ко цареву ко кабаку.
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того цареваго изъ кабака
Выходила бабица курвякшица,
Турьякная бабица, ярыкная,
Станомъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—будто у зайцы,
Въ лицѣ ягодицы—цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Ты чего стоишь кручинень, добрый молодець?
Али городъ тебѣ чужь, люди незнаемы,
Не знаешь ты, куда пріютится?
Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
Испей-ка чарочку зелена вина!
Тутъ ты, молодець, пораскуражисься,
Со мною ли, молодець, позабависься!»
Онъ послушался этой бабицы курвякшицы,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ еще другую,
Выпивалъ молодець еще третьюю.
Тутъ молодець пораскуражился,
И денежекъ онъ прошилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтничкою.
Обвалился молодець, онъ на царевъ кабакъ.
Подшли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболшную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;

Обули лапотки липовы,
Поношены тые, брошены;
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый;
Поношенный тотъ, брошенный.
Сидитъ тутъ молодець, закручинился,
Закручинился сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопцлъ онъ во кирпичецъ мостъ.
Подходила къ нему бабица курвяжица,
Турьяжная бабица, ярыжная;
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Не кручинься-тка, дородній добрый молодець!
Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
Пспивай-ка чару зелена вина!
Тогда ты, молодець, раскуражнись
И со мною, молодець, позабавнись!»
Подпоспла къ нему чару зелена вина,
Подносила ему другую,
Подносила она третьюю;
Тутъ молодець пораскуражился.
Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать.
Гулялъ день съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяину къ басопьцику,
Онъ задался во работушки въ басопскія.
Живеть онъ поры-времячки день за день,
День за день живеть да годъ за годъ.
Прожилъ онъ поры-времени три года,
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежицу себѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ кушьною,
Но подолу острожилъ чистымъ серебромъ,

По рукавчикамъ и околь ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онь сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзади не видать шеи бѣленькой;
Шаночку на головушку сшилъ онь соболоную,
Дорогихъ-то соболей заморскихъ;
Кушачокъ онь опоясалъ семшелковой;
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то, поса—япцо кати,
Подъ вѣту, подъ пятау—воробей лети.

Пошелъ молодець по городу похаживать,
Онь пошелъ по чужему погуливать.
Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онь, куда пріютится.
Подошелъ-то ко цареву ко кабаку.
Прикручинившись, стоитъ онь, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очуинки втопилъ онь во сыру землю.
Изъ того цареваго изъ кабака
Выходила бабица курвякица,
Турьжная бабица, ярьжная,
Станомъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—быдто у зайцы,
Въ лицѣ ягодицы—цвѣту макова.
Она стало вокругъ молодца похаживать:
«Ты чего стоишь кручинень, добрый молодець?
Али городъ тебѣ чужъ, люди незнаемы,
Не знаешь ты, куда пріютится?
Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
Пеней-ка чарочку зелена вина!
Тутъ ты, молодець, пораскуражишься,
Со мною ли, молодець, позабавишься!»

Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ еще другую,
Выпивалъ молодецъ еще третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ, онъ на царевъ кабакъ.
Подопли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отноясли кушачокъ семишелковойй,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него наночку-то сняли соболшнюю,
Сапоженьки разули сафьянныя,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,
Поношены тыя, брошены;
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену;
На головушку одѣли колначокъ липовойй,
Поношенный тотъ, брошенный.
Сидитъ тутъ молодецъ, закручинился,
Закручинился сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторо-
пушку,
Очи ясныя втонулъ онъ во кирпиченъ мость.
Подходила къ нему бабица курвяжица,
Турьяжная бабица, ярыжная;
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Не кручинься-тка, дородній добрый молодецъ!
Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
Пейвай-ка чару зелена вина!
Тогда ты, молодецъ, раскуражишься,
И со мною, молодецъ, позабавишься!»
Поднесла къ нему чару зелена вина,

Подносила ему другую,
Подносила она третьюю;
Тутъ молодець пораскуражился.
Встаесть молодець на рѣзвы ноги,
Паль молодець о кирпичень мость,
Обверпулея молодець сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ онъ по раздольицу чисту полю.
А горюшко за нимъ вслѣдъ собакою.
Паль онъ о матушку сыру землю,
Обвернулея молодець яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ по подоболочью.
А горюшко за нимъ вслѣдъ чернымъ ворономъ.
Тутъ молодець, онъ преставился;
Свезли-то на моглу на родительску,
Положили во матушку сыру землю.
Горюшко сидитъ, само заплакало:
«Ты хорошъ-то былъ, дороднѣй добрый молодець!
А я еще пойду на чужую сторонушку,
Найду-то я много лучше тебя!»

Олонецкая губернія. Рыбниково, т. I, стр. 471.—Очень сходная
пѣсня: Гильердингъ, № 90.

440.

И какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ разумнаго
Зародилося чадушко безумное,
Безумное чадо, неразумное.
И унимаесть тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тка, чадо, на царевъ кабакъ,
И не пей-ка-сь, чадо, да зелена вина,
И не имѣй сюзозъ съ голямъ кабацкими,
И не знайся ты, чадо, со жонками со бл . . . ми,
И что ли съ тѣми со двѣками со к . . . ми!»

И не послушалъ тутъ чадо родной матушки.
И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабаць,
И сталъ тутъ пити-кушати зелена вина,
И сталъ знатися чадо съ голями кабацкима,
И суюзь имѣть сталъ съ жонками со бл . . . ми,
Ай со тѣма ли-то со дѣвками со к . . . ми.
Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу да горе привязалося.
Какъ молодець со горюшка да въ казаки пошелъ,—
Еще горе вслѣдъ да топоры несетъ,
Топоры несетъ, само приговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодець!
И не на часъ къ тебѣ я, горе, привязалося!»
И молодець со горюшка да во солдатушки,—
А еще горе вслѣдъ да оружье несетъ,
Ай оружье несетъ, само выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодець!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»—
И молодець со горюшка да во быстру рѣку,—
Ай горе вслѣдъ да невода несетъ,
И невода несетъ да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодець!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодець со горюшка да на сине море,—
Еще горе вслѣдъ да гоголемъ пловать,
И гоголемъ пловать да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодець!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодець со горюшка да во сине море,—
Ай тутъ-то горе сѣло вѣдь на бѣлую грудь,
И стало горюшко да слезно плакати:
«И тебѣ спасибо, добрый молодець,
И какъ умѣлъ на семъ свѣтѣ гора помыкати!»
Ай тутъ на вѣкъ горе разставалося
И со удаленькимъ да добрымъ молодцемъ.

441.

Отъ чего ты, горе, зародилося?
Зародилося горе отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка изъ-подъ сѣраго,
Изъ-подъ кустышка съ-подъ ракитова.
Во лаптишечки горе пообулося,
Въ рогозиночки горе понадѣлося,
Понадѣлося, тонкой лычинкой подпоясалось.
Приставало горе къ добру молодцу.
Видитъ молодець: отъ горя дѣться некуды;
Молодець вѣдь отъ горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, тенета несетъ,
Тенета несетъ, все шелковыя:
«Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодець!»
Видитъ молодець: отъ горя дѣться некуды;
Молодець вѣдь отъ горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбои-щуюю.
А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, невода несетъ,
Невода несетъ, все шелковыя:
«Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодець!»
Видитъ молодець: отъ горя дѣться некуды;
Молодець вѣдь отъ горя во огневушку, —
Во огневушку да во постелюшку.
А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, во ногахъ сидитъ:
«Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодець!»
Видитъ молодець: отъ горя дѣться некуды;
Молодець вѣдь отъ горя въ гробовы доски,
Въ гробовы доски, во могилушку,
Во могилушку, во сыру землю.

*

А за нимъ горе вельдъ идетъ,
Вельдъ идетъ со лопаткою,
Со лопаткой да со телѣжкою:
«Ужъ ты стои, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Только добрый молодецъ и живъ бывалъ:
Загребло горе во могилушку,
Во могилушку, во матушку сыру землю.

Тому хоробру и славу поють.

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, томъ 1, стр. 470.

442.

Въ воскресенье матушка замужъ отдала,
Еъ поведѣльничку горе привязалось...

Ужъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣваться?
Я пойду съ горя во темны лѣса,—
Горе вельдъ бѣжитъ, само говоритъ:
«Я лѣса срублю, тебя достигну!»—
Ужъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣваться?
Я пойду съ горя во чисты поля,—
Горе вельдъ идетъ, само говоритъ:
«Я поля прижму, тебя достигну!»—
Ужъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда, бѣдной, съ горя подѣваться?
Я пойду съ горя въ зелены луга,—
Горе вельдъ идетъ, само говоритъ:
«Я луга скошу, тебя достигну!»—
Ахъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣваться?
Я пойду отъ горя во высокъ теремъ,—

Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
«Я теремъ зажгу, тебя достигну!»—
Ахъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватся?
Я пойду съ горя во круты горы,—
Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
«Я червомъ совьюсь, горы выточу,
Горы выточу, тебя достигну!»
Ахъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватся?
Я пойду съ горя во сыру землю,—
Горе вслѣдъ идетъ
Со тупицами, острыми заступами.
Устоялося, размѣялося:
«Ужъ ты, дочь моя родная!
Ты умѣла горюшко повыгоревать!»

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, томъ 1, стр. 469.

443.

Ой ты, горе мое, горе, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и тѣбѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
И не знаю какъ быть,
Не достала, какъ мнѣ горе пзбыть!
Ужъ я отъ горя въ чистое поле;
Оглянусь я назадъ, горе за мной идетъ,
За мной идетъ, вслѣдъ грозить:
«Ужъ я выжну, пожну все чисто поле,
А найду я, сыщу тебя, горькую!»
Ой ты, горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталося?

На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужъ я отъ горя,—горе за мной идетъ,
За мной идетъ, вослѣдъ грозить:
«Порублю я, поѣмку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя, горемычную!»
Ой ты, горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связаннос, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужъ я отъ горя—въ гробовой доскѣ;
Оглянусь я назадъ, горе за мной идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой...

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 90.

444.

Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать?
Пойду отъ горя въ темный лѣсъ,—
За мной горе съ топоромъ бѣжитъ:
«Срублю, срублю сыры дубы,
Сыщу-найду красну дѣвицу!»
Бѣгу отъ горя въ чисто поле,—
За мной горе съ косою бѣжитъ:
«Сконю, сконю чисто поле,
Сыщу-найду красну дѣвицу!»
Куда жъ мнѣ отъ горя бѣжать?
Я отъ горя брошусь въ сине море,—
За мной горе бѣлой рыбицей:
«Выпью, выпью сине море,
Сыщу-найду красну дѣвицу!»

Я отъ горя замужь уїду,—
За мной горе въ приданое;
Я отъ горя въ постелюшку слегла,—
У меня горе въ головахъ сидитъ;
Я отъ горя въ сыру землю пошла,—
За мной горе съ лопатой идетъ;
Стоптъ горе, выхваляется:
«Вогнало, вогнало я дѣвицу въ сыру землю!»

Рязанская губернія, Давковский уѣздъ. Шейнъ, стр. 322 («голосовая или протяжная»).

445.

Охъ, дѣвка, ты, дѣвка красная!
Куда отъ горя ты ни бѣгала,
Нигдѣ отъ горя не убѣгала!
Я отъ горя во чисто поле,—
А за мной горе бѣжить зайкою;
Я отъ горя во темны лѣса,—
А за мной горе съ топоромъ бѣжить;
Я отъ горя замужь пойду,—
А за мной горе малыми дѣтками;
Я отъ горя во сыру землю,—
А за мной горе со лопатою...

Курская губернія. Кохановская, стр. 73

446.

А и горе, горе, гореваньце!
А и въ горѣ жить—некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдится,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дин!
Не бывать плѣшатому кудрявому,

Не бывать гулящему богатому,
Не отросить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера!
А горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подиоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, уже пиво тащитъ!
Какъ и нагъ-то сталь, насмѣялся онъ...

Кирша Даниловъ, № 52.

447.

Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во чисто поле,
И тутъ горе—спызмъ голубемъ!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во темны лѣса,—
И тутъ горе—соловьемъ летитъ!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя на сиве море,—
И тутъ горе—сѣрой утицей!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!

Я отъ горя во сыру землю,—
Вотъ тутъ горе миновалось!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 91.

448.

Зоренька ясная привечерняя,
Ой, некому, зоренька, поиграть по тебѣ,
Некому, зоренька, поиграть по тебѣ!
Ой, у меня мать, у меня мать не родимая,
У меня мать, у меня мать не родимая.
Ой, поздно кладетъ, поздно кладетъ, рано взбуживаетъ,
Поздно кладетъ, поздно кладетъ, рано взбуживаетъ.
«Ой, встань, дитятко, встань, милое, неряженое,
Встань, дитятко, встань, милое, неряженое!»
Ой, я съ горя, я съ горя во чистое поле,
Я съ горя, я съ горя во чистое поле;—
Ой, горе за мною, горе за мною воронымъ конемъ,
Горе за мною, горе за мною воронымъ конемъ.
Ой, я съ горя, я съ горя во темные лѣса,
Я съ горя, я съ горя во темные лѣса;—
Ой, горе за мною, горе за мною яснымъ соколомъ.
Я съ горя, я съ горя во синее море;—
Ой, горе за мною, горе за мною бѣлою рыбицей...
Во бору, во бору пастушки бреччатъ,
Ой, во полѣ, во полѣ все телѣги гремятъ.

Терская область. Герскій Сборникъ, вып. I, стр. 117.

449.

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка изъ безчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...

Дѣвица съ молодцомъ въ компаніи сидѣла,
Красна съ удалымъ да рѣчь говорила:
«Молодець, молодець, душа, мое сердце,
Холость, не женатый, бѣлый кудреватый!
Сошей мнѣ башмачки изъ бѣлой бумажки!»—
—«Дѣвица, дѣвица, душа ль, мое сердце!
Напряди мнѣ веревкѣ изъ дождевой капли,
Чтобы вервь не рвалась, башмакъ не поролся...»

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка изъ безчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...
—Дѣвица съ молодцомъ въ компаніи сидѣла,
Красна съ удалымъ да рѣчь говорила:
«Молодець, молодець, душа ль моя, сердце,
Холость, не женатый, бѣлый кудреватый!
Сошей мнѣ шлафоръ изъ макова цвѣту!»—
—«Дѣвица, дѣвица, душа ль моя, сердце!
Напряди мнѣ шелку изъ бѣлаго снѣгу,
Чтобы шелкъ не рвался, шлафоръ не поролся...»

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка изъ безчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...
Дѣвица съ молодцомъ въ компаніи сидѣла,
Красна съ удалымъ да рѣчь говорила:
«Молодець, молодець, душа ль моя, сердце,
Холость, не женатый, бѣлый кудреватый!
Слей мнѣ перетень изъ солнечной лучи,
Вставь мнѣ вставочку подъ восточну звѣзду!»—
—«Дѣвица, дѣвица, душа ль мое сердце!
Напои добра коня середь синя моря;
Коня не утопишь, сама не утопишь...»

450.

Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая,
Срублена кроватушка изъ безсчастна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...
Гдѣ дѣвица съ молодцомъ въ компаньѣ сидѣла,
Красная съ дороднымъ рѣчь говорила:
«Молодецъ, мое сердце, хорошій, пригожій,
Хорошій, пригожій и бѣль-кудреватый,
Ты, бѣль-кудреватый, холостъ, не женатый!
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Сшей мнѣ шлафоръ изъ макова цвѣта!» —
— «Дѣвица, дѣвица, наряди мнѣ шелку,
Наряди мнѣ шелку изъ бѣлаго сѣбгу,
Чтобъ шелкъ не рвался, шлафоръ не поролся!» —
— «Сшей мнѣ башмачки изъ желта песочку!» —
— «Дѣвица, дѣвица, насучи мнѣ вервей,
Насучи мнѣ вервей изъ дождевыхъ капель,
Чтобъ верва не рвалась, башмакъ не поролся!»

И ѳееникъ 1780 года, часть III, стр. 132.—Россійская Эрага
1792 года, часть III, № 107.—И ѳееникъ 1815 года, часть III,
стр. 270.

451.

Какъ на рѣчкѣ, рѣчкѣ лежала донечка,
Донечка дубова, дѣвка черноброва.
Дѣвка платъе мыла, громко колотила,
Громко колотила, сухо выжимала,
Сухо выжимала, по бережку стлала,
По бережку стлала, мила дружка ждала.
Какъ мой милый ѳдетъ на ворономъ конѣ,

На ворономъ конѣ, въ пѣмецкой одежѣ.
Не доѣхадши вѣтаетъ, самъ Богъ-помочь подаетъ:
«Богъ-помочь, дѣвица, на бѣломъ платѣ!
Дѣвушка спѣсва, не скажешь: спасибо!»—
—«Удалой молодчикъ, загану загадку:
Сшей ты мнѣ башмачки изъ желта песочка!»—
—«Красная дѣвица, наприди мнѣ дратвы,
Наприди мнѣ дратвы изъ дождевой капли!»—
—«Удалой молодчикъ, сшей ты мнѣ платье,
Сшей ты мнѣ платье изъ макова листу,
Прострочи мнѣ строчку, не прорви листочка!»—
—«Красная дѣвица, наприди мнѣ шелку,
Наприди мнѣ шелку изъ бѣлаго ситѣгу!»—
—«Удалой молодчикъ, купи мнѣ платочекъ,
Купи мнѣ платочекъ—аленькій цвѣточекъ!»—
—«Красная дѣвица, сшей ты мнѣ жилетку,
Сшей ты мнѣ жилетку изъ буйнаго вѣтру!»—
—«Удалой молодчикъ, слей мнѣ перстенечекъ,
Слей мнѣ перстенечекъ изъ солнечья лучья,
Вставь ты, милъ, глазочекъ—восточную звѣзду!
Гдѣ буду ходити, тамъ буду сѣяти.»—
—«Красная дѣвица, напой моего коня—
Напой моего коня середь снѣга моря,
Средь снѣга моря, на камешкѣ стоя,
Чтобы конь напился, коверъ не мочился!»—
—«Удалой молодчикъ, сострой ты мнѣ келью
Къ Петрову говѣнью, и то изъ медельевъ!»—
—«Красная дѣвица, припаси леденя, сострою и
келью!»

Ярославская губернія, Ростовскій уездъ. Живая Старина
1892 года, вып. III («проводочная»).

452.

Дѣвка платѣ мыла,
Звонко колотила,
Туго выжимала,
Друга поджидала.
Вхалъ тутъ молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Въ господскомъ приборѣ.
Сказалъ: «бѣленька дѣвица,
Бѣла, круглолица!
Дѣвица спѣсива
Не скажи спасибо...
Дѣвица, дѣвица,
Бѣла, круглолица,
Наной ты мнѣ коня
Середь синя моря,
На камушкѣ стоя,
Чтобы конь напился,
Коверъ не смочился!»—
—«Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
Смести мнѣ кроватку
Середь синя моря,
На камушкѣ стоя!»—
—«Дѣвица, дѣвица,
Сошей мнѣ рубаику
Изъ алого цвѣту,
Котораго цвѣту!»—
—«Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
Сошей мнѣ бапмачки

Изъ бѣлаго снѣгу,
Котораго нѣту!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 41. Припѣвъ: Изъ подъ ели
донъ-донъ-донъ, съ повтореніемъ послѣдняго стиха — Сходила пѣсни
изъ Тверской губерніи, Осташковского уѣзда: Шейнъ, стр. 232
(«плицовая»).

453.

На рѣкѣ, на рѣчкѣ,
Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила,
На-сухо крутила,
На березѣ клала.
Тамъ и шелъ дѣтина:
«Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти,
Звонко колотити,
На-сухо крутити,
На березу класти!»
Дѣвушка сѣбѣ свая
Не дала спасибо,
Дружкомъ не назвала...
«Душечка дѣвица,
Сшей-ка мнѣ рубашку,
Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши!» —
— «Душечка молодчикъ,
Выстрой теремочекъ
Безо мху, безъ лѣсу,
Безо бѣлаго тесу!» —
— «Душечка дѣвица,
Набери мнѣ ягодъ
Зимой объ Крещеньѣ,
А лѣтомъ объ Вознесенъ!» —

—«Душечка молодчикъ,
Сшей-ка мнѣ банмачки
Со желтаго песочку!»—
—«Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы!»—
—«Душечка молодчикъ,
Слей-ка перстенечекъ
Со краснаго солнца!
Гдѣ бь я ни ходила,
Все бы я свѣтила!»

Псковскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 231 («плясавал»).

454.

Жосажу я калинушку на крутъ бережочекъ....
Ты стой, расти, калинушка, расти, не шатайся!
Живи, моя сударушка, живи, не печалься!
Прійдетъ тоска-кручинушка, поиди, разгуляйся,
Еще поиди, разгуляйся, съ милымъ повидайся!
Почто рѣчка мутно бѣжитъ, нль погоду чуетъ?
Почто дѣвица плачетъ, нль маменька била?
Меня маменька не била,—самн слезы льются,
Еще самн слезы льются, никакъ не уймутся.
Отъ моего ль отъ милаго долге вѣстей нѣту;
Прислалъ милый поклонъ вѣрный, коня воронаго...

«Ты, дѣвица красавица, душа моя, сердце!
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Ты напой моего коня среди синя моря,
Среди синяго моря, па камушкѣ стоя;
Загадаю я другую,—отгадай люблюю:
Чтобъ коникъ мой напился, чепракъ не мочился!»
—«Ты, молодець, молодець, душа моя, сердце!

Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Сострой, милый, мнѣ хоромы бѣлы-снѣговые,
Еще бѣлы-снѣговые, тонки, высокіе,
Чтобъ зимою были теплы, а лѣтомъ прохладны;
Загадаю я другую,—отгадай любую:
Сшей ты, милый, черевички, съ кленоваго листу,
А дратву-то сдѣлай, милый, съ дождевой капли,
Чтобъ дратва не рвалася, башмакъ не поролся!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, выд. VII, стр. 93.

455.

Делимъ мой, делимъ!
А летѣла утена
Черезъ лѣсъ, черезъ поле.
Делимъ мой, делимъ!
Завидѣла да утенушка
Три шатра у полѣ.
Делимъ мой, делимъ!
А въ первомъ шатерку,
Тамъ сидѣла Матренушка;
Она золотомъ шила,
А серебромъ она кѣтила.
Делимъ мой, делимъ!
А въ другомъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Людмилушка;
Она холсточки катала,
Рубанечки вышивала.
Делимъ мой, делимъ!
А въ третьемъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Надеждушка,
Да ничѣго не вѣла.
Делимъ мой, делимъ!

Тольки она вмѣла
Мыться да бѣлнться,
Съ молодцомъ браниться.
Лелимъ мой, лелимъ!
«А молодець, молодець!
А сшей менѣ шубу
Съ маковаго листу!»—
—«А дѣвушка, ты, дѣвушка!
Напряди миѣ дратвы
Изъ дождевой капли!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Русскій Филологическій
Вѣстникъ 1886 г., № 4, стр. 227 (посетя великимъ постомъ).

456.

Лелимъ мой, лелимъ!
А летѣла утена
Черезъ лѣсъ, черезъ поле.
Лелимъ мой, лелимъ!
Завидѣла да утенушка
Три шатра у полѣ.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ первомъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Матренушка;
Она золотомъ шила,
А серебромъ она квѣтила.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ другомъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Людмилушка!
Она холсточки катала,
Рубашечки вышивала.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ третьемъ шатерцу
Тамъ сидѣла Надеждушка,

Томъ I.

Да ничого не вмѣла.
Лелимъ мой, лелимъ!
Только она вмѣла
Мыться да бѣлиться,
Съ молодцомъ браниться.
Лелимъ мой, лелимъ!
«А молодець Васильюшка!
А шей менѣ шубу
А съ чернаго бобра!»—
—«А дѣвушка Надеждушка!
Напряди ниточекъ
Съ аллянаго перья!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Русскій Филологическій
Вѣстникъ 1886 г., № 4, стр. 227 (посетя великимъ постомъ).

457.

Какъ на морѣ, морѣ,
На синемъ на морѣ,
Какъ на морѣ-Океанѣ
И на островѣ Буянѣ—
 Это было въ старину—
Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила;
Охо въ морѣ раздавалось,
На островѣ отзывалось,
 Далеко было слышно.
Туго выжимала,
Друга поджидала;
То повернется туда,
То оглянется сюда,
 На всѣ стороны глядитъ.
Гдѣ взялся молодець
На воропомъ койѣ;

Онъ къ красоткѣ подъзжаетъ,
Черну шляпу ей скидаетъ,
Бьетъ красавицѣ челомъ.
Дѣвица спѣсива
Не скажетъ спасибо;
Глазки въ землю потупляетъ,
На щекахъ огонь пылаетъ,
Всякій знаетъ отчего.
«Богъ на помощь съ силой
Красавицѣ милой!
Такъ бы платью перемылось,
Какъ-бы вовсе не носилось,
Будто новое было!»
—«Сней ты мнѣ платьице
Изъ розова листа,
Чтобъ листочекъ не измялся,
Никогда не разорвался,
Цвѣлъ на мнѣ, какъ на кустѣ!»
—«Сшей ты мнѣ рубашку
Изъ булатной стали;
Сталь была бы какъ холстина,
Чтобы пуля не пробилла,
Чтобъ я могъ ее носить!»—
—«Сшей ты мнѣ башмачки
Изъ желтаго песка,
Чтобъ песочекъ не терялся,
Башмачекъ не распивался
И не теръ бы бѣлыхъ ногъ!»—
—«Напой ты мнѣ коня
Среди синя моря,
Чтобъ воронъ конь нашлся,
Брань коверъ не намочился,
Было бъ сухо все, какъ есть!»
—«Выстрой мнѣ домочекъ
Изъ макова зерна,

Двери, окна и полаты,
Гдѣ бѣ могли мы сладко спати
На перинахъ пуховыхъ!»—
—«У меня палаты
Золотомъ убраты;
Въ нихъ, душа, мы проживемъ,
Милыхъ дѣтокъ наживемъ!
Нѣтъ на свѣтѣ лучшаго!»

Воронежская губернія. Воронежскія Губернскія Вѣдомости
1833 г., № 30. Каждый пятый стихъ повторяется.

458.

На моречкѣ, морѣ, на морѣ-Окіанѣ,
На морѣ-Окіанѣ, островѣ Буянѣ,
Тутъ и была старина.
Дѣвка платье мыла, громко колотила;
На моречкѣ отдается, на островѣ отзывается,
Слышно было далеко.
Сухо выжимала, дружка поджидала:
То оглянется сюда, то оглянется туда,
Во все стороны глядитъ.
Неоткуль взялся молодчикъ на ворономъ конѣ;
Онъ къ дѣвушкѣ подъѣзжаетъ, черну шляпу скида-
ваетъ,
Бьетъ красоточкѣ челомъ.
«Богъ помочи те, сила, красоточка мила,
Чтобъ бѣлѣе платье мыла, никогда бы не посила,
Все бы новое было!»
Это не годится, дѣвушкѣ гордиться.
Глазки въ землю опускаетъ, въ щекахъ румянь
играетъ,
Всеякій знаетъ, для чего.

«Дѣвушка спѣсива, не скажу спасибо,
Гляди прямо на меня, я давно люблю тебя,
Ты послушай, что скажу!
Папой моего коня среди синя моря,
Чтобы воронъ конь напился, брань коверъ не замо-
чился,

Все такой какъ былъ онъ есть!»

— Сшей, мой милый, башмачки изъ желта песочка,
Чтобы песника не терялась, никогда не разсыпался,
Не терло бы рѣзвыхъ ногъ!»

— «Напряди-ка, мила, драговъ изъ дождевыхъ капель,
Чтобы драгвы не дралися, башмачки бы не поролися,
Могъ бы я ими шить!»

— «Сшей-ка, милый, платье изъ лазореваго цвѣту,
Чтобы цвѣтикъ не помялся, никогда не разсыпался,
Цвѣлъ на мнѣ какъ на кустѣ!»

— «Сшей-ка, мила, рубашку изъ нѣмецкой стали,
Чтобы сталь была холетника, ея пуля не прошибла,
Могъ бы ее посить!

Сдѣлай, мила, мечъ булатный изъ морскою пѣны,
Чтобы мечъ этотъ легокъ былъ, нѣмецку сталь ру-
биль,

Могъ бы я имъ владѣть!»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI,
стр. 89 («проголосная»).

459.

«**Т**е Богъ на помочь, красна дѣвица,
Воду черпать!
Загануть ли те, красна дѣвица,
Семь загадокъ?»—
— «Заганн-ка, сынъ боярскій,
Хоша восемь!»—

- «Таки что, красна дѣвица,
Краше свѣту?» —
- «Краше свѣту—красно солнце,
Красное солнце!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
Чаще лѣсу?» —
- «Чаще лѣсу—часты звѣзды,
Частыя звѣзды!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
По-подь лѣсу?» —
- «По-подь лѣсу—пала роса,
Пала роса!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
Да безь крылья?» —
- «Что безь крылья—бѣлы снѣги,
Бѣлы снѣги!» —
- «Таки что красна дѣвица,
Безь умолку?» —
- «Безь умолку течеть рѣчка,
Течеть рѣчка!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
Безь отвѣту?» —
- «Безь отвѣту—скоть рогатый,
Скоть рогатый!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
Да безь горя?» —
- «Что безь горя—горючь камень,
Горючь камень!» —

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 5 («загадочная»). Каждый стихъ повторяется. — Отечественныя Записки 1841 г., томъ XVI, библиографія.

460.

- Какъ купческа дѣвушка платье мыла,
А дворянскій сынъ колотилъ...
«Загануть ли те, дѣвушка, семь загадокъ?»—
—«Загани-тка те, сударь, хоть десятокъ!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, выше лѣсу?»—
—«Выше лѣсу свѣтитъ мѣсяцъ!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, чаще лѣсу?»—
—«Чаще лѣсу часты звѣзды!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, водлѣ лѣсу?»—
—«Водлѣ лѣсу пала роса!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, краше свѣту?»—
—«Краше свѣту—красно солнце!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица безкрылечно?»—
—«Безкрылечны—бѣлы снѣги!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, безъ кореня?»—
—«Безъ кореня—горючъ камень!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, не ударишь?»—
—«Не ударишь—буйны вѣтра!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица безъ жалѣнья?»—
—«Безъ жалѣнья—мужъ жену бьетъ!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, беззапряжно?»—
—«Беззапряжна—быстра рѣчка!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, безсловесно?»—
—«Безсловесна—добра лошадь!»—

Ярославская губернія, Ростовскій уѣздъ. Живая Старина 1892 г.,
вып. III, стр. 133 («проводочная»). Послеъ каждого стиха пригѣвъ:
ой ли, ой ли, ой лешевки, съ повтореніемъ трехъ или четырехъ
последнихъ слоговъ стиха.

461.

Но улицѣ по широкой
Идетъ дѣвка семилѣтка;
За ней бѣжитъ сынъ боярскій.
«Постой, дѣвка семилѣтка!
Загадаю семь загадокъ;
Позволь, дѣвка отгадати:
А что горитъ безъ пожара?
А что свѣтитъ во всю землю?
А что бѣжитъ безъ уходу?
А что цвѣтетъ безъ опаду?
А что растетъ безъ коренья?
А что плачетъ безъ рыданья?
А что вьется выше дубу?»—
—«Охъ ты, глупый сынъ боярскій!
Солнце горитъ безъ пожара;
Мѣсяцъ свѣтитъ во всю землю;
Вода бѣжитъ безъ уходу;
Укропъ цвѣтетъ безъ опаду;
Камень растетъ безъ коренья;
Лошадь плачетъ безъ рыданья;
А хмѣль вьется выше дубу!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 71. Первая половина каждого
стиха повторяется трижды.

462.

Но улицѣ по широкой,
По муравѣ по зеленой,
Тутъ шла дѣвка семилѣтка;
За дѣвкою сынъ купецкій...
«Постой, дѣвка семилѣтка!

Загадаю три загадки,
Чтобы ты, дѣвка семилѣтка,
Отгадала и сказала:
Да что растеть безъ коренья?
Да что цвѣтеть да безъ цвѣта?
Да что шумить да безъ вѣтра?»—
А я, дѣвка семилѣтка,
Отгадала и сказала:
Растеть камень безъ коренья,
Цвѣтеть сосна безъ алаго цвѣту,
Шумить вода безъ буйнаго вѣтру!

Самарская губернія (переселенцы изъ Воронежской губернии).
Варенцовъ, стр. 39.—Сходная пѣсня, изъ Тульской губернии.
Новосильскаго уѣзда: Шейвъ, стр. 233 («иллюстрация»).

463.

Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ?»—
—«Отгадаю, сынъ купеческій, хоть десятокъ!»
Ужъ и что это, дѣвица, краше лѣта?
Ужъ и что это, дѣвица, выше лѣса?
Ужъ и что это, дѣвица, чаще роци?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ коренья?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ умолку?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ отвѣту?»—
—«Краше лѣта, сынъ купеческій, красно солнце;
Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣтеть мѣсяць;
Чаще роци, сынъ купеческій, часты звѣзды;
Безъ коренья, сынъ купеческій, крупень жемчугъ;
Безъ умолку, сынъ купеческій, течеть рѣчка;
Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судьба Божья!»—
—«Отгадала ты, дѣвица, отгадала!
Ужъ и быть за мною, быть моею женою!

Московскій уѣздъ. Шейвъ, стр. 233 («иллюстрация»).

464.

Какъ по лугу, по лужочку,
По крутому бережочку
Бѣжитъ дѣвка семилѣтка;
За ней парень бѣлъ кудрявъ...
«Постой, дѣвка семилѣтка!
Загану тебѣ загадку:
А что растеть безъ коренья?
А что цвѣтеть безъ цвѣту?
А что шумитъ безъ вѣтру?»
— «Растеть камень безъ коренья,
Цвѣтеть сосна безъ цвѣту,
Шумитъ вода безъ вѣтру!»
Ой, Танюшка, Татьянашка,
Таня по торгу сходила,
Чеботы себѣ кушила....
Ой, Танюшка, Татьянашка
Чеботы себѣ купила,
Два съ полтиной заплатила...
Ой, Танюшка, Татьянашка
Яровинушку полола,
Черный куколь выбирала....
Ой, Танюшка, Татьянашка
На чужу межу бросала,
Желтымъ пескомъ засыпала....
Ой, Танюшка, Татьянашка
Желтымъ пескомъ засыпала,
Чеботами прибывала....
Ой, Танюшка, Татьянашка!

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 47
(«обыденная»).—Очень сходная пѣсня, изъ Симбирской губерніи:
Балакиревъ, стр. 64.

465.

Какъ во теремѣ дѣвица дары шила;
Тутъ и шель-прошелъ сынъ дворянскій,
Онъ и недши остановился,
Остановился, поклонился:
«Еще Богъ помощь, дѣвица, дары шить!
Не загадать ли тебѣ, дѣвица, шесть загадокъ?»—
—«Загадай ты, сынъ дворянскій, хоть десятокъ!»—
—«А что у насъ, дѣвица, краше свѣта?»—
—«Краше свѣта—красное солнце.»—
—«А что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?»—
—«Выше лѣсу—свѣтель мѣсяцъ.»—
—«А что у насъ, дѣвица, чаще рощи?»—
—«Чаще рощи—часты звѣзды.»—
—«А что у насъ безъ отвѣту?»—
—«Безъ отвѣту—горючъ камень.»—
—«А что у насъ безъ умолку?»—
—«Безъ умолку текутъ рѣки.»—
—«А что у насъ, дѣвица, безызвѣстно?»—
—«Безызвѣстна—воля Божья.»—
—«Благодарю тебя, дѣвица, на отгадкахъ
На мудреныхъ!
А и быть, дѣвица, за мною,
Да и жить со мною!»

Рукописный сборникъ 1795 года. Материалы для исторіи и статистики Симбирской губерніи, вып. IV, Симбирскъ, 1867, стр. 72 («свадебная»).

466.

Вы, луга мои, вы, зеленые!
Дѣвка съ поля шла, красна съ чистаго.
Какъ за ней бѣжитъ конь добра лошадь;

На конѣ сидитъ добрый молодецъ.
«Ты постой, дѣвка, постой, красная!
Загадаю какъ я три загадочки.
Отгадай, дѣвка, отгадай, красна!
А и что, дѣвка, безъ корня растетъ?
А и что, дѣвка, безъ вѣтра шумить?
А и что, дѣвка, зимой зелено?»
—«Отгадаю я, добрый молодецъ!
Безъ корня растетъ бѣль горючъ камень;
Безъ вѣтра шумить быстра рѣчушка;
Зимой зелено—да то ель-сосна.»

У воротъ сосна распаталася;
Ужъ и дочь къ отцу собиралася,
Тремя мылами умывалася:
А и первое мыло—то съ бѣлками,
А другое мыло—то съ румянами,
А и третье мыло—то съ сурмилами.
И бѣлками набѣлилась,
А румянами нарумянилась,
А сурмилами брови чернила.

Калужская губернія, Мещовскій уездъ. Калужскія Губернскія
Вѣдомости 1860 года, № 28. Поется при прощаніи съ масляницей.
Вторая половина каждаго стиха повторяется.

467.

Какъ у моего милаго
Четыре примѣты:
Что первая-то примѣта—
Его лице бѣло;
Что втора его примѣта—
Волосы кудрями;
Что третья-то примѣта—
Шубочка съ морхами;

Что четвертая примѣта—
Шапка съ козырчкомъ...

«Загануть ли те, любезна,
Шесть загадокъ?
Еще что же, дѣвица,
Выше лѣсу?
Еще что же, дѣвица,
Краше свѣту?
Еще что же, дѣвица,
Безъ коренья?
Еще что же, дѣвица,
Безъ замочку?
Еще что же, дѣвица,
Безъ цвѣточку?
Еще что-же, дѣвица,
Безъ любви?»—
—«Не прогнѣвайся, любезный,
Все я отгадаю!
Выше лѣсу, любезный,
Свѣтель мѣсяць;
Краше свѣту, любезный,
Красно солнце;
Безъ коренья, любезный,
Сѣрый камень!
Безъ замочку, любезный,
Быстра рѣчка;
Безъ цвѣточку, любезный,
Польнь-травка;
Безъ любви, любезный,—
Мы съ тобою!»—

Научить ли ты, любезна,
Какъ ко мнѣ ходити?
Не дорогою ходи,

Ходи переулкомъ;
Не ступенями ступай,
Сokolомъ летай;
Не воротами во дворъ,
Ходи подворотней;
Не языкомъ говори,
Соловьёмъ свищи!

Архангельская губернія, Пинежскій уѣздъ. Ефименко, стр. 101
(«вечериночная»). Каждый стихъ повторяется.

468.

Что-то свѣтитъ во всю ночьку?
Мѣсяць свѣтитъ во всю ночьку.
Что-то грѣеть всю Еггору?
Солнце грѣеть всю Еггору.
Что-то растеть безъ коренья?
Камень растеть безъ коренья.
Что-то бѣжитъ и безъ ножекъ?
Рѣчка бѣжитъ и безъ ножекъ.

Устюгъ. Москвитянинъ 1842 года, часть VI, стр. 312.

469.

Что тому-то было морю, морю синему,
Тамъ плыли, восплывали пятьсотъ кораблей.
А одно-то изъ нихъ суденьшко напередъ бѣжитъ.
Хорошо-то это суденьшко изукрашено:
У ней носъ со кормой по звѣршному.
На этомъ на суденьникѣ стояла палатунка;
Во этой-то палатункѣ сидѣлъ турецкій паша.
Передъ нимъ-то стоитъ младъ допской казакъ неволь-
ничекъ;
Стоитъ-то онъ, молодець, какъ свѣча горитъ;

Онъ рѣчи-то говорить, какъ въ трубу трубить:
«Какъ ты, славный турецкій паша, отпусти меня на
волюшку!»

Отвѣчаетъ ему турецкій паша:
«Загадаю я тебѣ, донской казакъ, три загадки;
Отгадаешь ты мнѣ три загадки,
Тогда-то я отпущу тебя на тихій Донъ:
Чего у насъ на свѣтѣ безъ ногъ рѣзво бѣжить?
Чего у насъ на свѣтѣ безъ крыль скоро летить?
Чего у насъ на свѣтѣ безъ огня жарко горить?»
Отвѣчаетъ ему донской казакъ:
«Безъ ногъ у насъ бѣжить твое судно легкое,
А безъ крыль-то летитъ буйный вѣтеръ,
Безъ огня-то печеть на свѣтѣ красное солнышко.»

Донская область. Савельевъ, стр. 127.—Киреевскій, вып. VIII,
стр. 83.

470.

Ой, и дочь къ отцу собиралася,
Тремя мылами умывалася;
Одно мылечко—то турецкое,
Друго мылечко—то литовское,
Третье мылечко—то московское.
Отъ турецкаго—брови черныя.
Отъ литовскаго—лице бѣлое,
Отъ московскаго—щеки алыя...
«Государь ты мой, родный батюшка!
Я скажу тебѣ про диковинку, диво дивное,
На святой Руси небывалое:
У насъ по морю пожары горять;
По чисту полю корабли плывутъ;
По желтымъ пескамъ звѣзды катятся;
По поднебесью щука плаваетъ.»—

—«Охъ, п дочь моя, дочь хорошая, ты, пригожая!
Какъ п я скажу про диковнику, диво дивное,
На святой Русп небывалое:
У насъ по морю ковыла растеть;
Тамъ косцы ходять, ковылу косятъ;
По темномъ лѣсу рыба плаваетъ;
За сыру землю солнце скрылося:
Во желты пески мѣсяць спрятался;
По поднебесью тамъ медвѣдь ходить,
Рыбу щуку ловить....»

Курская губернія. Кохановская, стр. 44.

471.

Вы не горкайте, два сизыхъ голуба,
Не разгоркайте моего батюшки!
А мой батюшка въ теремѣ крѣпко спить,
Въ теремѣ подъ окномъ, накрывши полотномъ.
Я его будила—не добудилася,
Я его кликала—не докликалася...
А встань, мой батюшка,
Устань мой родненькій!
Я диво видѣла, диво великос:
Какъ по всѣмъ полямъ все огни горять,
По темномъ лѣсу караси плывуть,
По чистомъ полю корабли плывуть....

.

Курская губернія, Путивльскій уездъ. Русскій филологическій вѣстникъ 1886 г., № 4, стр. 225 («масляничная»).

472.

Черезъ рѣченьку жердинушка лежала,
Черезъ быструю тонка, гибка лежала;
Какъ никто по той жердинкѣ не перейдетъ.
А одна красна дѣвица переходитъ,
За собой она дѣвицъ переводитъ.
Ахъ, какъ что въ торгу сдешевѣло?
Сдешевѣло во торгу холостые,
Холостые, холостые, не женаты:
По семи холостыхъ на полденьги,
Къ нимъ осмой холостой наддачей,
Девятый холостой наряжатый
И десятый холостой провозатый.

Черезъ рѣченьку жердинушка лежала,
Черезъ быструю тонка, гибка лежала;
Какъ никто по той жердинкѣ не перейдетъ.
А одна красна дѣвица переходитъ,
За собой она дѣвицъ переводитъ.
Ахъ, какъ что въ торгу сдорожало?
Сдорожало во торгу красны дѣвицы,
А за нимъ молодья молодцы:
Еще по сту рублей молодца,
А по тысячѣ рублей красна дѣвица.

ИѢсенникъ 1791 г., часть III, стр. 16. Последніе три-четыре
слога каждаго стиха повторяются трижды.

473.

Черезъ рѣченьку жестяночка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала;
Что никто по той жестяночкѣ не проїдетъ,
Что никто слѣдка не проложитъ.

Случилось мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вздешевѣло?
Вздешевѣлися въ торгу стары старушки:
По семи старухъ на полунику,
А осьмая-то старуха на придачу,
А девятая старуха въ кашевары.

Черезъ рѣченьку жестяночка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала;
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣдка не проложитъ.
Случилось мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вздорожало?
Вздорожали въ торгу красныя дѣвицы:
Что одна красна дѣвица рублей во сто,
Ея русая коса въ полтораста,
А дѣвичья красота въ полтретьяста,
А самой красной дѣвицѣ цѣны нѣту.

Томская губернія. Отечественныя Записки 1839 г.,
томъ III, смѣсь, стр. 62 («круговая»).

474.

Черезъ рѣченьку жердочка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала.
Что никто по той жердкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣда не проложитъ.
Случилось мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ, не женатымъ.
Они спрашивали говорили:

Еще что у насъ въ торгу вздешевѣло?
Вздешевѣли въ торгу старыя старухи:
По семи старухъ на полушку,
А осьмая-то старуха въ кашевары,
А девятая старуха на придачу.

Черезъ рѣченьку жердочка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала.
Что никто по той жердкѣ не пройдетъ.
Что никто слѣда по ней не проложитъ.
Случилось мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вздорожало?
Вздорожали въ торгу красны дѣвицы:
Что одна красна дѣвица рублей во сто,
Ея русая коса въ полтораста,
А дѣвичья красота въ полтретьяста,
А самой красной дѣвицѣ цѣны нѣтъ.

Архангельская губернія, Шенкурскъ. Труды Архангельскаго
Губернскаго Статистическаго Комитета, книга I-я.
стр. 87.

475.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена-то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжнику!
Тамъ что въ торгу дешевое?
Тамъ дешевы молодежки:
По семи молодець на полушку,
А восьмой молодець на придачу.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена-то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжнику.

*

Тамъ что въ торгу дорогое?
Тамъ дороги старья бабы:
По семи рублей старая баба.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжишку.
Тамъ что въ торгу дорогое?
Тамъ дороги млада бабы:
Какъ по сту рублей млада баба.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена-то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжишку.
Тамъ что въ торгу дорогое?
Тамъ дороги красныя дѣвки:
Какъ по тысячѣ рублей красная дѣвка.

Переборъ, переборъ молодежи:
Какъ гнилая солома въ ометѣ.
Переборъ, переборъ старымъ бабамъ:
Какъ старый грибъ на болотѣ.
Переборъ, переборъ младымъ бабамъ:
Какъ тонкое полотно на стлицѣ.
Переборъ, переборъ краснымъ дѣвкамъ:
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ—
Красная дѣвушка въ хороводѣ!

Воронежская губернія. Воронежскія Губернскія Вѣдомости
1851 года, № 18.

476.

Сѣ-подъ ели рѣка прошла,
Сѣромъ боромъ быстра протекла,
Подо всѣ города подошла:
Подъ Казань и подъ Вострахань,

Подъ Сибирь изъ-подъ Вологды...
Сдешевали красны дѣвушки:
Двѣ даютъ на денежку,
Четыре на копѣечку,
Пятую придачею,
Девяту наддачею.

Съ-подъ ели рѣка прошла,
Сыромъ боромъ быстра протекла,
Подо всеъ города подошла:
Подъ Казань и подъ Вострахань,
Подъ Сибирь изъ-подъ Вологды...
Вздорожали добры молодцы:
Одинъ молодецъ во сто рублей,
Другому молодцу цѣны нѣтъ...

Оловецкая губернія. Студитскій, стр. 79 («круговая»).

477.

У ай-тай-аюй, ладо!
Я основушку сную,
Переметы кладу....
У насъ въ торгу кличъ кликали:
Что дорого, что дешево?
У насъ дорогимъ дороги—красны дѣвушки;
Деневымъ дешевы—добры молодцы.
Одна дѣвушка во сто рублей,
А друга дѣвушка въ тысячу,
А третьей дѣвушкѣ цѣны-то нѣтъ;
А по семи молодцовъ на овсяный блинъ;
А восьмой-то молодецъ на придачу пошелъ;
А девятый молодецъ въ кашевары пошелъ;
А десятый молодецъ на придачу пошелъ.

Ди-ладо!

Симбирская губернія, Ардатовскій уездъ. Симбирскій Сборникъ,
томъ II, 1870 г., отдѣлъ этнографическій, стр. 33 (хороводная, поется
при встрѣчѣ весны).

478.

Вечоръ лишь, млада, во торгу ли я была,
Во торгу ли я была, вечеръ слышала.
У насъ въ городѣ дѣвки дороги;
У насъ дешевы добры молодцы:
По семи лишь молодцовъ на овсяный блинъ;
Какъ восьмой-го молодецъ на придачу идетъ;
А девятый молодецъ и туды и сюды;
А десятый молодецъ, онъ и щи и кашу варилъ,
Онъ и щи и кашу варилъ, приговаривалъ:
«Какъ гнилая-то солома скоро женится,
Беретъ за себя красну дѣвицу,
Онъ и умницу, и разумницу...»

Иензенская губернія, Краснослободскій уездъ, Иензенскія Губернскія Ведомости 1865 г., № 43. Послѣ каждого стиха припѣвъ: ой, тай, ой, ладу мовъ.

479.

Горка ты, горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая!
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ,
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте, люди,
Что въ городѣ баюють:
Ребятъ продавають.
Купцы закупають—
Девять на денежку,
Десятаго на придачу.

Горка, ты горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая!
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодець ходитъ,
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте, люди,
Что въ городѣ баюють:
Дѣвокъ продавають.
Кунцы закупають:
Дѣвка—по сту рублѣи,
Коса—по тысячѣ,
Коспикъ—смѣты нѣту.
На ребятъ смерти нѣту,
На бабъ погибелю,
Чтобъ онѣ погинули.
Мужья останутся—
Они намъ достанутся.

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 626.

480.

Какъ не пыль-то во чистомъ полѣ запылилася,
Не туманушки со синя моря подымался,—
Появлялся со дикой степи такі звѣри:
Не два соболя бѣгутъ со кунцею,
Напередъ у нихъ бѣжитъ старъ устимаиъ-звѣрь.
На немъ шерсточка, на устимаиъ, бумажная,
А щетишушки на устимаиъ все булатныя,
Какъ на кажинной на щетишушкѣ по жемчужинкѣ,
Посередь спины у него, устина, золото блюдо.
Не чистой-то жемчугъ по блюду разсыпается,—
Всѣ-то звѣри лютые разбѣгаются.

Подбѣгали звѣри дивныя къ Яику къ рѣкѣ.
Воскрпчалъ, взгаркнулъ тутъ устимапъ-звѣрь
Своимъ вельмъ громкимъ голосомъ.
Всѣ сыры дубы съ кореньевъ посломалиси,
А быстра рѣка Яикушка возмutilася.
Устоялъ только одинъ сыръ матерый дубъ.
На дубу на томъ сидѣлъ не сизой орель,
Не сизой орель,—удалый добрый молодець.
Ужъ онъ мѣтился изъ винтовочки глазомъ вѣрнымъ;
Понадалъ же онъ устину-звѣрю въ ретиво сердце.
И падалъ тутъ устимапъ-звѣрь на мать на сыру зем-
лю.

Застопала мать сыра земля и разступилася,
Пожрала она звѣря лютаго, самого устимана.

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ,
т. 1, 1888 г. стр. 119. — Якушинъ, стр. 9. — Тихомировъ
и Вс. Миллеръ, Русскія бытныя старой и новой записи, М. 1891,
стр. 278.

481.

Иде галичья стая подымалася,
Не звѣриное собраньеце собиралося,
Не галичья стая въ перелетъ летить,
Не звѣриное собраньеце въ неребѣгъ бѣжитъ,—
Напередъ бѣжитъ собака лютей гидричъ-звѣрь.
У гидричка копыточки булатныя,
Шерсточка на гидричкѣ бумажная;
Напередъ его щетинушки запрокинулись;
На спиночкѣ два блюдечка серебряныя;
На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчукъ разсынается.
Подбѣгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченкѣ къ быстру Дибирю.
Засвисталъ-то опъ, загаркалъ по звѣриному,

Зашипи́ль-то онъ, собака, по змѣиному.
Оттого-то паня Пѣиречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися...

Уральская область. Желѣзовъ, томъ III, 1888 года, стр. 3 —
Мякушинъ, стр. 13.

482.

Изь далеча, далеча изъ чиста поля
Не пыль то, братцы, во полъ бѣлѣтся,—
Бѣжить то, выбѣгаетъ стадо лютое:
Напередъ его бѣжить лютой скимонъ-звѣрь.
На скимонъ шереточка буланая,
Не буланая его шереточка,—булатная,
На каждой шеретникъ по жемчужникъ;
Напередъ его шереточка спрокшумалась.
Выбѣгаетъ воръ-собака на Дѣвиру-рѣку,
Становится воръ-собака на крутой берегъ,
Забродилъ ли воръ-собака по колѣнь въ воду,
Становилъ ли воръ-собака на задни лапы,
Закричалъ ли воръ-собака по змѣиному,
Засвисталъ ли воръ-собака по соловьиному,
Зашипи́ль ли воръ-собака по змѣиному...
Отъ крику быстра рѣченька всколыхалася,
Со желтыми со песками помѣшалася,
Со крутыми бережками помѣшалася.

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, выв. VI,
стр. 96.—Гихонравовъ и Вс. Миллеръ, стр. 279.

483.

Какъ изъ далеча, далеча изъ чиста поля,
Изъ того было раздольица широкаго,
Что не грозная бы туча накаталася,

Что не буйные бы вѣтры подымались,—
Напередъ-то выбѣгасть лютый скимень-звѣрь.
Какъ на скимень-то шерсточка булатная;
Напередъ-то его шерточка сирокшулась.
Добѣгасть воръ-собака до быстрой рѣки;
Становился воръ-собака на задни лапы;
Закричалъ онъ, воръ-собака, по звѣриному;
Засвисталъ онъ, воръ-собака, по соловьему;
Зашипѣлъ онъ, воръ-собака, по змѣиному.
Отъ его было отъ крику отъ звѣрипаго,
Что быстрая рѣка-мать взволновалася;
Отъ его было отъ свисту отъ соловьяго,
Что темны лѣса къ сырой землѣ влопилися;
Отъ его было шипѣнья отъ змѣипаго,
Зелена трава въ чистомъ полѣ новинула...

Сибирь, Локтевскій заводъ. Известія Академіи Наукъ, томъ II.

484.

Мы вечеръ, братцы, были пьяны,
А на утро печѣмъ похмѣлиться.
Да мы скинемся, братцы, по денежкѣ,
Мы по денежкѣ да по серебряной;
Да мы купимъ, братцы, зеленого вина,
Зеленаго вина да полтора-то ведра;
Да мы выйдемъ за градъ, прогуляемся,
Да за ту же стѣну бѣлокаменную;
Мы взойдемъ же, братцы, на крутую гору,
Да сядемъ, братцы, за единый кругъ,
Да мы сядемъ, братцы, похмѣлимся,
Да мы вынемъ, братцы, по чарочкѣ,
Да по чарочкѣ зеленого вина!..
Да вы, слуги мои, слуги вѣршыи!

Вы подайте мнѣ золотую трубу,
Золотую трубоньку подзорную.
Мы посмотримъ-ка, братцы, во далечу,
Мы во далечу да во чистое поле.
Какъ не во далечѣ да во чистомъ полѣ,
Тамъ не пыль-кура да споднималася,
Споднимавши кура съ земли до неба;
Тамъ увидѣли два гнѣдыхъ тура,
Два гнѣдыхъ тура золоторогіе,
Золоторогіе да одношерстные.
Да бѣжали туры во спшее море,
Да спускались туры въ море по брюхо,
Забивали туры морду по уши,
Доставали туры ключевой воды;
А напившись, туры въ море поплыли.
Переплывши туры Окіанъ-море,
Переплывали туры на Буянь-островъ.
Тамъ встрѣчала ихъ родная матушка,
Молода турица златорогая,
Златорогая да одношерстная:
«Да вы, дѣти мои, дѣти умныя!
Да гдѣ же вы были, гдѣ гуливали?»
—«Да мы были, матушка, во Шахарѣ,
Мы гуляли, родная, во Яхерѣ,
Мы русскую землю съвозъ прошли,
Царя бѣлаго да въ глаза видѣли;
Да мы видѣли ее, диковину,
Мы да русскую дѣвку черпявушку;
Да читала дѣвка книгу евангельскую,
Да не сколько читала—вдвое плакала.»

485.

Какъ леталь-то, леталь сизої орель по крутымъ
горамъ,

Леталь орель, самъ состарился:

Пробивала у него сѣдинушка между сизыхъ крыль,
Побѣлѣла его головушка ровно бѣлойи снѣгъ.

Залеталь-то, залеталь младъ сизої орель

Не въ свою землю, во тою-то земелюшку во фран-
цузскую,

Въ той-то было во компаньцѣ во богатырскойі.

Что это за диво, за диковинка?

Не пыль-то со курою подымалася, не сине море веко-
дыхалося,—

Тамъ бѣжить-то, выбѣгаетъ идрикъ-звѣрь.

На идричку на шерсточкѣ сиво-желѣзный цвѣтъ;

На идричку сѣдельце все черкесское,

На сѣделечкѣ стремяночки позлащенные;

На идричку копыта все булатныя.

Притупѣли у орла когти острые,

Онцинались у него крылья быстрыя.

Налетали на орла черны вороны,

Да терзали они его, сиза орла.

«Эхъ, не прежняя-то моя полеточка орлиная,

Да не прежняя моя ухваточка соколиная!

Разбить бы я черныхъ вороновъ всѣхъ по перышку,

Да разнесъ бы ихъ по дубровушкѣ!»

486.

На батюшкѣ было на Окіанъ-морѣ,
На его было на крутыхъ бережкахъ,
На желтыхъ его пескахъ сыпучихъ,
На сыпучихъ пескахъ, мелкихъ, разсыпчатыхъ,
Выросло тутъ кипарисъ-древо.
Со комеля деревцо свлевато,
Ко сердочкѣ деревцо сучковато,
Ко вершиночкѣ деревцо кудревато,
На самой вершиночкѣ были развилочки;
На развилочкѣ сидѣлъ младъ сизою орелъ;
Онъ сидѣлъ, орелъ, ровно три года.
Прилетала къ орлу орлинушка;
Онп начали совыкатися;
По совыканьцу стали вить тепло гнѣздо:
На завивъ кладуть бѣло серебро,
Сердочку выкладываютъ краснымъ золотомъ,
Краюшки вынизываютъ мелкимъ жемчугомъ,
Въ уголушки втирали дороги самоцвѣтные камни.
Выводилъ орелъ своихъ дѣтушекъ,
Сизыхъ, младыхъ орлятушекъ.
Какъ добрый молодецъ сталъ на возрастъ,
Его дѣтушки стали быть на возлетѣ...
Вдругъ несчастье на Окіанъ-морѣ случилось:
Подымалася полуденная погодушка,
Со всего свѣта сильна полоса;
Всколыхала она Окіанъ-море
Съ краю во край и съ конца въ конецъ,
Подрывала кипарисово кореньце,
Потопляла орлино тепло гнѣздушко,
Во гнѣздушкѣ малыхъ его дѣтушекъ.
Тутъ воскликнулъ, восплакнулъ младъ сизою орелъ:
«На что мнѣ, орлу, орлинушку?»

На что было мнѣ, орлу, тепло гнѣздушко?
На что были мнѣ, орлу, малы дѣтушки?»
Возвивался орель высокохонько,
Онущался орель низехонько,
Ушибался орель о бѣль горючъ камень...

Симбирская губернія. Русская Беседа 1856 года, № 1.

487.

Какъ во полѣ загоралась бѣлая ковыла,
Загоралась бѣлая ковылушка отъ камушка.
Какъ на этомъ камушкѣ въ ту пору
Сидѣль-сидючи младъ яменьъ соколъ;
Какъ сидѣль онъ-то, яменьъ соколъ,
Сидючи крѣико призадумался.
Какъ на ту пору-времени яменьъ-соколику,
Ему только крѣико придремнулося.
Какъ поджогъ-то онъ, яменьъ соколикъ,
Подналилъ онъ свои сизы крылушки,
Свои сизы крылушки да яменьъ соколикъ,
Да рябья свои перья-перушки.
Охъ, да какъ же пошелъ-то онъ, побрелъ да яменьъ
соколикъ,
Пвшій побрелъ онъ вдоль только по дороженькѣ;
Какъ идетъ-то, бредетъ онъ, яменьъ соколикъ,
А на встрѣчу ему да черные ворошня.
Какъ и каркали они, черные ворошня, смѣялися,
Смѣялися, потѣшались надъ яменьъ-соколикомъ,
Называли-то они его, яменьъ-соколика,
Называли только его каргой загумешною.
«Охъ, да не тебѣ-то ли было, яменьъ-соколику,
Пвшимъ ходить вдоль по дороженькѣ;
А тебѣ-то ли было, яменьъ-соколику,

Летать-гулять въ полѣ по-наднебесью!»
Охъ, да какъ восплакался-то тутъ да яменьъ соко-
ликъ,

Да онъ только передъ Господомъ Богомъ:
«Охъ, Ты создай, пошли, Боже, да сильнаго дожди-
ка!

Охъ, да отросли бы у меня, у яменьъ-соколика,
Да сизыя мои только крылушки,
Охъ, да сизыя мои только крылушки,
Да рябыя мои только перья-перушки!
Охъ, да отембляль бы я тогда, яменьъ-соколь,
Эту насмѣшечку этимъ чернымъ вороньямъ!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XV, стр. 86.

488.

Охъ, да отчего-то ли эта бѣлая ковыль-травка,
Она разгоралася?
Ой, загоралася эта бѣлая ковыль-травка,
Она отъ бѣлаго камушка.
Ой, да какъ сидѣль на камушкѣ, сидѣль младъ яменьъ
соколь,

Сидѣль, крѣпко призадумался.
Ой, да какъ на ту пору ясному соколику
Чутьочекъ вздремнулося.
Ой, да онъ поджогъ да онъ подпалилъ, да яennyй со-
коликъ,

Да сизыя свои крылышки.
Ой, да онъ пошелъ-то, онъ побрелъ, да яennyй соко-
ликъ,

Пошелъ пѣшій по дорожкѣ.
Охъ, да какъ на встрѣчу-то ему, ясному соколику,
Да черные вороны.

Охъ, да они каркали ему, смѣялися:
«Охъ, да не тебѣ-то ли было, ясному соколку,
Ходить пѣшу по дорожкѣ!»
Охъ, да какъ расплакался да ясный соколникъ,
Да онъ передъ Господомъ:
«Охъ, да ты создай, да ты, Боже, на яснаго сокола
Да сильнаго дождичку!
Охъ, да отрастутъ-то у меня, у яснаго сокола,
Да спзыя крылышки!
Охъ, да тогда-то ли я вамъ дамъ, да черные вороны,
Отсмѣю эту насмѣшечку!»

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 105.

489.

Загоралась въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
Добицалась до бѣлаго камня.
На камень сидѣлъ младъ ясенъ соколъ,
Поднялись онъ свои крылушки,
Обжегъ свои скорыя пожушки.
Прилетали къ соколу стадо вороповъ,
Сидѣли вороны вокругъ него,
Въ глаза ясену соколу насмѣхались,
Называли они сокола вороною:
«Ты, ворона, ворона подгуменная!»
Тутъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отроцу я свои крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги скорыя;
И взовьюся, младъ ясенъ соколъ, выше облака,
Опускаю въ ваше стадо быстрѣй стрѣлы,
Перебью васъ, черныхъ вороповъ, до единого...»

Приуралье. Публестія Академіи Наукъ, томъ II («хороводная»)

490.

Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка—
Отъ великаго оружія солдатскаго,
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
Добиралася до бѣлаго до камешка.
Что на камешкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Поднялиль онъ свои быстрыя крылушки,
Обжегъ онъ свои скорыя ножешыи.
Прилетали къ соколу стадо вороновъ;
Что садплнсь черны вороны вокругъ его
И въ глаза ли яспому соколу насмѣхался,
Называли они сокола вороною:
«Ты, ворона, ты, ворона подгуменная!»
Ахъ, что взговоритъ въ кручншѣ младъ ясенъ со-
колъ:

«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
Я взовьюсь, младъ ясенъ соколъ, выше облага,
Опуцуся въ ваше стадо я скорѣи стрѣлы,
Перебыю я черныхъ вороновъ до одинаго!»

Ахъ, когда былъ Краснощеконъ во певолоникѣ,
Онъ вскричалъ ли, онъ взвошилъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы гои еси, друзья-братья-товарищи!
Не покиньте добраго молодца при бѣдности!
Ужъ какъ въ нѣкоторо время пригожусь, братцы,
вамъ,

Замѣню я вашу смерть животомъ монмъ,
Животомъ монмъ и грудью бѣлою!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 147.—Кирѣевскій, вып. IX,
стр. 177.

491.

Ты, дубровушка, ты, зеленая,
Еще чѣмъ ты, дуброва, изукрашена,
Али кустичкомъ, али прутничкомъ?
Посередь дубровы есть поляночка,
На полянѣ стоитъ сыръ высокій дубъ,
На дубу-то сидитъ младъ ясенъ соколь,
Подъ дубомъ-то стоитъ конь добра лошадь.
Они споръ держатъ съ яснымъ соколомъ,
Не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, —
О своихъ буйныхъ о головушкахъ:
Еще кто посиѣтъ на снѣгѣ морѣ.
Да коню-то бѣжать по сырой землѣ,
Соколу-то летѣть по поднебесью.
Еще конь-еть бѣжить—вся земля дрожить,
А соколь летитъ—колоколь звенитъ...
Увился-то соколь, онъ за птицею;
Прилетѣлъ соколь, коню въ ноги палъ:
«Ты прости-ка меня, конь добра лошадь!»
—«Я тогда-то прощу, когда кровь пуцу,
Когда кровь пуцу во сыру землю,
Сизы перушки по синю морю!..»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ, Пальчикова, № 69 (сироголосная). Каждый стихъ повторяется.

492.

Какъ изъ далеча, изъ-подъ далеча во чистомъ полѣ,
Тутъ стоялъ да росъ сыръ матерый дубъ.
У сыра дуба кореньца булатныя,
А коринька у сыра дуба жемчужная,

Сучки-вѣточки на сыромъ дубу хрустальныя,
А листоченьки на сыромъ дубу бумажныя.
Подъ сырымъ дубомъ было стойлице копевіе,
А во стойлицѣ—сивый рѣзвый конь;
На вершинишкѣ у сыра дуба сидѣлъ младъ ясенъ
соколь.

Какъ ясенъ соколь надъ добрымъ конемъ насмѣхатъ-
ся сталь:

«Ужъ ты, кляча, кляча, сивый рѣзвый конь!
На тебѣ же, кляча, шерсть олснїя,
А черное мясо твое воронїе!»
За досадушку то добру коню показалось,
И ясенъ соколь съ добрымъ конемъ позаспорилъ.
Они спорили не объ ста рубляхъ, не объ тысячѣ,
Они спорили объ своихъ буйныхъ головушкахъ.
Соколу летѣть доставалось чрезъ синее море,
А коню бѣжать доставалось вокругъ снїя моря.
Конь бѣжитъ, бѣжитъ—вся земля дрожитъ,
А соколь летитъ—какъ колоколь звенитъ.
Прибѣгаетъ конь до мѣстеченька до урочнаго,
До того мѣста—до колодезя до глубокаго.
Какъ прибѣгъ къ себѣ сивый рѣзвый конь, самъ во
стойло сталь.

Ужъ онъ часъ стоялъ, и другой стоялъ,—пѣту со-
кола,

А на третьемъ онъ на часикѣ появляться сталь.
Прилетѣлъ соколь ко добру коню, пропустивши
срокъ,
Ужъ онъ палъ кошо въ рѣзвы ноженьки за просро-
ченье.

Тутъ ясенъ соколь добру коню виноваться сталь:
«Ты прости меня, сивый рѣзвый конь, виноватаго!
Я летѣлъ, соколь, чрезъ синее море шибче вихоря,
И увидѣлъ я на спнемъ морѣ стаю лебедсїи;
Выбралъ я себѣ что ни лучшую лебедушку;

Лебединаго ея мяса я понакушался
И за этимъ-то я, ясець соколъ, позамедлился.»

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ,
томъ III, 1888 года, стр. 123.

493.

Усе во дали было, во чистомъ полѣ,
Не при широкомъ было, при ровномъ курганѣ,
Тамъ стоялъ-то, выросталъ дубъ.
Корешечки у дуба—крѣпкіе булатные;
Шкурочка у дуба—желтая лимонная;
Вѣточки у дуба—чистыя хрустальныя;
Листочки у дуба—бѣлые бумажныя;
Вершинка у дуба—она позлаченная.
На томъ-то на дубу—она соколиная;
Подъ тѣмъ-то подъ дубомъ—стойло коня добраго.
Конь съ соколомъ крѣпко позаспорили,
Не объ сто рублей, не объ тысячѣ,
Позаспорили они объ своей головушкѣ.
Какъ вѣдь конь-то побѣждалъ—ровно громъ загре-
мѣлъ.

Онъ быстры-то рѣчки перепрыгивалъ,
Крутыя горы между ногъ пускалъ,
Темныя лѣса не прихватывалъ.
Вотъ добѣгиваетъ копь до мѣтеной рожи;
Ужъ часъ-то стоялъ и другой стоялъ,
На третьемъ часу сталъ потравити...
Соколъ прилетѣлъ—ровно колоколь прозвенѣлъ.
Ужъ падаеть коню въ рѣзвы ноги:
«Ты прости-ка, душа добрый копь,
Ужъ ты будь-ка мой набольший братъ!
Я летѣлъ-то, соколъ, по водамъ, по морямъ,
Заглядѣлся я тамъ на сѣрыхъ уточекъ,

А на больше того на бѣлыхъ лебедушекъ:
Ужъ я такъ-то, соколъ, крѣпко позамыкался.»

Терская область. Терскій Сборникъ, выш. I, стр. 101.

494.

Сколько я, добрый молодецъ, пѣнь не хаживаль
И на добромъ моемъ конѣ ни ѣзживаль,
Но диковинки такой, какъ разъ видѣль я, не види-
валь.

Наѣхаль я на диковинку—на сыръ крѣпкїи дубъ;
Какъ во этого сыра дуба кореньца все булатныя,
На сыру дубу шкорочка желѣзная,
Цвѣточки во сыра дуба все хрустальные,
А на вѣточкахъ листушки коровайнаго золота,
Цвѣтъ и желуди на сыромъ дубу, они все алмазные.
На сыру дубу свито гнѣздышко соколиное,
А подъ нимъ-то стойлице конное.
Какъ не душечка душа добрый конь,
Съ яснымъ соколомъ онъ заснаживаль
Не о сто рублевъ, не объ тысячу,
А заспорили они о свои буйныя головушки:
Кто скорѣи будетъ у мѣстечка у урочнаго,
У того ли было колодезя у студенаго;
Какъ коню бѣжать по сырой землѣ,
Ясну соколику летѣть по наднебесью.
Прибѣгаетъ душа добрый конь прежде сокола;
Онъ травы хватилъ да воды испилъ и у стойла сталъ.
Прилетаетъ ясенъ соколъ опосля коня,
Падаетъ онъ коню во рѣзвы ноги:
«Ты прости, уважь, душа добрый конь, моеи глупо-
сти:

Соколиныя мои крылушки заметныя,
Глазунки у меня, сокола, завидущіе:

Палетѣль я на стадо лебедное
И убилъ во той стадушкѣ бѣла лебеда,
Да за тѣмъ за сѣмъ я, соколикъ, призамѣшкался;
Будь же мнѣ, душа добрый конь, мнѣ набольшій
братъ!»

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года,
Л 92.

495.

Ой ты, поле мое, раздольице,
Раздольице, степь широкая!
Ничевохонько ты, мое полюшко,
Ничто себѣ не породило....
Породило мое полюшко
Одинъ себѣ сыръ зеленый дубъ;
У сыра-то дуба корешки,
Коренья были все свинцовые,
Шкурочка-то на сыромъ дубу,
Была она все парчевая,
Сердечушко-то было у сыра дуба,
Все было-то оно булатное,
Ну п вѣточки на сыромъ дубу,
Они были все хрустальныя,
Листочки были на сыромъ дубу,
Они были все бумажныя,
Китунки были на сыромъ дубу,
Оши были все жемчужныя,
Вершиночка на сыромъ дубу
Была—будто жаръ горитъ.
На вершиночкѣ свито гнѣздышко,
Гнѣздо было соколиное;
Подъ сыромъ-то дубомъ,
Тамъ стойлице было лошадиное.

Во свѣздушкѣ въ ясененькомѣ
Сидѣль младъ ямень соколь;
Во стойлицѣ вотъ у дубочка
Стояль душа добрый конь.

.
.

Донская область. Донская Газета 1876 г., № 16.

496.

Протекало теплое море,
Слетались птицы стадами,
Садилась птицы рядами;
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу синицу:
«Гой еси, малая птица,
Малая птица синица!
Скажи намъ всю истинную правду,
Скажи ты намъ про вѣсти морскія:
Кто у васъ на морѣ большіе?
Кто у васъ на морѣ меньшіе?»
Провѣщаетъ малая птица,
Малая птица синица:
— «Глушья вы, русскія пташки!
Всѣ птички на морѣ большія,
Всѣ птички на морѣ меньшія.
Орель на морѣ—воевода,
Перенель на морѣ—подьячій,
Пѣтухъ на морѣ—цѣловальникъ,
Журавль на морѣ—водоливецъ:
То-то долгія ноги,
То-то французское платье,
По овсяному зернышку ступаетъ;
Чьяжъ на морѣ—живописецъ,

Клестъ на морѣ—портной мастеръ,
Сова у насъ на морѣ—графиня:
То-то высокія брови,
То-то веселые взгляды,
То-то хорошая походка,
То-то желтые сапожки,
Съ ножки на ножку ступаетъ,
Высокія брови подымаетъ;
Гусь на морѣ—бояре,
Утятя на морѣ—дворяне,
Чвята на морѣ—крестьяне,
Воробьи на морѣ—холопья:
Вездѣ воробейко срываетъ,
Бить воробейко не бываетъ;
Лебеди на морѣ—князи,
Лебедушки на морѣ—княгини;
Желна у насъ на морѣ—трубачей,
Воронъ на морѣ—игумень,
Живетъ онъ всегда позадь гумень;
Грачики на морѣ—старцы,
Галочки—старочки-чернички,
Ласточки—молодички,
Касаточки—красныя дѣвички;
Красная рожа—ворона,
Зимою ворона по дорогамъ,
Лѣтомъ ворона по застрѣхамъ;
Рыболовъ на морѣ—харчевникъ;
Дятель на морѣ—плотникъ:
Всякое дерево онъ долбитъ,
Хочетъ намъ храмъ соорудити;
Соколъ у насъ на морѣ—наѣздникъ:
На всякую птицу налетаетъ,
Грудью ее побиваетъ;
Куликъ на морѣ—разсылщикъ,
Кокушка—та вздорная кликушка,

Блииница на морѣ—цапля,
Чечеть—гость торговій,
Сорока-то у насъ—щеголиха:
Безъ калача не садится,
Безъ мнлаго спать не ложится,
Безъ сладкаго меду не вставала,
Пѣная къ обѣднѣ не ходитъ,
Все бы ей въ богатыхъ колымагахъ,
Все бы она во коляскѣ,
Все бы ей кони вороные,
Все бы ей кареты золотыя,
Все бы ей робята молодые,
Все бы молодые, холостые;
Бѣдная малая птичка,
Малая птичка—синичка:
Сѣна косить не умѣетъ,
Стадо ей водить не по силѣ;
Гладомъ я, птичка, помираю.»

И въ сенникъ 1789 г., часть I, стр. 196.—И въ сенникъ 1791 г.,
часть II, стр. 21.

497.

Дѣи, отчего-те зима да зачалася
А и красно лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А и красно лѣто отъ солнца,
Дѣи богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А и малая птица пѣвица;
Садилась въ зелену садочку,
А на тое на дерево кално,
А и пачала пѣти-жупѣти,

Всякими она-те ясаками.
Ай услыхали русскія птицы,
Сбиралися стады они стадами,
Прилетали къ зелену садочку,
Ай садились птицы рядами,
Въ одну сторону да головами;
А начали пѣти-жупѣти,
Заморскую птицу пытати:
«Ай, малая птица пѣвица!
Скажи Божью правду, не утайся:
Кто у насъ за моремъ большіе,
Кто за Дунаецкимъ меньшіе?»
А отвѣтъ держитъ птица пѣвица:
«Глупыя вы русскія птицы!
А зачѣмъ же сюда да прилетали,
Зачѣмъ про спие море спрошали?
Всѣ у насъ за моремъ большіе,
Всѣ за Дунаецкимъ меньшіе.
Ай крестьяна у насъ по деревнямъ,
А десятки у насъ по селеньямъ,
Ай старосты у насъ по волостямъ,
Попы, дяки у насъ по погостамъ,
Старцы-игумены въ монастыряхъ,
Подьячіе люди по присутствамъ,
А гости торговы по посадамъ;
Воеводы живутъ у насъ по мызамъ,
Солдаты идутъ по походамъ,
Цари да царствуютъ по царствамъ;
А всѣ-ль-то у насъ они по службамъ,
Всѣ-ль-то у насъ и по работамъ.
А еще бы за Дунаецкимъ моремъ
Бѣлый-есть колникъ былъ царикъ,
Бѣлая колница—царица;
А гуеп-ты на морѣ бояра,
Лебеди—боярецкія жены,

Соловей при нихъ веселыи:
Во всякія игры играетъ,
Все вѣдь онъ бояръ и спотѣнаетъ;
Воробыи—боярски холопы:
Колье-жердье да работали,
Крестьянски конопля разбивали,
Оттого сыты пребывали;
А голубчикъ-отъ на морѣ—поницъ,
Голубушка-та была попадюшка,
Айи косачки—дьячки церковны,
Тетерки-ты—дьяческія женки,
Куликъ—пономарь церковный;
А травникъ-отъ былъ протаможникъ,
А терпукъ-отъ былъ вѣдь транезникъ,
А канюкъ-отъ былъ цѣловальникъ,
Рябчикъ-отъ на морѣ—стрипчій,
А ластушки—красны дѣвцы,
Утки да были молодницы,
Слезень—гость торговый:
Айи по синему морю вѣдь онъ плаваетъ,
Всякими товарами торгуетъ;
Чайки-ты были водоплавки,
Гагары-ты были рыболовки:
А съ озера въ озеро ныряли,
Всяку они рыбу добывали;
На горѣ ихъ рыба не бывала,
А въ торгу ихъ рыбы не видали,
Крестьяна ихъ рыбы не ѣдали;
А журавль-еть былъ перевощикъ:
По синему морю вѣдь онъ бродитъ,
Русскія птицы перевозитъ,
Цвѣтнаго платія не мочитъ;
Галицы были черницы,
Черные вранъ—да пгумень,
А ястребъ былъ и атаманомъ,

А филинъ-отъ—тать да разбойникъ,
Соколь-отъ скорыи посланникъ,
Орель-отъ на морѣ налетникъ:
Единожды въ годъ прилетаетъ,
А велику себѣ дань собираетъ—
По три головы да по четыре,
Иногда по цѣлому десятку;
А мошникъ-отъ на морѣ—крестьянши,
Копала—крестьянская женка,
А синька—б полеклива:
Часто лежитъ она, хвораетъ,
Долго она не пропадаетъ,
Работы работать она не можетъ,
Казака нанять она не смыслитъ;
Дроздъ-отъ у ней казаченко,
День-то онъ, ночи работаеъ,
Гроша отъ найму да не выдаеъ;
Кокуша—побѣдна горюша:
Много она яицъ выкладаетъ,
А счету во ящцахъ не знаетъ,
Дѣтей выводити не умѣетъ;
Куропать—бобыль безпомѣстный:
Штаньки онъ носить съ панусками,
Изъ куста въ кустъ перебродитъ,
Помѣстья себѣ да не имѣетъ;
Дятель-отъ на морѣ—плотникъ,
Желна-та—церковный стронтель:
По темному лѣсу летаетъ,
Всяко она дерево пытаетъ,
Церквы-соборы работаеъ;
Сорока—кабацкая женка:
Черные чоботы держала,
Съ ножки на ножку скакала,
На груди подола подымала,
Молодыхъ ребятъ приманила;

Безъ калача да ѣсть не сидеть,
Безъ молодца да спать не ляжетъ;
Пѣшъ же она, к. . . . , не ходитъ,
Все-ль-то ѣдетъ на подводахъ,
А пара у ней коней вороныцхъ,
Извозчикъ—ребята молодые;
Ворона-та на морѣ—бабка:
Когти толстые, грязные,
Порядню-ту водить худую;
Пѣтухи—казаки донскіе:
То-то молодцы да удалые,
По многу женъ они содержатъ,
По три жены да по четыре,
Шной и до цѣлаго десятка,
А всѣхъ нарядити онъ умѣетъ,
Всѣма разрядити разумѣетъ;
Не такъ какъ на Русѣ у мужа
Одна его бажоная женушка,—
И той нарядити онъ не умѣетъ,
На работу разрядити не разумѣетъ;
А курица—последняя птица:
Кто ни ею да поймаетъ,
Всякой въ дырѣ да ковыряетъ,
Все изъ яйца бѣдну ѣтаетъ,
Любимымъ зятевьямъ и припасаетъ.
Левъ-тотъ на морѣ мясникъ былъ,
Медвѣдь-етъ былъ кожедерникъ:
Много онъ кожъ придираетъ,
Сапоговъ на ногахъ не видаетъ.
Волкъ-тотъ на морѣ овчинникъ:
Много онъ овчинъ придираетъ,
Аи шубы онъ на плечахъ не видаетъ,
Велюку себѣ стужу принимаетъ.
Олень-етъ—скорый посланникъ,
Зайко-то на морѣ—калачникъ,

А пожки тоненьки, бѣленьки,
Калачики пекеть онѣ п мяконьки;
А лисца—молода молодца:
Дологъ хвостъ—и не наступитъ,
Сдѣлаеть вину—она не скажетъ;
А собака-та—зла лиха свекрова:
День она, почи варайдаеть,
Дѣла никакого не скажетъ.
Айи кошки эти были вдовицы,
То-то сироты да бобылицы:
Днемъ кошки лежатъ по печкамъ,
Ночью пойдутъ по добычкамъ,
А кришочки-горшочки открывають,
Безъ ложки сметанку снимають;
За то же ихъ бьютъ и безопадно.»

А всемъ молодцамъ былъ и роспускъ,
Всемъ удалымъ былъ и розѣздъ:
Краснымъ дѣвицамъ по теремамъ,
Айи молодымъ молодцамъ былъ по лавкамъ,
А молодымъ молодкамъ по скамейкамъ,
Старымъ старикамъ и по полатамъ,
Старымъ старушкамъ по печкамъ.
То-то старуха на печкѣ,
То-то старухѣ надо ѣства—
Кринка овсянаго тѣста;
А ѣла бы старуха, молчала,
Молчала бы старуха, не ворчала ...тиру!

Оловецкая губернія. Гильфердингъ, № 62.—Сходная пѣсня (не
полная): Рыбниковъ, часть I, стр. 485.

498.

Отчего, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отчего, братцы, становилась весна красна?

Весна красна становилась отъ зимы холодной.
Отчего, братцы, становилось лѣто тепло?
Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
Отчего, братцы, становилась осень богата?
Становилась осень богата отъ лѣта отъ тепла.
Покладуть крестьяне стоги,
Имъ жить хорошо—и весело, и прохладно.
Да царя живутъ по царствамъ,
Да бояре живутъ-то по мѣстамъ,
И мелкіе судьи живутъ по уѣздамъ,
А попы, дяки живутъ по погостамъ,
А сироты, мелкіе люди, живутъ они по подворьямъ.
А про то бы, братцы, было вѣсто:
Старой бабѣ на печи было мѣсто,
И лежала она бы, не бурчала бы,
Была бы подъ носомъ кринка съ тѣстомъ....
Стары старики лежатъ по печамъ,
Стары старушки лежатъ по прилавкамъ,
Молоды молодпцы съ мужевьями по чуланамъ спятъ,
Красны дѣвицы по ошесткамъ спятъ,
Малые ребята спятъ—по зенькамъ снятъ.

Тутъ изъ далеча, изъ далеча,
Изъ синяго Дунайскаго моря,
И налетала малая птичка-птишка,
Спрашиваетъ и русскіихъ птицъ:
«Аіі же вы, русскія птицы!
Каково вамъ жить-то на Руси?»
Отвѣчали русскія птицы:
«Аіі же ты, мала птица-птишка!
Хорошо намъ жить на Руси.
Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
Да всѣ птицы у насъ при работѣ,
И всѣ птицы у насъ при каравулѣ.
И налетали птицы воробьи,

Садились они по коламъ,
Садились они по изгородамъ,
Садились они по малинмъ ракитовымъ кусточкамъ,
Да садились они вдоль зеленой дубравы;
А живутъ они въ домахъ по рагузу.
Губаль-птица на морѣ—плотникъ;
Ястребъ на морѣ—стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по курешку,
Со вдовы, съ спроты беретъ по двѣ и по три,—
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ были бояра,
Канюкъ на морѣ—хлопотникъ,
Гусь на морѣ—морской ходатель,
Чайки на морѣ—онѣ погощанин,
Свинца была на морѣ—пѣвица,
И то она была не пѣвица
То она была пономарица;
И чирка на морѣ, она была рыболовка,
И побѣднымъ голосомъ она да рыдаетъ,
И рыбы много добываетъ,
И только съ рыбой въ ярмонку не ѣздитъ,
И на тую рыбу больше призоръ не бываетъ;
Сойка на морѣ, она была верещага,
Утка на морѣ—она сѣроплавка,
Селезень-то на морѣ—удалый добрый молодецъ,
Ластунки на морѣ были касатые—красны дѣвушки,
Соловей на морѣ—птица,
Хорошо поеть, любо и слушать;
Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
Жалобнехолько онъ щекочаетъ;
Вытлюкъ на морѣ—травникъ, самъ ябедникъ;
Куликъ на морѣ долгоногий,
Самъ-то былъ тонкопосый;
Косачъ на морѣ—казакъ дошской,
И тетерка на морѣ—молодая женка,

Галки на морѣ, они погощаны,
Гагара, изъ озера въ озеро она летаетъ.
Бѣлка на морѣ была росомаха;
Воронъ былъ на морѣ старецъ,
И старецъ онъ былъ стронтель,
И былъ стронтель—то онъ былъ не стронтель,
Былъ онъ монастырскій разоритель;
Журавль на морѣ—нономарь монастырскій:
Въ большой колоколь ударитъ,
Къ обѣднѣ идти заставитъ;
И ножки у него доленьки,
Чулки на ногахъ у него узеньки,
И по мосту ходить онъ не знаетъ,
И мосту мостить не умѣетъ.
И на морѣ медвѣдь—кожемяка:
Много кожъ онъ сьмаетъ,
На ногахъ поршневъ не видаетъ.
И на морѣ волкъ-отъ—овчинникъ:
Много овчинъ онъ снимаетъ,
Много по закустышамъ охичаетъ,
Самъ на себѣ шубы не видаетъ.
Лисица на морѣ—молода молодница:
Много вѣнъ сдѣлаетъ—про себя вѣны не скажетъ,
Дологъ хвостъ,—на свой не ступить.
Заяцъ на морѣ—сошки не дѣлаетъ, рѣпки не паншетъ,
Рѣпкой сытъ пребываетъ,
Онъ все крестьяшпа на Руси разоряетъ,
Во вѣки больше онъ сытъ пребываетъ...
Охъ, тошнехонько, охъ, тяжеленько!...
Кошки на морѣ—вдовицы,
И то—бобыли-сироты:
День она по печамъ, день она по ошесткамъ,
И ночь-то придетъ, пойдеть по молочнымъ крпн-
камъ.

Да сорока на морѣ—кабацкан женка:

Съ пожки на пожку пляшетъ,
Молодыхъ молодцевъ прибираетъ.
И курица на морѣ—побѣдна птица:
И кто ню во дворѣ поймаеъ,
Всякій перстомъ въ дырѣ покопаеъ,
Оттуль яйцо добываеъ;
И зятю теща яйцо добываеъ,
Отъ того теща и честь залучаеъ.
На морѣ вороница—бабка пунорѣзна:
Головище у ней толстое,
Платъице у ней грязное.

Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ стануть вшищ по подоконью бѣгать:
Холодныхъ щей не хлобали,
Горячихъ вѣкъ не видали.

Мы про то, братцы, не знали и не видали;
Что знали, то и сказали.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 130.— Сводныя пѣсни.
Рыбниковъ, томъ II, стр. 310.— Гильфердингъ, № 137.

499.

Отчего это, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ трескучихъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны красной становилось лѣто тепло,
Послѣ лѣта теплаго приходила осень богатая.
Мужики-крестьяна стоги поклади;
Жить имъ весело и прокладно.
Цари живутъ по царствамъ,
Бояра живутъ по помѣстьямъ,
Господа живутъ по мызамъ,
Гости торгуютъ по посадамъ,

Подьячьи сидятъ по приказамъ,
Воеводы по уѣздамъ,
Бобылишка по подворьямъ,
Старые старпки по скамейкамъ,
Молоды молодницы по кроватямъ.
Красныя дѣвицы по теремамъ,
По ясному соколу въ беремяхъ
И подъ теплымъ одѣяломъ по другому.
Впередъ сего временамъ
Говорили своимъ дѣтямъ,
Говорили-поучали,
Чтобы міру было вѣсто,
Что старой старухѣ на печи мѣсто,
Кринка подъ носомъ съ тѣстомъ,
'Бла бы она, не ворчала...

Изъ-за тихаго Дунайскаго моря
Прилетала малая птица,
Малая птица синица,
Надъ русскими птицами царща;
Садилась на деревцо калину,
Она начала пѣть-жупѣти,
Тонко воспѣвати,
И говорила русскимъ птицамъ:
«Ай же вы, русскія птицы!
Тамъ же вы не бывали,
Нужды-горя не видали,
Живете здѣсь по домамъ, по рагузамъ...
Какъ у насъ на славной тихой заводи
Даромъ птички хлѣба не тратятъ:
Всѣ птички по службамъ,
Всякъ человекъ по работамъ.
Куньки-гагары—вѣковѣчные рыболовы.
Изъ озера въ озеро летаютъ,
Побѣднымъ своимъ голосомъ рыдаютъ,

Много рыбы они добываютъ,
На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ.
Пѣтухи—молодцы удалые:
По многу женъ имѣютъ,
По двѣ, и по три, и по цѣлому десятку.
У крестьянина на Руси одна женка бакона,
И той нарядить не можетъ.
Цапля ты, цапля, худой человекъ, необычайный,
Журавъ черкацкій, самъ пестербургскій!
Въ большой колоколь ударить,
Обѣдать-ужинать просить;
Ходить по мосту, а мосту мостить не умѣть:
Ножки тоненьки, чулочки узеньки
И платица коротеньки.
Соколь-птица—надлетникъ:
Часто въ деревню прилетаетъ,
Годовую десятину обираетъ,
Сиротъ, вдовицъ обижаетъ,
И въ томъ эта птица неразумна.
Попугай—птица на морѣ вѣща;
Куропатъ на морѣ—безкромѣшна:
Изъ куста въ кустъ перебродить,
Подворья себѣ не имѣть;
Чайцы на морѣ—понадейки,
Гуси на морѣ—бояра,
Лебеди на морѣ—дворяна,
Олень на морѣ—посланникъ,
Медвѣдь на морѣ—кожемяка:
Много кожъ снимаетъ,
Сапоговъ никогда не бываетъ;
Сѣрый волкъ—овчинникъ:
Много овчинъ снимаетъ,
Полунубка на себѣ не бываетъ...»

Оловецкая губернія, Петрозаводскій уѣздъ. Рыбниковъ, часть III,
стр. 328. Очень сходная пѣсня: Рыбниковъ, часть III, стр. 333,
338.

500.

Ди-ди-ди-ди, отчего же зима становилась?
Становилась зима да отъ морозовъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны становилось лѣто тепло,
А отъ лѣта становилась богатая осень.
Изъ-за синяго Дунайскаго моря
Налетѣла малая птица пѣвица.
Садилася птица пѣвица
Во зелный да во садочекъ,
Ко тому ли ко бѣлому шатрочку.
Налетали малыя птицы стадами,
Садилася птички рядомъ,
И въ одну сторону да головами,
И начали птицу ѣтати:
«Ай же ты, малая птица пѣвица!
И кто у насъ за моремъ большій,
Кто за Дунайскіемъ меньшій?»
—«На морѣ колникъ-отъ—царикъ,
Бѣлая колница—царица;
На морѣ гуси—бояра,
А лебедушки были княгини;
На морѣ рябчикъ—стряпчій;
На морѣ журавъ—перевозчикъ:
Ножки бѣленьки, тоненьки,
Штаники свеньки, узеньки,
По морю ходитъ и бродитъ,
Штанчиковъ не смочитъ,
Кажную птицу перевозитъ,
Тѣмъ свою голову кормитъ;
На морѣ дятель-отъ—плотникъ:
Кажное дерево пытается,

Съ того ради сытъ пребываетъ;
А ластушки были дѣвицы,
Утушки—молодицы,
Чаюшки—водоплавны,
Гагары были рыболовки:
Много-то рыбы наловили,
Рыба на горѣ не бывала,
Крестьяне рыбы не ѣдали;
Все она крестьянъ разоряетъ,
Съ того ради сыта пребываетъ.
А синюшка, она—худая,
Часто, милая, она хвораетъ,
Долго она не умираетъ,
Работы работать не умѣетъ,
Казаковъ нанимать не смыслитъ.
А ворона—богатая птица:
Въ лѣтнюю пору по суслонамъ,
А въ зимнюю пору по ометамъ,
Все она крестьянъ разоряетъ,
Съ того ради сыта пребываетъ.
А воробьи были царскіе холопы:
Колье-жердѣ подбираютъ
И загоры подпираютъ,
Все они крестьянъ разоряютъ,
Съ того ради сыты пребываютъ;
А голубь-еть на морѣ—пошикъ,
А голубушки—попадьюшки;
А сорока—кабацкая иженка:
Съ пойки на пожку ступаетъ,
Черные чоботы топтаетъ,
Высоко чоботы топтаетъ,
Удалыхъ молодець прельщаетъ.
Пѣтушки—казачки были донскіе:
Пѣвють по хозяйкѣ и по днѣ,
По цѣлому да по десятку,

И не такъ какъ на Руси крестьяншиъ:
Одну-то онъ женку умѣеть,
А той нарядить не умѣеть,
А бить-то ей, бѣдный, не смѣеть.
Курица—побѣдная птица:
По улицѣ ходить и бродить,
Кто вѣдь ей пзываетъ,
Всякъ яйца у ей пытается...»

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 289.—Сходная пѣсня:
Гильфердингъ, № 264.

501.

Какъ во городѣ было во Казани,
Среди было торгу на базарѣ,
Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ:
«Ужъ какъ нѣтъ меня, хмѣлюшки, лучше.
Хмѣлевой моеи головки—веселѣе!
Еще царь-государь меня знаетъ,
Князья и бояре почитаютъ,
Священники-попы благословляютъ;
Еще свадьбы безъ хмѣля не играютъ,
И крестины безъ хмѣля не бывають;
Еще гдѣ подерутся, побранятся,
Еще тутъ безъ хмѣля не мрятся.
Одинъ лпхъ на меня мужикъ-крестьяншиъ:
Онъ частешенько въ зеленый садъ гуляетъ,
Онъ глубокія борозды конаетъ,
Глубоко меня, хмѣлпну, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычиночки втыкаетъ.
Застплатъ мои глазоньки соломкой.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:

По тычинкамъ вверхъ подымался,
И отпустилъ свои ярыя шишки...
Но все лихъ на меня мужикъ-крестьянинъ:
Почастешеньку въ зеленый садъ гуляетъ;
Опъ и сталь меня, хмѣлюшку, снимать,
И со малыи ребятами щипати,
Въ куле, въ рогожи зашивати,
По торгамъ, по домамъ развозити.
Меня стали мужики покупати
И со суслицемъ во котликахъ тоштити.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:
Я пзъ котлика вошъ подымался,
Не въ одномъ мужикѣ разыгрался,
И бросалъ ихъ о тынь головами,
А во скотскіи пометъ бородами.»

Ильсенникъ 1791 г., часть I, стр. 124.

502.

Ус хмѣлюшка по полю гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ:
«Что и пѣтъ-то меня, хмѣлюшки, лучше,
Что и пѣтъ, хмѣля, меня веселѣ...
Что безъ хмѣлюшки свадьбушнику не играють,
Что журятся и бранятся все во хмѣлю,
И дерутся и мпряются все въ хмѣлю.
Только сестъ на меня мутенъ садовникъ:
Опъ широкія борозды копасть,
Далеко ль меня, хмѣля, зарывасть,
Въ ретиво сердце тычиушнику вбивасть.
Да какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:
По тычиушникѣ шверхъ увивался,
Раскидалъ свои яровы шишки.

Красны дѣвушки хмѣлюшку цѣпали,
Во рогожице кули зашивали,
На овнѣ меня, хмѣлюшку, сушили,
На базарь меня, хмѣля, вывозили.
Что богаты ль мужики покупали,
И во суслицѣ хмѣлюшку топили,
По дубовымъ бочкамъ разливали.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, разгулялся,
По уторамъ я, хмѣль, расходился.
Отсмѣю жъ я садовнику насмѣшку:
Я и сдѣлаю его сатаною,
И ударю его въ тытъ головою,
И и въ самую-то грязь бороδοю.»

Якушкинъ, стр. 601.

503.

Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Самъ себя хмѣль выхваляетъ:
Нѣту меня, хмѣлюшка, лучше!
Нѣту меня, хмѣля, веселѣе!
Меня государь, хмѣля, знаетъ;
Князья и бояра почитаютъ,
Монахи, патріархи благославляютъ;
Безъ хмѣлюшка свадебъ не играютъ;
А гдѣ быются, гдѣ дерутся, все во хмѣлѣ;
Безъ хмѣля не мирятся,—имъ помирится.
Только лихъ на меня мужикъ садовникъ:
Онъ почасту въ зеленый садъ гуляетъ,
И глубокія борозды копаетъ,
А навозомъ и соломою застилаетъ.
Тутъ-то я, хмѣль, догадался:
По тычиночкѣ въ верхъ подавался,

Падъ богатымъ мужикомъ же насмѣлся:
Какъ ударилъ его въ тынь головою,
Еще въ грязь широкой бороною!»

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, ч. 1, стр. 487.

СОКРАЩЕНІЯ

въ названіяхъ источниковъ.

- Абрамычевъ**—Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень. Записаль съ народнаго пѣнъва и переложилъ на одинъ голосъ *И. Абрамычевъ*. Спб. 1879.
- Альбрехтъ**—Сборникъ солдатскихъ, казачьихъ и матросскихъ пѣсень. Слова собралъ П. Х. Вессель. Съ голоса на ноты положилъ *Е. К. Альбрехтъ*. Второе изданіе. Спб. 1886.
- Балакиревъ**—Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень, составленный *М. Балакиревымъ*. Спб. 1891.
- Будде**—Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. *Е. Будде*. Варшава, 1892.
- Варенцовъ**—Сборникъ пѣсень Самарскаго края, составленный *В. Варенцовымъ*. Спб. 1862.
- Весельчакъ на досугъ**—Весельчакъ на досугъ, или собраніе повѣйшихъ пѣсень. Собралъ колл. р. *Ив. Ф. Л.* Двѣ части. М. 1797—1798.
- Вильбоа**—100 русскихъ пѣсень, записанныхъ съ народнаго пѣнъва и аранжированныхъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано *К. Вильбоа*. М. 1894.
- Галлеръ**—Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень С.-Петербургской губерніи. Составилъ *К. П. Галлеръ*. Спб. 1889.
- Гильфердингъ**—Онежскія быльни, записанныя *Александромъ Оедоровичемъ Гильфердингомъ* лѣтомъ 1871 года. Спб. 1873.
- Гуляевъ**—Этнографическіе очерки южной Сибири. *Степани Гуляева* (Библиотека для чтенія 1848 года, № № 7 и 8, томъ XC).
- Ефименко**—Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранныя *П. С. Ефименкомъ* (Труды Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и географіи при Московскомъ университетѣ, книга V, выпускъ 2-ой, 1878 года).

- Иваницкій**—Новбѣтовательныя пѣсни, собранныя въ Вологодскомъ уѣздѣ *Николаемъ Иваницкимъ* (Статистическій сборникъ, издаваемый Вологодскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, томъ III).
- Кашинъ**—Русскія народныя пѣсни, собранныя и издачныя для пѣнія и фортепіано *Дан. Кашинимъ*. Двѣ книги. М. 1833—1834.
- Кирѣевскій**—Пѣсни собранныя *Н. В. Кирѣевскимъ*. Девять выпусковъ. М. 1860—1874.
- Костомаровъ и Мордовцева**—Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи *А. П. Мордовцовой* и *П. П. Костомаровымъ* (Дополненіе русской литературы и древности, издаваемыя П. Тихомировымъ. Томъ IV, 1862 года).
- Кохановская**—«Нѣсколько русскихъ пѣсень» и «Остатки боярскихъ пѣсень», *Кохановской* (Русская Беседа 1860 года).
- Лаговскій**—Народныя пѣсни Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской губерній, собранныя и положенныя на ноты *Ф. Лаговскимъ*. Выпускъ I. Череповецъ, 1877.
- Лопатинъ и Прокунинъ**—Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. *П. М. Лопатина* и *В. П. Прокунина*. Въ двухъ частяхъ. М. 1889.
- Магницкій**—Пѣсни крестьянъ села Вѣловолжскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи. *В. Магнитскаго*. Казань, 1877.
- Мельгуновъ**—Русскія народныя пѣсни, непосредственно съ голосовъ народа записанныя и съ объясненіями издачныя *Ю. П. Мельгуновымъ*. Выпускъ I. М. 1879. Выпускъ II. Сиб. 1885.
- Молодчикъ съ молодкою**—Молодчикъ съ молодкою на гудышѣ съ пѣсельниками, помощни повья пѣсни. Сиб. 1790.
- Мякушинъ**—Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсень. Собралъ и издалъ *П. Г. Мякушинъ*. Сиб. 1890.
- Овчинниковъ**—Русскія народныя пѣсни, записанныя въ г. Казани. Этнографическіе матеріалы, собранныя *А. В. Овчинниковымъ*. Казань, 1886.
- Пальчиковъ**—Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевскѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, *П. Пальчиковымъ*. Сиб. 1888.
- Поповъ**—Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, *Василіемъ Поповымъ*. М. 1880.
- Прачь**—Собраніе русскихъ народныхъ пѣсень съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку *Иваномъ Прачемъ*. Сиб. 1790.
- Прокунинъ**—65 русскихъ народныхъ пѣсень для одного голоса съ фп., *П. Прокунина*. М. 1881.

- Пѣсенникъ 1780 года**—Новое и полное собраніе русіейскихъ пѣсень. Шестъ частей. М. 1780—1781.
- Пѣсенникъ 1788 года**—Собраніе разныхъ пѣсень. Четыре части. М. 1783—1788.
- Пѣсенникъ 1791 года**—Новый русіейскій пѣсенникъ. Три части. Спб. 1791.
- Пѣсенникъ 1796 года**—Карманный пѣсенникъ. Три части. М. 1796.
- Пѣсенникъ 1803 года**—Собраніе отборныхъ старыхъ и новыхъ русіейскихъ пѣсень. Спб. 1803.
- Пѣсенникъ 1810 года**—Новѣйшій и полный русіейскій общенародный пѣсенникъ. М. 1810.
- Пѣсенникъ 1811 года**—Карманный пѣсенникъ для мылыхъ дѣвужекъ и любезныхъ женщинъ. М. 1811.
- Пѣсенникъ 1812 года**—Новѣйшій русіейскій пѣсенникъ. Спб. 1812.
- Пѣсенникъ 1815 года**—Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ. Спб. 1815.
- Пѣсенникъ 1817 года**—Новѣйшій русіейскій избранный пѣсенникъ. Двѣ части. М. 1817.
- Пѣсенникъ 1819 года**—Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ. Четыре части. Спб. 1819.
- Пѣсенникъ 1821 года**—Новѣйшій туалетный пѣсенникъ для мылыхъ дѣвужекъ и любезныхъ женщинъ. Три части. Орель, 1821.
- Пѣсенникъ 1827 года**—Новѣйшій избранный пѣсенникъ. Двѣ части. М. 1827.
- Пѣсенникъ 1829 года**—Новѣйшее собраніе отборнѣйшихъ пѣсень и романсовъ. М. 1829.
- Римскій-Корсаковъ**—Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень, составленный *И. А. Римскимъ-Корсаковымъ*. Двѣ части. Спб. 1877.
- Росіійская Эрата**—Росіійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ русіейскихъ пѣсень. Собралъ и сочинилъ *Михайла Поповъ*. Три части. Спб. 1792.
- Рыбниковъ**—Пѣсни собранныя *И. И. Рыбниковымъ*. Четыре части. М. 1861—Спб. 1867.
- Савельевъ**—Сборникъ допекшихъ народныхъ пѣсень. Составилъ *А. Савельевъ*. Спб. 1866.
- Семевскій (Торопецъ)**—Торопецъ. 1016—1863 г. *М. И. Семевского* (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1864 года, книга 2-я).
- Славянская**—Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями. *О. Х. Агрисвой-Славянской*. Три части. М. 1887, Тверь 1887, 1889.

- Смирновъ**—Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собранны и изданы *Александромъ Смирновымъ*. М. 1847.
- Студитскій**—Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній, собранныя *Ө. Студитскимъ*. Спб. 1841.—Народныя пѣсни, собранныя въ Новгородской губернии *Ф. Студитскимъ*. Спб. 1874.
- Сухановъ**—Древнія русскія стихотворенія, служащія въ дополненіе къ Кирилъ Давыдову. Собранныя *М. Сухановымъ*. Спб. 1840.
- Терещенко**—Бытъ русскаго народа. Въ VII частяхъ. Спб. 1847—1848.
- Филипповъ**—40 народныхъ пѣсней, собранныхъ *Т. П. Филипповымъ* и гармонизованныхъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ. М. 1882.
- Халанскій**—Русскія народныя пѣсни, записанныя въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губернии, *М. Халанскимъ* (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879—1883 годовъ).
- Шейнъ**—Русскія народныя пѣсни, собранныя *П. В. Шейномъ*. Часть первая. М. 1870.
- Шейнъ (Чтенія)**—Русскія народныя пѣсни, собранныя *П. В. Шейномъ* (Чтенія въ московскомъ Обществѣ исторіи и древностей русскіихъ 1877 года, книга 3-я).
- Шишонко**—Отрывки изъ народнаго творчества Пермской губернии. Собралъ *В. Шишонко*. Пермь, 1882.
- Якушкинъ**—Сочиненія *П. П. Якушкина*. Спб. 1884.

Алфавитный списокъ пѣсенъ.

	Стр.
А Богъ молодца-то не мигаетъ	358
А въ насъ по Пискоу въ приходѣ	395
А въ теремѣ, а пѣ высокою	314
А жила-была да молодца вдова	260
А п горе, горе, горованыще	535
Ай дюрди-дюрди да дюрди гетманы	31
Ай, отчего-те зима да зачалася	585
Ай сидитъ, сидитъ кручней добрый молодецъ	10
Ай, собиралися матросушки на зеленый лугъ	341
А князь Романъ жену терялъ	141
А ходила я по сыромъ бору	195
Ахъ, былъ я, братцы, во святой Русь	77
Ахъ вы, горы, горы Воробьевскія	447
Ахъ вы, горы, горы крутыя	443
Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ	465
Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ	467
Ахъ, нынѣшня зима пегожая была	87
Ахъ, наль туманъ на сне море	437
Ахъ ты, мать ли моя, мать	406
Ахъ ты, поле мое, поле чистое	445
Ахъ ты, поле мое, поле чистое	446
Ахъ ты, поле мое, поле чистое	470
А что-то у полѣ да здучить-грючить	455
Батюшка съ матушкой споръ сучивалъ	386
Бережкомъ идутъ казачицы	321
Было у вдовушки тридцать дочерей	135
Было у вдовы тридцать три дочерп	139
Было у вдовы тридцать три сына	132
Было у Чечогочки девять сыновей	264
Былъ у батюшки, у матушки одинъ сынъ	121
Былъ и подъ Дарьей-рѣкой	458
Вдоль по травкѣ, вдоль по муравкѣ	410
Вечоръ ко мнѣ, дѣвушкѣ	397
Вечоръ меня милый цѣловалъ-милопалъ	216

	Стр.
Вечоръ по лугу гуляла	204
Во горахъ было, во горахъ, во горахъ высокихъ	490
Во горахъ-то было, горахъ	491
Во городѣ было по Питерѣ	67
Во городѣ по Бѣлградѣ случилась бѣда	249
Во городѣ во Кіевѣ	270
Во градѣ было Кіевѣ	250
Военный казаченка во службу пошелъ	353
Возлѣ рѣченки стою, млада	392
Возлѣ рѣченки хожу, млада	390
Возлѣ рѣченки я хожу, млада	387
Во лѣсахъ-то, во лѣсахъ во дремучихъ	303
Во лѣсу было въ орѣшникѣ	190
Во полѣ, полѣ чистомъ могилушка стоитъ	480
Во селѣ-то, во селѣ было Измайловѣ	84
Во Симбирскомъ городкѣ случилась бѣда	335
Во славномъ было городѣ Кронштатѣ	322
Во славномъ городѣ во Кіевѣ	134
Во тихомъ Дону, во тихомъ Дону	276
Вотъ поѣхалъ князь Мвхайло	99
Вотъ ходилъ ли я, молодчикъ, по чистомъ я полю	40
Во чистомъ полѣ	488
Время проходить, время летить	85
Въ посресеньице матушка замужъ отдала	532
Въ городу-то было по Кіевѣ	274
Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣиной было площади	63
Въ Москвѣ было у князя Волхонскаго	55
Въ чистомъ полѣ, во полѣ широкомъ	473
Выйду, выйду я на круту гору	456
Вы, кони мои, кошочки, кони мои новые	439
Вылетала галочка изъ зеленаго садика	195
Вы, луга мои, пы, зеленые	555
Вы, морозы, морозы, пы, крещенскіе	337
Вы не горкайте, два сизыхъ голуба	560
Вы солдатики-уланы	419
Вы, солдатунки - уланы	416
Вы, туманы мои, туманушки, разогоніе вы туманы мои	492
Гдѣ ты, мой другъ, убираешься	207
Генеральскій сынъ во саду гулялъ	357
Гопорять про Церсію	302
Голола ль ты моя, головушка	443
Горка ты, горка	566
Гостила у насъ гостя дальняя, чужестранная	278
Государь ты, милый батюшка	288
Гулай, гулай, дѣланца, у батюшки да ты во саду	398
Гулялъ молодецъ по Украинѣ	34

	Стр.
Да взойди, взойди, не ясное солнце	211
Далеко было, далече—въ бѣлокаменной Москвѣ	49
Далекохонько степь протянулась	164
Далече, подалече было въ каменной Москвѣ	73
Да не стукъ-то стучить, да не громъ тремить	459
Да три года дѣвушка церковь строила	354
Ди-ди-ди-ди, отчего же зима становилась	597
Дрянъ дѣвочка по лулечку гуляла	201
Душечка молодчикъ	404
Дѣвка платье мыла	511
Еще всѣ-то добрые люди пьютъ, гуляютъ	415
Ждала, ждала красавца	506
Женили меня молодца	32
Женили меня батюшка неволею	16
Живеть-возлываетъ	68
Жила-была молода вдова	251
Жила-была тутъ пречестна вдова	256
Жили два яльца	232
Жило-то было девять дочерей	140
Жиль-былъ молодецъ едвншесекъ	1
Жиль-былъ у батюшки единый сынъ	5
Жиль-былъ у батюшки, у матушки единый сынъ	514
Жиль князь Романъ	153
Жиль князь Романъ, жену терялъ	150
Заболеть головушка	376
Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ	553
Загоралась въ чистомъ по лѣ ковыль-трава	576
За Дунаемъ за рѣкой, тамъ казакъ-отъ гулялъ	477
За Дунаемъ за рѣкой тамъ казакъ-отъ гулялъ	478
Закаталось красно солнышко	429
Закатилось красно солнце	428
За Кубанью за рѣкой	483
За Кубанью за рѣкою	476
Запоемте-ка, ребятушки, да мы пѣсню поую	468
За Ураломъ за рѣкой, да тамъ уланчикъ гулялъ	477
Заходился я, добрый молодецъ, загулялся	430
Захотѣлось красной дѣвкѣ за разбойничка замужъ	285
Зашатался я, добрый молодецъ	432
Зимушка, зима	190
Злое зелье крапивное	129
Зоренька ясная привечерняя	537
И женился князь по двѣнадцать лѣтъ	125
Изощелъ я всею землю свято-русскую	45
Изъ далеча, далеча изъ чиста воля	569

	Стр.
Изъ-за барскаго двора	92
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	279
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	281
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	437
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	457
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	458
Изъ-подъ бережку изъ-подъ крутаго	171
Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго	159
Изъ-водъ камушка изъ-подъ бѣлаго	166
Изъ-подъ камушка, камня бѣлаго	167
Изъ-подъ камушка, камня бѣлаго	172
Изъ-водъ лѣсу, лѣсу темнаго	287
Изъ холопскихъ воротъ	93
И какъ во славномъ было въ городѣ, было въ каменной Москвѣ	53
И какъ отъ батюшка было отъ умнаго	529
И отчего, братцы, зима становилась	590
Исходилъ я, молодець, день до вѣсера	131
Кабы по горамъ, горамъ, по высокіимъ горамъ	197
Какъ бы на соловья не зима бы студеная	22
Какъ бы я былъ голубчикъ	563
Какъ во городѣ было во Казани	599
Какъ во городѣ было во Саратовѣ	187
Какъ во городѣ было въ каменной Москвѣ	58
Какъ во городѣ во Саратовѣ	271
Какъ по-далече, далече,—въ каменной Москвѣ	80
Какъ по сѣнничкѣ, во березничкѣ	189
Какъ во полѣ загоралась бѣлая ковыла	574
Какъ во полѣ могилашка стовть	479
Какъ во селѣ, селѣ Покровскомъ	427
Какъ во славномъ было пѣлкомъ Полугородѣ	268
Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ	79
Какъ по теремѣ дѣвица дары швла	555
Какъ донской казакъ вѣлъ коня поить	170
Какъ донской-то казакъ, казакъ вѣлъ коня поить	171
Какъ досѣлѣва у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ	444
Какъ женился князь Михайло	116
Какъ задула, завела	94
Какъ за рѣченькой за Кубанушкой	482
Какъ за рѣченькою было за быстрою за Утною	511
Какъ за рѣчкою-то было за Утною	512
Какъ за рѣчушкой за Кубанушкою	475
393. Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою	475
Какъ за славною за рѣчкою за Утною	512
Какъ злодѣюшка, ты, лютая змѣя	205
Какъ идти-то Димитрій князь ко заутренѣ	238
Какъ изъ далеча, далеча изъ чиста поля	569

	Стр.
Какъ изъ далеча. изъ-подъ далеча во чистомъ полѣ	578
Какъ и мужь-то жену	161
Какъ в нынче доброду молодцу малымъ-то мало сналось	497
Какъ князь Романъ жену терялъ	144
Какъ князь Романъ, онъ жену терялъ	148
Какъ король-еть молодца любилъ-жазовалъ	38
Какъ купческа дѣвушка платке мыла	551
Какъ леталъ-то, леталъ сизой орелъ по крутымъ горамъ	572
Какъ на горкѣ, на горущкѣ	60
Какъ на горкѣ, на горѣ	379
Какъ на горѣ жито	502
Какъ на зоренькѣ было	173
Какъ на морѣ было, морѣ снеемъ	180
Какъ на морѣ, морѣ	546
Какъ на островъ было на Дмитревскомъ	66
Какъ на рѣчкѣ, рѣчкѣ лежала дощечка	539
Какъ не съ полѣ-то было, было на широкой дощечкѣ	487
Какъ не выль-то во чистомъ полѣ заплылася	567
Какъ носила меня моя матушка	292
Какъ подъ левой, подъ правой	325
Какъ подъ яблоней такой	331
Какъ по крутому по красному по бережку	198
Какъ по зугу, по дужочку	554
Какъ по Московской было по дорожкѣ	318
Какъ по Питерской было по дорожкѣ	319
Какъ по Питерской по широкой по дорожкѣ	460
Какъ поссорился Ванюша	71
Какъ пошла наша Параша съ горы на гору гулять	227
Какъ пошла наша Параша	229
Какъ поѣхалъ же князь Михайло	117
Какъ поѣхалъ князь Михайло	114
Какъ поѣхалъ королевичъ на воевашнице	346
Какъ собрался князь Михайло	103
Какъ сватался Дмитрій князь	243
Какъ сватался-су воръ Инька	233
Какъ сражался князь Михайло	105
Какъ у вдовушки было девять сыновою	266
Какъ у вдовушки было девять сыновою	273
Какъ у вдовушки было у пашницы	254
Какъ у вдовушки было у пашницы	263
Какъ у Дуношки, у голубушки	156
Какъ у ключка у студеного	169
Какъ у моего млааго	556
Какъ у насъ было въ воскресенье-день	130
Какъ у шашки у перепелки	218
Какъ у славнаго князя было у Волконскаго	62
Какъ ходилъ-гулялъ добрый молодець ровно три года	124

	Стр.
Наварейка пташечка	220
Нивъ Данило ходитъ	343
Нилъ Демьянъ жену терзалъ	151
Когда было молодцу	366
Когда у насъ была русская воля	341
Конопля, конопля зеленая моя	385
Король молодой сбирался, королюшка во ину землю	350
Край дорожки, край широкія было Московской	461
Край дорожки, край широка было Московской	462
Крапива-крапивушка, крапива стрекучалъ	41
Красна дѣвушка поду черпала	312
Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая	537
Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая	539
Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать	534
Куда тошно мнѣ, куда грустно мнѣ	370
Кудравому деревцу Богъ листу не далъ	382
Лелимъ мой, лелимъ	544
Лелимъ мой, лелимъ	545
Летѣла пава черезъ три двора	122
Летѣла пава черезъ улицу	119
Любила княгиня камеръ-закея	86
Любила я сотипчика	374
Мать сыну говорила	209
Мила по саду ходила	199
Мимо Москвы проѣзжаемъ	424
Мнѣ маленько, младу, спазось	498
Молодецъ у короля на вѣстяхъ служилъ	37
Мы вечеръ, братцы, были пьяны	570
На батюшкѣ было на Оклянь-морѣ	573
На горѣ, горѣ	297
На горѣ, горѣ	300
На горѣ, горѣ	380
На горѣ, горѣ было на крутой	299
На горѣ, горѣ, на крутой горѣ	305
На горѣ, горѣ, полугорѣ	296
На горѣ, горѣ стояла корма	306
На Дунаѣ дѣвка мылася	288
На зарѣ было, на зорюшкѣ	176
На зарѣ было, на зорюшкѣ	188
На зарѣ, на зорюшкѣ	441
На зарѣ-то было, на зорюшкѣ	174
На зарѣ-то было, на зорюшкѣ	442
На моречкѣ, морѣ, на морѣ-Оклянь	548
На Подолѣ жила вдова	275
Народился въ отца сынъ	337

	Стр.
На рождественской недѣлѣ	416
На рѣкѣ, на рѣкѣ	542
На рѣкѣ на дужечкѣ	410
На снѣгу было на морѣ	394
На степи-степи на Саратовской	163
На степи-то, степи на Саратовской	157
Наши-то поля всё украшенные	472
Не быть мнѣ, молоденькой, за княземъ, за бояриномъ	290
Не бѣлье-то снѣжочки забѣлался	47
Не вечерняя заря, братцы, пріутухла	324
Не взивайся, мой голубчикъ	396
Не во дали было, во чистомъ полѣ	580
Не газичья стая подымалася	568
Не летай же ты, соколъ	409
Не летай-ка ты, да не летай-ка ты	408
Не летай-летай, голубчикъ	400
Не летай, не летай	399
Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка	577
Не сиди, дѣвка, долго вечеромъ	222
Не стукъ стучить, не громъ гремитъ	459
Несчастная наша доля! нѣшто намъ не любить	91
Не туманъ-то съ моря подымается	454
Не хвѣлюшка по полю гуляеть	600
Не хотѣлося мнѣ, дѣвчоночкѣ, за разбойничка замужъ идти	283
Но чернымъ-то черно поле зачерѣлось	514
Ночьче Купалы, завтра Планы	249
Нѣту, нѣту у молодца	485
Одинъ былъ сынъ у отца - матери	120
Одна была пѣсня	182
Ой, вы грязи мои, грязи черныя, разогенія	451
Ой, да вы, туманы, вы, мои туманушки, туманы мои большіе	493
Ой, и дочь къ отцу собиралася	559
Ой, не бѣлая береза заматалася	431
Ой, невола, невола—бодрекій дворъ	48
Ой, подъ сосною, подъ кудрявою	320
Ой, проежду Куры-Малку пораспаханное	513
Ой, служилъ же я тремъ, тремъ царямъ	40
Ой ты, горе мое, горе, горе сѣрое	533
Ой ты, корчма польская, королевская	306
Ой ты, нашъ батюшка тихій Доиъ	295
Ой ты, поле мое, раздолье	582
Отецъ на сына противался	335
Отпущало, отпущало сердце матушкино	336
Отчего это, братцы, зима становилася	594
Отъ чего ты, горе, зародился	531
Отъѣзжаетъ казаченька на разгуляище	353

	Стр.
Отъѣзжаетъ королевичъ на разгуляньице	352
Охти горе, тоска-печаль	536
Охъ, да не стружилъ стружилъ удаля добрый молодець	193
Охъ, да отчего-то ли эта бѣлая коньяль. травка	575
Охъ, Донъ, ты, мой Донушка, тихенькій Денокъ	296
Охъ, дѣвка, ты, дѣвка красная	535
Охъ, матушка, тошно мнѣ	372
Охъ ты, матушка раздичка степь Саратовска	162
Охъ ты, матушка степь Саратовска	172
Охъ ты, поле мое, поле чистое	486
Папенька съ маменькой споръ спорили	381
Первымъ полемъ мальчикъ шелъ	405
Передрогъ-перезябъ добрый молодець	43
Передъ нашими вороты	321
Передъ нашими широкими поротами	393
Перепелка пташечка	211
Печаль-тоска въ ретивомъ сердцѣ	484
Погуляй-ка, добрый молодець	440
По дороженькѣ по Московской	319
Подъ горою вѣтеръ вѣетъ	320
Подъ горою шла	293
Подъ грушею, подъ зеленою	194
Подъ грушицей подъ такой	332
Подъ грушой	327
Подъ окошечкомъ сироточка сидитъ	490
Подъ славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангельскомъ	413
Подъ яблонью зеленою	328
Подымался туманншикъ да по глухую полночь	496
По-край моря, моря синяго	136
По-край моря, моря сняго	261
По-край моря, моря синяго	267
По крутому по красному по бережку	411
Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ	179
Полоса моя, полосонька	292
Полянка, полянка, дѣвочка моя	97
По Питерской дорожкѣ ѣхали обозы	317
Посажу я калинушку на круть бережочекъ	543
Постригись, моя жена немалая	391
Постригись, моя немалая	391
По тому-то было морю, морю синему	558
По улицѣ по широкой	552
По улицѣ по широкой	552
По Устрѣтенской большой улицѣ	51
Пошелъ же разудалый въ путь-дороженьку	127
Пошла наша Парана по студскую водицу	228
Поѣзжаетъ князь Михайло	107

	Стр.
Поѣхалъ добрый молодецъ	403
Поѣхалъ князь Михайло жениться	109
Поѣхалъ королевичъ на воеваньце	347
Поѣхалъ нашъ королевичъ на воеваньце	351
Поѣхалъ нашъ королевичъ на прогуляньце	344
Поѣхалъ нашъ королевичъ на разгуляньце	348
Поѣхалъ нашъ королюшка на гуляньце	345
Прв край было свята моря	511
Приневолили дѣвчонку	284
Просплася Лвонька	402
Протекало теплое море	583
Разбесчастная дѣвчоночка	286
Разнегодная дѣвчонка	196
Раскачалась въ бору грушица	356
Родимый ты мой брателко	338
Свѣтла звезда, она передъ мѣсяцемъ	206
Среди-то поля чистаго	378
Сидитъ воронъ, сидитъ черныи	453
Скажи, Дунюшка, скажи, любушка	180
Сколько я, добрый молодецъ, пѣшь не хаживалъ	581
Случилось мнѣ, доброму молодцу	191
Собирается королюшка на гуляньце	349
Собирается воръ Ванька разбойникъ	291
Собирается князь Михайло	97
Собирается князь Михайло	113
Собирается разбойничекъ по вечеру на разбой	279
Созывалъ король во танокъ дѣвockъ	358
Солдатушка-улары	426
Соловей кукушку обманывалъ	309
Соловей кукушку подговариваетъ	308
Соловей кукушку подговариваетъ	310
Соловей кукушку подговаривалъ	307
Соловей мой, соловей	431
Спрошу Ваня у тебя	95
Старик-то мой стародавнiе	192
Сталала, сталала дѣвчоночка	503
Сталала, сталала дѣвчоночка	505
Сталала, сталала дѣвчоночка мягкую постелю	504
Стоить кусть березы	499
Стругалъ стружки добрый молодецъ	192
Съ-подъ ели рѣка прошла	564
Сяду я, маадешенька, подъ окошечко	463
Тай-тай-аюй, ладо	565
Тамъ далече въ чистомъ полѣ	487

	Стр.
Тамъ за рѣкою, рѣкою разгорается	438
Те Богъ на помочь, красна дѣвица	549
Три года дѣвушка строй стропла	383
Туманы вы мои, туманушки, туманы вы мои разосеніе	493
Туманы, вы туманчики	494
Тутѣ князь-поживальъ господишъ Волхонскій князь	81
Ты, батюшка нашъ, батюшка	83
Ты, дубровушка, ты, зеленая	578
Ты, корчма, корчма	304
Ты, крапива ли, крапива зла-стрекучая	44
Ты, поле мое, поле чистое	469
У батюшки, у матушки жись молодець	521
У вдовушки было у ланицы	138
У воротъ Любовь стояла	184
У воротъ сосна раскачалася	354
У воротъ сосна раскачалася	355
У воротъ, у воротичекъ	356
Удалой имщикъ коня яоплъ	177
Уже за моремъ было за спніемъ	258
Ужь вы, горы, горы высокія, горы Воробьевскія	450
Ужь вы, горы ли, горушки высокія	474
Ужь вы, горы-ли, горы, горы Закубанскія	449
Ужь вы, горы мои, горы высокія	452
Ужь вы, горы мои, горы, горы Валдайскія	448
Ужь вы молодцы узаны	425
Ужь и чей это дѣтвиушка	213
Ужь какъ князь Романъ тутъ жену тердлъ	146
Ужь какъ валъ туманъ на сине море, на сине море	464
Ужь какъ шли, прошли солдаты	422
Ужь мы сидемте, ребятушки, во единый кругъ	510
Ужь на горкѣ возлѣ рѣчки	74
Ужь не я ли, дѣвка, знала	282
Ужь ты, горе мое, горе, горе казаково	210
Ужь ты, зимушка, зима	88
Ужь ты, зимушка, зима	89
Ужь ты, крапива-ли, крапивушка жигучая	39
Ужь ты, поле мое, поле чистое	417
Ужь ты, поле мое, поле чистое	470
Ужь ты, поле мое, поле чистое	471
Ужь ты, поле мое, поле чистое	473
Ужь ты, стень ли моя, стень Моздокская	433
Ужь ты стень ли ты мол, стень Моздокская	435
Ужь ты, стень моя, стень, стень Моздоцкая	434
Ужь ты, стень наша, стень Саратовска	436
У князя Володимира	127
У князя, у князя, у князи Волхонскаго	82

	Стр.
У колодезя у глыбокаго	165
У колодеца было да у студеннаго	313
У колодчика было у холоднаго	310
У колодца у студеннаго	160
У колодчика было у ключеваго	168
Уланы, вы гдѣ были-побывали	418
Улица широка на илзъ подалась	507
У лѣсика, у лѣсика у дремучаго	226
У меня ль, у красной дѣвушки	225
У насъ было во новомъ городѣ	185
У отца, у матери	339
У славнаго князя у Волхонскаго	57
У столба-столба новоточенаго	178
У тятеньки, у маменьки	333
Хвѣлюшка по выходамъ гуляеть	601
Ходила Параша съ горы на гору гуляеть	230
Ходилъ, гулялъ добрый молодець	181
Ходилъ-гулялъ добрый молодець, искалъ мѣсто доброе	414
Ходилъ молодець изъ орды въ орду	13
Ходилъ молодець изъ орды въ орду	26
Черезъ рѣченьку жердинушка лежала	561
Черезъ рѣченьку жердочка лежала	562
Черезъ рѣченьку жестяночка лежала	561
Черезъ рѣчку проходили	421
Черезъ рѣчку, черезъ быстру	223
Чесалъ казакъ кудерьки, чесалъ казакъ русыя	375
Чесалъ милый кудерьки	373
Чесалъ милый кудри	371
Что во полѣ было, полѣ	500
Что гулялъ молодець по Украинѣ	36
Что на славной было улицѣ на Дмитровскѣ	65
Что не бѣлая зорюшка	496
Что не стукъ-то стучитъ вдоль по улицѣ	241
Что не ястребъ совькался съ перелетюшкою	217
Что ни лютое коренье, то крапивное	123
Что подъ бѣлою березой гусарь-отъ убить	501
Что пошли наши казаки	509
Что-то свѣтитъ во всю почку	558
Что у насъ было на святой Руси	363
Что у насъ въ каменной Москвѣ вѣручили	361
Чья это келешка поенькая	387
Чья это келешка новенькая	387
Шли казаченьки походомъ	508
Шли матросы	316

	Стр.
Шли-прошан обозы	317
Шли солдатунки слободой	315
Бздилъ молодець изъ земли въ землю	28
Бздилъ Митрій Васильевичъ	236
Я печоръ лишь, млада, по торгу ли я была	566
Я гляжу, сижу подь окошечкомъ	154
Ягодка лѣсная подь закрышею цѣбза	83
Я живаль, бывалъ въ Казани, выросъ въ Астрахани	221
Я изъ рукъ, изъ ногъ каровать смоцу	223
Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую	45
Я не къ батюшкѣ пишу и не къ матушкѣ	202
Я по батюшкѣ дворику хожу	289
Я по березку хожу, хожу	389
Я пойду, молодець, съ горя на конюшенъ дворъ	209
Я ходила п гуляла	200

УКАЗАТЕЛЬ ПЬСЕННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ.

Цифры означают №№ пьсень.

- Возвращеніе: молодецъ возвращается къ худой женѣ 1—3, 5;—милой возвращается изъ службы 338—339.
- Горе пресѣдуетъ молодца 438—441, + дѣвцу 442—445, 447—448;—характеристика гора 446.
- Женитьба неудачная 1—5, 10, 280.
- Загадки: дѣвица загадываетъ загадку объ убитомъ молодцѣ 154—163;—молодецъ (дѣвица) загадываетъ загадки дѣвицѣ (молодцу) 449—468, 470—471;—турецкій паша загадываетъ загадки донскому казаку 469.
- Звѣри: птицы характеризуютъ себя п звѣрей 496—500;—склямавъ,—устимавъ,—пидрикъ—звѣрь бѣжитъ по степи 480—483, 485.
- Игра въ карты: дѣвица обыгрываетъ молодца 325—327.
- Избавленіе отъ смерти 1—2, 4—7, 10.
- Изгнаніе: отецъ прогоняетъ отъ себя сына 254, 256—257.
- Казни: король велитъ казнить молодца любовника королевы 1—2, 4—15, 17—18, 21—22.—любовника королевы 24;—князь Волхонскій казнить Вавьку ключника 25—47;—князь казнить камеръ-лакея 49—50.
- Канибульское угощеніе 154—163.
- Ковъ спорить съ соколомъ 491—495.
- Кража: Макарка крадетъ у купающихся дѣвицъ рубашки 323—324;—дѣвица обкрадываетъ молодца 311—322.
- Кровосмѣшеніе: братъ по невѣднью женится на сестрѣ 292—293;—братья-разбойники безчестятъ захваченную ими сестру 179—180, 182, 184—185.
- Любовь: Королевская дочь любить молодца 1—22;—болыриша любить холопа (лакея) 51—59;—королева любить молодца 23—24;—княгиня Волхонская любить Вавьку ключника 25—47;—княгиня любить камеръ-лакея 49—50.
- Мщеніе: дѣвица мститъ молодцу-любовнику 154—163;—князь Дмитрій мститъ дѣвицѣ за обиду 172—175.
- Обида: дѣвица наемѣхается надъ княземъ Дмитріемъ 172—175.
- Обманъ: казакъ обманываетъ шиварку 216—224;—молодецъ хочетъ обмануть и увлечь за собою дѣвицу 226—233, 241;—солдаты (матросы, купцы) хотятъ обмануть дѣвушекъ и увлечь за собою 234—240; дѣвица обманывается и обкрадываетъ молодца 311—322.
- Поле битвы 432—437.
- Постриженіе: дѣвица постригается 308;—невѣста утонувшато князя Василія постри-

гается 309;—мать постригает иль хочет постричь дочь 294—301;—мужь постригает жену 302—307.

Посѣщеніе: солдатъ-уланъ съ товарищами посѣщаетъ давно оставленную жену 330—337;—два герол посѣщаютъ вдову 340.

Похищеніе: казакъ увозитъ отъ матери еврейку Хайку 225;—бурлаки увозятъ дѣвцу обманомъ 244, 246;—молодецъ увозитъ дѣвцу обманомъ 245.

Превращеніе: свекровь превращаетъ невестку въ дерево 78—81.

Продажа: молодець продаетъ воиа 328.

Прощаніе: сестры и (жена) вращаются съ увѣжающимъ молодецмъ 254—261.

Птицы характеризуютъ самихъ себя 496—500;—соколы улетаетъ вслѣдствіе дурнаго обхожденія съ нимъ 48;—соколы спорить съ конемъ 491—495;—орелъ (воронъ, соколъ) спрашиваетъ ворона (сокола, орла) объ убитомъ молодцѣ 361—369;—орелъ теряетъ дѣтей и лишаетъ себя жизни 486;—вороны насмѣхаются надъ ольшавшомъ соколомъ 487—490.

Разбой: братья-разбойники убиваютъ зятя морянина 178—194;—мужь-разбойникъ убиваетъ и грабитъ родныхъ жены 196—213;—дѣлушки въ мужскомъ платьѣ бѣгутъ на разбой 310.

Смерть: жена королевича (казакъ) умираетъ 263—273;—извозчикъ умираетъ 345—349;—молодецъ (казакъ, солдатъ) умираетъ 341—355, 381—408;—полковникъ умираетъ 424—431;—молодецъ тонетъ въ рѣкѣ 280—290;—убитый молодець 356—380, 409—411;—убитый гусарь (казакъ) 420—423; дѣвца умираетъ 274—278.

Сонъ предвѣдательный: дѣвца или ея матери 172—175, — королевича 262—271,—казака 272—273, молодца (казака) 412—417; мать казака разгадываетъ его сонъ 418—419.

Убийство: мать монахиня топчетъ своего ребенка 177;—мать отравляетъ сына Василия и невестку Софію 82—88;—свекровь изводитъ невестку, жену князя Михаила 60—68;—свекровь превращаетъ въ дерево невестку 79—81;—сестра убиваетъ (отравляетъ) брата 133—140;—братъ убиваетъ сестру 176;—братья-разбойники убиваютъ зятя-морянина 178—194; мужь убиваетъ жену по клеветѣ матери 70—74, — по клеветѣ зятя 75, — по клеветѣ старца 76, — товарищей 77—78;—князь Романъ (Демьянъ) убиваетъ жену 89—96;—мужь (допской казакъ) убиваетъ жену 97—123;—Осдоръ убиваетъ жену Марю 124—125;—жена убиваетъ мужа 126—132;—дѣвца отравляетъ молодца 140—153;—дѣвца велитъ убить молодца-любовника 154—163;—дѣвца убиваетъ двухъ молодцевъ 164;—вдова изводитъ дѣвцу соперницу 165;—молодецъ убиваетъ любимую дѣвцу 166—171, 214—215, 247—252;—князь Дмитрій убиваетъ оскорбившую его дѣвцу 172—175;—казакъ сжигаетъ обманутую вѣтшикарку 216—224;—разбойники (воры) убиваютъ молодца 195, 253;—пушкаръ убиваетъ полковника 291;—народъ убиваетъ князя Данилу 262;—рѣка Смородина топчетъ молодца 280—283;—убитый молодець (казакъ, гусарь) 356—380, 409—411, 420—423.

Хмельъ жагуется на садовника 501—503.

Цѣна дѣвцы, молодцовъ, бабъ, старухъ, ребятъ 472—479.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ ВЪ ТЕКСТѢ ПЪСЕНЬ.

Цифры означаютъ №№ пѣсенъ.

Абрамъ, Абрамова любовница 123.	27—29, 31—33, 35—46; Ваюшка 21, 167;—Торопецкій 169;—ключникъ 30—33, 35, 37—44; Ваюшпина головушка 39.
Агая 125.	
Агафонъ 170.	
Аксинья 332.	Варварушка 192.
Акулина 323, 324; Акулинушка, Акулининъ дворъ 247.	Васпайъ 1, 82—86, 88, 322;—Буслаевичъ, 1;—князь 87, 195, 309; Васильюшка 82—86, 88, 456;—Водохлювъ 166;—князь 87; Васильева матушка 83—88;—вогилка 84; Васильевскій островъ, 326.
Алена 170;—Степановна, сестра князя Дмитрія 173; Аленка 170; Аленушка 173.	Верейское море 184.
Алешенька 253; Алешка 170.	Владимиръ, князь 84; Володимиръ, князь 78.
Анна Романовна, дочь князя Романа 89; Анючка 292; Анюшка 190;—дочь донскаго казака 102, 104;—дочь князя Романа 92;—дочь литовскаго короля 2.	Водохлювъ Васильюшка 166.
Архангельскъ 326.	Волга 145, 154—156, 246, 247, 249, 250, 255, 366, 421.
Астрахань 155, 160; Вострахань 476; астраханецъ 154, 158, 160, 163; астраханцы 243; астраханскіе кушцы 243.	Волконскій, Волконскій князь 25—30, 32, 35—45, 47, 48.
Афимья Александровна 172.	Волода 476.
Безополска Танюшка 124.	Волохъ 222, 223.
Благовѣщенье (церковь) 309; Благовѣщенская церковь 166.	Волхонскій, см. Волконскій.
Бухарская степь 367;—сторона 412, 414.	Вольнское море 65.
Буянь, островъ 457, 458, 484.	Воробьевія горы 362, 365.
Бѣградъ 177.	Вострахань, см. Астрахань.
Валдайскія горы 363.	
Ванька 420;—воръ-разбойникъ 210;—ключникъ 31—33, 38, 40, 42—44, 46; Валя 58;—воръ-разбойникъ 210;—ключникъ 27—30, 32, 33, 35—39, 41, 42, 44—46; Ваюша 15, 125;—воръ 57;—ключникъ	Голыцынъ, князь 348.
	Гребенской казакъ 220.
	Данило, князь 262.
	Дарья, рѣка 374.
	Дарюшка 124.
	Двина 93.
	Демьянъ, князь 94.

- Дмитрій, князь 173, 175;—Васильевичъ 175; Дмитріевъ, князь 436; Митрій Васильевичъ 172; Митрій, князь 174; Дмитревскій островъ 35; Митревская улица 25, 36; Дмитровка, Дмитровка, улица 34, 39; Большая Дмитровка, улица 27; Дмитровская улица 30, 42; Митровская улица 39.
- Дидра, рѣка 482; Дидль 481.
- Добрыня Никитъевичъ 282.
- Доина 172, 173;—Александровна 172, 174;—Фалеевна 173, 175; Домушка 175; Домнина матушка 172; Домнино тѣло 172.
- Донъ 195, 214—219, 221—224, 286, 288, 298, 341, 385, 393, 394, 401, 452, 469; Донокъ 215; Доушка 215; донской казакъ 97—99, 102, 104—108, 110—112, 114, 121, 122, 152, 165, 221, 222, 225, 369, 384, 385, 469, 498; съ Дону казакъ 217—219, 224, 286, 288, 393, 401; донскіе казаки 214—216, 225, 238, 497, 500; раздонской казакъ 109, 152; донскіе разбойники 195.
- Дунай 1, 29, 55, 56, 96, 112, 119, 142—146, 177, 198, 205, 206, 212, 213, 259, 260, 284, 285, 328, 397, 398, 432;—Ивановичъ 53; Дунаецкое море 497; Дунайское море 498—500.
- Дуня 97, 274, 275, 420; Дуняша 253; Дунашка 237; Дуношка 97, 122, 237, 274, 275, 277.
- Евгеньюшка, Еля, дочь купца Софорова 249; Енюшка 250.
- Егоръ, царевичъ 262.
- Егорова 468.
- Екатерина, жена князя Михаила 68. См. Катерина.
- Екатеринбургская дорога 351.
- Елена, дочь литовскаго короля 4, 5;—королевская дочь 19, 20, 256.
- Жидовка 225.
- Закубанскія горы 364.
- Зарена, рѣка 333.
- Иванъ 122, 129, 176;—Егоровичъ 316;—ключникъ 31; Иваны 176; Иванушка 122, 126, 127, 129, 176;—ключникъ 28, 31, 36; Иванюша, ключникъ 36. См. Ванька.
- Измайлово, село 48.
- Изяомъ, городъ 349.
- Изяль Муромецъ 262.
- Индерскія горы 414.
- Иртышъ 69.
- Кавказъ 220.
- Казань, городъ 160, 226—235, 243, 246, 476, 501; казанецъ 154, 158, 163; казанцы 243; Казань, рѣка 230—232; Казанка, рѣка 226, 228, 229, 233, 236; Казаночка, рѣка 227.
- Камышинская стена 98, 366.
- Карова 293; Карповна 292; Карповъ 292, 293.
- Катерина, жена князя Михаила 61, 63, 64, 67, 68; Катенька, дочь купца Софорова 247; Катя, Катюша, дочь купца Софорова 251; Катюшенька 57; Катюшо окошко 425. См. Екатерина.
- Кивачъ, рѣка 69.
- Киргизскіе кони,—мурзы 434.
- Китай-города 87.
- Кіевъ 82—84, 178, 179, 190, 193, 293; Кіевская дорога 144—146, 311.
- Кізянъ, море 179.
- Козельскъ, 167.
- Коломенскіе извозчики 346—348
- Краснощекое 490.
- Кремль, городъ 22.
- Кроштатъ 245.
- Кубань 364, 394, 395, 402; Кубанушка 393, 394, 401; Закубанскія горы 364.
- Куляково болото 5, 8;—поле 9.
- Кунавино, село 249.
- Кухтурская дорога 351.
- Купалы 176.
- Кура 436.
- Курская дорога 343;—земля, 195.
- Латвильскій король 22.
- Ливонья 316.
- Литва 1, 2, 5—12, 15; литовская земля 4, 5;—королевична 3; литовскій король 1, 3—5; литовское мылечко 470; политовскіе сторожа, политовскій король 6
- Литонскій король 22.
- Лодейное прибилице 326.

Любовь 125.

Людмилашка 455, 456.

Магарь. Макарка 324; Макарша, Макар-шенка 323; Макарьевскіе пески 247; Макарьевскія степи 248, 251; Макарьевская ярмарка. у Макарья въ (на) ярмаркѣ 247—252.

Малкъ 436.

Марко 124.

Марья Васильевна 172;—Ивановна 322;—дочь князя Романа 91; Марусенька 264, 266, 423;—жена казака 272, 273;—королевича 263, 267, 271;—старая баба 265; Марьяшечка, жена королевича 270; Марьюшка, дочь князя Романа 93; Марюшка 124; Маша 52, 145; Машенька 52, 145; Марыша, Марышевая роща 171.

Матронушка 455, 456.

Марва 124, 125; Марѳеонька 125.

Машковъ 247.

Меженецкій, князь 376.

Митрій, Митревская, Митровская, см. Дмитрій.

Михаилъ, князь 61, 62; Михайло князь 60—69; Михайловна 96, 442.

Моздокская степь 345, 347; Моздоцкая степь 346.

Можай 330, 331, 336, 337; Можайскъ 332.

Молодецъ Молодцовъчъ 262.

Москва 25, 27, 28, 30, 33, 39, 41, 43, 104, 114, 129, 130, 195, 210, 238, 275, 281, 282, 331, 332, 335—337, 344, 348, 349, 355, 357; Москла, рѣка 283; москволка 171; москволская гостя 171; Москволская дорога 139, 142—145, 238, 240, 341, 378, 379; москволскіе сенаторы 377; москволское мылечко 470; москволское царство 357; подмоскволскія горы (Воробьевскія) 365.

Мошковъ 249, 250.

Мурзавецкій колья 432.

Мицанская улица 130.

Мясницкая улица. Мясницкія ворота 357.

Падеждушка 455, 456.

Пазаръ 428.

Пастасья 175, 186;—Васильевна, сестра князя Дмитрія 175;—Красивая, дочь короля

полятовскаго 6; Пастасьяшка 175; Пастешка 319; Пастасьянъ дворъ 175.

Пена 94, 344.

Петлябискъ, городъ 339.

Пиккола (по Пиколь по приходѣ) 310.

Повгородъ 189.

Пѣпречка, рѣка 481.

Обазвиль сямъ 241.

Океанъ, море 457, 458, 484, 486.

Параня, Паранюшка, 166—168; Парата, Парашенька 168, 169; Паша 168.

Перекраса, королевична 17.

Персія 220.

Петербургъ 249; Петербургская дорога 146, 341; петербургскій журавль 499.

Петергофская дорога 142.

Петръ Первый 179, 281, 304, 408.

Питерь 36, 104 114, 129, 130, 268, 330, 331, 336, 337, 348; питерская дорога 139, 142—145, 236, 239, 377.

Повольскій атаманъ 246.

Подоль 194.

Попровское село 338.

Политовскій король, политовскіе сторожа. см. Литва.

Польша 224; Полякъ 216—218, 220—224; польская корчма 216, 217, 221—225.

Пруссакъ 220; прусская земля 8, 263; прусскій врагъ 386; прусскій король 8, 16.

Прутскій король 23; прущій король 268.

Раздонецкой казакъ 109, 152.

Россиюшка 357; россиіскій купецъ 224.

Русакъ 217.

Русая земля 403.

Русь 7, 41, 282, 349—350, 357, 381—383, 406, 422, 470, 497—500; русская воля 260;—земля 386, 391, 484; свято-русская земля 22; русскій 195; русскіе богатари 6; русскія птицы 496, 497, 499.

Романъ, князь 89—93, 95;—Васильевичъ 89.

Салфел, Салфеюшка 88.

Саратовъ 42, 102, 126, 127, 191, 345, 377; Саратовская степь 98, 102, 103, 114, 121, 257, 348, 349, 366, 415, 416; Саратовскія степи 361, 362, 365.

- Сарайтоскія степи 364.
 Саша 397;—дочь князя Романа 95; Сашенька 155, 159, 397, 402;—дочь князя Романа 95.
 Саврекая украинка 6.
 Свято-русская земля 22.
 Семіонъ 170.
 Сибирь 118, 476.
 Сибирскъ 253.
 Смодинъ, городъ 241.
 Смородина, рѣка 89, 90, 280, 282, 283, 438; Смородинка, рѣка 49, 91, 280, 281.
 Софя, Софеюшка 83; Софія, Софіюшка 84—87; Софя, Софюшка 82; Софя (церковь) 61; Софіина могилка, Софіюшкинъ гробъ 84.
 Софионовъ, купецъ 249.
 Софроновъ, купецъ 247, 248, 251.
 Снасъ 168.
 Стрѣлецкая улица 129.
 Суздаль 306; Суздальская дорога 305.
 Сула, рѣка 147.
 Сура, рѣка 133.
 Сънная площадь 33.
 Татаринъ, 6; татаровья-улановья 4; татарская бесѣда 4; татарскія розги 195.
 Татялинушка, Татя. Татюшка 464; Безоновокъ Татюшка 124.
 Тверская дорога 143; Тверская-Имская дорога 139.
 Томскіе куницы 240.
 Торонецкій Ванюшка 169.
 Тульская дорога 146, 343; Тулякъ 218.
 Турецкая земля 152, 354, 355, 403; турецкая сабля 385; турецкій нама 469; турецкое море 232; турецкое мылечко 470; турецко-сафьянъ 438; Турецина 369; Турецина 262; Турокъ 262, 319.
 Тюмень, Тюменюшка 240; тюменская дорога 351.
 Украина 11, 12.
 Ураль, гора 430;—рѣка 396, 398; уральскій казакъ 239.
 Успенская улочка 43.
 Устилья 171; Устишка 276; Устипа душа 276; Устильина мамка, Устильина подружки 171.
 Устрѣтенская улица 26.
 Утва, рѣка, Утвинскія горы 433—435.
 Французская земля 485.
 Хайка 225; Ханчка 217.
 Хивинскіе мурзы 434.
 Царицынъ 345 — 348; Царицынская стѣна 366.
 Черкесь (у Снаса у Черкеса) 168.
 Чеченецъ 409.
 Чечоточка 186.
 Шахара 484.
 Шахматовъ, купецъ 126.
 Шведская земля 354;—сила 355; шведскіе корабли 232; шведскій король 7, 9.
 Шемаханскій великъ 161.
 Шляховская дорога 343.
 Щенная площадь 355.
 Эмба, рѣка 392.
 Юрій, Юрьева дочка 310.
 Янсъ 480; Янкушка 414, 480.
 Имская (Тверская-Имская) дорога 139; Имская площадь 354.
 Яшка 171.
 Ярославъ 145.
 Яхеръ 484.
 Оедры 124; Оединька, Оедя 125.

СЛОВАРЬ МѢСТНЫХЪ СЛОВЪ.

Цифры означаютъ №№ страницъ.

- Аллеяной 456—линейной.
- Байна, баенка—баля.
- Бажонъ 497, 499—милой.
- Баской—красивый.
- Басонская работа 439—по изготовленію басона, тесьмы.
- Басоницкѣ 439—работающій басонъ.
- Безвременный 283—несчастный.
- Безкрѣпшый 499—не имѣющій угла.
- Безкрылечный 460—безкрылый.
- Бережистая рѣка 106—съ высокими берегами.
- (въ) беремяхъ 499—въ оханкѣ, въ объятіяхъ.
- Бесѣда 308—скамейка.
- Божатунка 299—крестная мать.
- Бувка 82—кладбище.
- Бувѣть 379—теплѣть, чернѣть.
- Бѣдность 418, 490—несчастье.
- Бѣлотравчатая рубашка 65—съ бѣлымъ узоромъ.
- Вараидать 497—тлѣвать.
- Велен 3—тапел, шашки.
- Верва, вервь, вервица 449, 450, 453—сплошная драва.
- Вервяный 243—пеньковый, перевочный.
- Верещага 498—болтунь, трещотка.
- Веселый 497—скоморохъ.
- Ветловой 246—сдѣланный изъ ветлы.
- Ветляный стружокъ 308—сдѣланный изъ дерева ветлы.
- Взѣваться 75—разсердиться.
- Виноходый, виноходный конь 26, 354, 355—виноходецъ.
- Водоливецъ 496—старшій надъ бурлаками въ баркѣ.
- Возбѣченный конь 98—много битый по бокамъ.
- Возжанка избушка 325—изъ дерева таволги.
- Врѣзнить 183—впередъ, вбросить.
- Ветрѣнуться 117—снохатиться.
- Въ-очью 12—открыто, въ глаза.
- Вытлюкъ 498—птица въ родѣ кулика.
- Выходъ 71, 78—подвалъ.
- Вьюничкѣ 1—мальчикъ.
- Вьюнышъ 3—мальчикъ.
- Вѣщенать 428—предчувствовать.
- Голелая парча 88—чистаго золота.
- Гора 500—суша.
- Горкать 471—ворковать.
- Грибы у рубашки 324—кружева.
- Грядка, грядочка 1, 2, 3, 90, 96—шесть прикѣпленный къ стѣнамъ избы для вѣшанья платя и т. п.
- Грядочка 29—перекладина.
- Долить 317—одождать.
- Дородній молодецъ—видный, красивый.

Доступить 171—добыть.
Дрокушка 2, 439—вѣта.
Думчій, думшій 26—думный.

Езница 377, 378, 379, 386, 424—ель.
Ероль 340—герой.

Желаница 260—добрая, милая.
Желна 496, 497—черный дятель.
Жестянка 473—жердь.
Жога 172—птица дубоносъ.
Жульть 497, 499—пѣтъ.

Завдалой 153, 215—удалой.
Заводъ, заводье—заливъ.
Заполоченное поле 436—изборочанное.
Загануть загаду 160, 451, 460—загадать.
Задаться 438—пойти въ казачу.
Заключица 246—уключица.
За-очью 12—заочно.
Заручить 405—сватать.
Застрѣха 496—нижній край крыши, желобъ.
Затеплать топлину 193—развести огонь.
Затрестье 1—часть воды, которая покрыта трестомъ, тростникомъ.
Звичный 26—звичный.
Здучать-гривчатъ 370—стучать.
Зелъка 498—двоица, колыбель.

Идѣ—идѣ.

Казакъ 497, 500—батракъ, работникъ.
Калина 65—раскаленіе.
Калужина 281, 282—лука.
Камчатный, камчатый—изъ камня.
Канюкъ 497, 498—полевой коршунъ.
Карга 487—ворона.
Квѣтъть 455, 456—цвѣтитъ.
Кита 495—стебель.
Китайчатый 380—цвѣтъ китайки, темно желтый.
Ковыла, ковыль—ковыль-трава.
Колубель 76—колыбель.
Комонъ 309—комъ.
Коввала 497—самка глухаго тетерева.

Косевчатый 8, косивчатый 4—косица-тый.

Косная притока 99—съ коскамп.
Косникъ 479—лента въ косъ.
Косивчатый 1, 172—косицатый.
Кощъ 352—палатка, кибитка.
Кружалло—кабакъ.
Кузлевал береза 58—кудрявая.
Куна 231—куница.
Кура 484, 485—пыль.
Кучерявый—кудрявый.

Ладо, ладушка—мизый, милая.
Леденье 451—ледышка.
Ложить—класть.
Ляный 324—лыняной.

Матерял баба 281—плотная, дородная;—ий дубъ 480—старый.
Мень 177—рыба налима.
Мизная дочь 22—меньшая.
Младѣй 61—младенецъ.
Младеля 65—младенецъ.
Мошетка 2—бусы, озерце.
Морхъ 467—кисть, бахрома.
Морянинъ 178—193—купецъ торгующій за моремъ.
Мостовина—очка 284—доска въ мостѣ, доска служащая мостомъ.
Мостъ 1, 439—поль въ избѣ.
Мошникъ 497—глухой тетеревъ.
Муравленая пень 91, 98, 140, мурапаа 100—поливанная, глазурированная.
Мутный 502—печальный.
Мыльня 61, 62—баня.

Наборная узда 345—съ бляхами.
Наволокище 6—низкій берегъ, обыкновенно поросшій травой.
Назола, назолушка—тоска, досада.
Назолецъ 396—зола, пепель.
Наконъ 5—разъ.
Наметка 176—женскій головной уборъ.
Наряжатый 472—распорядитель, нарячикъ.
Насерддка 64—злоба.

- Наступчивый конь—280, наступчатый 282—съ твердой поступью.
 Повина 428—грубый холост.
 Подья 182—место въ зѣбу съ огонькомъ для печевки.
 Оборка 244—веревка у лаптей.
 Обротать 328—надѣть недоуздокъ.
 Огнева 441—горячка.
 Одипакій 185—одинокій, единственный.
 Ожуреная чара 438—поданин съ оскорбленіемъ.
 Окручать 398—обвинчать.
 Осолошиться 432—испугаться.
 Охвочъ 1—охочь.
 Охвать 498—прибирать, оплывать.
 Очестливый 25—възжальный.
 Ошестокъ 498—шестокъ.
 Пашля, пашница 180, 185, 188—бѣдняга.
 Пельчатый рукавъ 298—съ запонкою, съ пуговницею.
 Переводъ 30—перекладина.
 Переметь 477—петля.
 Перелое крыльцо 5—съ балъсамъ.
 Перепасться 61, 183—испугаться.
 Пещорый зѣвъ 221—съ пещерами.
 Питная ендова 160—для нитя.
 Побѣдный голосъ 498—печальный; — ая птица 498, 500—несчастная.
 Побѣдушка 103—бѣда.
 Поглядиться 3—понѣзжиться.
 Погощанвѣ, погощанка 498—живущій на погостѣ, принадлежащій къ церковному причту.
 Подоблочье 439—подъ облаками.
 Подорожничекъ 138—стаканъ для дороги.
 Покаяный 172—крючковатый, пригнутый къ низу.
 Полветиться 3—воласкаться.
 Полохаться 369—пугаться.
 Полтретьяста 330, 332, 334, 474—дѣсти пятьдесятъ.
 Поразбракаться 5—разболтаться.
 Поршень 498—вожанный лапоть.
 По порядкамъ 330, 331, 334, 336—рядамъ.
 Порядня 497—хозяйство.
 Порядовый сосѣдъ 186—почтенный.
 Потерять—погубить.
 Потравить 493—ѣсть.
 Потребвить 179, 180, 185, 378—убить.
 Почестный впръ 438—почетный.
 Прибѣглице 326—пристань.
 Пригонъ 398—загонъ для скота.
 Призагунуться 121—успокоиться, затихнуть.
 Приличное слово 438—възжливое.
 Прискудаться 341—захворать.
 Прочкнуться 321—очнуться, проснуться.
 Протаможникъ 497—таможенный чиновникъ.
 Пукля соломенная 173—букля, заптокъ.
 Пяла 76—пяльцы.
 Ражая кровь 380—свѣжая.
 Размычать 140—подслащать.
 Рель, релзи, релъи—вѣшлица.
 Ремезъ, ремезей 416—птица въ родѣ синицы.
 Рогозья 441—рогожа.
 Рогозинный тулунъ 438—изъ рогожи.
 Розстать I—распутъе.
 Руда 29, 41, 417—кровь.
 Свзлеватое дерево 377—съ перевитымъ слоямъ.
 Се 64—воть.
 Сжахнуться 35—испугаться.
 Смеретка 7—смерть.
 Становщикъ 212—разбойникъ.
 Старочка 302—старца, монахня.
 Столочить 308—вытоптать.
 Стопочка 251—деревянный гвоздь въ стѣнѣ.
 Стрѣлица 176—стрѣлка, стрѣла.
 Стрѣннуться 116—схватиться.
 Суслоць 500—сложенные сныи.
 Сюзь 440—дружба.
 Табуръ 398—узелъ, петля.
 Тавля 325—шашки.
 Тавокъ 279—танецъ.
 Терять 89—губить.
 Торжника 475—базаръ, рынокъ.
 Точьяный 280—тесмяный, изъ тесмы.

Травники 497, 498—птица въ родѣ кулика.
Трубачей 496—трубачь.
Тупица 442—топоръ особаго рода.
Туржняя баба 439—распутная.

Увиймать 215—увимать.
Угожество 231—красота.
Узголове 164—возголове, изголове.
Упавъ молодецъ 438—красавецъ.
Урочное мѣсто 492, 494—условленное.
Устрѣяуть 272—встрѣтить.
Уторъ 502—парѣзка въ деревянной посудѣ
для вставки дна.

Хпасти 10—издоръ, ложь.
Хмара 371—гуча.
Холостой погребеъ 126—пустой.

Цѣвка 245—катушка, на которую наматы-
вается что нибудь.

Мнѣ чало 298—мнѣ чайлось, думалось.
Часопать 124—умирать, быть при смерти.
Чердакъ 308—каюта на суднѣ.
Чумбуръ 385—поводъ.

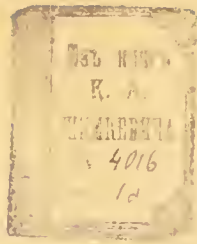
Шаберъ 98—сосѣдь.
Шинювая телѣжка 345—съ шинами на
колесахъ.

Щекотать 498—вѣть.

Ягодица 439—щека:
Яровина 464—яровой хлѣбъ.
Яровое вино 88—изъ яроваго хлѣба.
Ярыга 356—бродяга, мошенникъ.
Ярыжная баба 438—безпутная.
Ясакъ 497—условный крикъ.
Ясмень соколь—ясный.

11
17

SD -
3783 -
15 x 6

Матасна 22
4. 250
10, №

PG Sobolevskii, Alekseĭ Ivano-
3113 vich (ed.)
S63 Velikorusskiĭa narodnyĭa
t.1 piēsni

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

